София Прегель

МОЕ ДЕТСТВО

Том III

НОВОСЕЛЬЕ
ПАРИЖ
1973

София Прегель

МОЕ ДЕТСТВО

Том III

64.

Мне придется засесть за уроки. Но с чего начать? Начну с самого легкого, с французской басни о двух голубях. Я ее когда-то учила с сестрой мадмазель. Сама мадмазель не любит басен. Они не такие поэтичные, как Ламартин. Зато сестра ее впихивала мне в голову одну басню за другой. Все они были полны нравоучений. Сестре мадмазель это нравилось. Она против легкомыслия и осуждает нашу мадмазель и ее женихов. Но меня тоже считают легкомысленной, и я трачу больше, чем полагается. А кто знает, сколько полагается? Это зависит от натуры. У Вовы широкая натура, и он умеет последний рубль поставить ребром. Так про него говорят близнецы. Прежде, чем заплатить, они жмутся и, наконец, один из них вытаскивает кошелек и долго ищет. Денег всегда нехватает и кто-нибудь приходит на подмогу. А Вова расплачивается, как миллионер, и потом он умеет давать на чай. Это целая наука. Близнецы сказали, что нужна не только способность, но и тренировка. А у них ни того, ни другого.

Но когда ж это Вова успел натренироваться? В рестораны он пока ходит с родителями или с приезжими родственниками. Есть, очевидно, другие места, где дают на чай. Сын артиста тоже умеет делать широкие жесты. Он научился этому не у своего папы, — о нет! — а у Владимира Николаевича Давы-

дова. Сыну артиста он подарил перчатки для бокса и тот без конца восхищался его размахом. Помощнику режиссера, Мишеньке, Давыдов преподнес три галстука. Бедный Мишенька растрогался и перепутал все выходы. Мне это понравилось. Я ведь помешана на подарках. Смотрю в окна магазинов и мысленно выбираю. Недавно в окне магазина Альшванга я выбрала блузку для Мати. Она была цвета крем-брюле и вся в мелкую складочку. Когда-нибудь я куплю ее Мате. Я надеюсь, что мода до тех пор не изменится. Вове я таким же способом купила часы Поля Буре. Это самые дорогие часы и на них сеточка, чтоб стекло не разбилось. С часами легче, они вряд ли выйдут из моды, и я, когда придет время, подарю их Вове.

По-настоящему я могу покупать только у Александровского, это мне по карману. И иногда у провизора Гейликмана. Но что будет, если мы переедем? Придется расстаться с Александровским. Такого магазинчика я больше не найду. У Александровского мне разрешается осматривать все полки и рыться в ящиках с открытками. Иногда я беру с собой Асю, но она стесняется. Она не понимает, как можно так нахально лезть за прилавок. Хочу напомнить ей, что в их дачной лавочке она распоряжается, как хозяйка. Но Ася, как я и как все другие, не любит, чтоб ей напоминали. Хотя она недавно мне напомнила, что в галантерейной торговле Борнштейна я по ошибке чуть не утянула катушку номер сорок. Это чистая фантазия. У старухи Борнштейн и при желании ничего нельзя стянуть. За очками в металлической оправе такие острые глаза, что они всех и каждого видят насквозь. А как можно обойтись без сухариков из булочной в доме Никулина? Меня посылают за ними, когда приходит мадам Ашевская. Но я тороплюсь уйти. Мне надо дослушать рассказ о двух выкрестах. Они танцевали со свитком Торы на глав-

ной улице местечка. А в это время их мать плакала счастливыми слезами. Никто не знает столько смешных и невероятных историй, как докторша Ашевская. Трудно поверить, что они умещаются в ее продолговатой голове. Одна история переходит в другую и это может длиться часами. В какой-то момент она спохватывается: ей нужно сделать еще два важных визита. Мадам Ашевская не ходит в гости, она приходит с визитом, как полагается жене врача. То, что муж ее врач, она подчеркивает на каждом шагу. Наша гимназическая докторша никогда не говорит о своем муже, а он ведь тоже врач и практикует в том же кабинете, что она, но в другие часы. Если б я стала врачом, то ни за что не вышла бы замуж за доктора. Я хочу, чтоб моя профессия была окутана тайной. Сын артиста не захотел рассказать мне, как он перевоплотился в Тартюфа: это его профессиональная тайна. А Вова не прочь был со мной поделиться, но в конце концов он заявил, что слова бессильны. В роль вживаются. Это относилось ко всем ролям: тем, что на сцене и тем, что играют в жизни. Левочка, например, разыгрывает из себя фата. Он фатоват. Что это значит, Бог его ведает! Но Вова дал мне понять, что отличительный признак фата — нафабренные усики. Впрочем, бывают и безусые фаты.

Матя исполняет, но без большого успеха, роль пианистки. Когда ее просят сыграть, она отвечает, что неготова. Это длится годами. Я не думаю, что она когда-нибудь будет готова. Ее музыки недостает главного. Про Тубенкопфа Вова выразился, что он всегда, как на подмостках. Он повторяется и себе противоречит, но никто его не останавливает. Жена и сестра жены не смеют подать голос. Они должны притворяться, что слышат это в первый раз. Яков Соломонович, ничего из себя не представляет. Он такой, каким его создала природа, потому что людей

создает природа, а не Бог, как я думала еще совсем недавно. Яков Соломонович большой, грузный и симпатичный, хотя Бог не дал ему особого ума. А с тем, что ум от Бога согласны даже близнецы. Когда в одну из суббот я шла с Таней по Дерибасовской, мы встретили Якова Соломоновича. Таня спросила: «Что это за чудовище?». И я тут же ее возненавидела. Еще сильней я ненавидела себя. Вместо того, чтоб Тане наложить по первое число, я начала что-то бормотать. Было похоже на то, что я оправдываюсь.

Чтоб задобрить Таню я говорила, какой у Якова Соломоновича музыкальный сын: он насвистывает арии из Риголетто и Кармен. Но Таня не смягчилась: «Свистят плохо воспитанные люди и неучи». Она не может себе представить, что Готфрид Гальстон способен был насвистывать. Главное, что про сына я все выдумала. Надо было сказать, что Яков Соломонович добрее и симпатичнее всех таниных знакомых. И даже родственников. Но это пришло мне в голову позже, когда мы с Таней распрощались. Мне казалось, что меня поджаривают на медленном огне, и я дала себе слово быть прямой, честной и никогда не теряться. Это нелегко. Когда я слышу, как дочка доктора расписывает достоинства своей семьи, мне тоже хочется прихвастнуть. Но стоит соврать и меня сейчас же разоблачают. А дочке доктора все сходит с рук. По ее словам она чуть ли ни каждый день бывает в опере. Все это ложь или, как говорит Ланя, брехня.

У них в Полтаве принято так говорить. Ланя уже забыл отца и его штучки и ему кажется, что в Полтаве все было прекрасно. При доме сад, а в нем вишни, сливы, смородина. Но у нас в доме есть палисадник. Ланя смеется, как будто его щекочут под мышками: «Хорош палисадник, нечего сказать! Одно несчастное дерево и немножко сорной травы». — «По-

чему сорной?». Но Ланя не признает ни куриной слепоты, ни растения, покрытого мелкими пупырышками. Ему подавай вишню и сливу. У него короткая память. Он забыл, что ему не позволяли близко подходить к фруктовым деревьям. Ланя замечает мое колебание и ему хочется, чтоб последнее слово осталось за ним. Он обещает взять меня в Полтаву. Ну, что ж, я готова ехать хоть сейчас. Все равно куда, лишь бы ехать. Если б мне предложили прокатиться на телеге, я и то бы согласилась. Когда на даче у Аси мы ехали на линейке, все кричали: «Ах, какой ужас, мы сейчас перевернемся!». А тетя Ився говорила, что у нее растрясло внутренности... Только я одна восторгалась и приглашала других восторгаться.

Тетя Ився негодовала: «Что за красота, голая степь и ничего больше!». Я не виновата, что она не умеет смотреть. А я вижу дом и сад, такой крохотный, что обязательно наступишь на клумбу. В нем живут белоголовые дети и мужчина в косоворотке. Ноги его упираются в клумбу, а дети машут нам и кричат: «Здравствуйте!». Тетя Ився теперь, наверное, подобрела. Она не очень счастлива. Ася сказала, что муж требует, чтоб она была светской дамой а тете Ивсе не хочется. Она предпочитает няньчить своего неудачного ребенка. Из-за этого у них ссоры и драмы. Но тогда, на лимане, тетя Ився не была несчастной. Она каждую минуту поглядывала в карманное зеркальце и любовалась собой. Лидуся, дочь лавочницы, от нее не отставала. Она всюду таскалась с бывшим ридикюлем. В нем было: немножко пудры в желтой коробочке, несколько беззубых гребешков, одна подвязка и много других вещей. Я это высмотрела, когда Лидуся перекладывала сумку. Она была бы очень недовольна, если б узнала, что я могу перечислить все ее богатства.

У нас в классе некоторые закрывают корзинки с

завтраком на ключ. Это обыкновенные корзинки, но к ним привешен замок. Однажды Берта Креде потеряла свой ключ и ей пришлось остаться без завтрака. Васса предложила взломать замок, но она не решилась. Она боится своей бабушки из Мекленбурга. Та чуть что требует, чтоб Берта сняла штаны и потом она вынимает из под подушки узенький багажный ремешок... Берта показала, какой он ширины. Но когда бабушка будет совсем старенькая и сгорбленная, Берта уморит ее голодом. А сама в это время будет объедаться птифурами от Фанкони. Берта злопамятная: она помнит каждую обиду. На другое у нее нет памяти. Она никак не может запомнить, когда призывали варягов. Берта сказала мне, что не понимает, почему их призвали? И не все ли равно, в каком году это случилось? Она отчасти права. Я тоже против годов. А Вову и сына артиста их историк просто загонял вопросами. У него все основано на хроналогии. Ни одной даты он еще не подарил. И не дай Бог принять Людовика четырнадцатого за пятнадцатого! Тот сказал: «После меня, хоть потоп», и это подхватили Вова и сын артиста. Они хотят жить сегодняшним днем. И все из-за классного наставника. Он так часто повторяет, что учащиеся должны в будущем стать полезными гражданами и работать на какой-то ниве, что назло ему никто не хочет работать на ниве. И что это за нива? Наверное, не та «нива моя, нива», а грязный вытоптанный пустырь...

Классный наставник напоминает мне нашу начальницу и ее Короленко, который даже не подозревает, сколько раз спасал нас. Стоит ей заговорить о Короленко, и она забывает обо всем на свете. Завтра я ее увижу. Первый урок — английский. Мечтаю о том, что меня вызовут. Я подготовлена Вовой и значит, все в порядке. Он помог мне перевести мой первый английский рассказ: «Маленькая Эльси

больна. Сестра ее Мэри, купила ей розу...» Это правильно. Мне тоже преподносят цветы, когда у меня серьезная ангина или другая тяжелая болезнь. Начальница может придраться к моему произношению. Но я ведь не англичанка и не обязана трогать верхние зубы кончиком языка. С французским гораздо проще: надо говорить в нос. А с немецким языком совсем легко: говори, как хочешь.

Уроки я приготовила наполовину. И все-таки Таня будет удивлена. Она не подозревает, что в моей жизни наступил перелом. Теперь я не буду такой легковерной дурой, как в последнее время. Я понемножку стала понимать, что важно и что второстепенно. Хватит поддакивать Тане, когда она начнет свои рассуждения о Шумане. Постараюсь узнать, как долго она намерена им увлекаться? Но «Карнавал» я ей подарю. Из-за него придется пойти к Густавсону. Конечно, я не так им увлечена, как Таня, но он похож на Вольдемара Гаррисона и поэтому я имею право быть к нему чуточку неравнодушной.

У Мати все принимает грандиозные размеры. Ей нравится, когда у мужчин высокомерный взгляд и что-то волевое в лице. Улыбка должна быть презрительной, а ответы ядовитыми. Раньше у Мати был другой идеал: ей нравились борцы за справедливость, вроде Зиновия. Но она в них разочаровалась. Это простые обыватели. Вова торжествует: он ее предупреждал. Новый матин идеал еще меньше ему подходит, но он не торопится ее разочаровывать. Само пройдет! В конце концов Матя соединит свою судьбу с каким-нибудь типом «а ла брат тети Мани»: в двойных очках и теплом нижнем белье.

Но как можно соединять одну судьбу с другой? Это кажется мне подозрительным. Прачка Оля уверена, что у каждого своя судьба. У нее — гнуться над лоханкой, а у других — разъезжать в каретах.

С ней никто не спорит. Только Геня прибавляет, что у нее судьба не как у всех: она замужняя незамужница. А сестра ее вздыхает так тяжело, что отскакивает крючок на одной из юбок: «Какая у нее судьба, не дай Бог никому! Все болит — руки, ноги, спина и конца этому нет». Очевидно Вова говорил о другой судьбе. В обыкновенную судьбу он не верит. По его мнению, каждый человек — кузнец своего счастья. Близнецы это подтверждают. Они рассчитали, что Вова поведет их в кондитерскую. Они бы, наверное, с ним не согласились, если б у них не было низменных рассчетов. И Вова, действительно, ведет их к Исаевичу: «Чорт с ними, пусть лопают, ему не жалко!».

Но когда старший близнец хочет на пари съесть две дюжины пирожных, Вова пугается. На это его капиталов не хватит. Странно, что близнецы всегда хотят есть на пари. Каждый из них накладывает полную тарелочку пирожных. Потом они вдвоем выпивают целый графин воды, не какой-нибудь, а из артезианского колодца. Мадам Исаевич, не отрываясь, следит за ними. Они у нее на плохом счету. Абсолютно она доверяет только Галкину. А он томится от желания стащить пирожное. Но совесть первого ученика не позволяет ему надуть старуху Исаевич. Бедный Галкин, Вова его жалеет! Если Галкина разбудить ночью, он без запинки отбарабанит все, что напечатано в ученическом билете. Галкин ни на минуту с ним не расстается.

Я мой ученический билет постоянно забываю. Его нужно носить при себе, но есть столько других, более важных предметов. Один раз случилась неприятность: у Исаевича попросили показать билет. А я, конечно, оставила его дома. Старуха Исаевич заупрямилась. Она не даст мне скидки, мало ли кто выдает себя за ученицу. Как я не доказывала, что она меня

отлично знает, ничего не помогло. Пришлось уплатить по четыре копейки за пирожное. Она это сделала нарочно, чтоб досадить мне. Близнецы говорят, что ей вожжа под хвост попала. Не думаю, чтоб у нее был хвост, и вообще, это звучит неприлично. Я боюсь повторять. В словечках близнецов всегда какой-то скрытый смысл. Испорченный Шурка знает массу таких слов. Он их писал на заборе. Но когда до Вовы дошло, что мой знакомый мальчик пишет на заборах, он сказал, что оторвет ему уши. И это еще самое легкое наказание. За такие вещи отправляют в дом для малолетних преступников. Оттуда они выходят взрослыми преступниками, но пока суд да дело, им здорово достается.

Мне стало жалко Шурку, и я решила его предупредить. Но стоило мне открыть рот, как он на меня набросился: «Он не позволит, чтоб так клеветали. Он сам может всякого посадить в тюрьму». Я была не рада, что пожалела его. За это он меня чуть не съел. А Эльзуня перестала со мной разговаривать. Теперь — это парочка. Я уверена, что они целуются, но пока их никто не накрыл... Слава Богу, уроки танцев кончились и мне не нужно встречаться с завистливой Эльзуней. Больше не будет ни па-де-катра, ни польки-кокетки! Но зато Ася в отчаянии. Она успела станцевать одно соло и вдруг все оборвалось! Ася готова жертвовать их гостиной и всеми безделушками с курортов, лишь бы опять были танцы. Но тетя Полина и слышать не хочет: мы просидим ее плюшевые кресла и обломаем весь бамбук со спинок. А так никто на эти кресла не садится и они могут простоять много, много лет.

Не навижу такие квартиры, где ничего нельзя трогать и никуда нельзя сесть. У некоторых круглый год все в чехлах. У нас их надевают летом, а ковры сворачивают. И тогда гостиная становится бесформен-

ной. Всюду подвешаны мешочки с нафталином и вокруг них летает моль. Это безвредная моль, Юзя изучила ее повадки. Гостиная в чехлах внушает мне отвращение. Если б не пальмы и не гном в надтреснутом красном колпачке, я бы туда не ходила. Мне даже обидно, что альбом с семейными фотографиями на старом месте.

Альбом распух и пряжка вот-вот отскочит. А родственники и знакомые продолжают посылать свои фотографии. На последней тетя Нюня и дядя Сема. У дяди Семы на лице написано: «Я не я, и лошадь не моя». Он по-прежнему отсутствует. Значит, не стоило ему жениться. Есть еще новая фотография: папин друг детства со своей невестой. У невесты осиная талия и пышный бюст. Матя сказала, что в городе Вене у многих такие фигуры. Там это очень распространено. Но почему папин друг так поздно женится? У других уже дети, а у него только невеста с высокой прической? Вова узнал причину, но мне не говорит. А потом, забыв, что я из себя представляю, небрежно кидает: «У него была связь и теперь он с ней разделался». Ну, это, как в романах. Я рада, что у моего папы такой товарищ!

Абрамский прислал нам фотографию своего сына. Он лежит на животе, а голову задрал к потолку. В альбоме слишком много маленьких детей! Я предпочитаю старые карточки, совсем старые. Тогда они назывались дагерротипы. На одном — моя бабушка. Она похожа на пушкинскую Татьяну, и мамины тетки, одна безобразнее другой. Зато они очень симпатичные. Считается, что это важнее. Я не совсем согласна. Я слишком люблю красоту. Пусть на кухне говорят, что некрасивым везет, а красавицы часто остаются в девушках, — я этому не верю. Все придумала Геня. В глубине души она считает себя красавицей, потому что у нее гладкие щеки и только одна боро-

давка. Вова и сын артиста сказали, что прежде всего нужно быть пикантной. Пикантность сильней кружит голову, чем красота Венеры Милосской. Но как можно сравнивать Верусю и Тиночку с безрукой Венерой? Сын артиста надо мной издевается: «Если Венеру Милосскую вырядить по-модному, никто не захотел бы плевать в ее сторону». Какая чушь! Венера в модном! Это сплошное неприличие! Но красота бывает всякого рода. Есть классическая, венерина, и есть духовная, как у матиного учителя сольфеджио. Матя восхищается его узкой черной бородкой и матовым цветом лица. А какой у него рот? Он меньше, чем ротик ребенка. Мы не даем Мате проходу: ее учитель сольфержио настоящий парикмахер. Матю это задевает: она ведь не собирается выходить за него замуж, но ей больно, что мы смеемся над ее платоническими увлечениями. Так Вова называет матины влюбленности. Хочу спросить, как он относится к внешности моего доктора, но во время спохватываюсь. Я заранее знаю, что Вова его высмеет. Он скажет, что у доктора лягушечьи глаза. Танин идеал красоты, ее кузина, знаменитая Рафаэлевна. Она показала мне карточки, и я пришла в ужас. На одной из них кузина снята с лентой в волосах. Подумайте, с лентой, в ее возрасте! А на другой — у нее в волосах роза. Таня находит, что у Рафаэлевны загадочная улыбка. А по-моему она ни капельки не загадочная а самодовольная. Видно, что от комплиментов она на седьмом небе. Я тоже люблю комплименты, но Вова внушил мне, что им нельзя верить. Кто верит, остается в дураках. Почему в таком случае он терпит близнецов! Если им нужно чего-нибудь добиться, они готовы сравнить вас с Господом Богом.

Я думаю, что приятное любят все, кроме Бори Гаевского. Он верит в правду. Но ему это только кажется. Попробовали бы сказать ему всю правду о

нем. Другим он часто говорит правду и поэтому его считают неприятным мальчиком. Ася, например, никогда не произносит слово «правда», она начинает с того, что это неправда: «Мы говорим неправду...» В общем, правда от неправды ничем не отличается. Все вопрос привычки. У Лани привычки проваливаться на экзаменах. А у Галкина наоборот, пятерки с плюсом. Я хотела бы избавиться от дурных и хороших привычек. Интересно каждый раз начинать все сначала. Вова считает, что привычки создают рутину, а это мещанство. Если послушать Вову и сына артиста — мир полон мещан. Аристократов духа очень мало, и им все дозволено. Таня, пришла бы в восторг. Она ведь особенная и я тоже, так как я ее подруга.

Но мало ли кто думает, что он особенный? Мой дедушка из Вознесенска сказал, что стыдно быть о себе высокого мнения. Сам человек себе не судья. Но дедушка святой, ему нравится скромность и за столом он говорит только то, что полагается. Когда-то он рассказывал своим детям нравоучительные истории. Теперь он этого не делает, а мне бы так хотелось их послушать! Стыдно сознаться, но я люблю, чтоб добро торжествовало. Наверное, это мещанство. В таком случае, я предпочитаю быть мещанкой. Близнецы уверяют, что надо быть порочным. Они это прочли в альманахе «Шиповник». Им просто нравится быть порочными. А их папаша обещал надавать им оплеух. Если они желают быть босяками с Привоза, тем хуже для них. Они могут торговать старым железом. Тогда ему не придется давать им высшее образование. Близнецы вовсе не мечтают о Привозе. Они хотели бы учиться в заграничном университете. В России их все равно не примут. А жить за границей очень приятно. Каждый может записаться в землячество. Надзора за ними не будет и они смогут ходить в рестораны и пить пиво. Они ненавидят пиво,

но так полагается. Студент должен сидеть за мраморным столиком и держать в руках пивную кружку. Кто хочет заниматься политикой, может это делать. Близнецы не собираются. У них нет этой жилки. На собрания пусть ходят другие, они предпочитают студенческие вечеринки. Их второй по старшенству брат привез программку такого вечера и близнецы обращались с ней, как с драгоценным документом. А там стояло, что их брат, такой-то, будет аккомпанировать скрипачу с односложной фамилией. Кроме того, в программе был дуэт Лизы и Полины и некая Саломея Абрамовна Буравая. Она продекламирует «Белое покрывало». В конце буфет и танцы. Близнецы думали нас поразить, но Вова сказал, что это страшно провинциально. Я присоединяюсь к нему. Мне не хочется, чтоб за границей читали «Белое покрывало».

Близнецы невероятно обиделись на Вову: «Что с ним? Почему он валяет дурака? С каких пор ему не подходит буфет и танцы до утра? И чего ради он прицепился к «Покрывалу»? Бывают стихи похуже: например, «Садитесь, я вам рад...». На меня близнецы не обижаются. В их глазах я пристяжная. Куда Вова, туда и я. Они меня игнорируют. Это иностранное слово часто употребляет Боря Гаевский. У него все что-нибудь игнорируют, а он ко всему индифферентен, то-есть безразличен. Неужели и ко мне он ничего, кроме безразличия, не питает? А мне было бы кисло на душе, если бы я узнала, что у него завелся другой близкий друг женского рода. Борины кузины не в счет. Они навязаны ему папой и мамой. Но я не хочу, чтоб это была девочка со стороны. К счастью, Боря презирает девчонок и только для меня делает исключение. Он откровенно сознался, что забывает иногда про мой пол. Не знаю: радоваться мне или печалиться. Слово: «пол» меня расстраивает. Для меня слова полны значения. Есть легкие, пустые, их

просто выбалтываешь. Но есть и такие, что могут вспомниться посреди ночи или на уроке истории, когда Галина Петровна рассказывает о Минине и Пожарском. Это ее любимые герои. Мне они надоели. Конечно, я довольна, что им поставили памятник, но стоило ли помещать их в учебник? Из-за Минина и Пожарского я вспоминаю, что забросила историю. А Галина Петровна обязательно меня вызовет. У нее нюх на такие вещи. Она всегда попадает на тех, кто не выучил урока. Можно подумать, что она охотится за ними. Недаром Васса говорит, что она из кошачьей породы. Она и похожа на кошку: глаза у нее как два темных пятна, а нос широкий и тупой.

Галину Петровну наверное считают хорошенькой, но мне ее внешность не внушает доверия. Я предпочитаю Надежду Игнатьевну с орлиным носом и обветренными щеками. На самом деле они обветрились не от ветра, а от старости. У Вассиной приемной матери такой же точно румянец, и она во всем обвиняет Вассу. Из-за нее пришлось столько волноваться, что лопнули мелкие сосуды. Приемная мать все сваливает на других, но знакомые уверены, что она просто ангельская душа. А какая-то лицемерная вдова даже целует ее в плечико. За поцелуй приемная мать дарит ей свои старые юбки и кофты. Она собиралась дать ей пелерину, но передумала, и Вассе из нее сшили пальто, очень длинное. Васса в ужасе: пальто похоже на поповскую рясу.

Мадам Рабинович ни за что бы не пошла на это. У нее свои правила насчет длины и ширины. Главное, чтоб было изящно. Даже богатая тетка находит, что у мадам Рабинович есть вкус. Если б не загаженная лестница и запах пригоревшего молока, она могла бы сделать состояние. Но ей это не суждено. Тут какая-то ошибка: мадам Рабинович вовсе не так несчастна, как всем кажется. Она, правда, целый день жалуется,

зато когда уходят заказчицы, мадам Рабинович начинает петь. Меня она не стесняется и я знаю весь ее репертуар. Ее ученицы, Сима и Фрида, говорят: «Послушайте, как наша распелась...» А у Фриды тоже есть голос, и она очень хорошо поет Генин романс: «Зачем ты, безумная, губишь...» Я хотела спеть это Тане, конечно в полголоса. Но потом я вспомнила, что она признает исключительно серьезную музыку. На уроке пения она вне себя: «Что это за песни, в них нет ни мелодии, ни гармонии!». Ее кузина тоже знает песни, но Шуберта и Шумана. А мне нравятся наши. К сожалению, учительница требует, чтоб мы пели как люди, а не как недорезанные поросята. Мы заглушаем аккомпанемент. Но это вина пианистки. Она так вяло перебирает клавиши, как будто три дня ничего не ела.

Ей наверно очень мало платят. Узнала как ее зовут, и через весь зал кричу: «Здравствуйте, Серафима Георгиевна!». Она вздрагивает. Ей странно, что у нее такое громкое имя. А что, если ее держат из милости и учительница пения на каждом шагу говорит: «Вы опять опоздали, милая...» У меня в голове целый роман. На перемене рассказала его Вассе, и она буквально держалась за бока. «Ты опупела, Надька! Эта Серафима может всякого заесть. А заплаты у нее от скупости». Васса преувеличивает. Она просто боится разжалобиться. И про скупость она выдумала. Аккомпаниаторши не бывают скупыми. Что бы она сказала про пианиста Кулачевского? И про его пробор посреди головы? Вова говорит, что такие проборы у отпетых идиотов и провинциалов. У Кулачевского, пианиста от природы, волосы торчат, но он их густо-густо напомаживает и все ради пробора. Ему не снится, что есть такие критики как Вова. Но я не сдаю позиций. Пусть близнецы за стакан сельтерской воды с двойным

сиропом готовы согласиться со всяким встречным и поперечным, я буду стоять на своем. Я хочу, чтоб Серафима Георгиевна была бедной и от одного ее вида нам становилось неловко.

Но не все бедные вызывают во мне жалость. Гинду, Генину сестру, я вообще не жалею. На базаре у нее чудный домик, сколоченный из ящиков и сама она похожа на мандариновую фею. После базара она спит на Гениной постели и так тихо, что ее можно принять за кукольную старушку. Иногда она чихает, но очень деликатно. Мама притворяется, что ничего не видит. Перед праздниками, они разговаривают, как будто год не встречались. Гинда превозносит мамину красоту: «Это же писаная красавица! Такие бывают только в Одессе и в Белостоке». Гинда надеется дожить до моей свадьбы. В таком случа ей придется жить вечно. Я не уверена, что у писательниц бывают мужья. Хотелось бы сначала посмотреть на мужа Элизы Ожешко! Если такой существовал, он был скорее всего безсловесным, как муж нашей болтливой родственницы. И как тот, всюду бы ее сопровождал. Матя говорит, что родственница осматривает своего мужа с головы до ног. Она снимает пушинки со спины, даже если их нет. После этого они отправляются на прогулку или в гости. Матя не хотела бы быть на его месте. Вот ее профессорша — другое дело. Она не только любит своего мужа, но еще она ухитряется выступать на вечерах. И каждый год выпускает плеяду блестящих пианисток. Но что Матю больше всего поражает: в свободное время профессорша печет пироги. У нее рецепты от бабушки, и они передаются из рода в род. Эти пальцы не только извлекают божественные звуки из бехштейновского рояля, они в свободное время месят тесто.

Но каким образом это дошло до Мати? Она ведь

ни разу не была в гостях у рыжей профессорши. А перед уроком она дрожит, как цуцик. Все это из третьих рук. Матя свои сведения добывает странным способом: здесь копнет, там копнет и получается сплетня. Также поступает наша всезнайка — дочка доктора. Она хотела доказать Родиопуло, что ее папа — булочник. Родиопуло от возмущения чуть не подавилась. Как она смеет называть его булочником! У него пароходство и это знает вся Одесса. Но дочка доктора отрицательно махала головой: «Про пароходство она не слышала, а булочная не то на Кузнечной, не то на улице Гоголя». Вообще, дочка доктора интересуется чужими делами. Ей необходимо знать, сколько у кого комнат в квартире. И есть ли проходные. У нее коридорная система, и она этим страшно гордится. Но у нас тоже коридорная система и все-таки одна проходная комната, моя самая любимая. «А сколько у вас горничных?» — спрашивает дочка доктора. У них две. Старшая и младшая. А а у нас одна, но зато Геня сказала про нее, что она бедовая. Оказывается, у дочки доктора обе горничные — бедовые. А кухарка закончила кулинарную школу. Мне противно с ней спорить. Я не понимаю, почему надо хвастать горничными и кухарками, ведь это буржуазный предрассудок. Так говорил Зиновий, а теперь у него прислуга за все.

65.

Матя все еще не может примириться с тем, что у Зиновия жена и квартира из четырех комнат. Три комнаты она бы перенесла, а четвертая не дает ей покоя. Особенно после того, как Вова сказал, что в ней наверно устроят детскую. Это была последняя капля... Матя очень непоследовательная. Она сама не любит, но требует чтоб ее любили вечно. А я, если разлюблю, буду умолять, чтоб и меня разлюбили. Кузина Маня несогласна с этим. Она пришла в мою комнату, когда я укладывала книги в ранец и стала ко мне приставать: «Как я думаю, помнит ли ее доктор?». Я была уверена, что она давным давно про него забыла, но оказалось, что она не может вырвать его из своей души. Мне было приятно, что Маня разговаривает со мной, как с равной, но я так разволновалась, что вместо Малинина и Буренина положила в ранец старую книжку Рубакина. Я забыла все свои карандаши, общую тетрадь, коробочку с перьями и все из-за маниного доктора. Пришлось выплакивать перья у Аси. Она с трудом пожертвовала мне одно перо. Не из жадности, а чтоб меня проучить. Она сказала, что с тех пор, как я влюбилась в Таню, со мной творится нечто невообразимое. Я совсем потеряла голову.

Хорошо, что Ася не знает про Малинина и Буренина, а то она бы меня заела. Но я ее никогда не

преследую моими замечаниями. Я даже не смеюсь над ней, когда она забегает в подворотни, посмотреть, не падает ли нижняя юбка. Недавно Катя прибежала с плачем, потому что мальчишки на улице пели: «Как тебе не стыдно, панталоны видно...» Она хотела, чтоб Вова их побил. Но ему было лень. Он обдумывал, где бы раздобыть рубль на букет. Вову я никак не могла выручить. Мои капиталы иссякли. И я в первый раз в жизни взяла у Александровского в долг. Не дай Бог, чтоб это узнали! Александровский повторял, что нужно спешить, что это рвут из рук, и я не выдержала. Я знаю, что многие берут в долг и потом всю жизнь раскаиваются. Когда-то меня уверяли, что они кончают тюрьмой, но я поумнела и не верю больше таким росказням.

Мама никогда меня не пугала, но она любит повторять, что нужно быть честным и порядочным человеком. Пока я ничего нечестного не сделала, и все-таки совесть не дает мне покоя. Вспоминаю всех, кого я обидела. Получается довольно длинный список. Я ведь не собиралась, а вышло так, что на прошлой неделе я обидела Ланю. Он решил во что бы то ни стало рассказать мне содержание «Двадцать лет спустя», и я ему наотрез отказала. Терпеть не могу, когда пересказывают Дюма своими словами. Ланя подумал, что я возгордилась. От обиды губы его стали, как ниточки. Это семейное. У его бабушки, вообще, тонкие губы. Поэтому все считают, что она недобрая. Я часто обижаю Берту Креде, но она не принимает это близко к сердцу. Неизвестно почему, я обидела приготовишку — Белую Мышь. Мне вдруг захотелось узнать, родилась ли она с такими волосами, или они потом побелели. Белая Мышь распустила нюни и кинулась в учительскую жаловаться своему отцу. Ночью меня мучили белые мыши, старые и молодые. Утром у меня было тридцать семь и три и в гимна-

зию я не пошла. Вместо этого дали Зейдлицкий порошок. Обычно я протестую, но на этот раз я сразу согласилась его принять. Я страдала, но по заслугам. Зато дочка доктора считает себя совершенством. На ней ни пятнышка. И все, что она говорит — закон.

Все тридцать пять девочек из нашего класса, за исключением Берты Креде и Родиопуло, считают себя умными. Родиопуло ум не нужен. Она сказала, что глупые женщины совсем не плохо устраивают свою жизнь. В их семье ум только у мужчин. А женщины славятся своей внешностью. Это враки. Я видела маму Лиды Родиопуло, она напоминает каракатицу.

Кроме Муси Логинской и Топсика, все уверены, что станут красавицами, или, по меньшей мере, хорошенькими. Когда я сказала, что важнее быть интересной, на меня напали. Больше всех горячилась наша «В». Ей обязательно хочется быть красивой, но она должна изменить форму своего лица. Оно плоское и нос на нем, как крохотная запятая. Он поставлен на всякий случай и при желании его можно не заметить. Самые красивые глаза у Тани. Шестиклассница с змеиной головкой говорит, что такие точно у Леси Украинки. Она видела эту пьесу в малороссийском театре. А шестиклассница ходит на все спектакли и называет артистов по имени-отчеству. Она может сказать, сколько у кого детей и живут ли они в гостинице. Васса уверена, что это чистая выдумка. Артисты не подозревают о существовании шестиклассницы. Но как она разузнала все подробности? Васса смеется и называет меня легковерной. Хотела бы я знать, где она подцепила это слово? Терпеть не могу недоверчивых людей! Что им не скажешь, они сейчас же бегут проверять. Я предпочитаю верить небылицам, если это не сплошное вранье. Сын артиста, например, берет кусок жизни про-

стой и грубой и творит из него легенду... Вову это страшно раздражает. Он сказал, что нельзя так безбожно обкрадывать писателя Сологуба. Но сын артиста не уступает: «Это совпадение».

У Вовы тоже бывают совпадения, особенно, когда он читает монологи в телефон. Я забыла сказать, что рубль на букет нашелся. Вова открыл клад: целые залежи учебников. Как он мог их не заметить! Вова рад и вместе с тем смущен. Тут какой-то подвох. Он сказал, что Букинери торговался, как на Толкучке. В конце концов он отсчитал девяноста три копейки. Вова готов был плюнуть, но потом передумал: стоит ли обижаться на господина Букинери! Это обыкновенный торгаш, хотя он и завел себе артистическую шевелюру. Мало ли кто может отпустить волосы? У вечного студента они невероятной длины. Он уже год не был у парикмахера. Теперь студент редко к нам приходит. Он не хочет столкнуться с отцом иностранного корреспондента. Тот способен еще потребовать деньги за комнату. Вова знает, что студент должен ему круглую сумму. Кроме того, он взял под честное слово вовин фотографический аппарат и каждый раз клянется и божится, что в последнюю минуту забыл его дома. Вова уверен, что аппарат в ломбарде. Это скучный длинный дом. Мимо него неприятно проходить. В этом месте улица спускается и там образовалась ломбардская низменность.

О ломбарде много говорят. На кухне Юзя пронюхала, что пьяница нашего дома заложил серьги своей жены. Венгерка, когда у нее нет заказчиц, закладывает кольцо с большим камнем. За него дают грош, и венгерка страшно волнуется. Она может присягнуть, что это настоящий камень а не какая-нибудь подделка. Но в ломбарде ей не верят, их не трогает, что кольцо подарил венгерке ее покойный муж,

когда они обручились. Мастерица венгерки не верит ни в камень, ни в мужа. Она видела венгеркин паспорт, там написано: девица. Но мало ли что пишут в паспорте! Геня, например, сказала, что по паспорту она из мещан. Я в ней ничего мещанского не нахожу. Она большая чудачка. А мещане не бывают чудаками. Аксюта, мишина мамка, крестьянка. Ну, это ей подходит. У нее круглое лицо с белыми бровями. Они выцвели от солнца. Теперь она больше сидит в холодке, но брови остаются такими же бесцветными. Меня подмывает спросить, жалко ли ей деревню. Но я боюсь быть похожей на докторшу Ашевскую. Папа сказал, что она задает бестактные вопросы. А мой папа ни о ком дурно не отзывается. Ему это противно. Он готов защищать даже пьяницу нашего дома. Оказывается, его раздели какие-то негодяи. Он пьет с горя. Но он мог бы работать. Папа пожимает плечами. «Такие не работают...» Ага, значит, он в глубине души осуждает пьяницу. Но папа не хочет, чтоб я осуждала. Если б он слышал, как дочка доктора всех критикует, он, наверное, взял бы меня из гимназии.

В других гимназиях еще хуже, там даже не ссылаются на Короленко. И никто не советует быть гуманным. А Вова и сын артиста смеются над гуманностью. Это беспочвенно. Их учитель словесности много говорил им о беспочвенном идеализме. Один раз он был особенно в ударе и не заметил, как вошел инспектор. Близнецы сказали, что инспектор просто затрясся от негодования. С ним мог случиться родимчик. А что это такое? Обойдусь и без родимчика. Я занята литературным утром. Надежда Игнатьевна сказала, что все будет, как на вечере. Устроят даже искусственное освещение. Из нашего класса участвуют Сахно, Тоня Калиниченко и я. Тоня молчит, ее взяли за красоту. Сахно исполнит «Тарантеллу», так написано в программе. Про меня написано, что

я прочту стихи М. Ю. Лермонтова: «Бородино» и «В шапке золота литого».

Дочка доктора вне себя: она думала, что лучше чем она никто не декламирует. Она не может себе представить, как я с моим писклявым голосом буду читать «В шапке золота литого». Это она пищит, а не я! Я постараюсь говорить так будто голос мой выходит из подземелья. Посмотрим, что она запоет! Мне неприятно, что не взяли Таню. Но Таня на меня не в претензии, она будет рисовать программки. Она уже сделала одну на пробу: на ней маки и васильки. Муся Логинская говорит, что она рада за меня. Я ей верю. Она умеет радоваться за других. Муся советует мне не слишком размахивать руками. Лучше всего держать их на животе. Ей хорошо рассуждать, а мне руки здорово помогают. Особенно когда не хватает голоса. Сын артиста помешан на красивых жестах. Один раз он взял с дивана порванный плед и завернулся в него как в тогу. Несмотря на форменные штаны, он вдруг стал похож на римлянина. А Вова любит драпироваться в непромокаемые плащи. До этого мне еще далеко! Когда дойдет до места: «И молвил он, сверкнув очами», я попробую ими сверкнуть. Не все это заметят. Но муж нашей начальницы непременно обратит внимание. Он ведь мой поклонник. Он сам это сказал, честное слово, я ничего не выдумала. Мне немного смешно иметь бородатого поклонника, поэтому я молчу. Других у меня нет. Но Таня уверена, что пройдут года и от поклонников отбоя не будет. Она конечно преувеличивает, я не вижу, откуда они могут взяться?

На литературное утро посторонних не пускают. У нас мало места. Если б это была гимназия с правами для учащихся, места было бы сколько угодно. У нас был бы огромный зал, как в Бирже, а так он чуть побольше Асиной гостиной. Раньше я этого не за-

мечала. Но теперь я к нему привыкла, и он заметно уменьшился. От Достоевского до неизвестного бородача тридцать моих шагов и двадцать пять Таниных. Она шагает как цапля. Это изящно и женственно. Когда Вова и близнецы перепрыгивали через три ступеньки, мадмазель бросало в жар и в холод. Хорошо что в последнее время я с ней не гуляю, мне некогда. А если необходим моцион, я буду провожать Таню до ее ворот. Мы долго друг друга провожаем. Кажется, что мы никогда не попадем домой. Но Таня вдруг срывается и не попрощавшись убегает. Ее мама не верит в проводы. Она будет дуться до самого вечера. Зато Танин папа — весельчак и любит франтить. После бритья он пудрится мужской пудрой. Я видела на Дерибасовской еще одного напудренного мужчину. Вова говорит, что он артист, но не из главных, это второй любовник. Он шел с благородным отцом, невысоким толстым господином в меховой шапке. Ничего благородного я в нем не заметила. Сын артиста знает, что у него в каждом городе жена и дети. И он вечно от них скрывается. Самый симпатичный человек в труппе — помощник режиссера, а самый богатый — суфлер Сеничка. Он дает деньги под проценты. По словам сына артиста он давно раздел благородного отца. Но, как видно, шапку и пальто с бобровым воротником он ему оставил.

С тех пор как я провожаю Таню, мы всегда ходим по Дерибасовской. Там гуляют одни и те же люди. На углу Екатериненской мы сталкиваемся с блондином в черных очках. Тане он нравится, а по-моему блондин похож на слепца. Возле Городского сада вертятся наши шестиклассницы. Они делают вид, что незнакомы с нами. Но Тане и мне безразлично. За такими знакомствами мы не гоняемся. Я не хотела бы только раззнакомиться с змеиной головкой. Она

попрежнему продает шоколад на большой перемене и от нее зависит величина куска. А по четвергам мы встречаем велосипедную девочку. Она так громко смеется, что слышно на Преображенской. Я сказала Вове, и он поморщился: «Чепуха, у нее легкий, серебристый смех!». Когда-нибудь мой смех будет напоминать серебряный колокольчик. Пока что близнецы надо мной издеваются: я будто бы смеюсь зоологическим смехом. А по-моему они сами смеются, как орангутанги из зверинца.

Близнецов мы встречам в районе Искусственных Минеральных Вод. Вова сказал, что это их штаб-квартира. Я боюсь, что они меня окликнут и быстро прохожу мимо. Но близнецы устраивают засаду и от них не спрячешься. Таня находит, что они ничего себе и меня это безумно раздражает. Мне трудно перечислить всех, кто ходит по солнечной стороне Дерибасовской. Мы встретили там брата тети Инны. Он сконфузился и задышал, как паровоз. Ему неловко, что он не был у нас с визитом. Он долго жал мне руку и просил передать привет моим уважаемым родителям. Он обязательно вечерком к нам заглянет. Брат тети Инны не успел еще распаковать свои чемоданы. Он вышел ровно на одну минуту подышать свежим воздухом. Я не поняла, почему он оправдывается. Видно, у них в местечке принято ходить с визитом ко всем родственникам. Из вежливости я спросила, как поживает его отец в ковровых туфлях. Брат ответил, что папаша, слава тебе Господи, здоров и цветет, как майская роза. Он собирается в Киев на контракты, и по дороге, может-быть, завернет к нам. Когда это будет, он точно не знает...

К брату тети Инны моя подруга Таня отнеслась без всякого уважения: «У него еврейский акцент». Меня это взбесило. Я знаю, что Тане неприятно, что она еврейка. Ей бы хотелось это замазать. Когда она

говорит о Москве, я нарочно завожу разговор об Одессе. Таня делает вид, что в Одессу попала случайно. Ее мама томится здесь, ей нужна центральная Россия, где она отдыхает душой. Подумаешь, какие у всех усталые души! Но я рада, что брат тети Инны решается наконец перейти на другую сторону. Он бежит через улицу почти как я и это очень странно, потому что он широкий и немножечко пузатый. Во время бега шляпа его опускается на уши. Нет, я никак не могу посоветовать Мате выйти за него замуж. Если она это сделает, они будут вместе перебегать через дорогу. Я напрасно беспокоюсь. Кто-то сказал, что папаша дяди Семы нацеливается на большое приданое. Во всяком случае это не был дядя Сема. За всю свою жизнь он не произнес такой длинной фразы. Вова уверен, что у него лексикон, как у дикаря с Сандвичевых островов. А я думаю, что Сема мысленно произносит целые речи, а наружу пробиваются только отдельные слова и то их трудно разобрать.

У Мати другие планы: она собирается стать маленькой хозяйкой большого дома. Так называется один потрепанный роман, где на обложке мелкими буквами напечатано: «перевод с английского». Интересно знать, как это по-английски? Но Вова ни за что не хочет перевести. Он сказал, что получится перевод с перевода, а это черт знает что! Его ухо страдает от такого варварства. Сын артиста тоже отказался. А начальницу я не смею спросить. Она начнет допытываться и у нее наверное покраснеет переносица. Смешнее всего, что дядя из Николаева без ума от матиной мечты. Он видит Матю в большом доме, там по крайней мере десять комнат и в каждой комнате живет кто-нибудь из семьи. Матя помалкивает. Ей хотелось бы жить в доме со своим мужем и тремя детьми, но она не смеет разочаро-

вать дядю. Пока женихов нет и в помине. Вова сказал, что это музыка будущего. Но какого? Мне кажется, что ни у Мати, ни у кузины Мани, нет будущего. Оно могло бы быть, но они его пропустили и им остается только ждать.

А в последнюю субботу Боря Гаевский ругал меня за то, что я меняю решения. У меня семь пятниц на одной неделе. Я тогда не выдержала и припомнила ему, что он уже хотел быть доктором по нервным болезням, полярным исследователем, набивателем чучел и, вообще, естественником. Но тут Боря Гаевский налетел на меня как ураган. Он начал пречислять мои профессии. И насчитал по крайней мере десять. Женя в это время перелистывал мою общую тетрадь. Он даже не подозревает, что это неприлично. Мало ли какие вещи я пишу во время урока. Там есть даже стихи, не мои, а нашей Поцелуйкиной. Они начинаются: «Так или иначе Мы живем на даче»... Но Женя их не видел. Он вовсе не собирается влезать в мою душу. Он перелистывает от скуки.

Спорить он не любит. У них дома постоянные споры и его братья отчаянные спорщики. Женя страдает от того, что он младший в семье. Тиночка вдруг срывается и кричит: «Постой, постой, у тебя пробор не на месте!». Своим дамским гребешком она пытается сделать ему новый пробор. Женю это возмущает. Он уходит от всех и по целым вечерам занимается гербарием. Засушенные цветы — его страсть. Когда Женя смотрит на цветы, мне становится страшно. Я вижу, как он вкладывает их в толстого Брема или в какое-нибудь полное собрание сочинений и там они становятся бескровными и вытянутыми. Но он на седьмом небе. Цветы он вклеит в тетради и будет показывать близким друзьям. Я только два раза удостоилась этой чести. Вова смеется над засушенными цветами. Он засушил всего-

навсего одну розу и то потому что ее подарила велосипедная девочка. Это произошло летом. Теперь он не стал бы засушивать... Он слегка разочаровался. Вова даже спросил, что я думаю о Верусе? Я ответила, что она была бы интересной, если б не горбилась.

Об этом говорили у нас за столом, но Вова не должен знать. Он бы смертельно обиделся. Хотя у него новая пассия. На этот раз Вова и сын артиста влюбились в одну и ту же особу. Близнецы торжествуют. Они уверены, что будет грандиозный скандал. Но пока все тихо и мирно. О дуэли речи быть не может. Вместо этого, на переменах, соперники сочиняют длинные послания в стихах. В крайнем случае, их можно будет поместить в «Одесском листке», где платят построчно. Но причем здесь «Одесский листок»? У нас ведь свой журнал! Правда, Вова к нему немножко остыл, но он все-таки выйдет: половина обложки уже готова. И куплена бумага, но не у Александровского, а у Ширмана. Мне обидно за Александровского, но я принуждена согласиться. Что делать, пусть нашим поставщиком будет Ширман! Кстати, меня и не спрашивают. Я ничего не смыслю в практической жизни. Что за глупое предубеждение! Им мало того, что я знаю все греческие буфеты от Большой Арнаутской до Дерибасовской. И могу сказать у кого есть вафельная машина со специальной надувалкой для крема.

А это не какой-нибудь крем из растертых желтков. В вафельном креме нет домашних продуктов. Близнецы узнали, что там одна химия. Поэтому он такой воздушный. Я принесла домой вафлю и дала Гене попробовать. Она чуть не умерла. От этой вафли у нее вспух живот, и она потом три ночи не спала. Геня всегда преувеличивает. Она сказала, что Запавский может выдуть бочку спирта. А пьяница нашего дома выпил уже винный погреб. По ее словам

порядочные люди не пьют: они макают пряник в бокал с вином. У нее на все свои правила. Поэтому венгеркины мастерицы ходят к нам на кухню учиться уму-разуму. Им всегда хочется есть. Геня ставит на стол тарелку с подгоревшими коржиками или просто хлеб от Амбатьелло. Он моментально исчезает. Что может быть лучше сладкого чая с хлебом! У венгерки они пьют его вприглядку. Она скупая как черт. Если б она знала, что мастерицы расселись вокруг кухонного стола, то подняла бы крик: ее обкрадывают, эти девчонки у нее крадут время. Сама она работает как вол, а они празднуют святого лентяя! Но венгерка не придет. Мы заказчики и с нами нельзя ссориться. Иначе мы перейдем к портнихе из соседнего дома. Она шьет тете Лиле и та сказала маме, что дает портнихин адрес только потому, что мы родственники. А главное, мы ей очень симпатичны. Она предпочитает нас всем остальным. Маме Ади Немировой она ни за что не дала адрес. Кто будет шить на ее фигуру без талии? А кроме того, всем известно, что она неаккуратно платит.

Тете Лиле не хочется портить репутацию нашей семьи. Мне это безразлично. Формы мне шить не будут. Несмотря на то, что со времени «Тартюфа» на моей новой форме появилось не мало пятен. Тем хуже для меня. Я не умею беречь вещи. Один раз я даже села на гвоздь и форма порвалась в самом неприличном месте. Но к литературному утру Юзя обещала выгладить ее так, что б она блестела на расстоянии. И я сама, по собственному вкусу, купила у Борнштейна белый воротничек. Тоня Калиниченко тоже готовится. Она хотела распустить волосы, но не смеет. Начальница заявила, что здесь не танцкласс, а учебное заведение. Тоня очень недовольна: ей сказали, что она похожа на Офелию. И с тех пор она во что бы то ни стало хочет быть Офелией с

распущенными волосами. Вову это дико смешит: он уверен, что курносых Офелий не существует в природе. И все-таки начальница неправа. Танцкласс — учебное заведение, где обучают танцам.

Бывший квартирант Ланиной бабушки выучился там польке-кокетке, и, когда он танцует, у нижних жильцов с потолка падает штукатурка. Но для этого не нужен танцкласс. С Колачевым мы танцевали не только польку-кокетку, но и краковяк и эспану. Я их понемногу начинаю забывать. Я — не Эльзуня, и могу смело прожить без танцев. К сожалению, Таню взяли на балет и теперь она ни с того, ни с сего закрывает глаза: ей кажется, что она спящая красавица. Балерины для нее — воздушные, неземные создания. Я видела балет в опере. Но мне совсем не хочется стать балериной. Сын артиста меня успокаивает: я могла бы танцевать у воды. При чем здесь вода? Не скрыта-ли тут какая-нибудь ирония? Я не ошиблась: у воды танцуют самые захудалые балерины. При случае я тоже начну иронизировать. Пока мне не до этого. Я стала знаменитостью и за мной ходят приготовишки. Они узнали, что я выступаю на литературном утре. Я уже много раз выступала, но это были несерьезные выступления. А теперь Надежда Игнатьевна требует, чтоб я не ударила в грязь лицом. Я объясняю приготовишкам, что буду читать два стихотворения Лермонтова. Это второй поэт после Пушкина. Лермонтова знает только Белая Мышь. Зато Пушкина знают все. Они его не особенно любят. Басни Крылова лучше. Но они еще дети и в Пушкине разобраться не могут. Им нравится все, что в лицах. Например: «Проказница мартышка, Осел, Козел и косолапый Мишка...» Они мне сами сказали. Таня не понимает, почему я разговариваю с младшими. Ей вбили в голову, что нельзя терять время по-пустому. Танина мама хочет, чтоб она с утра до вечера на-

капливала знания. Ну хорошо, пусть накапливает, но можно же сделать маленькую передышку.

Таниной маме я ничего не скажу. Она способна нас раззнакомить. Недаром Таня говорит, что она волевая натура. Боря Гаевский упрямец, но ему кажется, что он волевой. Он требует, чтоб я выработала в себе железную волю. А мне не хочется. Волевые личности всех обижают, им противно чужое безволие. Бог с ними! Волю я уступаю дочке доктора. В последнее время она немного притихла. Ей обидно, что она не выступает на литературном утре. Дочка доктора вертится вокруг Надежды Игнатьевны и провожает ее до учительской. По дороге она меня критикует. Васса слышала, как Надежда Игнатьевна набросилась на нее и стала ругать. Она не любит подсиживаний. Нужно развивать в себе чувство товарищества! Но дочке доктора плевать на товарищество. Она сказала Поцелуйкиной, что не понимает, почему выбрали меня? Что они во мне нашли? Поцелуйкина поддакивает, а потом бежит ко мне и все передает. Я затыкаю уши. В общем, из-за двух стихотворений в классе поднялась буча. Образовались даже две партии: дочки доктора и моя. Только Муся Логинская не принимает в этом участия. Она очень рада, что из нашего класса выбрали трех учениц. Остальное ее не волнует. Она готовится к каждому уроку в отдельности. А с книгами из гимназической библиотеки Муся обращается, как со своими. Но читает она то, что рекомендуют учителя. Муся сама себе выработала правила и живет по ним. Я думаю, что танина мама была бы от нее без ума. Меня она терпит потому, что я одаренная девочка и у меня артистические наклонности. В остальном она мне не доверяет. Я порядочная лентяйка и могу дурно повлиять на Таню. Если б она узнала, что мы едим шоколадную халву прямо с бумаги и вместо того, чтоб идти домой, чи-

таем афиши на столбах, она бы, наверное, перестала считать меня одаренной.

Для Тани это был бы удар. Но отстоять меня она бы не сумела. А я из-за моих подруг готова вступить в бой с кем угодно. Я могу ругать их на все корки, но другие не смеют. Однажды у нас дома сказали, что Ася заикается, и я чуть не заболела. Да, она иногда говорит медленно, но это доказывает, что она не балаболка. И неправда, что у Вассы плоский нос. Он не такой широкий, как у Сахно и не такой вздернутый, как у нашей «В», но зато к ней в ноздри дождь попасть не может, а к «В», сколько угодно. Если б я захотела разобрать по косточкам всех вовиных товарищей, то нашла бы среди них немало странных субъектов. По внешности они мне, скорее, нравятся. Кроме близнецов. У них слишком торчащие волосы. Они покупают помаду и Гейликмана, но это не помогает. Впереди волосы блестят, как начищенный паркет, а на затылке — никакого блеска: они как сорная трава в палисаднике. Близнецы были бы обижены таким сравнением. Они презирают наш палисадник. Это крысиный садочек. Вот у них в палисаднике есть даже клумба с гелиотропом.

Слава Богу, в асином доме нет палисадника, она прожужжала бы мне уши своими гелиотропами. Наш палисадник меня мало трогает: опять говорят о переезде на новую квартиру. Один раз мы уже чуть не переехали, но домовладельцы так долго умоляли, что папа сдался. Я была отчасти довольна: здесь все свое знакомое. А Юзя и Геня торжествовали. Все юзины кавалеры из этого района. Служке тоже удобно: синагога почти рядом. С одной стороны, Геня его как будто гонит, с другой — заботится об его удобствах. А мишиной мамке, Аксюте, все безразлично. Она боится города и с удовольствием не выходила бы на улицу. Но ребенку нужен воздух. Вова к поискам

квартиры относится положительно. Он хочет жить на Маразлиевской в доме с паровым отоплением. У Галкина паровое отопление, и он страшно задается. От него будто бы высыхает кожа и это исключительно красиво. У дочки доктора обыкновенное отопление, ее папа сказал, что паровое не гигиенично. А он, как известный врач, должен жить по правилам гигиены. Но почему он не скажет своей дочери, чтоб она не ковыряла в носу? А то от вечного ковыряния нос у нее стал красным, как молодой бурак.

Надежда Игнатьевна много раз ее стыдила. Она не высокого мнения о нашем классе. Тем не менее, мы ее любим. Я благодарна ей за то, что она не говорит ни о Короленко, ни о гуманности. Васса подозревает, что Надежда Игнатьевна не верит в гуманность! По натуре она деспот и если б можно было, перестреляла бы всех своих обидчиков. Наша начальница тоже деспот, но во имя справедливости. Она все делает во имя чего-нибудь, поэтому ее так боятся. Неприятно прослыть эгоисткой, в то время, как мир должен быть полон альтруистами, то есть самопожертвованными натурами. Она это повторяет на каждом уроке, но действия никакого. Я, например, с каждым днем все больше и больше разочаровываюсь в альтруистах. Они все какие-то засушенные. Кроме того, начальница любит искусство. Ей приятно, что я выступаю на литературном утре. Вчера на лестнице она сказала, что надеется на меня. Я не знала, что ответить. Рот у меня был набит шоколадом, и я не решилась его сразу проглотить. Еще попадет в дыхательное горло и тогда я буду кашлять и кашлять, и начальница потеряет ко мне всякое уважение.

Я помню, как на даче кашлял Бобик, летний товарищ Вовы и как его колотили по спине. Дочка шпионов требовала, чтоб он пощекотал небо кончи-

ком пальца. А когда Бобик прокашлялся, ему сделалось вдруг невыносимо стыдно, и он убежал к себе на террасу. Но мне повезло, в конце концов я справилась с огромным куском шоколада Фишера и вид у меня стал почти нормальным. А пианистку Сахно, начальница считает ограниченной. Один раз она даже заявила без всякого повода, что музыка — высокий род искусства, но помимо нее есть еще много прекрасного. Например, картины, театр, «Война и мир» Толстого. Нам это было неприятно. Никто из нашего класса не читал «Войны и мира». Картины мы видели на выставках южно-русских художников. Некоторые из них были похожи на картинки из Глезера и Пецольда. Другие отсвечивали на солнце. На некоторых кружева были сделаны лучше, чем в жизни. И то, потому, что все было в тумане. Нет, пусть начальница думает, что хочет, а вальс Шопена лучше всех этих картин.

Сын артиста со мной не согласен. Он был в Третьяковской галерее и видел такое, перед чем может померкнуть мадонна Рафаеля. Вова чуть его не задушил. К чему эти идиотские преувеличения? Всем известно, что Рафаель ничего общего с Репиным не имеет. Они долго спорили и сын артиста кричал, что чубатый репинский казак не хуже всех мадонн вместе взятых. И, вообще, релиозное чувство ему абсолютно чуждо. Он воспитывался без религии. А совсем недавно он узнал, что в пятницу зажигают свечи и в субботу ходят пешком. Он говорил еще про фаршированную рыбу, но Вова не хотел ничего слышать. «Это враки, сын артиста сам ему рассказывал, как его бабушка по пятницам благословляла свечи». Это было в местечке, но как оно называлось, он не может припомнить. Сын артиста не отказывается от своей бабушки. Кстати, она премилая старушка и до сих пор посылает ему маковники в картонной

коробке... Что же касается свечей, то он это помнит довольно смутно.

Мне странно, что с мадонны перескочили на субботние свечи, но я не вмешиваюсь в спор. В конце концов, нет ничего страшного в том, что некоторые любят преувеличивать. Моя лучшая подруга, Таня, тоже раздувает все, что касается родственников и пианиста Готфрида Гальстона. Ее учительница музыки сказала, что на последнем концерте он так сыграл полонез Шопена, что она сама пошла бы умирать за Польшу, хотя, по правде говоря, терпеть не может поляков. Из художников Таня больше всех хвалит Васнецова. Но я боюсь, что она знает о нем только понаслышке. Оказывается я ошиблась. Таня видела репродукции с его картин. Это обыкновенные открытки и продаются они у Александровского и в следующем квартале, рядом с заведением Английских минеральных вод, но стоят не три копейки, а пять. Александровский говорит, что это совсем другая работа и собственно их нужно продавать дороже, но ничего не поделаешь, у него слишком много конкурентов. Я спросила, считает ил он Ширмана своим конкурентом? «Нет, это из другой оперы, до Ширмана ему далеко, как до неба. А вот то, что рядом с Английскими минеральными водами, настоящий конкурент». И стоит Александровскому продать два пера номер три за копейку, как этот паршивый конкурент за ту же самую копейку дает четыре пера и промокашку в придачу. Ему не стыдно отбирать хлеб от несчастного коммерсанта!

О своем магазинчике Александорвский говорит с большим уважением. Это, конечно, не универсальный магазин Братьев Гальперин, но в солидности он не уступает. Никаких дел на фу-фу он делать не будет. Поэтому с Божьей и с папиной помощью он когда-нибудь перейдет в лучшее помещение. Там бу-

дут целых два окна на улицу и в каждом по готовальне. Что такое готовальня Александровский узнал сравнительно недавно от Вовы. Ему это слово страшно понравилось и он тычет его куда попало. Несмотря на это, я продолжаю с ним дружить и поклялась, что если даже мы переедем, я буду приходить к нему за письменными принадлежностями. Александровский не верит моим клятвам. Он безнадежно машет рукой, как отец папиного корреспондента, когда его спрашивают про дела. Пока мы еще не переехали, и Александровскому нечего огорчаться. Но видно не он один волнуется. В подъезде меня остановила жена портного Питкина: — Неужели мои маменька и папенька так-таки решили переменить квартиру? К нам подошел хозяин пробкового магазина. Он тоже спросил про квартиру. При этом он посматривал на живот мадам Питкиной, похожий на могильный курган из учебника истории.

Недаром у нас на кухне говорили, что Питкина ждет двойню. У них уже было все, и выкидыши и мертвые дети, но двойни еще не было. Я так испугалась, что не стала спрашивать, что такое выкидыш? Надо будет справиться у Поцелуйкиной. Она сказала Вассе, что у ее мамы было несколько выкидышей и после этого родилась она, а затем ее мама уже больше не рожала. Ей запретил доктор. Поцелуйкина часто говорит о родах и тому подобных неаппетитных вещах. Поэтому я бегу от нее, а она все время лезет ко мне со своими объятиями. Оттолкнуть ее мне неловко, она может смертельно обидеться, но позвать ее к нам у меня не хватает духа. Таня ее просто не замечает. Когда Поцелуйкина подходит, Таня начинает смотреть вбок, на какого-то монгола из приамурских степей или на дикаря с острова Фиджи. В общем, на одного из тех туземцев, что висят у нас в классе на правой стене. Я предпочла бы, чтоб

повесили княжну Тараканову или боярыню Морозову в санях, но это недостаточно научно.

Таня умеет презирать: это ее особенность. Меня она считает мягкотелой. Я слишком вежлива со всякими ничтожествами, вроде нашей «В». Таня не понимает, что я бы тоже хотела смотреть вбок, но у меня не получается. Как-то попыталась обдать близнецов ледяным холодом, а они решили, что у меня болят зубы. Им надо все упрощать. Возвышенные чувства им непонятны. Так думает сын артиста, и я с ним вполне согласна. Он не верит, что близнецы способны беззаветно увлекаться. Старший близнец еще куда ни шло, но младший за пирожные с ореховой начинкой готов отдать всех учениц пятого и шестого класса гимназии Пашковский, а это, как известно, самые хорошенькие гимназистки во всей Одессе. Тут я протестую — наша гимназия может дать сто очков вперед Пашковской и Видинской. У них нет Эсперансы с огненными глазами, нет русалки из шестого класса, с золотой косой до колен. Если б я пригласила младшего близнеца на литературное утро, он бы понял свою ошибку. Но этого нельзя сделать: посторонним вход запрещается.

66.

Ася опять надулась. Она даже не спрашивает волнуюсь ли я. Ведь это не просто утро, а итог учебного года. Я ни капельки не волнуюсь. Но об этом надо молчать. А не то Надежда Игнатьевна при всем классе назовет меня самоуверенной дурой. Неуверенных в себе она тоже не любит. Как быть? Сколько и когда надо волноваться, чтоб Надежда Игнатьевна была довольна? Сын артиста рекомендует мне артистическое волнение, без него трудно обойтись. Когда он играл роль Тартюфа, оно несло его на своей волне. А я слышала, как недавно он говорил Вове, что ни волнения, ни вдохновения не существует. Все должно быть измерено, как в учебнике математики. Вова отверг его теорию. Если б все было, как в учебных пособиях, творить мог бы каждый, даже первый ученик Галкин. Кстати, он уже не первый. У них в классе начал выдвигаться один типчик, похожий на японца. До сих пор его не замечали. А он вдруг, с места в карьер, выскочил на первое место. У нас этого быть не может: Муся Логинская была и будет самой прилежной и ответственной, а Берта Креде — самой большой тупицей. Надежда Игнатьевна уверена, что она притворяется. По ее словам, в природе не бывает таких тупиц, их надо выдумать. Она говорит это прямо в лицо, а Берта Креде сидит неподвижно, как фигура из гипса. Ее рес-

ницы мигают и то потому, что она досасывает монпасье, а проглотить его не смеет. Надежда Игнатьевна способна поднять целый скандал.

Меня с Бертой объединяет отвращение к урокам гимнастики. Причины у нас разные: я просто-напросто не признаю гимнастику, а Берта боится размахивать флажками, боится лечь на грязный пол. И больше всего она стесняется своего гимнастического костюма: в нем она похожа на пожилую купальщицу. Очень интересно наблюдать со стороны. Тогда видно, что у дочки доктора большой круглый живот. Она его наела холодными куриными бутербродами. А Васса прыгает выше всех! Она похожа на деревянного мальчика Пиноккио. Тоня Калиниченко принимает красивые позы и старается всегда быть на виду. А Мару Гольберг учительница все время упрекает в отсутствии ритма. Как это возможно? Она ведь пианистка и гордость нашего класса. Но учительнице нет дела до мариных музыкальных способностей. Она хлопает в ладони так громко, что можно подумать, что она шлепает какого-нибудь расшалившегося великана. «Шагайте в такт!» — орет учительница. И бедная Мара в испуге начинает не с той ноги.

На меня окрики учительницы не действуют. Я уже маршировала под музыку тапера, и Колачев повторял: «Пятки вместе, носки врозь!». Представляла себе, сколько раз в жизни он это говорил. Наверное, не меньше миллиона раз. Бедный Колачев, я перед ним виновата. Я радуюсь тому, что наша группа распалась. Недавно я узнала, что существует другой учитель: Вальц. У него танцкласс. И он тоже ходит на дом. Но Колачев куда знаменитее. Он сам сказал, что в своей области он — первый. Но мало ли кто считает себя первым? Тубенкопф решил, что он первый на свете юрист. А мадам Ашевская специаль-

но ходит в гости, чтоб убеждать знакомых дам, что ее муж первый врач в Одессе. Если б Ашевский знал про эти дифирамбы, он бы, наверное, сошел с ума. Но откуда ему знать? В гости он не ходит, и по вечерам, после рублевых визитов сидит у себя в кабинете. Иногда он засыпает над стаканом чая. Со сна доктор Ашевский кряхтит: разболелись его старые кости. Я себе это отлично представляю, хотя была всего один раз в их мрачной непроветренной квартире. Все было запылено, только стекла книжного шкафа переливались и блестели. Мадам Ашевской некогда заниматься хозяйством. Она должна ходить в гости. Это гораздо важнее.

Слишком чистые квартиры мне не нравятся. У Блазнеров нельзя сесть ни на одну кушетку. А мимо той, что обита голубым шелком, не позволяют даже проходить. Мы, дети, можем нечаянно тронуть ее своими липкими руками. Один раз я очень обиделась: никто до мадам Блазнер еще не называл мои руки липкими. Асина мама тоже не в восторге от того, что мы торчим в гостиной. Там слишком много безделушек. И все они надбиты или надтреснуты. Стоит толкнуть бамбуковый столик, и балерина теряет одну ногу, а музыкальная шкатулка начинает что-то наигрывать. У Тани запрещают переставлять мебель. Они живут в меблированной квартире и хозяйка составила список вещей... Если что-нибудь сломают, придется платить. Но по-моему уже поздно, вещи давно сломаны.

В этой квартире до Тани должно быть жил охотник: всюду оленьи рога и другие рога, поменьше. Он привез их с дальнего севера. В Одессе нет оленей. Вообще, звери у нас перевелись. Остаются одни домашние животные. На кухне у Тани очень скучно. Видно, что там ничего вкусного не готовят. Не то, что наша кухня, где пахнет корицей и просеянной

мукой. Когда запах корицы начинает особенно сильно бить в нос, на пороге появляется сын артиста. Он шел совсем не туда, а в одно местечко, но не выдержал и решил проверить: коржики это или не коржики? Да, это коржики и раз он уже тут, пусть попробует! Гене не жалко. Тем более, что есть пригоревшие и их нельзя подать к столу. Катя говорит, что это уголь и требует, чтоб его соскоблили маленьким фруктовым ножом. Боже, какие теперь пошли дети! Для меня никогда ничего не соскабливали, и, как видете, я жива и здорова. Я как-то съела банку засахарившегося варенья и ничего со мной не случилось. А скисшие сливки от Чичкина я выпила по ошибке — и тоже сошло благополучно. Близнецы едят машинально. Они сбрасывают себе в тарелку гору сардин или килек, а потом запихивают в рот, как в помойное ведро. Я знаю, что это неапетитное сравнение, но более подходящего у меня нет. Когда близнецы пронюхали про литернатурное утро, они стали приставать ко мне, что с буфетом? «Кажется, будет, но бесплатный». Это их страшно развеселило: значит, нам будут давать угощение в кулечках, как на елке в начальной школе.

А мне совсем не смешно. Я вспоминаю, что полрождества проболела ангиной, а на вторую половину все билеты на утренники были раскуплены разными счастливцами. Пришлось пойти с Вовой в цирк. Ему это не особенно улыбалось, он всю программу знает наизусть. Когда цирковой оркестр заиграл марш, Вова стал в такт постукивать ногой и какие-то паршивые гимназисты младших классов заявили, что это им мешает. Они пришли в цирк не для того, чтоб слушать постукивание. В антракте мы хотели подойти к клеткам со львами и тиграми, но невозможно было пробиться. Публика толкалась хуже, чем на Куликовом поле. Одна семья пришла с грудным ре-

бенком. Он никому не мешал. В конце концов его нужно распеленать, и он крохотными кулачками колотил по материнской жакетке... Вместо того, чтоб смотреть на акробатов под куполом цирка, я смотрела на него. Не потому, что я так увлекаюсь грудными детьми, нет, мне неприятно смотреть, как раскачиваются на трапециях.

Кроме цирка, мы были еще в иллюзионе на Канатной. Но там у меня разболелось горло. Я успела только посмотреть видовую и Макса Линдера. Было обидно уходить. Все смотрели на нас, как на сумасшедших: заплатили и уходят, но Вова сказал, что иллюзион не убежит. Я не совсем разделяю его точку зрения. Конечно, иллюзион на Канатной останется там, где был, но мы не увидим ни Франческу Бертини, ни малороссов сверх программы. Вова не так заинтересован малороссами. Он говорит, что в приличных иллюзионах не бывает добавочных номеров. Чем дороже платят, тем программа короче. В таком случае я буду ходить на Канатную или в «Двадцатый век»! Там неудобно сидеть, но если уже примостился, можешь оставаться хоть до глубокой ночи. Некоторые специалисты просиживают по пять-шесть часов. А контролерша делает вид, что не замечает их. Она, видно, расчитывает, что в антракте они купят у нее шоколад миньон в серебряной бумаге.

Я больше одного сеанса не остаюсь, это нечестно. Кроме того, меня торопят. Меня постоянно торопят. Должны придти: то мадмазель, то Хейфец, то папины родственники. С ними обязательно нужно поздороваться, они все безумно обидчивые. Терпеть не могу вечной спешки. В гимназии тоже нет покоя. Только заглянешь в книгу, чтоб просмотреть заданное, как появляется начальница или Галина Петровна. Даже в магазинах торопят. У Чудновского не успею я от-

крыть рот, как бледный приказчик Володя говорит за меня: «Копченое мясо...» Нет, я хотела сказать, чтоб мне дали колбасу, варшавскую колбасу. Но Володя не слушает. Он сует мне маслины, халву, маленький кисленький арбуз... Я не беру. Я пришла за колбасой! Дома мне много раз повторяли, чтоб я не покупала лишнего, а главное, не делала бы замечаний приказчикам. Нет, я определенно хотела бы жить в том краю, где по целым дням валяются в гамаке. Вслух я этого не скажу. Передовой женщине неловко мечтать о стране лентяев.

Тане еще хуже, чем мне. Ее мама хочет, чтоб она с пользой проводила время. Когда мы разговариваем, она как будто взвешивает: полезно это, или нет? Если бы у нее было четверо детей, она не ходила бы за Таней по пятам. Но Таня довольна, что она — единственная. Если ее послушать, выходит, что это какой-то чин. И все единственные дети — особенные. Я ей уступаю. Мне не хочется ее разочаровывать. Вова сказал, что я боюсь Тани. Меня это задело. Но тут есть доля правды. Она меня ошеломляет своим гордым молчанием. Я уже говорила, что никто из моих знакомых не смог бы так молчать. Таня созналась, что это у нее от бабушки со стороны отца. Она умела молчать, как ни один человек на свете.

В нашей семье нет молчаливых. Если кто-нибудь из нас молчит, это вовсе не означает, что все должны терять голову и идти на уступки. Папа иногда засиживается у себя в кабинете и покрывает старые конверты длинными столбиками непонятных цифр. Видно, что он недоволен подсчетом. Но он готов в любую минуту бросить это занятие, чтоб поговорить с мамой или даже со мной и с Катей. Вова разглагольствует по телефону, а за столом старается не вступать в длинные разговоры. Он боится, что это может

принять слишком личный характер. Дядя уже несколько раз хотел его спровоцировать. Он с самым невинным видом спрашивает, с кем это Вова прогуливался по солнечной стороне Дерибасовской? Вова дает уклончивые ответы: «Так, одна знакомая по Среднему Фонтану, сестра одного товарища». Но от дяди так легко не отделаешься. Он въедается в душу. Было бы лучше, если б он присматривал за Матей. Она теперь каждый день ходит на свидание в район Александровского парка.

Матя окончательно извела Вову, ей нужны новые темы для разговоров. Когда Вовы нет на горизонте, она не брезгает моими советами. До сих пор я давала непрошенные советы и из-за этого было уже не мало неприятностей. Отец папиного корреспондента чуть не принял их всерьез. Я уговаривала его насесть на вечного студента с тем, чтоб он женился. Таким образом у старика останутся только три незамужние дочки. Юзя мне говорила, что без скандала ничего не получится. Надо припугнуть жениха. Мастерица от венгерки уверена, что если б ее обидчику набили морду, он бы не сбежал к своей бывшей крале. Просто завидно, что они так хорошо знают жизнь. Я жалею, что кузину Маню нельзя взять за ручку и повести на кухню. Она отвязалась бы от своих сантиментов. Вове до смерти надоели Манины переживания. Он не может понять, почему мама покровительствует старым девам? Кому они нужны? Их всех надо выкрасить и выбросить. Ему и сыну артиста всегда нравились сильные волевые личности.

«Человек — это звучит гордо», сказал сам Максим Горький. А он описывает жизнь босяков, но не тех, что стоят на базаре с мешками и по воскресеньям валяются в канавах. Босяки Горького — независимые и гордые люди.

У Александровского я выкопала очень интерес-

ную открытку. На ней Максим Горький и Шаляпин. Оба в русских рубашках. Я подарила ее Тане, но она как-то холодно отнеслась к моему подарку. Она увлекается Беклиным. Остальное ее мало интересует. Таня не умеет увлекаться многими вещами сразу. Она бредит Шуманом, Беклиным или кем-нибудь в этом роде, а потом остывает и у нее появляются новые кумиры. Я боюсь, что в один прекрасный день она во мне разочаруется и тогда я стану для нее хуже дочки доктора. А Таня сказала своему московскому дяде, что ее подруга — будущая артистка и писательница. Таня думает, что одного призвания мало, надо иметь, по крайней мере, два. Ей хотелось бы, чтоб я была как Элиза Ожешко и вместе с тем как Савина или Коммиссаржевская. Она в восторге от того, что на литературном утре будут подмостки. Это даст мне возможность смотреть на публику сверху вниз. Наш гимназический батюшка уже несколько раз останавливал меня в коридоре: «Ну, как наши артистические дела-делишки?». В ответ я хихикаю, а Коммиссаржевская наверное смотрела на всех глазами, полными невыразимой тоски. Бедная Таня, ей еще не раз придется за меня краснеть. А пока что она с Топсиком и Родиопуло нарисовала огромную афишу, где имена участвующих сделаны цветными карандашами. Больше всех трудилась Таня. Топсик всем мешал, а на долю Родиопуло пришлись заглавные буквы. Пишет она с сорока ошибками, но почерк у нее замечательный. Не нужно только вчитываться в написанное. Надежда Игнатьевна один раз порвала ее тетрадку и вышвырнула ее с такой нечеловеческой силой, что корзинка в углу опрокинулась и оттуда посыпались бумажки от бутербродов.

Надежда Игнатьевна не находила слов: «Если б попечитель учебного округа увидел эту тетрадь, с ним бы случился удар! Нет, он умер бы на месте.

А она живет лишь потому что Бог дал ей железное здоровье». Но на уроке чистописания Родиопуло царит. Содержанием учительница не интересуется, ей важен почерк и нажим. У меня ни того, ни другого. Поэтому учительница на меня махнула рукой. Она же преподает рисование и всегда расхваливает Таню. Как будто хочет подчеркнуть, что ей непонятна дружба талантливой Тани с такой бездарностью, как я. В ней самой гениальности ни на грош. Я видела ее картину в музее на Софиевской. Там изображена девочка с собачкой, похожей на большую крысу. А девочка выглядела точь-точь как учительница рисования. Не было только пенснэ и кожаного пояса. Вслух я не критиковала. Могли бы подумать, что я корчу из себя знатока. С Таней у нас вкусы не сходятся. Я люблю картины без людей: березки или разлив реки, а Таня предпочитает «Боярскую свадьбу» и «Какой простор!». Но если б я начала восторгаться «Боярской свадьбой», она тут же стала бы восхвалять «Утро в лесу» или «Разлив Волги»... Она хочет доказать, что живопись принадлежит исключительно ей. Но почему же она вмешивается в мое писательство и я не протестую? У меня совсем нет желания присвоить себе Пушкина и Лермонтова.

Приближается литературное утро, и я все чаще думаю о Лермонтове. В нем больше чувства, чем в Пушкине. Когда мама поет «По небу полуночи ангел летел», мне хочется плакать, хотя я мало верю в ангелов. Но ведь Лермонтовский ангел ничего общего с обыкновенными ангелами не имеет! Это особенный ангел. Он прилетит за душой Лермонтова... Сын артиста не такого высокого мнения об этом стихотворении. Конечно имеются проблески дарования, но вобщем это юношеское. А мне безразлично, какой год подписан, я не так считаюсь с годами. Может быть ему просто хочется меня подразнить. Я не дол-

жна идти на эту удочку. Сын артиста пытался мне доказать, что Тургенев крал у Гончарова, а Гончаров у Тургенева и в конце концов оба они оказались классиками. Что за нелепая выдумка! Не могу себе представить, чтоб благородный Тургенев мог украсть у кого-нибудь тему для романа. В Гончарове я не так уверена, на вид он довольно безцветный. Вова говорит, что напрасно я придаю значение внешности. Он может показать мне одного жулика из Лермонтовского переулка — это вылитый Альфонс Доде. А в «Синем журнале» или в «Огоньке» он видел портрет знаменитого преступника и если б не подпись, его смело можно было бы принять за профессора Новороссийского университета. Их классный надзиратель — вылитый Лев Толстой в молодости. Но на самом деле он ничего, кроме доносов, не пишет.

Я считаю, что негодяи должны быть маленькими, горбатыми уродцами в неопрятных фраках, как у Диккенса, а у всех хороших людей пусть будут открытые честные лица. Вову это смешит. Он сказал, что в жизни фальшивомонетчик бывает похож на графа, а граф на конюха. Но как же тогда разобраться в людях? О, это делается при помощи психологии. Надо ставить себе проблемы, а потом их разрешать. Все очень неясно. С горя я иду на кухню, у меня от этих проблем разыгрался страшный аппетит. Мама и папа в гостях и все ящики буфета заперты на ключ. На самом буфете вазочка с засохшими миндальными печеньями. От них никакого толка, они царапают язык и небо и застревают в дыхальном горле. А на кухне пируют во всю. Геня поставила на кухонный стол блюдо с отварным мясом и кусочками курицы, но никто на них смотреть не хочет. Я бы съела куриную ножку, но пускай Геня сама догадывается. Ей не до меня. Она с таким ожесточением скребет чугунный котелок, что можно подумать — там спря-

тано золото из долины Колорадо. А это всего-навсего застывший жир от вчерашнего жаркого. Никогда б не подумала, что мысли о литературе могут вызвать такой приступ голода. С каким удовольствием я утащила бы к себе в комнату кусок хлеба, посыпанного мукой! Когда уж нет сил терпеть, я прошу Геню дать мне горбушку. Она начинает шумно меня жалеть и дает мне огромный кусище, густо намазанный повидлом из абрикосов. Осталась самая малость. Остальное съели товарищи панича Вовочки, будь они неладны! Можно подумать, что они приехали из голодного края.

Ничего более страшного Геня придумать не может. Для нее голодный край это место, где нет ни винно-гастрономического магазина, ни лавочки в полуподвальном этаже. «Там едят шиш с маслом, вот что там едят!». Это отчасти правда. Близнецы сами признались, что у нас они подкармливаются. У них дома режим экономии, его изобрел рыжий папаша. Он верит в экономию. Его любимая поговорка: «копейка рубль бережет», уже лезет им в горло. Пусть он лучше рассказывает своим компаньонам, как он делит папиросу на три части, а спичку на четыре. Сын артиста на полном пансионе и поэтому ему нравится наша еда. Обеды в пансионе нагоняют на него смертную тоску. Он любит рассказывать о миске с супом, где плавает одинокий лавровый лист. Но когда это было? Он ведь постоянно у нас. Прежде Ася часто у нас обедала, а я у них. Теперь она заважничала, главное, она не может простить мне дружбы с Таней. Сама Таня в чужих домах не ест. Ей это запретил врач. По-моему все выдумала ее мама. Она не хочет, чтоб Таня отвлекалась от занятий и принимала участие в жизни чужой семьи. А я люблю сидеть за чужим столом и если бы могла, каждый день обедала в другом месте. У Аси нельзя дозваться

к столу. Приходят по одиночке и так медленно развертывают салфетки, что я дрожу от негодования. У Немировых тоже обед не как у людей. Семья давно покончила с дессертом, а Адя Немирова все еще макает в бульон маленькие аккуратные кусочки хлеба.

Не знаю, обедает ли мадам Рабинович? Она ест на кончике стола и требует, чтоб поскорей убрали. Материал может промокнуть. А когда мастерицы, Фрида и Сима хотят притронуться к маркизету, она кричит, что у них жирные руки. Фрида пожимает плечами. «Отчего же руки могут стать жирными? От сухого хлеба?». Мадам Рабинович это безумно коробит: «Как сухого! А кто съел весь гусиный жир? Она его вытопила для своего несчастного больного мужа, а тот даже не попробовал. Где справедливость?» — спрашивает меня мадам Рабинович. В ответ я что-то бурчу. Мне не хочется ссориться с Фридой. Она обидчивая. Поэтому я не поправляю ее, когда она говорит, что вышла погулять «в одной талии»... Фрида бы не поверила. Сама мадам Рабинович так говорит. А она ведь — авторитет. Несмотря на то, что они вечно переругиваются. Не понимаю, как можно ссориться и тут же заключать мир. Я все еще в ссоре с моей бывшей подругой Раей. Когда-то мы поссорились из-за портрета царя и наша ссора не сдвинулась с места. А это было сто лет тому назад, в Тюремном переулке. Правда, с тех пор я узнала, что у Раи висит не только царь, но и царица с дочками и наследником. Портреты эти они получили в подарок от одного писчебумажного фабриканта. Тем хуже для них. Они могли бы смело запрятать их в сундук. Но, как видно, они монархисты.

В общем, это странно, бабушка и дедушка умерли, а я по-прежнему отворачиваюсь от Раи, и она от меня. К несчастью, мы почти каждый день встречаемся на оставновке трамвая. Рая всегда лезет вперед

и тащит за собой своих братьев. Один раз Вова ее вежливо отодвинул, и она стала кричать во всю глотку, что тут толкаются. Она позовет городового! Мне неприятно, что я с ней дружила. Но она была единственной еврейкой в дедушкином доме. Другие дети, кроме Вассы отбегали в самый конец двора, и оттуда кричали: «Жиды проклятые Христа распяли!» Подойти близко они не решались: Васса стояла рядом со мной и готова была выцарапать глаза каждому из них. Она скажет своему папе-матросу, чтоб он набил морду всем этим вшивым детям. Мы с Вассой уже не говорим о Тюремном переулке. Во-первых, он называется теперь по-другому, а во-вторых, Васса думает, что я к ней охладела. Из гордости она молчит. Когда я объясняю Вассе, что она, как прежде, моя подруга, она отнекивается. «Это неправда, я всем говорю одно и то же». Потом Вассе становится стыдно, что она ни за что, ни про что меня обидела и мы опять начинаем дружить. А на душе кошки скребут. Почему Васса меня заподозрила? Конечно, я не такая искренняя, как Муся Логинская, но фальши во мне нет. У Муси это врожденное. Она, наверное, заболела бы, если б ей пришлось солгать. Моя любовь к правде так далеко не заходит. Я согласна с сыном артиста. Он говорит, что правда — обоюдоострое оружие. Вова идет еще дальше: он сказал, что любители правды самые неприятные личности на свете. Фантазия и выдумка тоже ложь, а без них жизнь потеряла бы всякий смысл.

Меня уговаривать не нужно. В мечтах я уже шестиклассница и не сегодня-завтра передо мной откроется новая, интересная жизнь. Я спрашиваю у Якова Соломоновича, у других я не решаюсь спросить, почему время так медленно тянется? Он делает вид, что не понял моего вопроса. «Тянется?». По его мнению, оно мчится, как на курьерских. Не успел

он побывать в Петербурге, как опять надо ехать... Это меня обрадовало. Значит опять будет шоколад от Крафта. Потом мне становится стыдно. Бедный Яков Соломонович, он ведь пожилой, а ему надо будет спать на койке и пить чай из огромного жестяного чайника. Яков Соломонович смеется. Что за странные фантазии? Он едет первым классом и обедает в вагон-ресторане. Там все, как в настоящем ресторане и даже лучше. А я ни разу не была в вагон-ресторане. Правда, мы ехали по железной дороге не очень долго. Но мне никто не сказал, что есть вагон-ресторан. Мы взяли с собой курицу и холодные котлеты и Вова съел сразу штук пять, а потом жаловался, что у него пропал аппетит. Зато в кают-компании я уже бывала. Когда я вижу посуду из толстого фаянса мне кажется, что я на пароходе и сейчас начнет качать. А вот тониного папу ни разу в жизни не укачало. В трюме и в каютах все больны, а он стоит на капитанском мостике, как настоящий морской волк.

Я довольна, что со мной учится дочь капитана дальнего плавания, но мне хотелось бы, чтоб Тоня Калиниченко побольше говорила о кораблях. А то она слишком сухопутная. В нашей гимназической библиотеке я нашла книгу о пиратах и посоветовала ее Тоне. К сожалению она не верит в пиратов. Это выдумка Луи де Буссенара. Удивительно, что Тоня знает о существовании Буссенара. Писателями она не увлекается. Когда я проговорилась, что хочу стать писательницей, вроде Элизы Ожешко, она была удивлена. Тоня думала, что я собираюсь на сцену. Но одно другого не исключает. Сын артиста сказал, что писательница Щепкина-Куперник играет маленькие роли и многие считают ее актрисой. В таком случае я будущая Щепкина-Куперник!

67.

Тоня уже успела рассказать своим братьям, что я выступаю на литературном утре, и они были очень заинтересованы. Такой прыти они от меня не ожидали. Это их собственные слова. Я не знала, обидеться ли мне на слово «прыть» и на то, что они меня назвали пигалицей, но подумав, решила принять это, как комплимент. Других комплиментов от них не дождешься! В одном матином романе я прочла, что молодые люди обыкновенно влюбляются в подруг своих сестер. Пока я этого не заметила! Но если со временем братья Калиниченко в меня влюбятся, я им припомню пигалицу и прочее! У Родиопуло тоже есть брат, но он не так молод. Лида Родиопуло сказала, что он чуть не женился. Ну, мне совершеннолетние не нужны. А брат Поцелуйкиной еще ходит под столом. Васса уверена, что он делает в штаны. Если Васса кого-нибудь не взлюбит, она может быть дико неприличной. Но когда другие говорят гадости, Васса принимает это как личное оскорбление. Чтоб она сказала, если б познакомилась с Шуркой из асиного двора! Но это вряд ли произойдет. Я с ним давно рассорилась. Сама Ася во двор ходит очень редко. У нее ни минуты свободной. Больше всего она занята тем, что думает об уроках. Засесть за них она никак не может. Она переносит свои книги и тетради с одного стола на другой. Все ей мешают. Она не хо-

чет, чтоб подсматривали. Кончается тем, что Ася идет в столовую и там, на кончике огромного стола переписывает французские глаголы. Для чего она это делает, мне непонятно? Я их не переписываю и всегда отлично выкручиваюсь. Есть много способов и их нужно менять. Иногда мне кажется, что проще было бы переписать глаголы, но нет, это ниже моего достоинства. Начальница сказала маме, что я все схватываю на лету. Причем же тут переписка глаголов и еще с указанием времен.

Мадам Тюрбо нравится, что я довольно бойко болтаю по-французски и со мной она может поговорить о погоде. А это ее любимая тема. Все зависит от погоды и от того, как она переваривает. Она постоянно говорит о пищеварении. У нас считают, что это неприлично. Хотя Вова и близнецы, когда никого нет дома, вместо того чтоб готовиться к устным экзаменам, поют: «Мальбрук в поход собрался»... Но стоит мне подойти к дверям, и они начинают издавать какие-то странные звуки, похожие на мычание. Если мне надоест, я скажу им, что знаю слова из Мальбрука... Да, они неблагозвучные, но я их нашла в словаре. А раз они там помещены, значит их можно употреблять. Прежде я думала, что их сочинили уличные мальчишки. Словарь мне многое открыл. И я понимаю, почему Вова его от меня прячет. Он боится моей любознательности. Я могу такое выкопать... Но я хотела проверить только некоторые вещи из «Голоса Одессы». Это такая же копеечная газета, как «Одесская почта» и там в каждом номере разбирают по косточкам то одного домовладельца, то другого.

Я предпочитаю «Одесскую почту». Геня приносит ее с базара и тайком дает мне на прочтение. Потом я должна ей рассказать своими словами что пишут Фауст и Диаволо. Наша бывшая кухарка, Соня, тоже

обожала «Одесскую почту». И она и Геня думают, что лучшего чтения не бывает. Мне в «Одесской почте» облыше нравятся письма читательниц. Вова сказал, что их пишет один сотруник газеты, он даже знает его фамилию. В нашем журнале письма читателей будут писать разные сотрудники, начиная от сына артиста и кончая Галкиным и Андрокардато. Вова хотел бы вести журнал по столичному. Чтоб все было на широкую ногу. Когда он сердится на близнецов, он говорит, что они мелко плавают. А им наплевать: мелко так мелко! При этом они фальшиво напевают: «шик, блеск, имерелеган, но пустой карман»... Сын артиста считает, что это толстый намек на тонкие обстоятельства. Или другими словами на то, что Вова форсит. Сам он верит в Вову и в его способность доставать деньги из-под земли. Журнал будет, а когда, это, в общем, безразлично. Самое интересное — подготовительная работа. Я больше всего люблю предвкушать. То что уже произошло, сразу отпадает и кажется, что его никогда не было. Поэтому мне неприятно, что литературное утро на носу. А вдруг мы провалимся! Это вполно возможно. Такие вещи случаются даже с артистами. Но тогда я умру со стыда. Я столько всем наобещала, что мне самой страшно.

Сегодня я опять осматривала наш гимназический зал. Не знаю, что с ним случилось, но он стал еще короче. А света в нем меньше, чем у нас в проходной комнате. Хорошо, что не будет учеников Реального училища. Они бы плевались. «Что это за помещение! Настоящий вагончик!». Зато у нас по стенам висят писатели. Все портреты в рамках и под стеклом. И когда солнце нечаянно попадает в зал, от них исходит сияние. Я сказала это шестикласснице со змеиной головкой. Но она только отмахнулась. «Какие глупости!». Я ничего не смыслю в портретах. Они

просто отсвечивают. Меня ее объяснение не удовлетворило. Можно все объяснить. Но остается такое, чего не скажешь обыкновенными словами.

Что бы запела шестиклассница со змеиной головкой, если б ей сказали, что я читаю чужие мысли. Меня научил Ланя. Это довольно просто. Надо закрыть глаза и представить себе, что мысль, как маленький червячок бежит по мозговым извилинам. Потом надо перевоплотиться в червячка и вместе с ним бегать по мозговому лабиринту. Ланя вычитал это в огромной книге с оторванной первой страницей. Ее оставил бабушкин жилец, когда сбежал, не уплатив за комнату. Кроме книги, остался дырявый чемодан и несколько манишек. Но чемодан и манишки Лане ни к чему, а вот книга научила его делать чудеса и тогда он сумеет в чалме разъезжать по городам. Ланя сказал, что на чтение мыслей публика бежит, как на пожар. Но он ведь из числа преувеличивающих. У него все невероятно и грандиозно. А близнецы, те все преуменьшают. Им хотелось бы прослыть скептиками. Это подходит к их английской внешности. Я боюсь спросить, верят ли они в чтение мыслей. А с сыном артиста мне все-таки удалось поговорить. Оказывается, он не только верит, он убежден, что существует чтение мыслей на расстоянии! Я могу спросить Вову, и он мне это подтвердит. У них так устроено, что один всегда ссылается на другого. Попробывала бы я сослаться на Таню! У нее бы сделалось непроницаемое лицо и она тут же бы замолчала. Вове я не скажу, он и так уверен, что у девочек нет чувства товарищества. Они не знают, что такое круговая порука. Это не совсем так: в Мусе Логинской сколько угодно товарищества, но вранье она поддерживать не будет. А по-моему надо идти до конца: друга не оставляют в беде, даже если он тысячу раз неправ.

Когда-то Вера Львовна говорила, что не стоит вносить во все столько страстности. Теперь она живет в Петербурге и прежние рассуждения кажутся ей смешными. Но может быть я ошибаюсь. Лане она пишет длинные письма и на каждой страничке множество наставлений. Он дал мне прочесть. Сам он их не читает, они его расстраивают. Ланя знает, что он ничтожество и постоянно проваливается на экзаменах, но зачем же повторять это при всяком удобном случае? Ему особенно неприятно, что Вера Львовна делает это в письменной форме. Устные нотации он еще кое-как сносил, а это свыше его сил. И за что ему всегда влетает? Он ведь уже не маленький. В нем ничего мальчишеского: плечи у Лани широкие, а ходит он так, как будто под ногами у него палуба корабля. Сам Вова сказал, что он здоровый дядя. И если бы не курчавые волосы и пухлые щеки, его можно было бы издали принять за взрослого. Со мной он вовсе не важничает. Он знает, что если ему захочется выступить с чтением мыслей, я охотно буду ему помогать. А фокусникам и факирам до зареза нужны помощницы из зрительного зала.

Ланя уже помогал одному факиру, и неудачно. Он вдруг так заволновался, что уронил на пол вазу с золотыми и серебряными рыбками. Факир рассвирепел. Ланя думает, что он его ущипнул. Все продолжалось секунду, не больше. Он почувствовал сильную боль в одном месте, пониже спины, но факир стоял неподвижно, со скрещенными руками. Больше своей помощи Ланя не предлагал. А ему страшно хотелось. Когда вызывают любителей из публики, он начинает дрожать от скрытого волнения. Я с ним была в цирке и мне с трудом удалось удержать его. Я просто вцепилась в ланину шинель и чуть не вырвала пуговицу с мясом. В антракте я долго его упрекала: как он мог забыть щипок факира! Но Ланя

сказал, что это ничто по сравнению с щипками его отца. Они гораздо глубже и от каждого остается по два маленьких синяка. Теперь отец не пошел бы на такое рискованное дело. Ланя способен укусить его, как Давид Копперфильд укусил своего отчима. Я долго не могла заснуть: мне мерещились ужасы. «Я убью его!» — *проскрежетал Ланя и разразился дьявольским* смехом... Это форменная чепуха, он мухи не обидит. Я думаю, что Ланя в жизни не дрался. Он был слишком занят своими неудачами. А у нас в классе чуть не произошла драка. Дочка доктора набросилась на Берту Креде и хотела вырвать у нее из рук резинку... Она кричала, что стыд и срам, брать чужие вещи! Но Берта Креде держала резинку в своих больших толстых пальцах: она купила ее за три копейки и никому не отдаст. Я предлагала дочке доктора мою собственную резинку. Она и слышать не хотела. Ей кажется, что все ее вещи — особенные. У других на резинках слон с поднятым хвостом, а у нее с опущенным. Ручка у нее из сандалового дерева. Она пахнет. Дочка доктора как-то расчувствовалась и дала мне понюхать. Никакого запаха не было. Я промолчала, хотя меня подмывало от желания сказать ей, что ручка пованивает. Дочку доктора вежливостью не проймешь. Она всем говорит неприятное и делает постоянно замечания. Для этого она выбирает самых глупеньких и беспомощных. Один раз она забылась и сказала Вассе, что у нее будет круглая спина. Васса обозвала ее нехорошими словами. Они до сих пор у меня в ушах, но повторить их я не решаюсь. Меня дочка доктора оставляет в покое. Она только намекнула на то, что мои стихотворения она где-то читала. Почти такие же сочинил знакомый ее папы. Она хотела меня унизить, но ей не удалось, я даже не обиделась.

Если б дочка доктора видела, как я мучаюсь,

когда сочиняю стихи, она поняла бы, что это идиотская выдумка. Но она не представляет себе, что такое муки творчества. А я на этом помешалась. Я знаю, как творил Пушкин: он все время вычеркивал. А Бетховен был глух, как стена, но в голове у него звучал оркестр, с флейтами и барабанами. Побольше того, что играет у нас в Городском саду! Осенью Вова взял меня в Городской сад, где было очень холодно. У меня зуб на зуб не попадал, но я ни за что не хотела уходить. Должны были играть «Ночь на лысой горе», из-за нее я пошла в концерт или на концерт. До сих пор не знаю, как лучше. Вова настаивал на том, чтоб мы шли домой, я обязательно схвачу ангину и его будут упрекать. Кроме того, «Ночь на Лысой горе» он слышал много раз. Ее почему-то исполняют в конце программы. Некоторые до конца не досиживают и поэтому им не суждено услышать ни «Ночь на Лысой горе», ни «Кавказскую сюиту».

Вове надоела рутина. Он хотел бы ее сломать. У нас в журнале все отделы будут не там, где у других. Он это твердо решил и сын артиста его поддерживает. Пора произвести революцию в журнальном деле. Но про революцию они говорят только у Вовы в комнате. В столовой не стоит об этом распространяться. Когда дядя слышит слово «революция» с ним творится нечто страшное: он теребит свою бороду, хватается за голову, закрывает лицо руками... Он, как на пороховой бочке. Другие не пугаются. Все знают, что была Великая французская революция, а потом тысяча девятсот пятого года.

В ней участвовал старший брат близнецов. Он был на баррикадах. Как строят баррикады мне рассказывал Женя. Сначала опрокидывается вагон трамвая или конки, а затем по бокам и сверху кладут всякую всячину. Получается баррикада. Там революционеры

отстреливаются от полиции. Их главная задача загородить дорогу пешим и конным. В последнюю минуту они всегда могут юркнуть в какой-нибудь переулок. Так поступил брат близнецов. Он забежал в одну малюсенькую бакалейную лавочку и стал просить, чтоб его спрятали. Лавочник долго ругался. Он говорил, что все эти перевороты мешают коммерции. Ни одна порядочная хозяйка не пошлет свою прислугу на улицу. В конце концов лавочник успокоился и спрятал его за большой бочкой с селедками. Брат близнецов пропах селедочным рассолом и с тех пор смотреть не может на селедку. Это почти все, что у него осталось от революции.

Дяде же снится, что его младший сын, похожий на херувимчика, будет разъезжать в революционных броненосцах. Но дядя уверен, что все от Бога, на все его святая воля. Значит и революция от Бога? Нет, тут что-то не то. Дядя когда-то кипятился и доказывал Вове, что революционеры негодяи и безбожники. У кого бы это узнать? Мои подруги не интересуются божественными вещами. Попробую спросить всех домашних. Начинаю с Гени. На мой вопрос, верит ли она в Бога, Геня отвечает громкими восклицаниями: «Что за несчастье свалилось ей на голову! Что она, раввин или, упаси Боже, резник, она только жена служки, и то они каждый день могут развестись!» Чтоб ее успокоить, обращаюсь к Юзе. С той гораздо проще: она верит в святую Тройцу. В обсуждения Юзя не вступает. Если я хочу, она поведет меня в костел. Прачка Оля тоже верит в Тройцу, но почему-то она зверски ругает Юзю и ее ксендзов. И всех поляков, вообще. «Пшестирадло, — говорит прачка Оля и тычет пальцем в простыню. — Ну, слышали вы подобное!». А мне нравится пшестирадло. Но с прачкой Олей спорить невыгодно. До сих пор мне перепадает от нее то постный сахар, то халва с

орехами. Не знаю почему, но олина халва в сто раз вкуснее нашей от Джуварджоно.

Это старая история. Мне постоянно нравилось все, что у других. У Аси я ела даже перловый суп. В нем плавали скользкие грибы, но они мне не мешали. Мне не пришло бы в голову сравнить их с слизняками, как я делаю дома.

Но вернемся к вопросу о Боге. Отец папиного корреспондента ответил не сразу. Когда я пристала к нему, верит ли он или нет, он закряхтел, заерзал на стуле, и стул под ним тоже начал кряхтеть. «Его дети не верят, и жена тоже. Она ведь мать! Куда дети, туда и она!». А отец корреспондента верит, но не так, как в детстве.

Старичок расчувствовался, и я боялась, что он сейчас расплачется. К счастью, пришел дядя Саша, и можно было улизнуть в столовую. Дядя Саша сказал мне, что он не такой простак, чтоб верить. Довольно он намучился у себя в местечке, где его хотели сделать кантором. Но ему повезло: он простудился и потерял голос. В это время ему сосватали тетю Иду. А по-моему лучше быть кантором и пить сырые желтки, чем мужем тети Иды и отцом Мальвины и Левочки. Но с моим мнением никто не обязан считаться.

Хейфеца я спрашивать не стану: мне давно известно, что он неверующий. Причем в Судный день он обязательно постится. Чтоб скрыть неловкость, Хейфец говорит, что это полезно для здоровья. Он говеет из соображений чисто гигиенических. Зато Матя полна горячей веры. Она поднимает глаза к столовой лампе и ресницы ее начинают дрожать. Никогда, ни при каких условиях Матя не забывает, что у нее красивые ресницы. Мишину мамку, Аксюту, не стоит спрашивать. Она еще испугается и у нее пропадет молоко. Тогда прибежит мадам Дунаевская, а мы от

нее насилу избавились. Лучше поговорю с Запавским. Он стал чистеньким и прилизанным и трудно себе представить, что этот самый человек скандалил, приходя с черного хода. Запавский, как всегда, в коридоре, и ждет, что его позовут. Со мной он готов беседовать часами. Но я держусь на расстоянии. К моему удивлению Запавский верит. Он собирался стать неверующим, но Бог его наказал. Какой Бог? Сын артиста говорит, что у игроков и пьяниц свой Бог, он выручает их в минуту жизни трудную. Ничего общего с библейским Богом он не имеет. Это скорее, языческий бог. Близнецы сказали бы, что он меня разыгрывает. Но им нечего беспокоиться, я не такая доверчивая, как была. И я знаю, откуда он взял «в минуту жизни трудную». Это из Лермонтова. Лермонтов очень популярен в его семье. Его папа по крайней мере два раза в день повторяет: «Печально я гляжу на наше поколенье»... Это относится к детям, его собственным и детям его жены, к артистам и вообще ко всему человечеству. Но теперь, когда я с утра до вечера твержу «В шапке золота литого», Лермонтов стал моей собственностью.

Сын артиста не должен забывать, что еще на Среднем Фонтане любили декламировать «Погиб поэт, невольник чести». Тогда взрослые говорили, что я нервный, но многообещающий ребенок. Теперь ребенком меня мало кто называет. Все вытянулось: руки, ноги, нос... А вчера, на своей правой ноге я заметила несколько волосиков. Вот неприятность! У Бори Гаевского кожа, как у новорожденного и он, наверное, никогда не будет бриться. А ему безумно хочется стать взрослым. Он с презрением говорит о мальчиках в коротких штанах и бархатных курточках. Пусть они сто раз вундеркинды и будущие знаменитости, они ему противны. Что же касается Бога, то прежде, чем ответить на мой вопрос, он дол-

жен основательно подумать. Во всяком случае у него его собственный Бог, а другой — ему ненавистен, как и Бог его матери. Я убеждена, что он признает какое-то таинственное начало и верит, в природу. Я сама верю в природу, но одно другого не исключает. Впрочем, Борю Гаевского я понимаю: у него свои счеты с Богом.

Пока что Боря предупредил, что в будущую субботу он и Женя не придут ко мне: они должны быть на лекции в одном научном обществе. Вход свободный и я тоже могу пойти. Стоит это не больше, чем мой иллюзион: «Двадцатый век». Ну что ж, я не отрекаюсь от «Двадцатого века». Там идет теперь «У камина» и я подговариваю Вову пойти со мной. Но он колеблется. Это не совсем подходящая для меня картина. Но я уже видела «Привидения» Ибсена. Я смотрела больше на публику, чем на сцену. Многие плакали. А старушка рядом со мной громко всхлипывала. Она сказала другой старушке с взбитыми волосами, что это трагедия вырождения. Но та сердито на нее зашипела. Вове было неприятно за Ибсена и на обратном пути он повел меня в автомат «Квисисану». Говорят, ресторан этот скоро закроется, так как некоторые вместо денег бросают оловянные пуговицы.

Когда мы дошли до нашего дома, все впечатления от пьесы рассеялись, но «Квисисана» не выходила у меня из головы. А что, если станут плохо говорить про одесситов? Во всех городах люди, как люди, а у нас — жулики. Никто не хочет понять, что пуговицы они бросают без злого умысла. Не их вина, что в других местах нет таких шутников, как в Одессе. Вова тоже отстаивает Одессу и из-за этого чуть не разошелся с Галкиным. Тому все безразлично. Он не понимает, что можно быть патриотом своего города. Всякий город, где ставят пятерки ему подходит. Если

завтра их переделают на тройки, он возненавидит Одессу. Потом Вова успокоился и сказал, что с Галкина взятки гладки, он ведь первый ученик. Но как мне убедить Вову, чтоб он взял меня в «Двадцатый век»? А то еще переменят программу и никогда я не увижу чудную, замечательную картину «У камина». То, что в «Двадцатом веке» картины рвутся — не так страшно. Спешить некуда. Можно несколько минут помечтать с закрытыми глазами. Я люблю иллюзион потому, что оттуда выходишь, как пьяная. Непонятно, что на улице еще не совсем стемнело и каждый идет по своим делам, как будто нет ни Веры Холодной, ни Полонского, ни артиста Максимова... Боюсь, что Вове интереснее будет пойти с Верусей или с его новой знакомой — Лилей! Все считают, что она редкая умница, и только Вова воздерживается. Он сказал, что сочетание ума и сердца его не устраивает. Ему нужна еще по меньшей мере миловидность. А в Лиле есть что-то лошадиное. У меня одна надежда, что Вова не поведет ни Лилю, ни Верусю в дешевый иллюзион. Веруся никогда в жизни не была в «Двадцатом веке». Туда ходят горничные и подмастерья. Подумаешь, какая цаца! Ей нужно, чтоб зрители были с высшим образованием. Лиля еще сильнее важничает. Она никак не может забыть, что живет в доме с паровым отоплением и подъемной машиной. Вова сказал, что близнецам невероятно импонирует эта машина, хотя она всегда испорчена. В общем, ясно, что Верусю и Лилю нельзя приглашать в скромный угловой иллюзион.

Меня удивляет: почему Вова и его товарищи льнут к таким особам. Неужели же Вова женится когда-нибудь на девице, вроде Веруси или лошадиной Лили? Этого быть не может! Я предпочитаю умереть от разрыва сердца или от скоротечной чахотки. В глубине души я уверена, что вовины ухаживания —

несерьезны. Прежде он говорил, что так просто свою свободу не отдаст. Для этого он должен встретить женщину из ряда вон выходящую. Например, тургеневскую Асю или Зинаиду из «Первой любви». К пушкинской Татьяне он охладел, она абсолютно не подходит для современной жизни. Я случайно узнала, что у близнецов более низменные идеалы: они считают, что жениться нужно на богатой с тем, чтоб отец ее устроил кабинет или помог стать директором фабрики. В зависимости от того, какой факультет они окончат. Вова над ними издевается, и советует им пойти к знаменитой одесской свахе, тете Рейзль. Конечно, все это шутки, но я вижу, как рыжий папаша спорит о приданом с отцом невесты.

Сын артиста не сторонник ранних браков. Он предпочитает свободную любовь. Сначала мне это понравилось, но очень скоро я поняла, что она не так свободна, как некоторым кажется. Неужели то, что было между Людмилой и Данюшей тоже называют свободной любовью? При чем тут свобода! Мне свободная любовь разонравилась, в тот момент, как я узнала, что каждая девушка благодаря ей может превратиться в погибшее, но милое создание. И обратно ходу нет! Бывают еще женщины легкого поведения. Им я слегка завидую. Хуже быть женщиной тяжелого поведения, как вассина приемная мать. Когда она говорит, кажется, что выгружают телегу с булыжниками. Она требует, чтоб Васса смотрела ей прямо в глаза. А Вассе это неприятно, она сказала, что у приемной матери глаза, как у жабы.

68.

Не понимаю и до конца своей жизни не пойму, почему люди с таким наслаждением портят жизнь другим. Начальница преследует серенькую библиотекаршу за то, что та выдает книги не в назначенные дни. Чаще всего попадает от нее Эсперансе. Что за воротничек? И почему она ходит не по той стороне коридора? и нарушает правила общежития?.. Бедная Эсперанса пугается слова «общежитие». И тем не менее ноги несут ее не туда, куда надо. Она не умеет соблюдать правила. Эсперанса еще не отказалась от своей безумной любви, а всем известно, что влюбленные витают в облаках. Надежда Игнатьевна не дает жить ни Берте Креде, ни нашей «В», за то, что они чешутся. Один раз она намекнула на то, что у них в волосах — фауна. Наша «В» разрыдалась и пришлось ей одолжить носовой платок. А на Берту Креде это не произвело никакого впечатления. Она иногда почесывается. Что ж из этого? Ее бабушка тоже чешет у себя за ухом и вязальной иглой.

По-моему Надежда Игнатьевна придирается к Берте Креде. Таких тугих кос, как у нее, я еще не видела. Волосок к волоску. Не может быть, чтоб в этих приглаженных волосах была фауна? Трудно перечислить всех, кого преследуют. Мадам Блазнер — Бэку, за то, что она не учится на круглое пять. Венгерка своих мастериц, потому что они дармоедки.

Дядя Авдей Ильич бедную кузину Маню: деньги он посылает ей по капельке и они всегда приходят с опозданием. Маня сказала, что когда получается перевод, она уже должна хозяйке за целых три месяца. Я хорошо знакома с квартирной хозяйкой и понимаю манины переживания. Хозяйка говорит всем направо и налево, что Маня ей ближе, чем родная дочь. Она за нее душу готова отдать. Это вранье. Она хочет, чтоб ее считали маниной благодетельницей. Я ее сразу раскусила: она фальшивая, как оловяный гривеник. Достаточно посмотреть на ее щеки в черных точечках!

Столько раз повторяли, что по внешности нельзя судить, что я чуть в это не поверила. К счастью, прачка Оля сказала, что Бог шельму метит. Именно это я думаю о квартирной хозяйке. А слова прачки Оли — народная мудрость. Я могу составить списки преследуемых и в каждом из них на первом месте будет Ланя. Никого так не гоняли с места на место, как его. У него когда-то была мечта: иметь полочку для книг и инструментов. И только теперь он сумел приладит ее в углу над своим диваном. Но что было бы если б Вера Львовна вышла замуж за холостяка и бабушка не отказала всем своим жильцам! Всем, кроме одного: он бывает наездами. Вера Львовна понятия не имеет о жильце, она была бы возмущена. Она боится, что скажут: вот вышла за богатого, а не поддерживает свою старую больную мать. Раньше Вера Львовна не обращала внимания на то, что говорили вокруг нее, а теперь ей нужно прислушиваться ко всем сплетням и пересудам. Но никто ей не скажет. Все отлично поняли, что бабушка должна иметь свои деньги. Она называет их «подкожные». Иногда Лане перепедает рубль или полтинник, и он идет на циклодром посмотреть на Уточкина. Это ланин кумир. Если бы ему купили гоночный велосипед, в

конце концов он сделался бы чем-то вроде Уточкина, на этому не суждено сбыться. За Уточкиным все равно не угонишься. Он побил рекорд езды на автомобиле. И собирается полететь... Поэтому Ланя бредит монопланами и бипланами. Меня он не может увлечь. Когда подумаю об этом, сейчас же перед глазами воздушный шар. С него сбрасывают балласт: мешки с песком. А в корзине человек в шляпе «здраствуйте и прощайте» отдает приказания. Нет, Бог с ними, с бипланами, океанский пароход гораздо интереснее.

Я хотела бы знать во сколько раз он длиннее тех, что плавают между Одессой и Николаевом? Хорошо проснуться глубокой ночью на койке с высокими твердыми подушками и вдруг услышать сирену. Мы вошли в полосу тумана и можем случайно потопить рыбачий баркас. Это я прочла в старой библиотечной книге и мне страшно захотелось упасть в воду, чтоб меня выловили суровые моряки и потом долго отогревали напитком с коротким названием: грог. Главное, чтоб на океанском пароходе не так качало, как под Очаковом, когда никто не может встать! Все охают, откашливаются, требуют, чтобы им дали лимон или миску. А одна дама в прическе с валиком изображает из себя умирающую. Она вслух прощается с мужем и детьми, хотя дети остались дома а муж ее в соседней каюте. Вова сказал, что в мужском отделении какой-то тип думал, что пришел его последний час. Он так надоел Вове, что тот вышел на верхнюю палубу подышать морским воздухом. Я надеюсь, что на океанских пароходах нет таких надоедливых пассажиров.

Тоня Калиниченко сказала, что папа ее возит паломников в Святую землю. Она их видела. Это бабы и мужики, и они тоже боятся качки. Но Тонин папа никогда не спускается в трюм, посмотреть, что с па-

ломниками. Он стоит на капитанском мостике. В руках у него подзорная труба. Он дал ее Тоне и она чуть не подпрыгнула: так все приблизилось! Тоне ничего не стоит подпрыгнуть, она легкая, как пушинка. Ее мама тоже была легкой, воздушной. Тоня принесла в класс фотографию, и мы все восхищались. Но она слишком любит халву и рахат-локум. А от них даже пушинка может превратиться в глыбу жира. А вот Вова и близнецы съедают по фунту шоколадной халвы и ничего им не делается. Они в состоянии еще говорить о конфетах лоби-тоби. Я на минуту зашла в вовину комнату и увидела, что они едят халву прямо с бумаги. Им лень пойти за тарелкой! А может быть с бумаги вкуснее? Очень неприятно думать о халве: завтра литературное утро, а сегодня на уроке русского Надежда Игнатьевна опять сказала, что я должна умерить свой пыл. Я вкладываю в Лермонтова слишком много души.

На нее не угодишь! Она уверена, что от нашего монотонного чтения всякий может заснуть, а когда я начинаю задыхаться от восторга, Надежда Игнатьевна недовольно качает головой. Необходимо чувство меры! Я, действительно, способна забыть, что нахожусь в классе с поломанным аквариумом. Я на Бородинском поле, где «рука бойцов колоть устала». Недаром сын артиста советовал мне не слишком расточать себя. В таких случаях он говорит: «Легче на повороте!». А у него ведь большой опыт. Вчера на генеральной репетиции он и Вова помогали даже в расстановке декораций. И Вова опять пропитался запахом кулис. Как известно, он состоит из запаха известки и слежавшегося полотна, но тот кто его нюхнул, на всю жизнь остается прикованным к театру, как Прометей к скале.

Сына артиста запах кулис не волнует: он дышит

им с пеленок. А мне безумно хотелось бы пропитаться им. Я готова подкупить сына артиста, чем угодно, но он неподкупен. Детей на генеральную репетицию не пускают. «Но иногда ведь приходят дети артистов?». — «Да, если им некуда деться». Подумаешь! Я была уже в театре, где все роли исполняли дети. Они были страшно кукольные и все это было несерьезно. Никто мне не мог сказать, чьи это дети и почему они разъезжают по всей России? Неужели же они нигде не учатся? Вова меня успокоил. При театре есть учителя и каждая малышка там знает на зубок четыре правила арифметики. Меня детский театр не соблазнил. Что за радость от платьев с блестками, если их после спектакля прячут в большие плетенные корзины. А артисты оказываются снова в своих старых заштопанных платьях. Мне не надо переодеваться. Я буду выступать в своей новой форме. Она до сих пор считается новой, хотя ее уже два раза чистили. И если принюхаться, еще чувствуется бензин. Это противный, перчаточный запах. Попрошу, чтоб на сегодняшнюю ночь форму вывесили на балкон! Может быть там он окончательно выветрится. На моей старой форме локти давно заштопаны. Мама говорит, что это художественная штопка. Так ее учили штопать на уроках рукоделия. У них рукоделие было главным предметом, не то, что у нас. Я с трудом поняла, что такое машинный шов. Но стежки у меня почему-то неровные: один громадный, а другой, рядом с ним, с булавочную головку. У Тани они все одинаковые. Она не может понять, почему я не имею глазомера. Ей кажется, что я рисуюсь. А я не виновата, что природа лишила меня хозяйственных способностей. Если б от меня зависело, я бы с утра до вечера вышивала и вязала. Я одарила бы весь класс вязаными шарфами и вышитыми салфеточками. И это успокоило бы мою нервную систему.

Но мне остается только стать писательницей или артисткой.

Быть врачем мне расхотелось. Я узнала, что такое анатомический театр и после этого меня тошнило. И как! Сын артиста посоветовал положить два пальца в рот, как делали древние римляне. А что у меня с ними общего? Их дома, те что в учебнике древней истории, такие плоские, что там нужно ходит боком и жевать одной половиной рта! «А ну их к ляху!» — как говорит прачка Оля. У меня сейчас другие заботы. Я должна хорошенько продумать, стоит ли придти на литературное утро вовремя или с небольшим опозданием. Чтоб мое отсутствие заметили. А вдруг она не придет? Что тогда будет с программой? В этот момент появляюсь я. Литературное утро спасено. Ну, а если б разболелось горло, кто бы меня заменил? Неужели дочка доктора? Она и так на зло мне выучила «В шапке золота литого», и когда я прохожу мимо ее парты, она бурчит себе под нос: «И пришел с грозой военной Трехнедельный удалец»... Иду в пари, как мы всегда говорили, или «держу пари», как нужно говорить, что дочка доктора не подозревает о каком Наполеоне идет речь. Ей это абсолютно неважно. Она признает только пирожные наполеон: в них крема втрое больше, чем в трубочках. Другие Наполеоны для нее не существуют.

Зато я знаю историю Наполеона, как свои пять пальцев. От Аяччио до Святой Елены. И все из-за Вовы. У него культ Наполеона. Это его собственные слова. Я ничуть не преувеличиваю. Близнецы захотели присвоить себе Наполеона, но Вова им не дал. Они это делают из подражания. Но тут старший близнец на него взъелся. «Как, из какого подражания?» У него над кроватью уже три года висит гравюра: «Наполеон — первый консул». На Вову это не произвело впечатления. «Ну, что ж, висит, так висит. Ведь не-

известно, зачем ее повесили». Вова отлично помнит, что на месте гравюры было большое жирное пятно. Значит ее повесили для красоты, а не из уважения к Наполеону Бонапарту. Кстати сын артиста относится к нему иронически. Он сказал, что Наполеон полжизни проводил в ванне. Я хотела вставить, что это как раз говорит за Наполеона, но сын артиста меня все равно не стал бы слушать. Наполеон ему не импонирует. В этом он опирается на Льва Толстого, на его «Войну и мир». Жаль, что нельзя узнать у покойного Льва Николаевича Толстого, хочет ли он, чтоб сын артиста на него опирался.

Если б спиритические сеансы не кончились скандалом, я попросила бы вызвать дух Толстого. К сожалению, всех Андрокардато подвел. Он оказался обыкновенным хвастуном. А один из духов запутался в простыне и стал ругаться непечатными словами. Вова говорит, что эти слова целиком не печатают. Ставят одну букву, остальное — точки. Самое неприятное, что дух каблуком разодрал простыню и было много разговоров по этому поводу. Я предчувствовала, что Андрокардато выкинет какой-нибудь номер. Он не умеет серьезно относиться к жизни. О чем бы ни говорили, для него все это чепуха на постном масле. Одно время мне казалось, что Андрокардато — скептик, но Вова поднял меня на ура. Хороший скептик, нечего сказать! Он просто олух царя небесного. В таком случае, зачем они пригласили его в медиумы? А это — объяснил Вова — ничего общего с умом не имеет. Это дар. Как уменье играть на трубе или на скрипке. Вот тебе и на! Мне Андрокардато всегда казался бездарностью. И, как видно, я была права. Но я не настаиваю на своей правоте. Я не хочу злорадствовать, как мадам Ашевская: она все предвидела и всех предупреждала, но никто не хотел ее слушать и теперь они расплачиваются.

В нашем классе самыми злорадными считают Калю Зандберг и дочку доктора. Но дочка доктора кипятится, а Каля цедит сквозь зубы. С некоторыми она вообще говорит с полузакрытым ртом. Я думала, что цедят слова только старухи с лорнетами или баронессы, вроде той, что жила на Малом Фонтане. Потом выяснилось, что она вовсе не баронесса, и особенно расстроены были шпион и его жена, они уже звали ее «наша баронессочка». Их утешило только то, что на соседней даче живет самозванная аристократка. Она говорит, что дедушка ее был знаменитым боевым генералом не то в Австрии, не то в Венгрии. И все ей верят. Но ее разоблачила Катя. Она сказала, что у аристокракти грязные ногти. Катя, вообще, любит делать открытия. Поэтому ее боятся все наши знакомые. Она спросила у провизора, почему на его голове два холмика? И бедный двухгорбый провизор чуть не провалился сквозь землю. Ему кажется, что голова у него, как у всех остальных. Ведь никто не знает ни цвета своих волос, ни своего голоса. Насчет фигуры тоже ошибаются. Иначе мадам Немирова не носила бы белого пеньюара. В нем она похожа на ледяную гору. Ее толщина мне очень симпатична, но массажистка другого мнения. Она так шлепала ее по спине, что гул разносился по всей даче. От других осталось бы мокрое место, но мадам Немирову этим не проймешь.

Совсем недавно одна шестиклассница встретила нашу немку в театре на дневном представлении. Она была в красной блузке. Шестиклассница не могла придти в себя: «Старухи не носят красного. Это для молодых! А немке уже минуло тридцать два года!». Напрасно она бесится. Когда-то моя бабушка, папина мама, носила голубые и розовые блузки и никого это не возмущало. Ее считали красавицей. Я в ней красоты не находила. У бабушки были крупные чер-

ты лица: большие глаза, больший нос, большой высокий лоб. Мне трудно вспомнить цвет ее глаз, ее прическу. Лучше всего я помню ее руку с твердыми жилками и серьги, ввинчивавшиеся в ухо. Но если б я ее теперь увидела, она, наверно, показалась бы мне писаной красавицей. Насчет блузок я шестикласснице ровным счетом ничего не сказала. Пусть думает, что я возмущаюсь. А мне жалко нашу немку. Ей хочется быть молодой. Она столько раз нам рассказывала, как летом на волжском пароходе за ней ухаживал один необыкновенно интересный господин, и они рассуждали о новых правилах для учащихся и для учащих. И кем вы думаете он оказался — попечителем учебного округа! Когда немка произносит слово «попечитель», можно подумать, что она читает молитву. С тех пор она молодится, и я ее оправдываю. На литературное утро она придет в своем обычном наряде: синей юбке и синей блузке. На ней бантик из позолоченного серебра или из посеребренного золота, и к нему прицеплены часики. Вообще, все оденутся по-форменному. Отец Белой Мыши будет в казенном мундире, а батюшка в парадной рясе. Стыдно вспомнить, что я вздрогнула, когда на панихиде он нечаянно окропил меня святой водой! Но оказалось, что ничего страшного нет. «Вода, как вода», — говорит Васса. Она неверующая. Главным образом, из-за своей приемной матери. Раз та верит, значит ничего хорошего в вере быть не может.

Не она одна, близнецы тоже восстали на Бога. Это давняя история. А мой дядя не подает им руки по двум причинам: во-первых, у них молоко на губах не обсохло, а во-вторых, они просто невежи. Вова о них другого мнения. Он по-прежнему считает их дарвинистами и в то же время недурными психологами. С каких пор они стали психологами? Они ведь постоянно задают бестактные вопросы. Я это

знаю по опыту. Они хотели бы уничтожить меня своим превосходством. Но когда мы встречаемся в греческом буфете, близнецы готовы угощаться на мой счет. У младшего близнеца дырявый кошелек, а старший забыл деньги на письменном столе. Мне неприятно быть мелочной, и я делаю вид, что поверила. Но когда мы выходим на улицу, они круто заворачивают, им со мной не по дороге. Меня не удивило бы, если б они подталкивали друг друга, как два сообщника, и радовались, что им удалось меня надуть. Они не подозревают, что я сознательно дала себя обжулить. А психологам это не полагается.

Неужели же из-за них я начну притворяться, как героиня пьесы напечатанной в одном альманахе. Вова читал целые куски по телефону, и я помню, как героиня жаловалась, что у нее отняли веру в человека. Она говорила, что все друг другу изменяют и мне стало так нехорошо на душе, что я убежала к себе в комнату. Мне захотелось лечь в кровать и спрятать голову под подушку. Но Юзя еще не успела постелить, и она сердится, когда я сама хочу это сделать. Если б Юзя была грамотна, я подарила бы ей книжку, где описывается швейцарский пансион. Там все девочки не только моего, но и катиного возраста, убирают свою комнату и даже чистят ботинки. Я могла бы ей почитать, но Юзя отказывается слушать всякую дребедень. Она любит романы, главное, чтоб они кончались свадьбой или, по крайней мере, помолвкой.

69.

С того времени, как главная венгеркина мастерица царит у нас на кухне, там идут бесконечные разговоры о свадьбах. Когда мастерица рассказывает, как примеряли подвенечное платье, она вне себя. И так как я тоже психолог, то мне кажется, что она мысленно стоит у трехстворчатого зеркала и другая мастерица ползает перед ней на коленях и выравнивает юбку. Она забыла, что ее ждет спешная работа, что утюг давно простыл, а вечером венгерка будет валяться на диване с грелкой и кричать, что ее сведут в могилу... Вместо того, чтоб повторять «Бородино» я думаю о белых подвенечных платьях, хотя мне давно известно, что они годами будут лежать на дне сундука и постепенно становиться желтыми. Я видела такие платья. Кто бы поверил, что их когда-то носила невеста. Если б не стыдно было, их употребили бы на тряпки. Но, говорят, что это память о самом счастливом дне.

На тех свадьбах, где я присутствовала, невесты плакали навзрыд, и я не уверена в том, что это было от счастья. Мало ли от чего плачут: некоторые просто так, другие со скуки, или от злости, как мальчишка на пароходе. Но есть люди, не умеющие плакать. Мы их не замечаем. Мы видим только тех, кто на всех перекрестках кричит о своем горе. В общем, абсолютно счастливых людей мало. Я знаю, что мама

и папа были бы удивлены, если б узнали, что я давным давно ношусь с мыслью о надгробной эпитафии. У меня их две: на выбор. Одна из Алексея Толстого, а другая из Некрасова. Мне когда-то нравилась некрасовская, но ее необходимо в одном месте изменить. У него: «дочь Италии», а я чистокровная одесситка. Засыпаю с мыслью о мраморной плите, куда приходят плакать все, кому я была дорога. А наутро мне уже не до эпитафий. Я тороплю Юзю: «Форма, где же форма? И почему на ней складки, их ведь раньше не было?». Но Юзя огрызается. Ей моя форма надоела хуже горькой редьки. И чего я спешу? Есть еще вагон времени.

Какое дурацкое выражение! Где эта несчастная Юзя его подцепила? А ей, видно, нравится «вагон времени». Она повторила это по крайней мере раз десять. Так говорит панич Вовочка. Этого я не могу снести. Но Юзя неумолима: «Да, панич Вовочка и ихние товарищи всегда так говорят». В первый раз слышу. Но мне не хочется спорить. От волнения все стихи могут превратиться в кашу. И тогда дочка доктора будет плясать от радости. А Надежде Игнатьевне придется пить валерьянку из докторского стакана. Напрасно я забегаю вперед. Пока все на месте. Каждая строчка, как напечатанная. Я могла бы их декламировать с конца или с середины. А это самое трудное. Сын артиста специалист по переворачиванию стихов. Иногда он их переиначивает, и они получаются еще лучше, чем у поэта. Он взялся даже за Пушкина. Но тут Вова стал на него наступать: «Это безобразие и кощунство!». Услышав про «кощунство» сын артиста сделался серым, как оберточная бумага. Он попросил бы не употреблять таких слов.

Все это говорится с деланным спокойствием и так важно, что у меня кровь застывает в жилах. Но Вова

не из трусливого десятка. Он требует, чтоб Пушкина оставили в покое: «Руки коротки!». Но почему тогда, на Малом Фонтане, Вова с Бобиком и его знакомыми студентами по-своему декламировали монолог из Евгения Онегина: «Не отпирайтесь, я прочел»... При этом они как-будто поворачивали ключ в воображенном замке. Мне не особенно понравилось, но я молчала. Еще скажут, что я не доросла до пародий. Но то было на даче. А здесь, в городе, в конце учебного года, такие вещи просто недопустимы. Спрашиваю Вову, можно ли переделывать «Ревизора» или «Горе от ума», и он начинает сердиться. Зачем брать классические образцы? Гораздо лучше сочинять музыкальное обозрение. Если потребуется, он с удовольствием напишет слова и музыку. Мне эта идея нравится, и я мгновенно забываю, что должна идти на литературное утро. В голове крутится куплет из одного знакомого обозрения: «Боже, с каждым днем дурнею, С каждым днем старею, В этом тут вся соль. Голос потеряла И сама увяла, Где мой си бемоль?» Я никогда не забуду, как на сцену вышла полная женщина в большой шляпе и запела про «си бемоль». Многие смеялись, а мне было больно и неприятно. Нет, ничего смешного в том, что певица потеряла си бемоль. Но Вова мне объяснил, что люди пришли сюда рассеяться. Какие чудаки! Я прихожу в театр совсем не для того, и мне не стыдно обливать слезами мой новый перламутровый бинокль. Я часто любуюсь бархатным мешочком фиалкового цвета, где лежит бинокль, моя любимая собственность и думаю, как будет жалко, если я его потеряю. А мне много раз повторяли, что это обязательно должно случиться.

Но хватит рассуждать об Евгении Онегине и о биноклях. У меня только десять минут в запасе и надо еще со всеми попрощаться. Обычно я из ко-

ридора кричу: до свиданья! А сегодня я очень долго прощаюсь с мамой. Почти, как перед поездкой в Николаев. Вову я целую, но мысленно, чтоб он не подумал, что от волнения я расчувствовалась. Как хорошо, что Кати нет. Она потребовала бы, чтоб я взяла ее с собой. По мнению Кати старшие сестры должны повсюду таскать за собой младших. И если они отказываются, их надо заставить. Воспитывать себя она не позволяет, зато сама не прочь заняться воспитанием Миши. Когда Миша кричит, глаза у нее становятся круглыми. Ей хотелось бы его отшлепать. А Миша даже не подозревает, что Катя покушается на его круглый красный задик. Бедный Миша не умеет еще проситься. Со мной Миша попрощался очень мило. Он сунул в рот мой указательный палец и тут же его обслюнявил. Я немного обижена на папу. Он мог бы меня подождать. Но его вызвали на завод, и он уехал в такой спешке, что забыл положить на место телефонную трубку. Это заметили гораздо позже, когда из трубки послышался странный треск.

Мне обидно за папу. Он ни разу в жизни не отдыхал после обеда, а асины родители укладываются в постель и спят до вечернего чая. Для них это неписанный закон. Прежде мы ходили во двор, потому что в это время нельзя было ни стучать, ни разговаривать нормальным голосом. А теперь Ася не хочет больше спускаться: она поссорилась с Эльзуней и с сестрой испорченного Шурки. С Эльзуней по известной причине, а с сестрой Шурки из-за бархатного платья. Ася сказала, что ей не нравятся бархатные платья, они слишком топорные. Но сестра Шурки не осталась в долгу и заявила, что у Аси и у асиной мамы нет ни на копейку вкуса. Ее бархатное в миллион раз изящнее асиного с кружевами! Не понимаю, почему они горячатся? Платья ведь в шкапу. А они носят

форму, правда, разных гимназий. Моя форма старее, чем асина, но я делаю вид, что она только что вышла из мастерской. Кузина Маня при всяком удобном случае повторяет, что дело не в туалете, а в том, как его преподнести. Она кутается в свой узенький шелковый шарф и я должна верить, что так именно кутались красавицы прошлого века. Чтоб доставить ей удовольствие смотрю довольно пристально на узенький шарф. А вот мне никто не хочет доставить удовольствие. Все считают своим долгом говорить одну только горькую правду.

В гимназии шумно, как перед роспуском на каникулы. Никто не торопится занять место. Но приготовишки уже засели в зале и с невероятным терпением ждут начала программы. А третьеклассницы хотели бы остаться в коридоре. Литературное утро их не интересует. А ведь они — главные участницы. Мы только с боку припека. Но кто главный и кто неглавный, узнаем позже. У Сахно, например, такой вид, как будто она самая знаменитая исполнительница Шопена. И лицо у нее необыкновенно белое. Я боюсь, что она потихоньку напудрилась. Но это скорее похоже на Тоню Калиниченко, она тоже белая. Мы держимся вместе, и Сахно снизошла до того, что называет меня по имени. Постепенно начинают прибывать почетные гости. Приходит артистка, та, что преподает дикцию и декламацию в старших классах. Она плывет, как большое океанское судно. За ней — начальница. Рядом с артисткой она похожа на суденышко, затерявшееся в волнах. Начальница обожает артистку. При ее появлении она вдруг заулыбалась и в приливе чувств подала руку одной малозаметной ученице. Малозаметная испугалась и чуть не выронила начальницыну руку. Она не привыкла к такому обращению. Я ее отлично понимаю, я сама страшно растерялась, когда начальница в театре, на утреннике, по-

здоровалась со мной. как с доброй знакомой. Наконец, все уселись, и я с ужасом услышала, как под артисткой крякнул стул. Она ведь представительная и пышная, но это ей подходит. На нас артистка не обратила внимания. Ей, как видно, понравилась «Белая Мышь». Она что-то тихо сказала начальнице, а потом положила свою руку в тройных кольцах на белую мышиную голову.

Никакой занавес не раздвинулся, его просто не было. А вышла Зоя Антоновна и высоким приподнятым голосом заявила, что сейчас ученица второго класса, Ада Сахно, исполнит ноктюрн и эмпромтю Шопена. У нее не хватило духа назвать Сахно пианисткой! Очевидно, в стенах гимназии пианисток и декламаторш не бывает, а есть загнанные безличные ученицы. Пока Сахно прилаживала фортепианный стульчик, я от волнения ерзала на моем слишком широком стуле. Мне хотелось ей помочь, но было запрещено выходить из рядов. Мне передавали, что у меня был такой зверский вид, как-будто я хочу всех забодать. Приготовишки шептались: «Блин, блин...» Так называют Сахно, потому что у нее блинчатое плоское лицо. Но какое это имеет отношение к музыке? Вова говорит, что пианист Годовский не блещет красотой, но это не мешает ему быть европейской знаменитостью. Не знаю, как у Сахно, а у меня от волнения вспотели ладони и я вытерла их о мою выглаженную форму. Но когда Сахно взяла первые несколько нот, все притхли. Она играла очень старательно и вместе с тем в ее музыке было что-то похожее на лунную дорожку на море. Тане очень понравилось. Впервые, она наверное, скажет: «Это было божественно», — и мне будет стыдно с ней спорить. Таня умеет бескорыстно восхищаться. Она ведь сама пианистка, но сейчас она вся ушла в музыку Сахно и переживает каждую ноту.

После ноктюрна все кричали: «Браво, бис!..». Приготовишки громко аплодировали и их пришлось остановить: «Здесь не балаган и надо вести себя прилично». Сахно кланялась. Но на бис ей сыграть не пришлось. Кто-то потянул ее за юбку. Это означает, что она должна уступить место следующему номеру программы, ученице четвертого класса с немецкой фамилией. На самом деле она не немка, но предки ее жили в Германии и там приобрели эту фамилию. Она оттарабанила стихотворение Лермонтова: «Скажи мне ветка Палестины...» Артистка все время качала головой. Васса услышала, а она способна услышать даже то, чего никто не говорил, как она наклонилась к уху начальнице: «Мило, но есть дефекты дикции...» Бедняжка! За дефекты начальница будет ее долго отчитывать. И она узнает, что ни у Короленко, ни у Чернышевского дефектов дикции не было.

Но ученица с немецкой фамилией читает уже: «Выхожу один я на дорогу!». Она делает паузу не там, где полагается, и кто-то начинает фыркать. Приготовишки подхватывают. Им надоело сидеть поджав ноги. Они ужасные непоседы. Я сама в их возрасте была непоседой, а теперь могу целый час сидеть неподвижно, в глубоком раздумье. Гимназическая докторша с двойной фамилией считает, что это вредно. Она поговорила с мамой и тогда снова вызвали рыжего доктора с Канатной. На этот раз он прописал мне бром. Пирожные я, по его словам, могу есть в любое время дня. Но важнее всего — шпинат: «Давайте ей побольше шпината!». Он сказал, положим, не «ей» а «молодой барышне», но об этом я умалчиваю. Бог его знает, не было ли тут легкой насмешки.

Сейчас, перед выступлением, я совсем не чувствую себя барышней, у меня начали трястись поджилки. Я ведь уже несколько раз выступала, но тогда

не было ни артистки в длинной бархатной кацавейке, ни странного чужого господина с выпученными глазами. Говорят, что он приехал из Петербурга. Это возможно. Но зачем ему понадобилось литературное утро, он ведь мог пойти в Городской театр? Наши учителя меня меньше смущают. Мне только неловко перед учительницей рисования. Она считает меня никудышной, а я оказывается, одна из главных исполнительниц. В конце концов она с этим примирится. Ничего другого ей не остается.

Как я рада, что до меня выступление малолетней скрипачки, еще одна декламация и антракт. Но скрипачка уже просунула свою скрипочку под подбородок и ждет. А Серафима Георгиевна, аккомпаниаторша, как на зло, запаздывает. Приготовишки сходят с ума. Они делают дурацкие жесты, напоминающие игру на скрипке. Подруга Белой Мыши водит по воздуху, воображаемый смычок. Все это похоже на музыкальное утро у Галки. Нет только родителей и родственников. Малолетняя скрипачка в себе очень уверена. Она пиликает с чувством собственного достоинства. У многих начинают болеть уши. Я молчу. Мне, как артистке, неудобно критиковать других. Скрипачке долго аплодируют, но никто не просил ее сыграть на бис. И она уходит очень недовольная, постукивая смычком по своей короткой юбочке, как делают знаменитые скрипачи. Вслед за ней на эстраду влетает заносчивая третьеклассница и отчетливо, так, что все вздрагивают, начинает читать мою любимую «Песню про купца Калашникова». На нее смотрят во все глаза. Это коронный номер программы. Но сколько же можно на нее смотреть! Ее ведь знают, как облупленную. В столовой она всегда ссорится из-за какао и на переменах никому не дает пройти по коридору: она и две ее подруги ходят, обнявшись и занимают все свободное пространство.

Чтение длится бесконечно долго. Я знаю, что это эгоизм, но мне хотелось бы, чтоб поскорей уже схоронили бедного купца Калашникова. Наступает долгожданный момент. Начальница объявила перерыв ровно на пятнадцать минут. После этого решится моя судьба. Таня требует, чтоб я спросила у артистки, стоит ли мне пойти на сцену. Ей легко рассуждать, а я уверена, что артистка посмотрит на меня сверху вниз и проплывет дальше. Будет хуже, если она пустится со мной в разговор. Пока к ней все равно не подступиться: она окружена учительницами, учителями, ученицами, более солидными, чем я. Таню я ищу глазами, но она забыла всю свою важность и тоже помчалась в столовую. А там на буфетном столе разложены: крашенные конфеты, мармелад, помадки, тянушки, прянички, вроде тех, что продают на Куликовом поле. Они, когда засахарятся, похожи на круглые камешки. Мне не до пряничков. Если б можно было спрятаться за вешалкой с голубыми холстинковыми передниками! Но по случаю литературного лермонтовского утра их убрали. Они нарушают торжественность. Подумаешь, какая торжественность в старых обоях в полоску! Меня и без того не замечают. Все набросились на угощение, как будто никогда в жизни не ели конфет от Братьев Крахмальниковых. Я, на месте этих братьев, была бы довольна: им не снилось, что их конфеты могут иметь такой сногсшибательный успех. Ведь Вова и сын артиста относятся к ним с презрением. Они их в рот не возьмут! А я случайно видела, как они, как будто невзначай, съели целую коробку помадок и в придачу большое количество конфет ярко-розового цвета.

При посторонних они не станут этого делать. Но стоит маме и папе уйти в театр миниатюр, как начинается обследование буфета. Был случай, когда ни

одну дверцу не удалось открыть, хотя для этого был припасен ржавый гвоздь невероятной длины, и Вова выпросил на кухне немного изюма. Удивительно, какие мысли приходят в голову перед выступлением! Почему-то вспоминаю дачный спектакль и занавес из простынь, прозрачных от лунного света на аллее. Мне преподнесли букет и Матя тогда сказала, что я прижимаю его к груди, как настоящая примадонна. После этого мои руки пахли левкоем и цветами «ночная красавица» и вся я была таинственной и некаждодневной. Здесь никаких букетов не предвидится. На даче я выступала, как артистка, а тут я только ученица и должна читать наизусть два стихотворения. И это случится очень скоро, через минуту.

Приготовишек погнали в зал. Сейчас они начнут ссориться из-за мест. Ссора будет длиться до тех пор, пока на них не прикрикнет кто-нибудь из второстепенных учительниц: Зоя Антоновна или серенькая библиотекарша. Я слышу, как шаркают ногами третьеклассницы. Внезапно кто-то меня легонько толкает и я на эстраде. Полная пустота. Нет даже стула! Его убрали. Сначала говорю очень тихо: «Два великана», но затем мой голос крепнет, он стал даже слишком громким. Значит Таня права, я способна зажигаться. Но зажигаю ли я других? Это неизвестно, лиц я не вижу по близорукости. Не успела продышаться и уже начинаю второе стихотворение: «Бородино». И вдруг мне в поле зрения попадает Муся Логинская. У нее довольный и счастливый вид. Если судить по Мусе, все идет хорошо. Муся может быть спокойна, я не подведу наш класс и Надежду Игнатьевну. Я это твердо решила. Только бы удержаться и не полететь, как на курьерских. Но рискованный момент проходит, я, кажется, кончила чтение. В голове у меня жужжит, это аплодисменты. Аплодируют долго, а приготовишки из первого ряда стучат ногами

и удостаиваются за это грозного «Тише!» Под конец раздаются еще одинокие аплодисменты. Потом все стихает. Назавтра я узнала от Вассы, что Сахно аплодировала не по-честному, без всякого звука, и Васса ей этого не простит.

До окончания программы надо оставаться в зале. Забираюсь в последний ряд и сижу там очень тихо между двумя второгодницами. Это не сестры и не кузины, но между ними есть общее: в каждом классе они остаются по два года. Теперь они добрались до третьего, но могли бы быть в пятом или в шестом. Второгодницы недовольны, что я их разлучила, а мне их соседство очень подходит: рядом с ними я становлюсь почти незаметной. Я больше не смотрю на выступающих. Для меня литературное утро кончилось в тот момент, когда я ушла с эстрады. Это не особенно благородно. Но что поделаешь, не всегда можно быть благородным. Хотела бы знать, о чем в таких случаях думают? Чтоб обелить себя, после каждого выступления аплодирую, как нанятая. Но встает начальница, а за ней артистка. Начальница говорит, что программа кончилась, и мы можем в полном порядке расходиться по домам. А мне как раз не хочется уходить. Это не значит, что я спешу насладиться своим успехом. Я даже не уверена в том, что имела успех. Одна Васса захлебывается от восторга. Таня довольна, но она принимает все, как должное. По мнению Тани я должна быть в одном ряду с артистками из серии Московского Художественного театра, где Таня уже была, а я вряд ли буду. У меня нет дяди в Москве.

У вешалки меня чуть не опрокидывает Топсик: «Иди скорее, тебя ищут!» — «Кто ищет?». Но Топсик слова не в силах выговорить: она бежала, как скороход и пепепрыгивала через ступеньки. С трудом добилась у нее, что меня спрашивает начальница. Это

мне не по вкусу. А вдруг она недовольна тем, как я декламирую. Мои страхи сильно преувеличены. Начальница хочет, чтоб я поздоровалась с артисткой. Не знаю, как это сделать, но сама артистка очень любезно протягивает мне руку. Как видно, ей обо мне говорили. Она не задает никаких смущающих вопросов. Она только спрашивает, сколько мне лет. Я отвечаю, но она переспрашивает. Ей почему-то не верится. После этого она опять подает руку и мне неловко ее пожать.

70.

Домой я иду с Асей и Вассой. За Таней заехала ее мама, и они вместе отправились к преподавательнице фортепианной игры. А по-нашему к таниной учительнице музыки. Не понимаю, что за смысл в таком громком названии? Но может быть оно ей нужно. Она училась в Дрездене и все у нее заграничное. Васса доходит с нами до Екатерининской. Там она прощается. Ее мать-и-мачеха, так она называет свою приемную мать, высчитала, что Васса должна вернуться не позже такого-то часа и горе ей, если она опоздает. А мы с Асей никуда не спешим. Асю немного подташнивает от тянушек, а я слишком взволнована, чтоб сразу идти домой. Мне хочется поговорить о литературном утре, но Ася делает вид, что она тут ни при чем. Какая странная! Если б это ее касалось, я хотела бы знать каждую мелочь. Что ж, навязываться не стоит. Буду слушать Асины разглагольствования. Ее кузина с бархатными глазами стала невестой. Ася втайне влюблена в жениха. У него раздвоенный нос и все считают, что это серьезный недостаток. Но Ася отстаивает раздвоенный нос. Я заметила, что она способна влюбиться в чужую любовь и всегда без взаимности. Велика важность. Асе взаимность абсолютна не нужна.

А жених с раздвоенным носом дошел до такого нахальства, что называет Асю то Милей, то Анелей.

На ее месте я раздавила бы его своим презрением, но Ася принимает это, как должное. Жених — мужчина — удивительное, сверхъестественное существо, и ему все позволено. Ася так надоела мне своим преклонением перед мужчинами, что я готова стать мужененавистницей. Для Аси это будет большим сюрпризом. Пока мы шли до угла ее улицы, я узнала, какие жилеты носит жених и как он повязывает галстук. Это по словам Аси — целое искусство. Какая чушь. Никогда не думала, что искусство можно связывать с галстуками. Мой папа носит готовый галстук и все находят, что он очень видный мужчина. Даже Геня сказала, что рядом с ним мисье Блазнер просто плевок.

О галстуках с Асей лучше не говорить. Она сейчас же начнет приводить в пример своего папу и его галстуки в крапинку. А главное, его галстучную булавку с настоящим рубином. По асиному он цвета крови, а по-моему — цвета переварившегося малинового варенья. Но рубин — священная вещь и его нельзя критиковать. Когда-нибудь я подарю Вове булавку для галстука — с такими камнями, что близнецы лопнут от зависти. А если сразу не лопнут, то будут понемножку лопаться. В общем, на галстуках мы с Асей прощаемся. В последнюю минуту Ася передумывает. Она пойдет меня проводить. Я, наверное, устала от выступления. Наконец-то она догадалась! А может быть в ней заговорила совесть? Так или иначе, Ася плетется со мной до ворот нашего дома. Она ждет, что я скажу ей: «Ты можешь у нас пообедать, а тете Полине мы позвоним по телефону». Но я никак не могу выдавить из себя эти слова. Я говорила их сотни раз, а сегодня у меня не хватает пороха. Ася уходит с понурым видом. Потом я буду грызть себя за черствость и бессердечность, а сейчас я одним махом взлетаю по лестнице и сразу же принимаюсь коло-

тить кулаками в дверь. Это грубо и невоспитанно, но не моя вина, что звонок испорчен и всех просят стучать. Конечно, не так настойчиво, как я это делаю. Мой стук мог бы разбудить покойника.

Никто не бросается мне навстречу, а я думала, что меня тут же начнут расспрашивать и я из скромности буду отмалчиваться. У нас дома очень тихо. Перехожу из комнаты в комнату: никого! Если не считать Мишу и его мамку. Но они бессловесные создания. Миша — сосунок а Аксюта — неграмотная, она только недавно научилась ставить крест вместо подписи. Мне совсем не по душе унылая праздничная тишина. Если к ней прислушаться, выходит, что я раздула во всю какое-то литературное утро. Лермонтов никого не интересует. Он стал книгой для подарков. От огорчения становлюсь несправедливой. Вера Львовна говорила, что во мне есть недетская горечь. Это ее волновало. А теперь она, верно, забыла и меня и мою горечь и преспокойно гуляет по Невскому проспекту. Мое недовольство растет и становится почти невыносимым, и как раз в этот момент приходит Вова. Я слышу, как он поднимается по лестнице, и начинает стучать в парадную дверь. Но не так, как я, а по-мужски, сухо и отрывисто. Я рада, что у него уверенный хозяйский стук. Вова проходит прямо ко мне. Он отказался от лошадиной Лили, чтоб поскорей узнать, как прошло литературное утро. Ничего, Лиля подождет, ей и без того кажется, что она может всеми командовать. Вову это расхолаживает. Но он постоянно к ней ходит: нигде нет таких бубликов с семитатью. Лилина мама говорит, что молодые люди, как, например, Вова, должны питаться. Молодые люди уже питаются у тех, кто хранят сыр под колпаком и у Веруси, где все из яичных белков. В желтки там не верят, поэтому их печенья страдают бледной немочью. И все-таки Вова оставил

и бублики и умничающую Лилю и вернулся домой. Он ею пренебрег, как в рассказе из приложения к «Ниве».

Вова никогда не узнает как до его прихода я считала себя всеми забытой. Оказывается у меня разбушевалась фантазия. Ее трудно остановить. Она увлекает меня так далеко, что я не в силах вернуться назад, в мою комнату, где никаких чудес не происходит. Я рассказывала Кате про волшебный дом. Он прямо против нашего, неволшебного. Но Катя не хотела верить. Я ей морочу голову. В волшебных домах живут принцессы и мальчики-с-пальчики, а в доме напротив она сама видела провизора Гейликмана. Такого благоразумия я от нее не ожидала. Мне было лень спорить, а то бы я ей сказала, что Гейликман только притворяется, что он провизор. На самом деле он мальчик-с-пальчик, только постаревший. Один Вова не охлаждает моего пыла. Я вспоминаю, что он мне сам много лет тому назад говорил, что он двоюродный брат Ойле-Лук-Ойе и показывал старый сломанный зонтик. Если он начнет крутить его над головой, мы умчимся с ним в несуществующие страны. К сожалению зонтик не мог раскрыться! Так мы никуда и не умчались. Не стану ему об этом напоминать. Я боюсь, что он отречется от своего родства с Ойле-Лук-Ойе.

Сейчас Вова сидит на моем втором стуле и в профиль он страшно похож на героя рассказа из приложения к «Ниве». Я должна ему доложить все по порядку. Больше всего ему хочется знать, сколько мне аплодировали и кланялась ли я, как он меня учил, то есть по всем правилам театрального искусства.

Не могу припомнить. Кажется, я кланялась с достоинством. Но почему Вова придает такое значение поклонам? Раскланиваться может каждый, а выступать только те, кого Надежда Игнатьевна считает до-

стойными. Комплиментов она мне не делала, но когда я вышла в пустой класс, заменяющий артистическую, она меня назвала черноглазкой. С ее стороны это похоже на признание. На большее я не рассчитывала. Вова удивлен, что выпустили Сахно, а не Мару Гольберг. Мару он видел в тот единственный раз, когда она была у меня в гостях. Вова сказал, что в ней есть аллюр и я разобиделась. Ведь Мара не лошадь, а он не поклонник наездниц, как Андрокардато. В общем, не стоило принимать близко к сердцу, это обычный прием Вовы и сына артиста, и даже близнецов, когда они хотят показать свою светскость. А это бывает довольно часто. Я выпытала у Жени, почему они часами торчат в ванной комнате. Они там не моются, нет, этого они терпеть не могут. Они стоят перед зеркальцем в деревянной раме и делают себе проборы на пробу. Сначала посередине, а потом сбоку. Пробор посередине головы они в конце концов отвергли: он напоминает парикмахера Шельца.

При Жене я стараюсь не наводить критику на близнецов. Хотя Боря Гаевский сказал мне, что он и Женя отделились от семьи. Ясно, что он гордится этим. Боря Гаевский отлично знает, что я никогда, ни при каких условиях от своей семьи не отделюсь. В глубине души он мне завидует, но из ложного самолюбия не хочет подать вида. Поэтому он такой нервный. Вова сравнил его с маленькой собачкой. Он будто бы дрожит, как цюцик. Тогда я разволновалась и выложила ему все, что думаю о близнецах и об их парикмахерских проборах. Сейчас Вова не собирается меня дразнить. Он поглощен литературным утром. «Что ж мне в конечном счете сказала артистка?». И тут я опять теряюсь. Я помню только пожатие ее руки и запах чайных роз и нафталина. Но причем здесь запах? Не знаю, для меня запахи играют огромную роль. Из-за этого я терпеть не могу Тубенкопфа,

он пахнет кислым. А от отца корреспондента идет запах слежавшегося меха, скорее приятный. Матя пахнет глицерином для рук. Но перед тем, как идти в консерваторию, она вдруг начинает благоухать фиалками. Не настоящими, живыми фиалками, а одеколонными. Вову не интересует запах артистки. Он должен выяснить, были ли ее дочери? У них удивительно тонкие лица. Вова говорит, что старшую называют камеей, а младшую — Айседорой Дункан. Обе они актрисы на самых маленьких ролях, вроде: «кушать подано». Когда-нибудь, благодаря своей замечательной внешности, они сделают карьеру. И это не за горами, как выражается тетя Таня.

Но откуда Вова узнал такие подробности о дочерях артистки? Он ведь с ними незнаком. Он их видел издали, на спектакле в Драматической школе, где учится Тиночка. Вову поразило, что одна из дочерей носила черное платье, обтягивающее всю ее фигуру. А у Айседоры Дункан коса была перекинута через плечо. Из-за этой толстой золотой косы он чуть не подрался с сыном артиста. Тот утверждал, что коса фальшивая. Стоит дернуть, и она полетит на пол. А по-моему он все выдумал, чтоб удержать Вову от безрассудного увлечения. Но Вова совсем не собирался увлекаться, он сам мне это сказал. Честное слово! Он, наоборот, хотел бы сократить число своих увлечений. И все-таки, я вижу, что дочки артистки произвели на него сильное впечатление. Вова несколько раз повторил, что ни одна из них не будет копией своей матери. Она слишком похожа на Екатерину Великую. Почти, как мадам Дунаевская. Когда Вова увидел артистку в маленьком зале Драматической школы, ему показалось, что памятник с Екатерининской площади вдруг ожил и стал одаривать царственными улыбками.

Все это придирки. Наверное, сын артиста нарас-

сказал ему много всяких небылиц и Вова, из чувства товарищества, принял их за чистую монету. В общем, сведений о дочерях артистки Вова от меня получить не смог, и поэтому он сразу охладел к литературному утру. Зато за столом я взяла реванш и пустилась в такие подробности, что меня пришлось остановить. Все выступающие стали первоклассными артистами, а Сахно чуть ли не Гофманом. Про малолетнюю скрипачку говорить не приходится: она могла бы хоть завтра окончить консерваторию. О себе я из скромности умолчала. Самое обидное, что мои восхваления произвели обратное действие. А я ведь восхваляла, главным образом, из упрямства. Я не в таком уж восторге. Покойный Лермонтов заслужил большего. С живыми авторами не так просто: они могут подать в суд, или устроить скандал, если кто-нибудь стибрит у них тему. Хорошо, что мертвые молчат: я как раз собираюсь написать стихотворение в духе Лермонтова. В пушкинском духе уже было. Даже строгий критик, Боря Гаевский, подтвердил, что оно, действительно, напоминает Пушкина. Я страшно обрадовалась, что Вова и сын артиста, не условившись, сказали мне что многие поэтики подражают Пушкину, но от этого пушкиными не становятся.

Я лично ничего из себя не корчу. А в Реальном училище многие стараются быть похожими на студентов Новороссийского университета. Они умоляют портного сшить им такую форму, чтоб при плохом освещении ее принимали за студенческую. Самый умный мальчик, Жора, покушается на философию. А близнецы хотели бы работать под Вову. Они всегда под кого-нибудь работают. Хочу объяснить Вове, что я не покушалась на Пушкина, это было бы просто нелепо. Ночью я просыпаюсь от жгучего стыда. У меня ноет под ложечкой. И все из-за Пушкина. Но писать в духе Лермонтова мне совсем не стыдно.

Я знаю, что у меня с Лермонтовым родство душ. Оно не похоже на родство душ кузины Мани. Мое не имеет ничего общего с женихами и устройством квартиры. Оно неземное.

Но об этом нельзя говорить. Меня будут дразнить до конца моих дней. А я сама не знаю, откуда оно ко мне пришло. Но я твердо в нем уверена. Тверже, чем в том, что поколение альтруистов дает поколение эгоистов. Начальница повторяет это во всех классах: начиная с первого и кончая седьмым. Себя она считает альтруисткой, главным образом потому, что была знакома с Короленко. А по-моему и то и другое — довольно скучная материя, как говорил когда-то Зиновий. Теперь я знаю, к какой материи это относится, а тогда мне казалось, что речь идет о маркизете или мадеполаме. Нехорошо, когда слово имеет несколько значений. Даже Боря Гаевский способен запутаться, а он ведь большой знаток иностранных слов. Он имеет по крайней мере пять словарей. Боря купил их на ежегодной распродаже за очень маленькие деньги. На них невозможно купить даже две порции мороженного в паштетной. Но для этого надо рыться в куче старых книг с оторванными корешками.

Я не была на таких распродажах, хотя не меньше его люблю старые книги в желтых точечках, похожих на веснушки. Боря Гаевский говорит, что точечки понижают стоимость книги. Не знаю, где он выкопал эту высокопарную фразу, но меня она не убеждает. Точечки делают книгу старинной: заметно, что она валялась по всем чердакам и многое видела на своем веку. Бывают книги с пожелтевшими страницами. У меня две таких: Сказки Гауфа и «Хижина дяди Тома». Гауфа я люблю, а «Хижина» перестала мне нравиться. Там все белые очень ненатуральны и в их любовь к неграм я плохо верю. И негры тоже

дураки: они слишком подобострастны. А это хуже всего. Когда папина племянница, Лизочка, начинает меня зацеловывать, я не могу отделаться от мысли, что она приехала за подачками и считает, что эти поцелуи и восторги перед моим якобы умом могут расположить папу в ее пользу.

Напрасно Лизочка так рассыпается, все равно папа сделает невозможное и пошлет ее сестру на курсы, а брата Зяму определит в коммерческое училище, где нет процентной нормы. Эта норма — страшная штука. Из-за нее целые семьи становятся несчастными. Например, семья Блазнеров. Они спят, и во сне видят, как младший Блазнер держит экзамены на круглое пять и его, все-таки, не принимают в гимназию. Не понимаю, зачем забегать вперед: ему ведь далеко до экзаменов! Мне трудно быть справедливой, я недолюбливаю Блазнеров: она злючка, а у него смешной, остренький живот. О детях ничего не скажешь: они самые заурядные и послушания в них больше, чем нужно. Когда мадам Блазнер узнает, про литературное утро, она начнет допекать несчастную дочку. Почему она не может выступить, разве ее родители мало денег потратили на учителей? У Бэки есть даже парта, как в гимназии, а у меня никакой парты и все-таки выступаю я, а не она! После этого бедная Бэка начнет рыдать и у нее весь вечер будут гореть щеки. И тогда мадам Блазнер не выдержит и ударит ее по лицу. Вы скажете, что это мое воображение, а я настаиваю на том, что именно так будет. Я слишком хорошо знаю повадки мадам Блазнер. Недаром их прислуги заседают у нас на кухне.

У них каждую неделю другая, но это ничего не меняет. Только живот мисье Блазнера становится все больше остроконечным. У дяди из Николаева тоже такой животик. Иногда он забывается и начинает его поглаживать. Это означает, что дядя доволен

собой. Он напал на одно золотое дело. В мыслях он уже строит себе особняк в Николаеве на Соборной улице. Впрочем, как только он разбогатеет, семья переедет в Одессу. Дальше Одессы планы моего дяди не идут. Сегодня дядя ко мне особенно расположен. Он просит, чтоб я ему продекламировала «Бородино». Он его учил в Златополе, в хедере. Это был особый хедер для детей именитых граждан. Там учили также читать и писать по-русски. Дядя отличался своим почерком и все думали, что он станет знаменитым банкиром и будет подписывать чеки. Но дядя стал неудачником. По мнению Вовы это неплохая профессия. Особенно, если нападешь на доверчивых людей. Я отказываюсь декламировать. «Бородино» мне надоело. Я столько раз его читала про себя, что слова утеряли все свое значение.

То же самое происходит с музыкой. Сколько пьесок я успела возненевидеть! Я ж не виновата, что по системе мадам Трейн нельзя давать ученику новую вещь до тех пор, пока старая не превратится в нотные лохмотья. Танина учительница, наоборот, засыпает ее новыми вещами. Она сказала, что учениц надо толкать, пусть играют классиков. Всегда приятно похвастать, что играешь Моцарта или Бетховена. Андалузкой не расхвастаешься. Дяде я этого не скажу. Он присвоил себе консерваторию и Матю это пугает. А что, если ему вздумается пойти к рыжей профессорше? У него ведь есть благовидный предлог: он пришел справиться о матиных успехах. Мои родители терпеть не могут справляться. Мама за весь год была два раза у меня в гимназии. В первый раз ей наговорили много приятного, а во второй — сказали, что у меня легкая нервная возбудимость. С вовиным классным начальником мама разговаривает еще реже. Но Вова узнал, что их француз — без ума от маминой внешности. Вова очень доволен, но он немного

ревнует. Мама — его собственность. Он хочет, чтоб ею восторгались и вместе с тем, его это раздражает. А меня ни капельки. Я хотела бы, чтоб маму восхваляли с утра до вечера. Я была на седьмом небе, когда Яков Соломонович сказал, что не понимает, как мама может встречаться со своими знакомыми. Они не стоят ее мизинца. Выходило так, что это относится ко всем, без исключения, даже к его собственной жене. Она по-прежнему называется «супруга» и за последнее время у нее появился четвертый подбородок. При этом у супруги лицо худое и вытянутое. Она не хранит следов былой красоты, но говорят, что в молодости супруга была очень привлекательной. Сейчас от привлекательности остались только густые черные брови и тонкий нос. Но может быть Яков Соломонович взял ее за красоту, а потом красота ушла и они живут вместе по привычке. Вова сказал, что у меня кухонный лексикон. Как мне не стыдно повторять такие пошлости!

Но асина мама, тетя Полина, знает, что берут за красоту, за исключением тех случаев, когда женятся на деньгах. А тетя Полина большой знаток: она постоянно рассуждает о женитьбах и замужествах. Перед уходом в клуб она мне объяснила, что у нее две дочки и ей надо думать о будущем. Мне хотелось спросить: «А разве будущее только в замужестве?». Но я не решилась. Будущее слишком далеко. Иногда я вижу себя на сцене Городского театра, но это похоже на сон. И я не хожу, как все люди. Я двигаюсь в каком-то облаке. Сейчас оно растает, и все увидят, что я притворяюсь... Кажется, я охладела к подмосткам. Мне надо думать о других, более важных вещах. Ложусь спать с твердым решением готовить уроки и регулярно ходить в гимназию. Бог с ним, с градусником: я не стану, по совету близнецов, на одну секунду опускать его в теплую воду, чтоб ртуть

поднялась чуть ли не до сорока, а потом осторожно сбивать до тридцати семи и трех. Я буду неподвижна, как греческая статуя. Мне приятно думать, какой я буду и в то же время я боюсь, что это невозможно. Совершенством надо родиться. И лучший пример: Муся Логинская. Никаких жульнических штук она не проделывала. Ей даже не приходит в голову, что существует фальшивая температура. Мусе непонятно, почему я перелистываю книгу ровно за три минуты до начала урока. Ее душа не уходит в пятки, как моя. И если б я ей сказала, что мысленно прошу Надежду Игнатьевну, чтоб она вызывала с начала или с конца и ни в коем случае не с середины, Муся посмотрела бы на меня, как на чудовище. Но я ей ровно ничего не скажу, я знаю, что у нее честный образ мыслей.

Сын артиста уверен, что ограниченные люди всегда мыслят честно. У них нет воображения. Недаром говорят: честный дурак! Я уверена, что он хочет меня подразнить. Но я должна сознаться, что у Муси действительно нет ни фантазии, ни воображения. Она слишком ясная. Ограниченной ее никак не назовешь. Вот наша «В» — настоящий феномен глупости. А Берта Креде уже не представляется мне круглой дурой. Я убедилась в том, что Берта умеет отмалчиваться. Это большое качество. В последней диктовке у нее было сорок ошибок. Тетрадь была исчиркана красным карандашом, и когда Надежда Игнатьевна потрясала ей в воздухе, можно было подумать, что текут реки крови. Берта молчала. Потом она взяла эту злосчастную тетрадь и как ни в чем не бывало села на свое место. У Тони Калиниченко было столько же ошибок, но она ни за что не хотела это признать. Она посмотрит, как у Кирпичникова. Тоня в ужасе: ее не переведут в следующий класс. Переэкзаменовки она боится, как огня. Ей страшно

подумать о полутемной комнате, где она должна зубрить, в то время, как другие будут играть в крокет. Она почему-то решила, что если будет подавать милостыню глухонемому с угла Торговой, все обойдется. Чтоб было еще вернее, она будет каждый день давать копейку мальчику с сухой ручкой. Тоня очень суеверная. Ее поймал батюшка в тот момент, когда она плевала через левое плечо. Он даже не выругал ее, а пожурил, как полагается. На Тоню это не подействовало. Она будет продолжать, лишь бы это не бросилось в глаза. Прежде она стучала по сухому дереву, но важнее плевать через левое плечо.

У нее не меньше предрассудков, чем у нашей Гени. Геня живет в вечном страхе, что ее сглазят. На базаре ей кто-то сказал, что она цветет, как роза и что ж, она посмотрела в свое зеркало на антресолях, и увидела там выжатый лимон. В чужие зеркала Геня не верит. Только ее говорит правду! Мама не имеет понятия о том, что мы уже гадали на кухне. Венгеркина мастерица отнекивалась и отбивалась, но я обещала принести ей два маковника и несколько семитатей, и она уступила. Она погадает, но с условием, что я никому не скажу. А не то достанется на орехи не только ей, но и мне. Венгерка будет ругаться по матери, а мне запретят ходить на кухню. Но как ругаются по матери и что в этом обидного? Ведь мать — святое слово, об этом говорит поэт Некрасов, и вдруг его связывают с каким-то ругательством. Я слышала от Вовы, что Андрокардато ругается, как виртуоз. Вот бы поговорить с ним на эту тему! Но вряд ли он захочет со мной разговаривать. Он даже не всегда со мной здоровается и один раз ему за это здорово влетело от Вовы. Близнецы тоже здоровались кое-как. Но теперь они поумнели и чтоб не ссориться с Вовой раз в неделю, не чаще, подают мне руку. Я пожимаю их руки, хотя мне из-

вестно, что они моют их очень поверхностно. Для них важнее всего, чтоб мыло пахло левкоем и фиалками. Тогда они сами начнут благоухать. Они обманом взяли у меня мыло Садо-Яко. К чему мне японское мыло, они принесут другое, гораздо более пахучее. И вот уже два месяца подряд они забывают пахучее мыло в ящике письменного стола. Но если б оно там лежало, все их письменные принадлежности давно бы пропахли. Я никогда не получу удивительного мыла, как не получу и «Юношеские годы Пушкина». Они их одолжили ровно на один день, а с тех пор прошло около года.

Недавно в окне у господина Букинери были выставлены «Юношеские годы Пушкина». Подержанная книга, страшно похожая на мою. Я старалась забыть об этом, но как назло чернильное пятно с правой стороны не выходило у меня из головы. Неужели они решились продать ее и на полученные деньги пили клюквенный квас в Обществе Искусственных Минеральных вод? Ведь эта книга — не единственная. На другой тоже могут быть чернильные пятна. Я готова навеки с нею распрощаться, только бы ее убрали! Я не хочу быть дочкой доктора номер два: она вечно всех подозревает. До сих пор, я не знала, что такое подозрения. Но после того, как в витрине у Букинери я увидела «Юношеские годы Пушкина», я стала просыпаться посреди ночи. Меня обкрадывали и вор в последнюю минуту превращался в мой постоянный кошмар: старушку с пшонковыми волосами. А кругом были узкие коридоры, похожие на ущелья и все время нужно было куда-то пробираться.

Рассказать нельзя, это слишком страшно. И потом я знаю, что сразу начнутся объяснения, вроде того, что нужно оставлять форточку приоткрытой. А я ее нарочно захлопываю. Но можно ли всегда жить по

правилам гигиены? Например, гимназическая докторша сказала, что вредно стоять у печки. А я обожаю кафельную печь и зимой первым долгом бросаюсь греть свои закоченевшие пальцы. В конце концов я их отморозила. Они чесались, но меня это мало трогало. Почти у всех девочек в нашем классе руки отморожены. По мнению мадмазель, все произошло от того, что я презираю перчатки. В Гренобле будто бы все носили перчатки. Они были заштопаны и перезаштопаны, но на это никто не обращал внимания. Главное, не выходить на улицу без перчаток! Перчатки — признак хорошего воспитания и порядочности.

Бедная мадмазель, с тех пор, как я посвящена в ее сердечные дела, такая мелочь, как перчатки, меня интересовать не может! Я боюсь, что она помирится со своим бывшим женихом, Володей. А он большой педант. Сама мадмазель говорила, что от его педантизма можно сойти с ума. У него есть еще и другие странности, но о них мадмазель умалчивает. Ее рассказы всегда обрываются на самом интересном месте. Однажды, она мне призналась, что мои советы относительно другого жениха, Бронислава, оказались правильными. Он безумно ревнив и мадмазель думает, что он убил бы ее, как Отелло Дездемону. Но я про Отелло не упоминала. И, вообще, Бронислава я с книжными героями не сравниваю. Он слишком нафабренный. Что же касается его фамилии, то она такая шипящая и свистящая, что даже Юзя не может ее произнести, а она природная полька. О греческом женихе мадмазель я уже говорила довольно подробно. Но совсем недавно мадмазель познакомили с борцом, Лурихом вторым, и она потеряла голову. Она призналась Вове, что если бы Лурих второй захотел, она поехала бы за ним в турне по городам. Она до того забылась, что обещала Вове контрамар-

ку. Лурих, понятно, не подозревает о проектах мадмазель. Но что из этого следует? Моему доктору тоже не снится, что время от времени я бываю в него влюблена. Больше всего я опасаюсь, что он прочтет мои мысли и ему будет смешно. И все-таки, лучше быть влюбленной в доктора, чем в какого-нибудь Шурку. Моя любовь недосягаемая, она вся в будущем. А Тоня Калиниченко познакомилась на улице с одним файгистом, и он каждый день угощает ее пирожными. Файгист уверен, что Тоне четырнадцать лет, и она это не отрицает. Он провалился бы сквозь землю, если б узнал, что ей нет еще двенадцати. Но она очень хорошенькая и вертлявая, и поэтому некоторые называют ее «барышня». Не то, что меня.

Для Гени я становлюсь барышней только в тот момент, когда она хвастает моей ученостью. Она перечисляет по памяти всех моих учителей и учительниц, и хотела бы, чтоб все соседские кухарки восхищались. Но они вместо этого сочувственно качают головами. Им, видно, жалко папиных и маминых денег. В глубине души Геня с ними согласна, но она продолжает рассказывать, какая я способная. Делается это, чтоб поддержать честь нашего дома. Когда она говорит о Вове у нее, буквально, не хватает дыхания. Она чуть не убила венгеркину мастерицу за то, что та попыталась сравнить Вову со студентом третьего курса, племянником хозяйки дома. Она наговорила кучу дерзких и обидных слов. Из них слово «сморкатый» было самым приличным. Даже я хотела вступиться за студента. Он вовсе не сморкатый: он тоненький, затянутый, как помощник надзирателя Александровского участка. Сын артиста говорит, что он белопокладочник. Это меня поразило. Но он очень туманно мне объяснил, что белопокладочник, значит, сноб, франт и папенькин сынок. Из тех, кто

не бывает на сходках. Лекций белопокладочник тоже не посещает. «Куда ж он ходит в таком случае?». Оказалось: в пивную Брунса, в биллиардные на Греческой улице и в другие злачные места. Самое забавное, что в этих местах никаких злаков не произрастает.

71.

Несмотря на обожествление Вовы, к его товарищам Геня относится плохо. Они нас объедают и опивают. Она хотела бы видеть, как это у Блазнеров садится за стол пятнадцать человек и мадам Блазнер каждому подкладывает апетитный кусочек! При всей критике Геня довольна, что у нас всего много, а у других все высчитано. Она служила в разных домах, но нигде так не закармливали мамку. У Аксюты уже не видно глаз, они заплыли жиром и превратились в узенькие щелочки. Геня не уважает Аксюту за то, что та жует самые вкусные вещи, как корова сено, без всякого понимания. А я на стороне Аксюты. Что она будет делать, когда Мише возьмут няню? Ей некуда деться! Моя мамка была совсем из другого теста. Она никогда не унывала. И ее держали главным образом, за веселый характер. Я люблю размышлять и фантазировать. А моя мамка не стала долго раздумывать и выкормив меня, тут же села на пароход и уехала в Америку. Что было дальше, никто не знает. Она ни разу не написала, хотя обещала писать каждую неделю. Может быть ее переехал трамвай? Или же она сразу вышла замуж за американского миллионера и ей неудобно переписываться с простыми смертными. Меня очень волнует ее судьба, но я вряд ли что-нибудь узнаю. Вова говорит, что есть способ: надо обратиться к частному сыщику. Но это

дорогое удовольствие, и мне оно не по карману. Невольно думаю о том, как исчезла Людмила. Теперь ее редко вспоминают. А я все помню, и когда приходит Данюша, демонстративно ухожу к себе. Исчезли Бебеле и Хармак. Они не решаются к нам придти. Мы аристократы. Как-то мне показалось, что я вижу Хармака. Он шел по противоположной стороне улицы. Я не уверена, что это был он. Я заметила только длинную-предлинную бороду. Окликнуть я побоялась, а вдруг это не Хармак. Тогда было бы безумно неловко.

Вера Львовна тоже пропала. Она живет в Петербурге в барском доме с швейцаром и широкой мраморной лестницей. Но это другая Вера Львовна и я не хотела бы ходить к ней в гости. Нам не о чем разговаривать. А если бы в гостиную вошел ее муж, старый холостяк, я бы умерла от испуга. Что делать, я не переношу его скрипучего голоса и вместо того, чтоб смотреть холостяку прямо в глаза, смотрю на его ноги. Они очень большие и не соответствуют росту. У Якова Соломоновича тоже большие ноги, но они ему подходят: он выше всех на голову, и грудь у него колесом, как у Луриха второго! Этот Лурих меня преследует. Мне необходимо знать, о чем думают борцы? И как они живут до того момента, пока их выпустят на арену цирка? Читают ли они книги или, по крайней мере, газету? Потому что дядя сказал, что газета, это конечно, не книга, но прочитывая ее каждый день от доски до доски можно стать интеллигентным человеком. Особенно, если это «Одесские новости», где сотрудничает сам Александр Амфитеатров.

Дядя его поклонник. Когда он видит фельетон, подписанный «А. Амфитеатров», он сейчас же уносит газету в вовину комнату или в проходную и там устраивается поудобней, чтоб до конца насладиться

своим любимым автором. Вова говорит, что дядя смакует каждое слово, и это смешно, так как Амфитеатров не такой уж великий писатель. «Сатирикон» дядя отвергает. Он для бездельников. У настоящего серьезного человека не может быть чувства юмора. Это очень опасное чувство и оно может завести далеко. Вова с ним не спорит. Духовных калек нельзя переубедить: они не понимают, что тот, кто не умеет смеяться, недостоин звания человека. Папаша близнецов тоже нечувствителен к юмору. Иногда он злорадно посмеивается, но за этим обычно следует оплеуха. Зато у Лани бездна юмора. Недавно он читал Марка Твена и покатывался со смеха. Потом он стал держаться за живот. Он, кажется, его надорвал. Ланя мнительный, хотя ни разу в жизни не был серьезно болен. У него даже не было кори и краснухи. Его не баловали и не кутали и до последнего времени он спал на стульях, и может быть потому он закалился.

Тете Полине профессор медицины сказал, что нужно закалять детей с самого раннего возраста. Они будут вам всю жизнь благодарны! Но она несогласна. Она не хочет напускать холодный зимний воздух в отлично натопленную комнату. Если профессор помешался на холодном воздухе, пусть сам спит при открытых настежь окнах. Ведь всем известно, что из-за этого от него ушла жена. Ей надоел холод в квартире. Молодец тетя Полина, она знает, кто от кого ушел и почему. Сама она никуда не уйдет, даже если ее муж проиграет все до последней копейки. А этим кончится. Их новая кухарка, специалистка по миндальным рогаликам, сказала Гене, что они задолжали в лавочке. Мне до слез обидно за Асю. Но, странно, она такая же, как всегда. Я думаю, что она не имеет понятия о том, что они должны лавочнику. А если б узнала, не очень бы расстроилась: раз ее

родители так поступают, значит это правильно. И лавочник просто жулик и нахал, как все лавочники. При этом Ася, наверное, вспоминает дачную лавочку, где она брала шоколад Миньон.

В их семье берут на книжку. А у нас расплачиваются на месте. Мама особенно боится объявлений, где предлагают выписать — всего за три рубля! — золотые часы, цепочку, термометр или барометр и еще двенадцать полезных предметов. А я бы выписала, если б у меня были три рубля и часы подарила бы Вове. Но такой суммы у меня нет. Каждый день я трачу все, до последней копейки. Катя теперь в долг не дает. Она завела себе новую копилку с очень сложным механизмом. В нее никто не сумеет просунуть столовый нож, чтоб вытащить оттуда пятаки и гривенники. Мои доходы сильно сократились. Но я, кажется, нашла выход. Буду каждый день вместо котлеты и скользких макарон брать в гимназическом буфете два бублика. Оставшиеся деньги пойдут на пирожные и на подарки. Я немножко побаиваюсь заведующей столовой, Марьи Дмитриевны. Она может пронюхает, что тут нечисто. А она всюду поспевает, несмотря на свой корсет, подпирающий спереди и выпирающий сзади. Васса нечаяно до него дотронулась и говорит, что он из железа. Зато все, что не поместилось в корсете, удивительно мягкое и бесформенное. Но характер у Марьи Дмитриевны не из мягких и если она увидит, как я жую бублики с семитатью, она способна написать маме доносительное письмо. Я будто бы истощаю мой организм. После литературного утра она ходит за мною по пятам. Я слышала, как она хвалила меня докторше с двойной фамилией, а та не проявляла никаких восторгов. Докторша на меня в претензии за то, что я вступила в спор по поводу гигиены. У нее все называется гигиеной, и она настаивает на том,

что те, кто не придерживается правил гиниены, обречены на верную смерть от различных микробов. А вот брат асиной горничной моет руки раз в два дня дня и это не помешало ему перерасти на целую голову дворника Михаила. Сам Михаил тоже не из моющихся, но когда он один раз гаркнул на разносчика, окна дворницкой задрожали. Это лишний раз показывает, что дело не в гигиене.

Близнецы, вообще, ее отрицают. А ведь когда-то увлекались микроскопом. Но увлечение прошло, микроскоп давно сломан. Близнецы собирались выменять его на аппарат для выжигания, но Вова не пошел на удочку. К чему ему сломанный микроскоп, им нельзя даже пугать горничную Юзю. Выжигательный аппарат — вещь в высшей степени нужная. Вова сказал, что он даст ему возможность расширить его финансовую деятельность Он будет выжигать на деревянных коробочках разные домики и цветочки, а затем роспродаст их по сходной цене. Что он называет сходной ценой — неизвестно. Пока Вова не выжег ни одного цветочка и ни единой избушки. Сын артиста говорит, что Вова — великий теоретик. Когда дело доходит до практического применения, он сразу охладевает. А вот он, сын артиста, решил заняться металлопластикой и займется ею назло всем своим товарищам.

В его металлопластику никто не верит. Он выдумал ее, чтоб конкурировать с Вовой. Не понимаю, откуда такая жажда деятельности? Я работаю через силу только по обязанности. По-настоящему мне хочется читать толстые книги и прислушиваться к чужим разговорам. Таня не может понять моего пристрастия к разговорам. У нее всегда одни и те же темы: пианист Готфрид Гальстон, ее тетка из Москвы и Остров мертвых. Она делает копии с этой открытки и одну обещала мне подарить. Чтоб ее умаслить, го-

ворю ей, что ее копия лучше Беклина. Таня принимает это, как должное. А мне невыносимо стыдно. Но как бы на моем месте поступила Муся Логинская? Обычно, она хвалит искренно, от всего сердца. Льстить она не умеет. Она слишком прямая. И преподаватели кажутся ей людьми без пятнышка. Она готова принять всерьез даже мадам Тюрбо, с ее бесчисленными юбками. Когда мы говорим, что мадам Тюрбо носит парик, Муся чуть не плачет. С чего мы взяли? Что за выдумка! В конце концов она немного уступает: это накладка из ее же, мадам Тюрбо, волос. Муся находит, что у учительницы гимнастики чудная спортивная фигура. «Но почему у нее одна сторона длиннее другой?». На это Муся отвечает: «В чужом глазу видишь сучок, а в своем и бревна не приметишь».

Вова и сын артиста терпеть не могут прописных истин. Они абсолютно не выстраданы. И, вообще, будем, как солнце. Они думают: поймали дурочку! А я при закрытых дверях тоже повторяю: «Будем, как солнце!». Недоставало только, чтоб Катя захотела быть, как солнце. Но у нее другие интересы, более низменные. Она хочет быть, как Мальвина. Когда Мальвина уходит начинаются драмы. Катя плачет горькими слезами: она не может простить маме, что ей не сшили бархатного платья с розовым бантом. Меня такие вещи не трогают. Из моих подруг одна Тоня Калиниченко франтиха и модница. Таня считает, что у нее изысканный вкус и приводит в пример свою московскую тетку. А та, одевается у портнихи, известной на всю Россию. Она шьет не только таниной тете, но и государыне и ее дочкам. А кому еще? Таня не знает. Ей не приходит в голову, что я шучу. Она сама ни над кем не подтрунивает. Она просто многих не замечает. Ей дико, что я хожу в обнимку с Белой Мышью. Как можно тратить время на при-

готовишку? А мне интересно. Белая Мышь — учительская дочка и от нее я узнаю, как живут наши учителя не в учебное время. Понемногу выясняется, это жизнь их точь в точь, как наша. Но говорят ли у них дома об ученицах, например, о дочке доктора? Белая Мышь сначала не поняла моего вопроса, но потом спохватилась: «Нет, не говорят». Ее мама не любит разговоров о гимназии. Она театралка. Они говорят о театре. Ну, это совсем неплохо. И у нас говорят о театре. Кузина Маня разбирает всех артистов по косточкам. Она знает, кто женат, кто неженат. Остальное мы знаем от сына артиста. Для него не существует закулисных тайн. И если б он пожелал, то мог бы сделаться помощником режиссера. Но театральная карьера ему не улыбается. Разве только Московский Художественный или Александринка. Пока что он обещал пригласить меня на пьесу Островского: «На всякого мудреца довольно простоты».

Он называет ее просто «Мудрец», как принято в театральном мире. Но из приглашения ничего не выходит: «Мудреца» сняли с репертуара. Вероятно потому, что он меня пригласил. Обойдусь и без него: в воскресенье наш класс идет на бесплатный ученический спектакль. Мы будем сидеть в ложе первого яруса. Все хорошо, но нельзя в антракте ходить в буфет. А я обожаю театральные буфеты. В них все ненастоящее. Один раз я расхрабрилась и на секунду взяла в руки мандарин. Это был настоящий, живой мандарин, не деревянный и не резиновый. Но от моего неосторожного движения фруктовая пирамида рассыпалась и мандарины покатились по скатерти. Я чуть не упала в обморок: сейчас мне предъявят счет, такой длинный, что он с трудом поместится на листе бумаги, а у меня в кармане ровно двадцать семь копеек. Но буфетчик сжалился надо мной. Он только сказал: «Ай, Ай, Ай!» — и начал подбирать с пола

бог знает куда закатившиеся мандарины. Какое счастье, что никого при этом не было! Мне надоело выслушивать, что у меня деревянные руки!

Девочки Блазнер без спросу ни до чего не дотрагиваются. И такой случай, как мне, им вряд ли представится. Они ходят в театр в сопровождении родителей. А я хожу с Вовой. Но когда в проходе появляются Тамара или Веруся, я стараюсь стать невидимкой. Мне не хотелось бы конфузить Вову. Пусть они не воображают, что он должен таскать меня за собой. Я защищаю его честь и если нужно могу сделать вид, что он сам по себе, а я сама по себе. Однако, Вова не стесняется моего присутствия. Он предлагает мне пойти в главный буфет. И там мы прогуливаемся, на глазах у всех. Но самые большие переживания были у меня в Итальянской опере, куда нас пригласил Яков Соломонович. Когда мы подъехали к театру, там уже стояла огромная толпа. Все эти люди надеялись, что кто-нибудь из купивших билеты заболеет, не придет на представление. Но, как видно, заболевших было очень мало. Яков Соломонович сказал мне, что оставшиеся билеты — у барышников. Они продают их по тройной цене. Но нас это не касается. Он купил билеты за неделю вперед.

Никогда я так не волновалась. Я слышала стук моего собственного сердца. Папа и мама были тоже взволнованы. Только Вова держался независимо и можно было предположить, что он каждый день в Итальянской опере. В соседнем ряду делились впечатлениями. «Вы видели, как де Лукка вчера ел апельсин? Прямо с кожурой» — «Ах, это просто замечательно». Я отвернулась, но они продолжали говорить об апельсине. Очевидно, это их больше всего поразило. Мне показалось, что все необыкновенно нарядны и люстра горит ярче, чем всегда. Пахло духами,

пудрой, и мехом, вынутым из нафталина. Вова указал на одну красавицу с голыми плечами. Она смеялась и с легким треском то открывала, то захлопывала кружевной веер. Какая досада! Я могла бы взять мой новый веер из костяшек, но мама решила, что это ни к чему. А мне жалко. Веер взрослит. В следующий раз я так легко не уступлю.

Больше всего меня занимал оркестр. Музыканты входили в свое подземелье один за другим. Почти у всех были недовольные лица. Только контрабасист время от времени что-то перекладывал с одной щеки за другую. Инструменты настраивали, как обычно. Можно было подумать, что никаких гастролеров нет, и Великопостный сезон — выдумка газеты «Одесские новости». Пока я рассматривала музыкантов зал наполнился, стало очень жарко, и тогда грянула увертюра. Что это увертюра, все узнали из программы. Я и без программы знаю, что такое увертюра. Недаром Матя говорит, что я из музыкальной семьи. Забыла сказать, что давали «Сельскую честь» и «Паяца». Одно без другого не ставят. Мне больше понравился «Паяц». У Немировых есть ария из этой оперы. И на Среднем Фонтане, куда бы мы не шли, за нами неслось: «Смейся, паяц, над разбитой любовью»... В опере было гораздо лучше. Паяц пел, как бог. Это сказал папа, а он из всех нас самый искренний.

Папа никогда не притворяется и ничего не умеет держать в секрете. Он — единственный — поставил на место старого холостяка, мужа Веры Львовны, и тот ему по гроб жизни не простит. Вместо того, чтоб смотреть на сцену, я смотрю на папу. Мне кажется, что мы поменялись ролями. Он радуется, как ребенок, а я потихоньку критикую. Мне не нравится, что у Коломбины такой огромный бюст. Она должна быть легкой, как колокольчик. Вова меня утешает: все певицы толстые, у них слишком развита диафраг-

ма. Но почему они ее развивали? А это необходимо, — говорит Вова. Диафрагма поддерживает голос. Он все это узнал от Тиночки. Она бросила Драматическую школу и хочет брать уроки пения у бывшей знаменитости. Я закрываю глаза и происходит чудо. Нет больше ни бюста, ни потрепанных декораций — а только голос. Он вспыхивает и рассыпается, как бенгальский огонь. Потом вступает мужской голос, и я кричу вместе с галеркой: «Ансельми, Ансельми!..»

Вова дергает меня за рукав: «Это неприлично, в твоем возрасте не кричат. Ты же не психопатка!». Он не понял, что я кричу помимо моего желания. Я забыла даже про коробку шоколадных конфет и за это время Вова серебряными щипчиками вытащил самые лучшие. Бог с ним. Я ведь чуть не потеряла мой перламутровый бинокль. Но его нашли под креслом. Как видно, я выпустила его из рук. А это была бы серьезная потеря. Мой бинокль — предмет зависти всего класса. Перламутровый только у Тони, и то он без ручки и большая часть перламутра отскочила. Тоня получила бинокль, когда вся позолота с него слезла. Она, однако, не хочет признать, что мой лучше.

Но надо спешить. Сзади напирает публика и гонит нас к выходу. Сегодня все так просто не кончится. Мы идем в паштетную, потому что все приличные люди ужинают после театра. Со мной это случается в первый раз и я от волнения не знаю, с какой ноги ступать. Вова недоволен: мы не взяли извозчика. Было бы шикарнее подъехать к паштетной. К сожалению, она совсем близко. Я была там много раз. Но вечером никто не посмел бы заказать полпорции крема и одно пирожное. Теперь это ресторан с огромной рыбой на стойке. Она утопает в майонезе. Рядом с ней остроносая рыба под винегретом. Я мысленно прошу Бога, чтоб Яков Соломоно-

вич не заказал остроносую рыбу. А лакеи уже составили два столика и превращают их в один стол, как на свадьбе. Мама и папа на почетном месте. Рядом со мной дочь Якова Соломоновича. Она в кружевном платье. Я знаю ее давно, и она мне все больше и больше нравится. Сегодня я могу рассмотреть дочкино декольте. Оно нежно розовое, как-будто его долго пудрили пудрой телесного цвета. Но Яков Соломонович с большими предосторожностями дает маме листок бумаги, где написано меню. Глазами он показывает на меня, и мама отрицательно машет головой. Она хочет сказать, что нечего со мной советоваться: буду есть, что дадут.

Как хорошо, что по дороге из театра я успела нашептать Якову Соломоновичу, что люблю пломбир. По правда говоря, мне ничего не хочется. Я опьянела от запаха еды. Вова держит себя с достоинством и только вскольз. рекомендует некоторые блюда. Папа немного удивлен его познаниями. А дочь Якова Сломоновича смотрит на Вову странными глазами и декольте ее становиться багровым. Когда дело доходит до сладкого, приносят крем, пломбира, как видно, не было. Несмотря на то, что он мягкий и тает на тарелочке, в нем всегда натыкаешься на что-нибудь твердое, например, на цукаты. Раскусить их невозможно. Я наблюдаю за дочерью Якова Соломоновича: она ест как птичка и делает малюсенькие глотки. Я полпорции крема съедаю ровно в полминуты. Если дочь Якова Соломоновича такая великосветская, то почему она до сих пор не вышла замуж? У нее ведь орлиный нос и розовое декольте. Матя сказала, что она могла сделать хорошую партию, и в последний момент все расстроилось.

Что за идиотское выражение: партия. Можно сыграть партию в шахматы. Есть, кажется, партия социал-демократов, где числился Герасим, партия

пшеницы — ее продают помещики, а она годами остается на складе. Что с ней потом случится, известно дяде и его компаньонам. И папе, когда он приезжает на выручку. Сейчас подобные мысли никому в голову придти не могут. За нашим столом и за соседними столиками разговор исключительно об итальянской опере. Яков Соломонович говорит, что жена его брата, невероятно светская женщина. Она проводит целые дни в гостинице, где остановилась итальянская труппа. Жена брата платонически влюблена в Ансельми. Но ее и других поклонниц постигло разочарование: Ансельми женился. Он не устает расхваливать «возлюбленные ручки своей жены» и поклонницам все ясно, хотя это по-итальянски. Теперь я сообразила, что пели тоже по-итальянски, а мне казалось, что я понимаю. Вова считает, что такова власть искусства, но я не уверена: я прочла либретто. Завтра в классе буду рассказывать, как после оперы мы ужинали в паштетной. Я уверена, что это произведет на всех большое впечатление. В оперу, кроме меня, уже ходила Поцелуйкина. А дочка доктора говорит, что слышала все русские и итальянские оперы. В доказательство потребую, чтоб она спела мне: «Смейся, паяц»... Посмотрим, сумеет ли она выкрутиться?

Но я могу проспать и не пойти в гимназию. Никогда я еще так поздно не ложилась. Когда мы ехали домой, на извозчике, на улицах не было ни души. Только на некоторых углах стояли молодые, очень красивые женщины. Одна из них хотела бить другую, и замахнулась на нее тяжелой сумкой. В это время извозчик ехал очень медленно, и я слышала, как она крикнула: «Холера!» Перед сном, Вова сказал мне, что это очень опасные женщины. Они называются «ночными бабочками». Это для меня не ново. Я знаю, что в газете «Одесские новости» их называют

жертвами общественного темперамента. А папа и мама уверены, что я ничего не вижу и ничто плохое не затрагивает мою детскую душу. Они были бы в отчаянии, если б знали, о чем я думаю. Но они никогда не узнают. Скорее дам отрубить себе правую руку, как говорит Ланя. Если его слушать, может показаться, что у него столько же правых рук, сколько у индусского божества, не помню какого. «Сорок чертей и одна ведьма» еще глупее, а это без конца повторяют вовины соученики. У Андрокардато все «адски шикарно», и женщин он называет невредными бабами. Хотела бы знать, есть ли у него новые словечки, но он бывает у нас очень редко. Андрокардато обижен: Вова и сын артиста перестали считать его медиумом. Их увлечение спиритизмом прошло, и теперь они издеваются над медиумами и над спиритическими сеансами. Это забава для выживших из ума английских лордов. Почему «выживших из ума?» Мне немного обидно за маленького лорда Фаунтлероя и за его деда, несмотря на то, что книга уже давно перешла к Кате. Она тоже любит лорда Фаунтлероя и в честь его назвала Цедриком одну из своих безволосых кукол. Это страшно несправедливо, ведь у Цедрика были чудесные каштановые локоны. Катю не переспоришь. К тому же детские книги мне давно пора забыть. У мадам Трейн я тайком читала «Чрево Парижа» Эмиля Золя. Его роман «Нана» мне не так понравился, в нем много непонятного. Кроме Эмиля Золя я читаю рассказы Бунина и из-за этих авторов моя музыка хромает на обе ноги. Но мне повезло: мадам Трейн занята телефонными разговорами и не замечает, что я уже третий месяц подряд учу вальс: «Светлячки». Она устраивает музыкальное утро. На нем я с сестрой Гудулы должна играть в четыре руки.

Мечтаю, что обо мне забудут. Я терпеть не могу сестру Гудулы, хотя ее зовут Катюша. Она не пере-

стает толкать меня своими толстыми ботинками. Я ей будто бы мешаю нажимать на педаль. Я на ее педаль вовсе не покушаюсь. Катюша мне чем-то напоминает дочку доктора. Возможно, что это ее кузина. Но дочка доктора недовольна: у нее нет кузин, одни кузены. Подумаешь, какая важность! Воображаю, как она будет врать, когда услышит про Итальянскую оперу. Таня, вообще, не захочет слушать. Ее учительница не признает опер. Она за чистую музыку. А что же в операх нечистого? Они поют в голове. А про чистую музыку, вроде любимого ими Баха, этого не скажешь. Я чувствую, что Вова тоже недолюбливает Баха. Но он не высказывается. О таких вещах не приятно говорить. А я говорю и мне прощают: мой музыкальный вкус недостаточно развит. Но почему Матя чуть не заснула, когда один подающий надежду ученик стал подряд играть фуги и прелюды? Мне пришлось ее ущипнуть, иначе она бы захрапела. В первом ряду сидели профессора Консерватории и один из них, очень симпатичный, старик в очках, начал клевать носом. Но вот теперь он кончил и раздались оглушительные аплодисменты. Всем хотелось показать, с каким вниманием они слушали. Матя, по ее собственным словам, не пропустила ни одной ноты. В антракте она пошла в артистическую и великодушно предложила взять меня с собой, но я отказалась.

72.

Таня возмущена моим отношением к Баху. Мне слон на ухо наступил. Это неправда. Сама мадам Трейн сказала, что у меня хороший слух. Не такой абсолютный, как у Гудулы, но достаточный для того, чтоб стать приличной пианисткой. Мне этот слух совсем не нужен. Он меня раздражает. Я слышу все свои ошибки, а играть правильно не могу: пальцы не слушаются. Но на уроках пения слух мне очень помогает. Я знаю наизусть все песни и когда аккомпаниаторша берет фальшивый аккорд, я готова ее зарезать. Учительница пения не верит в наши голоса. Они будут много раз меняться. Тетя Лиля с ней не согласна. Она сказала мне, что я, наверное, стану певицей — у меня есть низы. Верхов пока нет, но это не беда. Тетя Лиля авторитет: она сестра известной певицы, и сама чуть не стала знаменитостью. Ей помешала семья. А сестра ее пошла на сцену против воли родителей.

Я их отлично помню: они жили на Среднем Фонтане. Мать тети Лили мне очень нравилась. Но все находили, что она мямля и не может сказать: нет. Зато отец дикий эгоист. Он достаточно поработал на своем веку, теперь он хочет путешествовать. На даче он рассказывал всем и каждому, что был на Мадере. Такой остров, действительно, существует, я это проверила на карте, но отец тети Лили вряд ли

там побывал. Он большой фантазер. Я все-таки жалею, что мама и папа с ним редко встречаются. С удовольствием послушала бы всякие небылицы про остров Мадеру. Чего бы я не дала, чтоб пожить на острове, со всех сторон окруженном морем. Пока это не предвидится. Островки на Куяльницком лимане и на Хаджибейском в счет не идут. Куяльницкий остров все-таки немного лучше. Там ресторанчик, где можно получить сосиски и пиво. А на Хаджибейском никаких ресторанов — одни лягушки.

Асе не нравится моя критика: на Хаджибейском лимане все замечательно. Она такая же собственница, как была, и ей непонятно, что я раздаю свои вещи. Не по доброте, а потому что люблю раздавать. Все довольны, и я тоже довольна, но потом мне приходится выдумывать разные истории о пропажах и потерях. В конце концов я сказала маме, что не хочу привязываться к вещам. Я не мадам Блазнер. Есть лучшие примеры, но они не приходят мне в голову. Сегодня утром я подарила Берте Креде программку итальянской оперы. Она любит блестящую меловую бумагу. Что там написано — ей безразлично. В оперу они не пойдут. Они ходят в кирху. И Берта ненавидит эти хождения. Надо петь по книге, или, по крайней мере, аккуратно раскрывать рот. Белой Мыши я подарила серебряные щипчики от абрикосовского шоколада. Они ей пригодятся. Но у меня не было времени зайти к Александровскому за новыми открытками и Таня осталась без подарка.

Мне неприятно, что она принимает мои подарки, как должное. Я их покупаю через силу, по обязанности. Если б я рассказала Вове, он сравнил бы меня с дачным мужем. Всех дураков он называет дачными мужьями. Они возвращаются из города, нагруженные, как ослы. Вроде мужа мадам Немировой. Один раз он даже вез живого карпа, но не довез, тот по дороге

выскользнул. Каждый день даю себе слово никаких открыток не покупать, но у меня не хватает духа... Я в каком-то тумане. Вспоминаю итальянские слова из оперы и они совсем особенные. Больше всего мне нравятся слова с двойными согласными. Их надо произносить, как-будто в них не два «л» а целый десяток. Я пробую, с расчетом на то, что учительница арифметики не услышит моего бормотания и не вызовет меня к доске.

По виду она добродушная, но это одна из роковых ошибок. Самое большое удовольствие для нее, поймать за списыванием задачи. Тогда она похожа на большую жирную кошку. Она охотится, хотя давно уже объелась мышами. Хуже всего, что учительница стыдит таким небесным и приятным голосом, что хочется навсегда покончить с арифметикой. Тетради отнести на кухню и бросить в помойное ведро. А Малинина и Буренина загнать Букинери. Таня находит, что у меня голова как-то нелепо устроена. Я должна была родиться мальчиком. Иначе, откуда бы взялись такие выражения, как «загнать». Но она ведь говорила, что я женственна. А я совсем не желаю быть женственной. Это безумно скучно. Но Таня советует мне быть робкой и несмелой. Другими словами, находиться у нее в подчинении.

В данный момент мне важнее всего, чтоб учительница арифметики не вздумала за мной охотиться. Пускай ищет себе другую жертву! И жертва находится — это Лида Родиопуло. Учительница невероятно сладким голосом просит ее взять мел. Сама Родиопуло становится белее мела. Если б она была в старшем классе, то наверное, упала бы в обморок. У нас это не принято. Пока что Родиопуло пишет задачу на доске. Она смотрет в угол, на черную, исписанную мелом доску. Можно подумать, что она ждет от нее ответа. Проходит несколько минут. Учительница

очень низко наклонилась над журналом, как делают все близорукие и безнадежно качает головой. Родиопуло возвращается на свое место. По-моему она вовсе не расстроена, а вот Муся Логинская чуть не плачет. Ей стыдно за Родиопуло. Как было бы ей стыдно за меня, если б она могла прочесть мои мысли. Но у Муси, слава Богу, нет таких способностей. А других сколько угодно. Она хорошо поет, хотя голос у нее без переходов. Муся любит пение. Когда я стала расхваливать итальянскую оперу, она смотрела мне прямо в рот. Ей бы тоже хотелось пойти, но это невозможно. У Ираиды опять галлюцинации и ее везут в Петербург к доктору со странной фамилией. Значит, надо экономить на театре.

Всегда экономят на приятном. Гораздо проще было переехать в дешевую квартиру с видом на уборную, а платья шить у домашней портнихи Мани или у горбатенькой. Ведь горбатенькая — это какое-то чудо. Утром она берет в руки материю, вертит ее и крутит и громко ругает магазин Бомзе. А к вечеру платье готово. Можно было бы отказаться от обедов из четырех блюд и есть кашу с молоком. Вообще существуют много способов жить экономно. Близнецы надо мной издеваются. Они говорят, что нет пророка в своем отечестве. Воображаю, как они были бы недовольны, если б у нас вместо миндального пудинга давали кашу с молоком. Все вопрос привычки. Я предпочитаю шоколад Сиу замечательным шоколадным конфетам от Робина или Фанкони. Такого твердого и горького шоколада мир еще не видал. Он как-будто сделан из песка, политого дегтем.

Мне самой неловко, что я говорю о еде. Я стараюсь делать это в отсутствие Тани. Она бы меня презирала. А так трудно поддерживать в других уважение! Я могла бы иметь придворного льстеца, нашу Поцелуйкину. Но за это мне пришлось бы терпеть

ее мокрые большеротые поцелуи. Она не умеет целоваться, как все люди: то есть поджатыми губами. Матя, например, всегда говорит о поцелуях, но когда приходит к делу, она целует воздух. Когда Матя поет: «Черный хлеб в обед и ужин Ее страстей не усыпит. Ей поцелуй горячий нужен, В ней кровь цыганская кипит», я гогочу, как гусыня. А сын Якова Соломоновича не отводил от нее глаз. Ему казалось, что это сама Вяльцева с грамофонной пластинки. Но я узнала, что он ненормальный и мне все стало ясно. После визита к нам ненормальный сын не захотел больше выходить на улицу. Матя была разочарована. Она собиралась вскружить ему голову своим цыганским пением. И ничего не вышло. Потом она мне объяснила, что сын Якова Соломоновича почувствовал, что влюбляется и позорно сбежал. Он испугался своего чувства. А Вова говорит, что чувство тут ни при чем. Сумасшедшие неспособны влюбляться. Но откуда же берется любовное безумие?

Понемногу выясняется, что все влюбленные безумны, но это ничего общего с сумасшествием не имеет. Любовное безумие проходит вместе с любовью, и Вова уже испытал это на себе. А я еще не была влюблена до безумия. Неужели я будут ходить с заплаканными глазами и красным носом, как Эсперанса? Она дошла до такого состояния, что от каждого вопроса вздрагивает. Из вовиных знакомых вздрагивают только Тамара и Веруся. Лиля этого делать не будет, она слишком выдержанная. Ей кажется, что она на целую голову выше своих современников. Это мне сказал сын артиста. Он охладел к Лиле после того, как она забраковала его стихотворение. В нем он много говорит о своих переживаниях. Мне стихотворение понравилось, но я не особенно верю в его муки от неразделенной любви.

Еще недавно он и Вова так хохотали, что неиз-

вестный портрет упал и стекло разбилось на тысячу осколков. Самое смешное, что портрет этот висит у нас с незапамятных времен. Я так и не открыла, что это за чужая женщина в платье с рюшем. Если б Лиля могла предположить, что сын артиста не только не страдает, но даже способен рассказывать неприличные анекдоты, она была бы поражена в самое сердце. Я знаю всего два. А братья Тони Калиниченко известные анекдотисты. Я почему-то сомневаюсь в их анекдотах. Они, наверное, такие же дубовые, как сами братья. Муся Логинская о неприличных анекдотах не имеет ни малейшего понятия. Я уверена, что даже испорченный Шурка не посмел бы их рассказать при ней. Асю он спросил, знает ли она, что такое сожительница, и Ася страшно обиделась. Ей не понравилось это слово. В нем что-то нехорошее. А потом мы узнали, что у сожительницы обыкновенно имеется сожитель и Ася чуть с ума не сошла. Она впечатлительная и все принимает за чистую монету. А у меня, благодаря Вове и сыну артиста, открылись глаза на жизнь.

Когда говорят, что кто-нибудь умирает от любви, я вовсе не представляю себе комнату, где умирающий шепчет дорогое имя. Нет, меня не удивило бы, если б он в это время прогуливался по Дерибасовской и искал в толпе знакомую гимназистку. Иногда начальница рисует картины нашего начального будущего и мне просто смешно. Откуда она знает, что с каждой из нас случится после окончания гимназии? Она ж не Господь Бог, чтоб все предвидеть! Недавно она сказала дочке доктора, что та в дальнейшем будет вредным членом общества. Дочка доктора позеленела от обиды. Нас это поразило. Мы не знали, что она может быть зеленой, как будто у нее два солитера. Но возразить она не решилась.

Васса как-то поспорила с начальницей, и ее чуть

не выкинули из гимназии. Она мне рассказывала, что дома приемная мать швырнула ее на колени перед образом и заставила поклясться, что она откажется от всех своих дурных привычек. Дурные наклонности приемная мать обещала выбить другим способом. По-моему это настоящая драма и она почище никому не нужных любовных драм. У Мары Гольберг тоже драма, но какая — неизвестно. Мара очень скрытная, у нее нет подруг. Мне объяснили, что пианистки вечно упражняются и у них нет времени для дружбы. Решила позвать Мару к себе. Но она разучивает какое-то скерцо и каждую музыкальную фразу должна повторять по крайней мере двадцать пять раз. Так работают пианисты и поэтому у них всегда неприятности с соседями. В таком случае нашим соседям повезло. Не только я, сам Вова музыкальных фраз повторять не будет. Ему это кажется нелепым. Но когда он играет «В монастыре» Бородина, колокола у него звучат еще громче, чем в действительности.

Я верю во все придуманное, и из-за этого происходят разные недоразуменя. До сих пор, не могу примириться с тем, что гоголевские герои — это плод фантазии. Я встретила Пульхерию Ивановну, правда, без Афанасия Ивановича. Это было в местечке на свадьбе дяди Семы и тети Нюни. А Пульхерия Ивановна — бабушка тети Нюни, ну просто копия ее, со всеми добрыми морщинами и складочками. Отец тети Нюни немного похож на Собакевича, но он, все-таки, разговорчивее, чем Собакевич. А стоит шестикласснице со змеиной головкой и косой пройтись по коридору и мне кажется, что это русалка-утопленница. То что Вова — вылитый д'Артаньян — я уже не раз повторяла. Я отказалась восхищаться «Записками охотника» и Надежда Игнатьевна считает меня дурой. Чтоб обелить себя, я сказала, что мне нра-

вятся «Детские годы Багрова внука», и она успокоилась.

Надо любить то, что все любят! Надежда Игнатьевна говорит, что умные критики уже определили, что хорошо и что плохо, а я просто-напросто фиглярничаю. В моем возрасте необходимо любить описания природы. Мне хотелось узнать до какого возраста полагается их любить, но я поумнела и держу язык за зубами. Надежда Игнатьевна зорко следить за тем, чтоб мы не прыгали выше головы. А если б я была педагогом и участвовала в педагогическом совете, то позволили бы учащимся фантазировать, сколько их душе угодно. Я, например, договорилась до того, что знакома с Ансельми и с толстой певицей, Бианкини-Капелли... Но это уже выдумка, а не фантазия. И мне совсем не хочется быть знакомой с Ансельми. Я боюсь, что он не такой обаятельный, как на сцене. А Бианкини-Капелли орет на свою горничную: она выводит ее из себя. Но ведь никто не виноват, что платье не сходится. Нет, лучше я с ними мысленно раззнакомлюсь. Недаром сын артиста напугал меня закулисными интригами. По его мнению оперные артисты еще хуже драматических. Там нет ни одного, с высшим образованием. А у них в труппе есть. Правда, они на вторых ролях. И даже суфлер и тот был экспертом, но провалился на экзаменах.

Помощник режиссера, Мишенька, нацепил университетский значок такой величины, что многие пугаются. Сын артиста уверен, что Мишенька был только вольнослушателем. Но может быть он все выдумал, и Мишенька имеет право носить значок, Зиновий тоже одно время считался вольнослушателем, и это ему не помешало: у него жена и ребеночек в коляске с голубым стеганным одеялом. Матя встретила его недалеко от нашего дома и говорит, что он до смешного похож на какого-то дядю Иезекииля.

Ну что общего может быть у крохотного ребенка со стариком, пропахшим сигарами и мазью для ботинок? Матя настаивает. Куда девалась ее знаменитая доброта? Ей хочется, чтоб ребенок отвечал за то, что у нее не было романа с Зиновием. Но она сама виновата. Она мечтала некогда о сильных ощущениях. Она меня заразила этим, и я раз и навсегда почувствовала, что у меня не будет романа с Борей Гаевским, ни с Женей. Я их слишком хорошо знаю. А Боря Гаевский меня совсем не знает. Я для него загадка. Таню я в мои дела не посвящаю. Она равнодушна к мальчикам своего возраста. И все-таки мне с ней интересно. Мы говорим о будущем, и сердце у меня бешено колотится. Я подхожу к зеркалу, оно в спальне у таниной мамы, и примеряю черную бархатку. Где ее лучше носить: на шее или в волосах? Таня думает, что на шее. Она кажется тогда лебединой. Ей легко говорить: шея у нее длинная, а у меня она покороче. Я могу пленять своими волосами. Таня сказала, что со временем в них будут золотые искорки. Пока их нет. Но если мыть голову ромашкой, они появятся.

Мама удивлена: с каких пор я стала кокеткой? Меня считали серьезной, а я мечтаю о золотых волосах. Мне жалко, что я проговорилась. Теперь все будут меня дразнить. Если это дойдет до близнецов, мне крышка. Как Лане, когда он проваливается на письменном экзамене. В конце концов Лане повезло, он поступил в училище, куда принимают без экзаменов, а мне с близнецами вряд ли повезет: в их семье принято дразнить. Женю они называют: гомункулусом, потому что он носит очки. А папашу своего за глаза, конечно, старый Цаль. Все у них старые! Они и меня назовут старой кокеткой.

К счастью мама забыла про мои золотые волосы. У нее другие заботы: приехал дедушка из Воз-

несенска, и она ходит с ним по докторам. Дедушке жалко маминых денег. А мама сердится, когда он говорит о деньгах. Она расстроена: дедушка стал совсем бессловесным. Он знает, что ему надо поправиться, и он безропотно ест кашу и желтый сыр, качковал. Молится он по-прежнему. И после молитвы идет к Мише и разговаривает с ним, но без слов. Миша ему улыбается, он пускает пузыри и видно, что дедушка доволен! Наша Геня тоже расстроена. Она боготворит дедушку. В ее глазах он святее какого-то цадика из Кантакузовки. Она бы готовила дедушке свои лучшие блюда, но он ест, как птичка. Не думаю, чтоб птичке понравился куриный бульон с маленькими глазками жира. Доктор, правда, прописал чистый бульон, но Геня не может допустить, чтоб дедушка хлебал воду! Все изменилось. Вова временно перешел в проходную комнату. Одну дверь загородили, и она перестала быть проходной. А перед окном поставили большой письменный стол, бывший папин. В нем много ящиков и ни один из них не закрывается. Вову это не устраивает. Ему не хочется, чтоб рылись в его сокровищах. Он может быть спокоен. Я оберегаю его стол. А то еще Катя туда заберется и начнет искать серебряные пилюльки или старый марочный альбом. И зачем ей все это? Но она обожает вовины вещи. Может быть потому, что я ей объяснила, что они особенные. У других братьев нет такого количества пустых коробочек, поломанных циркулей и набора карандашей всех цветов, даже несуществующих.

Вова купил их на распродаже у Гальперина. Я тоже люблю распродажи и готова скупить весь магазин. В последний раз я умоляла маму тут же на месте приобрести маленький мозаичный столик. Меня с трудом успокоили. А карандаши — вещь полезная. Ими раскрасят обложку журнала. Потому что он,

все-таки, выйдет в конце сезона. Подписчики уже начали волноваться. Андрокардато от имени своих братьев требует деньги обратно. Братья говорят, что журнал — это средство для выкачивания денег. Вова хотел сделать жест и вернуть им подписку, но сын артиста возмутился: — Позвольте! мы никогда не определяли сроков и, как секретарь редакции, я могу поручиться, что журнал выйдет. Вова был удивлен его выступлением. Он не знал, что сын артиста секретарь редакции. Впрочем, это звучит неплохо и придает вес журналу. А близнецы взорвались. Как! с первого дня они считали себя секретарями, и сын артиста почему-то их переплюнул. Он просто наглец! Продолжения разговора я не слышала: я ушла к себе, дочитывать очень интересный перевод с английского языка. Мордобоя не было: они помирились на том, что близнецы считаются членами редакционной коллегии. Но брат близнецов сказал, что нужен еще редактор для отсидки. Один редактирует, а другой сидит в тюрьме. Он издевается, хотя в этом есть доля правды.

Чтоб спасти Вову я готова сесть в тюрьму. В крайнем случае пусть меня посадят в дом для малолетних преступников. Отец Лани собирался его туда упрятать. Ланя говорит, что он хуже тюрьмы: там бьют и морят голодом. Помню, как я стала изобретать для ланиного отца всякие способы смерти. Например, напустить на него москитов или бросить его на съедение диким зверям? В конце концов, я решила действовать добром. Но Ланя пришел в ужас. Он заклинал меня не вмешиваться в его семейные дела. Выходило, что преступный отец — это, все-таки, семья. А я ему чужая. Не ожидала от Лани такого предательства. Ланя сам понял свою ошибку и стал меня уверять, что после Вовы я для него самый близкий человек на свете. Я сделала вид, что поверила его

словам, а Ланя продолжал горячиться, как будто речь шла о жизни и смерти. Ему жалко потерять мое доверие. Когда смотрю на него, всегда вспоминаю девочку с сан-бернаром. Он каждое утро провожал ее в гимназию и горе тому, кто посмел бы к ней подступиться. А с прошлого года ее сопровождают уже два сан-бернара. Очевидно, один родил другого. Ланя не подозревает, с кем я его сравниваю. Он бы мне не простил. А по-моему — честь быть сан-бернаром. Но это принадлежит к числу необъяснимых вещей.

Мою дружбу с Таней тоже трудно объяснить. Я не делюсь с ней моими неприятностями. И мне не пришло бы в голову с ней секретничать. Наша дружба построена на разговорах о том, что за головокружительный успех будет иметь каждая из нас. А пока Таня уверена, что отец Белой Мыши смотрит на меня какими-то особенными глазами. Он почувствовал во мне будущую артистку или писательницу. Это зависит от таниного настроения. Я не остаюсь в долгу и часами могу говорить о том, как она будет покорять сердца. Но Тане нужно только одно сердце. Сердце пианиста с большой шевелюрой и блуждающими глазами. Я охотно дарю ей его. Мне он совсем не нравится. Представляю себе, какой он раздражительный. Он, вероятно, помешан на себе, как Тубенкопф. В воскресенье они были у нас и его жена жаловалась маме, что у Володички слишком тонкая душевная организация. Хорошо, что никто не услышал, как я фыркнула. Подумаешь, организация! Покойный дедушка повторял, что он плут. И все его рассуждения — воздух, дыра от бублика. Дедушка из Вознесенска этого бы не сказал. Он слишком доверчивый и считает, что никого нельзя осуждать.

В таком случае я пошла не в него, я осуждаю очень многих. Иногда про себя, иногда вслух. Но ча-

ще про себя. Когда я начинаю увиливать, Вова говорит, что у меня нет гражданского мужества. Но тут дело не в мужестве: мне просто не хочется причинять боль. А я заметила, что почти все люди считают себя особенными! Даже Берта Креде думает, что она не глупее других. То, что говорит Надежда Игнатьевна — считается. Для нее мы все дуры, каких свет еще не видал. Дочка доктора не сомневается в своей гениальности. Она гений. А ее старший брат и подавно. По целым дням он перелистывает книги. Я сказала дочке доктора, что ее брат — книжный червяк, и она безумно обиделась. Сахно тоже обиделась, когда я назвала ее вторым Иосифом Гофманом. Если б ей дали зал Биржи, она показала бы, как исполняют «Лунную сонату». Правда, самое начало, дальше слишком трудные пассажи. Таня не такая самоуверенная. Она знает, что надо долго и упорно упражняться для того, чтоб получить звание пианистки. Ее учительница с самого раннего детства играла по четыре часа в день, а потом вышла на эстраду и упала в обморок. Тогда ее концертная карьера кончилась. Мне до сих пор не удалось выяснить, почему мадам Трейн стала музыкантшей. По-моему у нее решительно никаких данных. Рука у нее похожа на гусиную лапку с перепонками, и я никогда не слышала, чтоб она сыграла какую-нибудь вещь от начала до конца. Но теперь непременно узнаю. Я подружилась с ее мамой. Это высокая старушка с такой же длинной реденькой косой, как у мадам Трейн. Она влюблена в свою дочь и ее ручки с перепонками — называет: золотые руки. Она мне уже много рассказывала про детство мадам Трейн: какая она была аккуратная! Перед сном складывала свои вещи на стуле или вешала их в шкаф. «Моя чудная дочь, — говорит мама мадам Трейн, и глаза ее наполняются слезами. — Какое она мне пальто подарила!» Она

дает мне пощупать демисезонную материю. До музыки мы с ней не дошли. Только я начинаю расспросы, как раздается голос мадам Трейн: «Надя, где вы?». Пока я буду переодеваться, вы можете сыграть ваш этюд.

Мадам Трейн права: он мой. Я играю его уже полгода и всегда спотыкаюсь на том же месте. Это страшно неудобное фа диез и до него мой четвертый палец, самый неповоротливый, не в силах дотянуться. Когда подумаешь, на что уходит жизнь! Ведь в это потерянное время я могла бы написать стихотворение для журнала!

73.

Если б можно было отделаться от мадмазель и от мадам Трейн, я, наверное, написала бы не одно, а множество стихотворений. Когда мне кричат, что пришла мадмазель, я сначала притворяюсь, что не слышу. Потом начинаю торговаться: «Пускай Катя сначала...» Но Катя не хочет, она занята. Уже третий день, как она перешивает кукольные платья. Мадмазель меня давно раскусила. Сейчас она начнет говорить про Луриха второго, и я погружусь вместе с ней в мир французской борьбы. Она, по словам мадмазель, ничего общего с ее родной Францией не имеет. Борьбу назвали французской потому, что все лучшее и самое интересное идет из Франции. Спорить с ней я боюсь, она может перейти на другие темы и больше мы не вернемся к Луриху. «Он светлый блондин», — говорит мадмазель, а глаза ее наполняются восторженными слезами. В общем, урок проходит незаметно. Я почти в претензии на Катю за то, что она уже тут как тут. Оказывается, Катя хочет попросить мадмазель, чтоб та обметала петли. Пуговицы она пришила сама к кукольным платьям, и так крепко, что их никто не сумеет оторвать. Мадмазель с Катей выходят из комнаты, а у меня такое чувство, будто мне чего-то не додали.

Мадмазель приходит не только к Кате и ко мне, но и к Вове. Он пробует улизнуть. У него тысяча

отговорок. В конце концов он снисходит, и они запираются в вовиной комнате. Оттуда слышен громкий смех. Смеется Вова. Мадмазель только подхихикивает. Я уверена, что она рассказывает Вове про того же Луриха, но со всеми подробностями. Со мной она говорит очень странно и все время чего-то не договаривает. Некоторые вещи я договариваю за нее. От Хейфеца еще труднее отвязаться. Он хочет честно зарабатывать свой кусок хлеба. А кто его просит? И все-таки, через несколько минут он забывает о своих благих намерениях и начинает ораторствовать. Он будет дипломатом, это решено. Мне хочется сказать: «Решено, но не подписано», но я воздерживаюсь. Пока что Хейфец проходит курсы газетной техники у знаменитого журналиста с перевернутой фамилией. Я этой фамилии не встречала ни в «Одесских новостях», ни в «Одесском листке», ни в «Одесской почте». Но Хейфец говорит, что журналист сотрудничает в иностранной прессе. Бедный Хейфец, это его предположение. Вова ручается за то, что журналист с перевернутой фамилией пишет исключительно для своего письменного стола. Он прячет рукописи в стол. Там они будут лежать до лучших времен. Правда, он писал письма в редакцию и они начинались: «Милостивый Государь, господин редактор», но это не дает еще права называться журналистом. А главное, иметь школу для таких ослов, как Хейфец. Я предложила Вове пригласить перевернутого журналиста в наш журнал, но он наотрез отказался. Кому нужны патентованные бездарности?! А Хейфецу почему-то необходима газетная техника, и он пускается в длиннейшие объяснения. «Надо быть универсальным», — говорит Хейфец. Он уже изучил стенографию и эсперанто. А теперь будет изучать язык под названием: волапюк. Но почему ему не изучить французский или немецкий? Хей-

фец смеется: «Немецкий?... да он чуть ли не с пеленок говорит по-немецки». А французский он изучил так досконально, что все удивлены. Хейфец становится в позу и начинает декламировать. Я ничего не понимаю, кроме слова «мон пер». «Это Виктор Гюго», — провозглашает Хейфец. Он удивлен тем, что я ничего не разобрала. «Кому же в таком случае нужна эта мадмазель с ее барскими замашками?..». Если я скажу, что у него плохое произношение, Хейфец не поверит. Хорошо, что его не слышат ни Тиночка, ни лошадиная Лиля. Они говорят с самым чистым московским произношением. Оно настолько чистое, что я ничего, кроме звука «а» не слышу. Под их влиянием Вова тоже начал акать. Сын артиста смотрит на это, как на детскую забаву. Слава Богу он воспитывался в театре и всегда говорил по-московски.

Москва, Москва... может быть я никогда не попаду в Москву. Зачем же мне их московское акание? Я вовсе не намерена подражать Тиночке и лошадиной Лиле. И без того можно подумать, что они осчастливливают нас своим пребыванием в Одессе. Тиночка мечтает о петербургской консерватории. Оттуда вышли все знаменитости. А иногда ей хочется в Италию, где у большинства мужчин бель канто. Лошадиная Лиля рвется на курсы, безразлично куда, лишь бы жить по-студенчески. В таком случае московское акание им ни к чему. Но они, как видно, не хотят, чтоб их принимали за одесситок. Они еще пожалеют об этом. Особенно будет жалеть Лиля. В ее комнате с узкой кроватью не будет ни центрального отопления, ни роденовского «Мыслителя», ни подушек с Коломбинами. Это все осталось в Одессе, в прежде ненавистной, а теперь нежно любимой квартире на Маразлиевской.

Не знаю, разочаруется ли Тиночка? Ведь Италия

так похожа на Одессу! Недаром у многих одесситских греков итальянские фамилии. Например, Анатра. Сын артиста сказал, что анатра — по итальянски — утка. Это подтвердил театральный парикмахер, а он чистокровный итальянец и по-русски говорит не лучше, чем музыкальные клоуны из цирка Малевича. От Тиночки я таким образом перехожу к цирку и вспоминаю, что мне очень хотелось посмотреть лилипутов, но Вова пошел с товарищами. В следующий раз он обязательно возьмет меня. Мне горько и больно, хотя я знаю, что лилипуты за это время не подрастут ни на вершок. Одного я встретила на Дерибасовской. Он был в шубе с бобровым воротником, и все на него оборачивались. Это самый маленький из всей труппы, но лицо у него сморщенное, старушечье. В общем, он большой молодец: танцует, показывает фокусы и даже поет французские песенки. А мне его безумно жалко, несмотря на то, что он каприз природы.

Но в природе не может быть капризов. Наш естественник заявил, что все подчинено каким-то непонятным законам. Он сразу же спохватился и начал идти на попятный: с нами еще рано говорить о природных феноменах. Почему рано? А потому, что мы не можем отличить тычинки от пестика. А когда слышим слово: головогрудь, у нас краснеют носики, и мы просим разрешения выйти из класса. Ясно, что мы не доросли до решения серьезных вопросов. Естественник ошибается. Я видела человеческий зародыш. Но мне не известно откуда он берется. Это одна из стыдных вещей. А Боря Гаевский их положительно не выносит. Когда кто-то сказал слово: уборная, он залился краской до ушей. При нем я не решилась бы повторить шуркины анекдоты. Мне самой странно, что я их помню. Они не выходят у

меня из головы. Ася тоже помнит, но мы никогда об этом не говорим.

Таня не понимает, что можно быть чуточку испорченной. Она хочет, чтоб ее любил безумно и беззаветно пианист с пышной шевелюрой. А я верю, что, кроме большой любви, бывает еще маленькая любовь. Тане я этого не скажу, она пугает меня тем, что разочаруется во мне. Ну что ж, я буду в отчаянии, а потом перемучаюсь и дело с концом. Не страдать же мне целую жизнь! Этим пусть занимается кузина Маня. Она специалистка по сердечным мукам. Страдание для нее выше всего. Поэтому она без всякого отвращения ест червивые яблоки и обрезки колбасы из паштетной. Я ей даже благодарна: я узнала, что существуют обрезки. У Чудновского вы их не купите ни за какие деньги! Ему это не подходит. В его магазине столько бочек с солеными арбузами и помидорами, столько колбас в белых пупырышках, что не только голодного, но и сытого это может с ума свести.

Меня сравнительно редко посылают к Чудновскому. Я всегда там застреваю и не могу оторвать глаз от глыбы русско-швейцарского сыра со слезой. Вова надо мной издевается. Что Чудновский, это просто неплохая лавка со средними продуктами. Вот Дубинин — это храм еды! Он там бывал, поэтому у него передо мной огромное преимущество. Но когда-нибудь я буду все покупать у Дубинина. Начиная от самой крохотной барабульки до длиннющей безголовой семги. Пока что, попрошу папу, чтоб он взял меня к Дубинину. Папа не любит отказывать и потому я к нему редко обращаюсь. Мне не хочется ставить его в неловкое положение. Я пристаю к маме и чтоб перетянуть ее на мою сторону — цитирую Пушкина и Некрасова. Мама обожает цитаты. Она сказала, что ее поколение на них выросло.

Вера Львовна постоянно цитировала. Но это кончилось. Она должна заниматься своим аристократическим домом. Теперь мама Веры Львовны в полном восторге от своей дочери. Своим внуком, Ланей, она никогда не восхищается. И при всяком удобном случае дает ему понять, что он лодырь. А Ланя совсем не лодырь. Вова сказал, что он плывет без руля и без ветрил и неизвестно к какому берегу прибьется. Я думаю, что мы все перед ним виноваты. Надо было пробудить в нем самодеятельность. Это первое, на что следует обратить внимание. Так думает наша начальница. А она считает себя выдающимся педагогом. Другим она проповедует скромность, но у взрослых ведь нет никакой логики. Я заметила, что все они безумно непоследовательны. Наблюдение это я оставляю при себе. С ним вряд ли кто-нибудь согласится.

Я вовсе не собираюсь оригинальничать. Кому это нужно? Сын артиста сказал, что я все равно не переплюну лошадиную Лилю. Потому что, и это он мне говорит под строжайшим секретом, она носит браслет на ноге. Правда, дома, а не на улице. Там ее могли бы арестовать и среди бела дня повести в участок. Лилина мать не перенесла бы такого позора. А ей вредно волноваться. Она очень полная. Остальные дамы рядом с ней кажутся пылинками. Вова сказал, что она всегда в шубе. Тогда я воспользовалась случаем и объяснила ему, что лошадиная Лиля со временем станет такой же, как ее мамаша. Это общеизвестный факт. Вова начал спорить: Лиля пошла в семью своего отца! Но я не сдавалась. В противоположность лилиной матери верусина мама худая и длинная, как жердь. И у нее скуластое лицо, с круглым, нарисованным румянцем. Как я рада, что у моей мамы нет ни скул, ни впалых щек, а фигура

такая, что ее прославляет не только мадам Рабинович, но и сама Белопольская.

Но мама стала зеленой, как малокровные дети. Она должна ходить с дедушкой по докторам и консультировать. Мой доктор дает ей рекомендательные письма к своим коллегам и они, эти письма, открывают все двери. Зажмуриваю глаза и передо мной двери, двери, двери... Они открываются — одна за другой. На деле было так: дедушку и маму принял один знаменитый старичок-профессор. Он уже давно не практикует, но для них сделал исключение. При этом он вставлял в ухо костяной рожок и в него нужно было кричать, а сам он говорил тихим голосом. Дедушка сильно расстроился. Он понял, что у него серьезная, неизлечимая болезнь. Хотя профессор шептал, что легко вылечить. Через несколько дней, чтоб успокоить его, пошли к другому профессору, шумному и даже веселому. Он хлопал дедушку по спине, и дедушка пугался и поднимал глаза к потолку. Он как будто искал защиты у Всевышнего. А профессор все твердил, что вылечит дедушку в два счета.

Мама не доверяет профессорам. Чем больше они хлопают по спине, тем ей становится страшнее. Она решила вызвать тетю Таню, из Николаева. Дядя Сема уже третий день сидит в гостиной. За это время он выкурил гору папирос. Пепел падает на ковер, но он этого не замечает. С Вовой и со мной, он еле поздоровался, а на Катю, вообще, не обратил внимания. Напрасно она ходила вокруг его кресла, приподымалась на цыпочках и заглядывала ему в глаза, он даже не пошевельнулся. В такие моменты дети никому не нужны. Они мешают. В свое время близнецы хотели меня произвести в надоедливую младшую сестру, но ничего не вышло. Чужим элементом я не стала! Мне легко было с ними бороться: за мной

стоял Вова. А как должны страдать те, у кого нет защитников. Например, Васса. Ее отец — в море, и настоящая мать — на кухне. Васса не смеет рта раскрыть. Зато приемная мать с утра до вечера отдает приказания. Можно подумать, что перед ней целый взвод солдат, а не одна стриженная под машинку Васса. И Васса не возражает, хотя на ее лице явно написано: слушаю, но не исполняю...

Недавно за мной увязалась Лида Родиопуло. Это было очень неприятно, так как я рассчитывала пойти домой с Таней. Вместе с тем, я не могла отшить Родиопуло. Я не сын артиста, чтоб отшивать. Все вышло к лучшему: от Родиопуло я узнала массу интересных вещей. Оказывается, у ее дяди кофейня, настоящая греческая кофейня с биллиардом. Но дело не в биллиарде, в кофейне есть отдельные кабинеты. Это маленькие комнаты-закоулки, куда мужчины приводят знакомых девиц и чужих жен. Им туда подают и вина, и еду, а потом подающий уходит и дверь запирают на ключ. Дядя Лиды Родиопуло знает много скандальных историй и при желании мог бы расстроить не одну семейную жизнь. Лида заходила в эти кабинеты, но днем, и они имели довольно потрепанный вид. А когда вечером зажигают лампу с розовым абажуром все становится нарядным и даже роскошным. Я что-то читала про отдельные кабинеты, но в книгах это было более заманчиво.

Сама Родиопуло не такая счастливая, как мне казалось. За ней тоже никто не стоит: родители ее ссорятся, братьям до нее нет дела, а старшей сестре и подавно. Я думаю, что если каждую расспросить в отдельности, то счастливых не окажется. За исключением Муси Логинской и то потому, что она уравновешанная. И, может быть, Берты Креде — она счастлива, когда ее оставляют в покое, и может сосать ручку или покусывать ее своими четырех-

угольными белыми зубами. Большой мудрости она из нее высосать не может, но это лучше, чем обкусывание ногтей до самого их основания. Этим занимается половина нашего класса. Даже дочка доктора, хотя ее отец — врач, и она должна была бы знать, что полезно и что вредно для здоровья. На первом месте — Ася. Она грызет ногти так сосредоточенно, как будто решает арифметическую задачу. Топсик тоже кусает ногти. Время от времени она подносит свою руку в синих чернильных пятнах к свету, и сравнивает, какой ноготь короче... Она удивлена тем, что я не грызу. Значит, я не такая нервная, как она.

Мне неприятно, я нервнее ее и мне уже делали гидропатию, а ей нет. Топсик не верит. Что такое: гидропатия? Такого слова нет! Вот с какими необразованными девочками приходится быть в одном классе! Ей я этого не скажу. Она может подумать, что я задаюсь своими знаниями.

Топсик не поймет, что знания мои я подбираю то там, то здесь. Главным образом, у Вовы. Сейчас это труднее, Вова часто уходит к близнецам и остается на ужин. А это жертва с его стороны. Дома у нас говорят о болезнях, о докторах, о преимуществе одного профессора над другим. И Яков Соломонович настаивает на том, чтоб дедушку повезли в Петербург. У него там связи, и он может устроит дедушку в лечебницу, где практикует сам Сиротинин. Мама говорит, что он фантазер. Я. С. нисколько не обижен. На маму он не обижается потому, что она самая лучшая женщина в мире. Тем не менее, он настаивает на Сиротинине. Тогда мама начинает сердиться: разве он не понимает, что дедушка дальше Одессы не поедет. Не говоря уже о том, что у него нет правожительства в Петербурге... Опять правожительство! Я помню рассказ дяди о том, как он попал в облаву. Это было в Киеве. Шел он к своим родст-

венникам, Бродским. Как дядя ни выкручивался и ни объяснялся, чей он родственник, сердце пристава не тронулось, и ему пришлось в этот же день уехать. Я знаю, что такое облава, но неужели дядю тоже травили собаками? Нет, собак не было, одни только городовые. Дядя назвал их каким-то странным словом. В переводе оно означает: враги человеческого рода.

Пока дедушка сидит в проходной комнате и молится. Я предполагаю, что это молитва: борода его тихо колышется слева направо и справа налево. А может быть он думает о своей молодости. Но дядя страшно рассердился: разве я не знаю, что дедушка размышляет о величии Творца? Из-за размышлений он когда-то потерял свое состояние. Его обманывали всякие неразмышляющие мошенники. А дедушка даже не замечал. Когда он очнулся, было поздно, и теперь у него ни кола, ни двора.

Я несогласна с дядей, он любит громкие фразы. Вова сказал, что из него мог бы получиться недурной провинциальный трагик, вроде Шорштейна или одного из братьев Адельгейм. Если б дядя услышал, что его сравнивают с выкрестом Шорштейном, он бы заболел с горя. К счастью, я могила секретов. Это признал даже строгий судья — Боря Гаевский. Поэтому он делится со мной своими семейными неприятностями. Я его ни о чем не спрашиваю. Если спросить, он сразу надувается, как индюк, и из него слова не вытянешь. Он сам начинает с того, что ему хотелось бежать в Австралию или в Индию, подальше от своего родного дома. Но как бежать? Боря Гаевский вырос из коротких штанишек и отлично понимает, что его вернут с первой железнодорожной станции. Так было с мальчиками чеховского рассказа, а он не так наивен, как гимназисты Чехова.

Боря часто ходит к своим еврейским бабушке и

дедушке, но дома об этом ни гу-гу. Ему нравится их квартира. Там очень уютно и пахнет корицей. Бабушка все время печет, а дедушка курит одну папиросу за другой. Он совсем не спит. Таких мешков под глазами Боря еще не видел. У бабушки тоже мешки, но поменьше. Она выплакала себе глаза. Борины бабушка и дедушка со стороны отца живут в уездном городе. Таком маленьком, что там нет женской гимназии, а только прогимназия. Дедушка — доктор. На ступеньках его дома сидят бабы с детьми, завернутыми в платки и одеяла, и ждут с утра до позднего вечера. Боря спросил дедушку, почему их заставляют ждать. А дедушка покачал головой и что-то стал говорить насчет терпеливости русского народа. Иногда дедушка принимается декламировать «Железную дорогу» Некрасова. Он читал ее когда-то на всех студенческих вечеринках. Но Борю не убеждает ни Некрасов, ни дедушкина старая карточка в косоворотке. Все это — самообман.

Борин отец уверен, что он чистокровный руссак, а более нетерпеливого человека Боря не встречал. Если обед запаздывает на несколько минут, он мечется, как зверь в клетке. Не может же быть, чтоб существовало два русских народа: один — нетерпеливый как борин папа, и другой — полный терпения и кротости. Боря пытался объяснить это дедушке, но тот и слышать не хотел. Он смеется над бориным отцом и над его капризами и называет их: «паньская хвороба». Сам дедушка демократ. Он подает руку не только провизору но и бабе-поденщице.

74.

Мне жалко, что я не была в уездном городе, где достаточно пройтись по главной улице, чтоб встретить всех учениц прогимназии. В Одессе гимназистки тоже любят ходить по Дерибасовской, но у нас такое количество учебных заведений, что нелегко установить, кто где учится. В одном из кварталов мы с Таней встретили учениц Козленко, Кандыбы, вертлявых девочек из гимназии Пашковской, Видинской. Но вот прошла какая-то в незнакомой форме. Кто она? А это ученица гимназии, где все славятся плохим поведением. Я ее не назову. Вова и сын артиста отлично знают, что там начинают пудриться с четвертого класса, а в пятом уже красят губы. Насчет губ я не уверена. Это слишком чудовищно! Когда Матя красит губы жирным розоватым кремом, потому что они якобы потрескались, весь дом над ней издевается. На первый взгляд испорченные ученицы от других ничем не отличаются. У них такие же шляпы и такие же сумки с книгами. Но они не тащат, как мы с Таней, целую массу никому не нужных учебников. В сумке у них, наверное, общая тетрадь и какой-нибудь учебник для вида. Я заметила, что когда испорченным гимназисткам поклонился реалист в фуражке, похожей на студенческую, они густо покраснели. Значит, они не такие странные, как их хотят изобразить!

Наши ученицы славятся своей серьезностью. В шестом и седьмом классе они читают рефераты. Эсперансе предложили прочесть реферат, но она отказалась. К чему выставлять свои знания напоказ! А шестиклассница со змеиной головкой готова каждую неделю читать по одному или по два реферата. Она напичкана знаниями, и охотно ими делится, она не гордая. Зато наша русалка и признанная красавица никаких рефератов не читает: на нее и так все оглядываются. Даже Таня сказала, что ее волосы светятся. Мне тоже хотелось бы иметь сияние вокруг головы, как на хороших фотографиях, но Юзя так туго заплетает мои косички, что об этом не может быть и речи. Предпочла бы причесываться без ее помощи, но она обижается. Ах, она обожает прически! Юзя мечтала о том, чтоб причесывать дам, как парихмахерша Роза. Но ведь Роза сначала была на побегушках в дамском салоне. Учиться она там не училась, а присматривалась, и однажды, когда ее хозяйка, мадам Амели, на самом деле ее звали Амалия, вышла по делу, схватила щипцы и стала завивать какую-то несчастную клиентку. Сама Роза говорит, что это кончилось скандалом. Она сожгла полголовы и ее выкинули, без права ходить по той стороне улицы, где салон мадам Амели. С этого дня Роза стала самостоятельной.

Меня еще никогда не завивали щипцами, а дочка доктора пришла в класс, завитая, как старый баран. В воскресенье она была на свадьбе и ее причесывал известный одесский парикмахер, француз. Я уверена в том, что он никакой не француз, хотя дочка доктора заявила, что он мисье Пьер и, по всей вероятности, родился в Париже. Бог с ним. Мне нравится папин парикмахер — Шульц. Он очень вежливый господин и называет меня «мадмазель Надя». У меня глупое желание: мне хочется, чтоб он обрызгал мою

голову парикмахерским одеколоном. Он ничего общего с брокаровским не имеет. У парикмахерского одеколона противный и вместе с тем приятный запах. Он пахнет, как иллюзион «Двадцатый век». И самое замечательное, что его нет ни у Гейликмана, ни в том аптекарском магазине, где вечная распродажа. Я туда не хожу, потому что провизор Гейликман способен разнюхать. Он постоянно стоит в дверях своего магазина. Когда я заговорила с ним о парикмахерском одеколоне, он пожал плечами: нет, такой товар он не держит. Он может мне предложить одеколон Сада-Яко, «Белую сирень» Остроумова, цветочный Брокара, замечательные французские духи Лориган — в закрытом флаконе или на вес, как мне будет угодно. Одним словом все, кроме этой гадости! Мне, конечно, лестно, что Гейликман со мной так вежливо разговаривает, но я не удовлетворена. Он бы еще сильней разобиделся, если б узнал, что мне огромные серебряные пульверизаторы Шульца нравятся больше, чем его граненые флакончики с гутаперчевой грушей. А когда Вова сказал, что после стрижки Шульц напудрил ему шею большой розовой пуховкой, я совсем охладела к Гейликману. Таких пуховок у него нет, и он, наверное, скажет, что они никуда не годятся. А я понюхала вовину шею. Она пахла, как мыло из подарочной коробки.

Меня преследуют запахи. Может быть потому, что скоро Пасха, а она пахнет мастикой, топленым жиром, гиацинтами. В конце концов аромат гиацинтов побеждает куриный жир и мастику. Но мне совсем невесело. Я слышала, как мама сказала кузине Мане, что дедушка хотел бы дожить до Пасхи. Не понимаю, почему мама говорит это Мане, а не Вове или мне. Для Мани дедушка просто старый больной еврей и к тому же набожный. А она кстати и некстати подчеркивает, что еврейский ритуал ей чужд. У

них дома праздников не справляли. Они ходили к бабушке, а когда бабушка заложила свои последние бриллианты, вообще, перестали их праздновать. Праздники отличались от будних дней тем, что дядя Авдей Ильич не ходил в клуб. Это его безумно раздражало, и он со всеми переругивался. Других воспоминаний у нее нет.

Мама как будто забыла об этом. Она ищет сочувствия у Мани, а Маня к чужому горю относится свысока. Но для мамы она делает исключение. Маня сказала мне, что мама и папа — ее единственная опора. Чуть что, она бежит к нам и запирается с мамой в спальне. В последнее время Маня все чаще у нас ночует. Она досиживает до такого часа, когда неудобно идти домой, чтоб спать в гостиной. Не понимаю, почему ее так называют? Если не считать стоячей лампы с красным абажуром, все в ней страшно потрепано. Но у маниной хозяйки свой взгляд на вещи. Раз стоячая лампа, значит, гостиная. Сама хозяйка очень рано укладывается в постель. И как только Маня начинает передвигать стулья, она кряхтит и вслух, осыпает проклятиями свою неудавшуюся жизнь.

Я один раз спала на стульях и то мне казалось, что через секунду я буду на скользком холодном полу вместе с одеялом, подушками, периной... Ланя надо мной подтрунивал. Он большой специалист по части спанья на стульях. Теперь у него собственная, очень красивая кровать, с новеньким матрацом. А мой матрац и перинка — старенькие. Скоро я уступлю перинку Кате. Она почему-то пахнет пеленками и мне неловко ею укрываться. Ланя очень горд своей кроватью и особенно тем, что на ней нарисован зеленый луг и такое же зеленое небо, а под ним пастушка с розовой собачкой. Что за идея рисовать на кроватях? На моей никаких рисунков нет, но зато

есть маталлические шишечки. Когда все до одной потеряются, я попрошу маму, чтоб мне купили новую кровать. А кузина Маня счастлива и довольна тем, что может спать на нашем столовом диване. Из-за этого ей приходится подниматься рано, раньше всех. И когда утром я спешу в гимназию, то встречаю ее в коридоре. Она бледная и растрепанная. В волосах у нее пух, а платье помято, как будто на нем весь вечер сидели близнецы. Я вспоминаю о них, потому что они любят сидеть на чужих вещах. Один раз они сели на матину тюлевую шляпу. После этого шляпа превратилась в блин. Матя крепилась, но в конце концов не выдержала и заплакала. Это ее любимая шляпа, она на нее очень рассчитывала. Матя была неутешна, по-видимому, шляпа должна была принести ей счастье. Матя давно, со времен белой блузки, верит в то, что вещи могут приносить счастье. С ними не нужно расставаться, их занашивают до дыр, а потом хранят в ящике комода.

Матя привязалась к коричневой бархатной сумке. И хотя замок испорчен, и сумка каждую минуту открывается, Матя держит в ней все свои заветные вещи: колечко с синим камушком, погнувшуюся брошку, браслет, где осталось чуточку эмали... Когда-нибудь она отдаст их в починку ювелиру Елику. И все-таки, мне непонятно, почему Матя так упорно верит в счастье? Она хотела бы, чтоб оно свалилось ей на голову, а она сама ничего бы для этого не предпринимала. А я знаю от Вовы, что человек — кузнец собственного счастья. Это он понял еще на даче Серебреникова и с тех пор не меняет своего мнения. В судьбу он не верит. Вова и сын артиста бросают вызов судьбе! Как я им завидую! Я тоже хочу бросить вызов и бороться.

Мои стычки с дочкой доктора в счет не идут: нельзя назвать борьбой бурю в стакане воды. Но

иногда они принимают более серьезный характер. Сегодня на уроке русского Надежда Игнатьевна говорила о том, как ей противны ябеды. Сначала она впилась глазами в дочку доктора, а потом покосилась на меня. И все, даже наша «В» поняли, что дочка доктора бегала к Надежде Игнатьевне с доносом. Но она плохо рассчитала: я сделалась почти что героиней. Вместе с тем, я вдруг поняла, что такое человеческое падение. Я часто слышала: он или она так низко пали, а смысл мне открылся на уроке русского языка. Но я не могу назвать дочку доктора падшей женщиной, несмотря на то, что она уже не в первый раз на меня доносит. И как ей не надоело, не понимаю! После этого она лезет ко мне с разговорами, и мне неприятно сказать ей: «Отстань!». Васса рвет и мечет. Она ругает дочку доктора гнидой, это будто бы распространенное у матросов словцо. Больше всего на свете Васса хотела бы изучить воровской язык. Ей надоело делать реверансы и быть хорошо воспитанной: «Нет, нет... мерси, больше не проси!». Но стоит приемной матери появиться в дверях, и Васса начинает ходить, как автомат. Чтоб себя утешить, она втягивает живот и на его месте появляется впадина. Она и раньше это проделывала, но сейчас она дошла до совершенства. Некоторые ей подражают и ровно ничего не получается.

Перед уроком английского языка у нас было форменное соревнование. И тут, как шарик, вкатилась начальница. Чтоб проверить, не обманывает ли ее зрение, она сняла пенсне, протерла его углом большого платка и снова водрузила на то место, где на всю жизнь останутся красные ложбинки. Убедившись, что это не сон и не мираж, она вся затряслась и стала говорить без передышки, хриплым голосом, что мы выродки. Никогда она не поверила бы, что ее любимый класс может дойти до такой распущен-

ности! Бедная Муся Логинская от отчаяния закрыла лицо руками. У нее особое свойство: она принимает все за чистую монету. Пока начальница распространялась о гуманности, я решила проделать опыт. Я буду слушать, но ничего не услышу. Я выключусь. Ланя сказал, что индусские факиры дошли в этом до предела. И хотя женщин-факиров не бывает, я попробую. Это лучше, чем стоять на голове, как мне когда-то советовал Ланя: никто не увидит мою нижнюю юбку и панталоны с узеньким кружевом.

Но мой невинный опыт тоже кончился неудачей. Начальница заметила, что я отсутствую, и я вдруг почувствовала себя отсталой и абсолютно негуманной личностью.

Наша начальница считается передовой женщиной, но она умеет так унизить любую ученицу, начиная от приготовишки и кончая Эсперансой, что от них остается мокрое место. А дедушка не раз говорил, что это грех. Теперь он молчит и только изредка роняет несколько слов. Кажется, что они идут издалека. Дедушке не нужно притворяться, что он отсутствует. Он, действительно, в неведомых краях, где никто никого не обижает. А я немного разочаровалась в передовых женщинах. Не знаю, может быть лучше не стремиться к этому. Хотя Вова думает, что наша начальница — неудачный пример: ей лучше было бы родиться в эпоху крепостного права. Кроме того, она далека от искусства. Мне становится жалко, и я заступаюсь за нее, за Короленко и за неизвестного мне Чернышевского. Но Вова не поклонник Чернышевского и Короленко. Он признает искусство ради искусства!

Я уже говорила, что для моей подруги Тани все, кто не слышали о Шумане и Шуберте — презренные личности. Но она это узнала совсем недавно. А Шуберта, вообще, знает понаслышке и потому, что он

идет в паре с Шуманом. Когда мы спускаемся по Дерибасовской, то всегда застреваем у окна нотного магазина Густавсона. Раньше мне казалось, что Таня делает это из-за сына Густавсона, но нет, она рассматривает ноты. Как-то мы столкнулись с Матей. Она при всяком удобном случае бежит к Густавсону. Он ей нравится. «Это — северный богатырь», — говорит Матя и вся расплывается. А я не нахожу в нем ничего богатырского, но он мне тоже нравится.

Еще больше мне нравится мальчик из французской библиотеки Вортневского. У него удивительно вдумчивое лицо. Из-за этого я записалась в библиотеку, где одни романы в желтых обложках. Мальчик с вдумчивым лицом долго ищет под прилавком, и ничего для меня не находит. Наконец, с самой верхней полки он достает женераля Дуракина и томик Альфонса Доде. Я уже читала Дуракина и Доде, но то были не библиотечные книги, а подарочные ко дню рождения. Мне предлагают Жюль Верна, и я гордо отказываюсь. Ухожу держа под мышкой женераля Дуракина.

К приказчикам-евреям я больше не хожу. Нет времени. Я читаю книги из нашей гимназической библиотеки и серенькая библиотекарша жалуется, что они мне не по возрасту. Она бы очень расстроилась если б узнала, что я прочитываю все, что попадает под руку. Она и так в растрепанных чувствах, потому что начальница все время к ней пристает. Она возмущена тем, что мы не выходим из библиотечной комнаты, у нас там клуб. На самом деле клуба нет. Но как приятно сидеть в помещении, где книги, книги, книги, пусть даже в синей оберточной бумаге с номером на корешке! Отдельно, на стуле, журналы: «Задушевное слово», «Природа и люди», «Светлячок»... Не думаю, что библиотекаршу мог бы заинтересовать вовин журнал: он рукопис-

ный. Но когда он выйдет, я обязательно принесу его показать. Я знаю, что библиотекарша верит в печатное слово, даже тогда, когда оно написано от руки. Никто не виноват, что у нас нет денег. Вова и так пустил в оборот свои последние средства и приобрел несколько очень красивых папок для будущего материала. А я нашла у Александровского необыкновенную штуку для чинки карандашей. Это важный предмет. Вова должен точить свой редакторский карандаш. Он говорит, что его старый карандаш из-за тупости сотрудников окончательно притупился. Тут игра слов, но сыну артиста она не нравится. От Вовы он ожидал большего. А я нахожу, что остроумно. И если Вова будет повторять это, я сделаю вид, что слышу в первый раз.

Но не стоит забегать вперед. Вова не из тех, кто повторяется. Он всегда твердит слова одного известного поэта: «Убейте меня, я начинаю повторяться!» Впрочем близнецы утверждают, что Вова все сочинил: он любит говорить от имени знаменитых людей. В таких случаях все развешивают уши и восторгаются: «Ах, Пушкин, ах, Гоголь, ах, Лев Толстой!»... К его собственным словам мало кто прислушивается. Нет пророка в своем отечестве... Но почему же близнецы и сам сын артиста часто повторяют то, что Вова сказал накануне?

Поймала себя на том, что у меня появились танины выражения. Особенно, когда я рассуждаю о музыке. А случается это два раза в неделю перед уроком у мадам Трейн. Я пытаюсь доказать маме, что музыкальная карьера не для меня. У нас в классе уже есть две пианистки, если не считать Таню. А Таня, скорее, знаток музыки, чем пианистка. Мне кажется, что у нее неважная техника. Ей я не скажу, она может принять это, как оскорбление. Когда меня, после долгих уговоров, выпроваживают, я иду,

но очень медленно. К сожалению, по дороге нет хороших витрин. Чтоб убить время, смотрю в окно галантерейного магазинчика, и, о счастье, вижу там ножницы и наперсток в красном футляре. Лучшей вещи для подарка не бывает! Наискосок есть еще бакалейная лавка, но так, ничего интересного. И почти у самого дома мадам Трейн — табачная торговля. Мне все равно. Я готова смотреть в любое окно, лишь бы оттянуть время.

Неужели все ученицы мадам Трейн такие лентяйки? Не может быть. Но тут я вижу Гудулу. Она уже завернула за угол. У нее грустная походка, но не от старости, ей лет двенадцать, а потому, что она не имеет желания идти на урок музыки. Мой урок растягивается на два часа. Мадам Трейн в это время непрерывно звонят по телефону. Наконец, она отрывается от аппарата и спрашивает, почему я так небрежно играю ганоны? И я, как могу, объясняю, что ганоны мне надоели, я хотела бы играть Шумана. Все это я говорю в вежливой форме, но мадам Трейн не может прийти в себя от удивления. Что со мной? Откуда я взяла Шумана? Тогда я начинаю сыпать именами композиторов, но они отскакивают от мадам Трейн, как горох от стенки. Она не имеет понятия о том, что я уже купила «Карнавал» Шумана и держу его в комоде под лифчиками и нижними юбками. Это подарок для таниного рождения. А вот ганоны не дарят. От одного их вида можно навеки охладеть к музыке.

Отпугать не так трудно. Эсперанса мне призналась, что возненавидела «Евгения Онегина». Больше полугода они его разбирают и пишут сочинения о влиянии чего-то на что-то... Раньше Эсперанса обожала Онегина, а когда его разобрали по косточкам, он стал ей безумно антипатичен. Во всем виноват их новый учитель словесности. Он пушкинист. Это зна-

чит, что у Пушкина ему известна каждая запятая. Эсперанса утешает себя тем, что словесник долго не продержится. Начальница с подозрением смотрит на его усики стрелками. Это несерьезно. Мне самой неприятно, что молодой человек с усиками въедается в Пушкина. Все, решительно все можно испортить. Из-за дяди, например, я скоро стану неверующей. Он слишком фамильярно обращается с Господом Богом. Дядя посвящает его во все свои дела и требует, чтоб он наказал его бывших компаньонов. Я уже говорила, что мы ждем тетю Таню из Николаева. Она и дядя нежно любят друг друга, но очень редко бывают вместе. Дядя — плохой семьянин. Мама на меня сердится. Это не мое дело. Да, но я не умею жить с закрытыми глазами, как некоторые. Как та же самая тетя Таня. Она видит в моем дяде одни только качества. Все хорошо, только счастья у него нет, — так думает тетя Таня и умиляется, что дядя такой несчастный и невезучий. А Вову это приводит в бешенство: он по-прежнему терпеть не может неудачников. По словам Вовы это паразиты: они живут за счет жалости мягкосердечных людей, и таких дур, как тетя Таня. Странно, что он говорит о ней без всякого уважения. Ведь она, все-таки, тетка. И он ее любит. Они постоянно шушукаются, и тетя вдруг прыскает, как молодая девушка, или начинает смеяться так заразительно, что наш набожный дядя от ужаса воздевает глаза к камфорке от самовара.

Сейчас тетя Таня вряд ли будет смеяться. Она должна ухаживать за больным отцом. Дедушка болезнь принимает, как должное. У него масса смирения. А я всегда протестую, даже когда молчу. Вова очень уважает дедушку, но он против смирения. На нем далеко не уедешь. Если б все рассуждали, как дедушка, мир бы застыл на мертвой точке и не

было бы никакого прогресса. Мы регрессировали бы, как выражается мадам Ашевская.

Несмотря на это дедушка был даже членом управы, как некоторые черносотенцы, и имел медаль. Он ее никогда не носил. Не то, что шпион с Малого Фонтана. У того вся грудь покрыта иностранными орденами и никому неизвестными отличиями. А дедушка не только имел русский орден, он был отцом города. Не очень большого, но и не такого уж маленького. Там стоял полк, а на площади был губернаторский дворец. Если б мне не сказали, что это дворец, я бы не поверила. Он не больше любого особняка на Маразлиевской. И там нет зеркальных окон, как в наших особняках. Вообще, дворцом можно назвать все, что угодно. Стоит только сказать, и все верят. Но где хранится дедушкина медаль? Может быть она у Семы? Ведь он сын и наследник. Сема упорно молчит. К дедушке он заходит редко. Ему, наверное, многое хотелось бы сказать, но за годы молчания язык его стал тяжелым и неповоротливым. Жаль, что мне не удалось расспросить тетю Нюню, как Сема объяснился ей в любви.

Когда Вова узнал об этом, он пришел в ужас. Я сделала бы величайшую бестактность: это брак не по любви, а по рассчету. Но одно ведь не исключает другого. Сам Вова смеется над тем, что николаевские тетя и дядя воркуют, как голубки. Дядя напоминает Вове Манилова из «Мертвых душ», а мне нисколько. У Манилова я не заметила пристрастия к религии. Кроме того, дядя проповедует труд. Не для себя конечно, но для окружающих. А в браках по сватовству ничего плохого нет. Это объяснила мне кузина Маня. Начинается со сватовства и кончается любовью и огромными переживаниями.

75.

Как-то на углу Базарной и Ремесленной мы встретили человека в шубе до пят. Очки его сидели на самом кончике носа. Это был знаменитый сват, Мотль Одесский. Одесский — его прозвище. Мотля Одесского, как видно, знали все, потому что он раскланивался направо и налево. Я уже слышала о нем, но видела его в первый раз, и он меня поразил. Не думаю, чтоб от Мотля могла пойти любовь. К любви он никакого отношения не имеет. Но что такое любовь? Все понимают ее по-разному. Я была при том, как Геня убеждала горничную Юзю не верить мужчинам. Они играют в любовь. А поиграв, оставляют девушку с приплодом. Она, Геня, плюет на любовь. У них в местечке сын кантора влюбился и что же вы думаете, он весь иссох и умер от чахотки. Порядочные люди не влюбляются. Прачка Оля с ней согласна. Она тоже не верит в любовь: это баловство. Бедняку некогда любить. Пусть богатые с жиру бесятся. Если уж говорить правду, Оля, скорее, чем все остальные, могла бы беситься с жиру... Она вся круглая, крепко сбитая и была, наверное, похожа на русскую куклу для чайника. Теперь щеки у нее обвисли, но глаза такие же маленькие и круглые, как у куклы. Венгеркина мастерица и Юзя верят в любовь. Они просят меня почитать им «Одесскую почту», там много о любви и о том, как соблазняют невинных девушек.

На кухне «Одесская почта» пользуется большим успехом. Даже Оля согласна с тем, что там пишут «за жизнь», то есть о жизни. Так правильнее, но я не стану ее поправлять. Она поднимет меня насмех. А Геня присоединяется: «Правила-шмавила, подумаешь! Неизвестно еще кто их выдумал, чтоб морочить людям голову». Положим, она говорит: людям, но я уже не пытаюсь вступать с ней в спор. Ее не переспоришь. Она знает «почем фунт лиха». О грамматике и о синтаксисе, Геня не слышала и слышать не хочет! Хватит с нее своих забот. Но болезнь дедушки она принимает близко к сердцу. Такой святой человек не должен болеть. Пусть лучше болеют ее враги... Когда приходит врач, Геня начинает шикать на всех: «Т-с-с, молчите, чтоб вы все сказились!». Она хочет послушать, что говорят. Но все равно кухня так далеко от комнаты, где находится дедушка, что оттуда только доносятся приглушенные звуки. Я стою в коридоре. Не в том, что ведет на кухню, а в большом, где ковровая дорожка. Папа провожает доктора. Тот идет быстрыми шагами, а папа немного отступя. Вот он сунул доктору конверт. Наверное, там деньги, гонорар. Я слышу слово «лечебница»... А потом, уже у самых дверей доктор говорит: «Нет, лучше больница»...

Но почему лучше? Я помню, как мы с Вовой ходили к покойному дедушке в лечебницу. Там был фонтан с золотыми и серебряными рыбками и пальмы в кадках. И пахло одеколоном без запаха. В больнице — запах карболки. Я это не могу забыть. Когда мы с мамой вошли, мне показалось, что я попала в другой мир. А когда провезли что-то, покрытое белой простыней, я схватила маму за руку. «Это из операционной» — сказала мама, и мне стало еще страшнее. А дочка доктора, хочет мне доказать, что ее папа не выходит из операционного зала. Но он

ведь не хирург! — Нет, он хирург, и вообще, он по всем специальностям. Это трудно проверить: у нас в классе всего одна докторская дочь. В третьем их целых пять штук. Но к третьеклассницам не подступишься. Они задирают нос. Им не хочется, чтоб их, не дай Бог, приняли за учениц второго класса. Разница ведь совсем ничтожная. Через несколько месяцев я буду говорить «У нас, в третьем классе», как Матя говорит: «У нас в консерватории».

Из-за Вовы она стала остроумнее. Вова ее кумир. Матя называет его «мой кузен» и готова выцарапать глаза каждому, кто не признает его гением. Она окидывает нас победоносным взглядом, но никто не возражает: на этот раз все с ней согласны. Для Мати я только кузина, а Катя и Миша не имеют названия: они «дети». Иногда она называет их: «наши дети» и Катя протестует. Она не хочет быть матиным ребенком, у нее есть свои папа и мама. А Миша пускает пузыри и с удивлением смотрит на лампу. Ему нравится ровный желтый кружочек света. «Жи-жи» — говорит Матя и показывает на лампу. Но Миша не обращает на нее внимания. Молодец! И откуда взялось глупое слово: жи-жа? Почему нельзя разговаривать с детьми на обыкновенном человеческом языке?

Бывает, что и взрослые переходят на детский жаргон. При мне Тубенкопф спросил сестру своей жены, рыбку, не пора ли идти спатиньки? У рыбки от неожиданности затряслась голова. Вова тогда пошутил, что это опасный эксперимент. Она может потерять нижнюю челюсть и тогда ее сестра, птичка, из солидарности, должна будет потерять верхнюю. Но через секунду ему стало их жалко, и он перевел разговор на Тубенкопфа. Он говорил о нем такое, чего нельзя пересказать. Он его крыл. Так близнецы кроют сына артиста, а тот свою квартирную хозяйку. Квар-

тирная хозяйка в свою очередь кроет его товарищей за то, что они прожгли ковер. И этому нет конца. Я крою Поцелуйкину за то, что она лезет ко мне и уже обслюнявила всю щеку, а бедная Поцелуйкина уходит за печку и там издает какие-то странные звуки. Не знаю, плачет ли она или ругается. Мне самой противна моя жестокость, но я ничего ну могу с собой поделать: мокрые поцелуи для меня хуже всего. В романах слюняво целуются только старухи и молодящиеся старички. Васса кроет Берту Креде, потому что у Берты нет чувства товарищества. Когда собирают на подарок библиотекарше или на конфеты для детей из сиротского дома, Берта дает кукиш с маслом.

Но может быть у нее нет денег? Васса взрывается, как ракета. «То есть как, нет денег?». Она сама видела, как Берта перекладывала деньги из одного кошелька в другой... А если это покупочные деньги? Тут Васса немеет от возмущения. Она уверена, что я заступаюсь, чтоб поставить ее в неловкое положение. Она страшно чувствительная, хотя некоторые считают ее толстокожей. Некоторые — это Таня и Ася! Иногда, Ася, в пику мне, начинает с ней дружить, но дружба длится недолго. Таня уверена, что Васса разговаривает на специальном матросском языке, где на каждое слово приходится по два ругательства. По-моему хорошо, что Васса знает матросские словечки, я люблю моряков, а Таня признает только виртуозов. Я сама неравнодушна к виртуозам, но это не мешает мне издали восторгаться флотскими. Как видно, у меня более широкое сердце, чем у Тани.

Я полюбила Аксюту, мишину мамку. Прежде я на нее мало обращала внимания, теперь я думаю о том, что она скоро уйдет, и мы ее больше никогда не увидим. В деревне она забудет Мишу и всех нас, мадам Дунаевскую, жирные генины блюда, кровать

с белым пикейным одеялом... Она стала разговорчивее, и я постепенно узнаю много интересного. Мне даже приснилось, что я — Аксюта и должна все делать в доме, где меня держат из милости. Это был смешной детский сон, но я не могла от него отделаться. Я поняла, что судьба у каждого своя. Для мужчин — она необязательна. Поэтому Вова так пренебрежительно относится к кухонным разговорам о судьбе. От меня он не ожидал подобного мещанства. Я пугаюсь и бью отбой. Ведь самое унизительное для моего самолюбия — считаться мещанкой. Такой, как мадам Блазнер, с ее кушетками, обитыми голубым шелком. У меня в доме каждый сможет на них валяться. Потом выясняется, что шелковые кушетки устарели. Необходимо, чтоб были козетки. Это более аристократично. Но меня не так уж тянет к аристократизму. Часто вспоминаю овальное зеркало, слегка засиженное мухами, то, что висит в Николаеве у тети Тани. Кстати, она только что приехала. Лицо у нее заспанное и желтое. Под Очаковом была дикая качка, она чуть не умерла. Тетя Таня стала рассказывать про свою поездку, но мне не удалось ее дослушать. Я спешила в гимназию.

Постоянно приходится спешить. Меня торопят и по дороге я теряю то перчатки, то носовой платок. Бегом возвращаюсь, чтоб захватить общую тетрадь и в это время отскакивает одна очень важная пуговица. Подумать только, если б это случилось на улице, я потеряла бы нижнюю юбку! На остановке трамвая тоже нужно спешить, иначе кто-нибудь оттолкнет. На мою беду появился гимназист с круглым носом. Он лезет вперед. Раньше гимназист ходил в гимназию пешком, а теперь у него завелись деньги, и он решил ездить на трамвае. Вова говорит, что гимназист стал репетитором по всем предметам. Не понимаю, как можно заниматься с таким молодым

учителем. Наверно, он берет дешево, полтора рубля в месяц, как генина бывшая учительница. Все это догадки... С нами на остановке ждет еще огромный файгист, он выше Вовы на полголовы. Безобразие с его стороны занимать чужие места. Он мог бы взять извозчика. Известно, что файгисты — богачи. Они тратят деньги на кондитерские и на извозчиков. Один, говорят, даже проехался на лихаче. Сейчас я разрываюсь от досады. Перед носом проходят переполненные трамваи, а в это время тетя Таня может быть делится своими дорожными впечатлениями. И я никогда не узнаю, кто был с ней в каюте и как кого укачивало. Вова удивлен, что я интересуюсь такими неаппетитными подробностями. Но все, что относится к пароходу, меня всегда притягивает. Закрываю глаза и передо мной толстые корабельные окна, до них долетает морская пена грязно-белого цвета. В каюте пахнет яблочной кожурой и лимоном, их общим кисло-сладким запахом. А трамваи все проходят. Мы могли бы сговориться: Ася, я и третьеклассница, но извозчиков нет. Другие, более умные, их давно перехватили.

Больше не буду спешить. Спешка не помогает. Но в гимназии я опять спешу. Я взбегаю по лестнице так стремительно, что голова моя упирается в чей-то живот. Какой ужас! Это наш географ. А на животе у него цепочка, и она врезалась мне в переносицу. Географ перепуган. Я чуть не сбила его с ног. Он даже не успевает рассердиться. А вот, если бы я въехала в живот Надежды Игнатьевны, была бы драма. Я уже налетела как-то на мадам Тюрбо, но все обошлось: юбки смягчили удар. Трудно определить, сколько их! За канаусовую и фланелевую я ручаюсь. А Васса говорит, что есть еще батистовая, она сама видела. Но мадам Тюрбо совсем не выглядит толстухой, юбки ее не полнят. Она остается все такой бы-

строй и вертлявой. Муж ее преподает в старших классах. Он тоже без конца снимает и надевает пенсне. Платок его надушен какими-то странными духами, они пахнут кожей. Эсперанса не может привыкнуть к тому, что он называет их «медам». Но я ее успокаиваю — это мадам во множественном числе. Эсперанса возмущена: я заподозрила ее в том, что она не знает слова: «медам». Она слава Богу учит французский язык, начиная с первого класса. Тогда наступает мой черед. Конечно, она учит. Но язык надо учить дома. То, что проходят в гимназии, ничего общего с французским не имеет!

Я немного преувеличиваю, но мне надо раздавить Эсперансу, иначе она убьет меня своим превосходством. В общем, месье и мадам Тюрбо — забавная парочка и на них оборачиваются. Она летит вперед и он за ней — петушком. Иногда они ходят под ручку. Интересно, как выглядят на улице начальница и ее муж. Она небольшая, а он бородатый гигант. Она, верно, ему по пояс. Но я не думаю, чтоб они выходили из дому. Их сын сказал мне и Вассе, что он пишет воспоминания. Его отцу есть, что вспомнить. На меня это не подействовало. Каждый мог бы писать воспоминания.

Сын артиста надо мной издевается: воспоминания пишут на закате жизни, чтоб подвести итоги. Но я тоже хочу подвести итоги. Он неумолим. У меня жизни нет, только детство. Вот если оно кончится, тогда другое дело... Я сама чувствую, что оно может кончиться. Я расту. Не в прямом смысле, а в переносном. Однако, взрослой меня еще никто не признал. Кроме Белой Мыши. Она говорит, что за последнее время я очень постарела. Ее подруга подтверждает: «Да, постарела...» Они страшно смешные. Одна беленькая, а другая смуглая, с торчащими косичками. Черная девочка — итальянка и ее фамилия

состоит из двойных согласных переложенных буквами «а» и «о». Девочка с двойными согласными ходит за Белой Мышью, как тень. И повторяет все, что б та ни сказала. У меня нет таких преданных подруг. Ни Таня, ни Ася со мной не согласны. Ася из принципа, а Таня, чтоб показать свой характер. Но это неважно, обойдусь и без их моральной поддержки. Хуже, что я несогласна сама с собой.

С утра меня мучит мысль, что я недостаточно вежливо попрощалась с Александровским. Я выпустила дверь из рук, а он может подумать, что я хлопнула дверью. Он стал обидчивым после того, как столкнулся со мной носом к носу, когда я выходила из другого писчебумажного магазина. Александровский без передышки ругает нашу улицу. Я знаю, он говорит с досады, но мне больно за провизора Гейликмана. В субботу я была у него с Юзей и он подарил мне пробный флакончик духов. Хотела бы я посмотреть, как в других районах дарят духи! А Букинери хоть и любит запугивать, но на улице он очень вежливо раскланивается и даже приподнимает шляпу. Впрочем, теперь у него не шляпа, а берет. Его он не снимает. Он, как будто, прирос к голове. В первый раз в жизни вижу мужчину в берете. Ланя мне объясняет, что во Франции все носят береты, это французская мода. Странно, я думала, что мода бывает только у женщин. А мужчины всегда носят одно и то же. Но Ланя говорит, что на Александровском проспекте я могу видеть собственными глазами, как переменилась мужская мода. Еще лучше пойти в магазин «Ушер Ландесман и сыновья». Там огромный выбор костюмов, сшитых по последнему крику моды. Наш Ланя стал франтом. У него появились запонки, но пока он носит их в кармане. На вид они золотые, но кто его знает, может быть это самоварное золото. А часы на браслете, фирмы Поля Буре!

Вера Львовна прислала их с оказией. Сама она не торопится приехать. Я была с мамой у ланиной бабушки. Она показывала нам свои обновки. Бабушка невероятня модница. Ланя пошел в нее. Она очень легкомысленная и забыла, что все ее дети поумирали от чахотки. И после отъезда Веры Львовны умер ее муж. Я встретилась с его похоронной процессией.

Ланина бабушка свободна, как ветер, и я не думаю, что в душе она жаждет приезда Веры Львовны. Та сейчас же начнет наводить порядок. Она против вечных гостей и ей, наверно, не по душе, что бабушка каждый вечер играет в карты. «Старики должны жить по-стариковски», говорит Вера Львовна и бабушка сразу перестает натирать щеки красной бумажкой и на волосах у нее появляется черная старушечья наколка. Так было в прошлый приезд, но когда Вера Львовна укатила в свой Петербург, бабушка тут же из нижнего ящика комода, вытащила не особенно приличный переводной роман. Ланя тоже вздохнул. Он уже стал отвыкать от нотаций. В общем бабушка жалуется на одиночество, а в глазах у нее веселые огоньки и искорки. Дай Бог, чтобы ее дочь каталась, как сыр в масле... Но она сама тоже непрочь пожить.

Вова случайно проговорился, что ланина бабушка рассказала ему его первый неприличный анекдот. Поэтому у него к ней нежность. Как никак она открыла ему мир, где все шиворот-навыворот. Но это хорошо. Пока речь идет о чужих бабушках. А если бы его собственная, наша бабушка, когда еще была жива, вдруг ни с того ни с сего начала рассказывать такие анекдоты, Вова бы умер со стыда. Покойный дедушка любил иногда говорить о своих анализах и о том, из чего они состоят. Но это было чисто медицинское.

Не знаю, верил ли дедушка в Бога? Он мало во

что верил. Свои сомнения дедушка держал при себе. Он издевался над ханжами вроде нашего дяди, но над другим дедушкой он никогда не подтрунивал, хотя и считал его слишком мягкотелым и податливым. Тут он заблуждался; дедушку, действительно, мало трогает, что происходит вокруг. Его глаза обращены к небу, то есть к потолку и может быть он видит то, чего мы не в состоянии разглядеть. Разговоры о рае и аде ему неприятны. Когда дядя начинает подробно описывать адские мучения, предназначенные для тех, что нарушил заповедь: «чти отца своего и мать свою», дедушка морщится. Дядин Бог и сам дядя не умеют прощать. До сих пор дядя помнит, как его мать, почтенную вдову, старуха Бродская посадила за стол бедных родственников.

На эту тему я долго говорила с Хейфецом. Во-первых он — специалист, а во-вторых, мне хотелось, чтобы урок поскорее прошел. Хейфец сел на своего конька. Дедушка, по его мнению, идет по стопам Гилеля. А тот мог бы заткнуть за пояс многих святых, несмотря на то, что жил до начала христианской эры. Это точные слова Хейфеца, но он хотел бы, чтобы разговор остался между нами. Из-за своего свободомыслия он уже потерял два урока. Даю ему слово, что буду держать язык за зубами. В этом он не сомневался, я ведь неглупая девочка. Но он не единственный в своем роде. Близнецы тоже из породы самохвалов. Рекорд побивает дочка доктора. Она сказала Поцелуйкиной, что у ее мамы руки, как у Джиоконды. Поцелуйкина боится ей возражать, отлично, но она помнит, что у Джиоконды были длинные, тонкие пальцы, а не дамские руки с короткими отполированными ногтями. Кроме того, у самой дочки доктора какой-то особенный профиль. Так говорит один знакомый художник. Ну это, извините, форменная чушь! Никакого профиля нет: у нее лицо,

как полная луна. Вассе оно напоминает одну часть тела, но это так неприлично, что я боюсь повторить.

При закрытых дверях я могу скаазть это, так, чтоб никто не услышал. Я решаюсь и трижды произношу нехорошее слово. Ничего не случается, но мне смешно и немножечко щекотно. А Васса говорит это на каждом шагу и все очень довольны. Только Таня начинает поводить носом. Можно подумать, что при ней испортили воздух. Она самая деликатная в нашем классе. Муся Логинская выше таких глупостей. Она смотрит на мир небольшими, удивительно честными глазами, и мир как будто становится лучше. В действительности, все как было. Вова сказал, что даже исторические личности не могли повернуть вспять колесо истории. Исключение он делает для Наполеона. Все настолько сложно, что я не решаюсь говорить об этом даже с Таней. А она обожает разговоры на воображаемые темы. То, что под рукой — уроки, кондитерская Исаевича, будущие летние каникулы — ее не интересует. Таня жалеет Шумана и Шопена. Они оба несчастные, каждый в своем роде.

А по-моему Шопен не такой уж несчастный. У меня есть открытка, где он сидит у рояля, окруженный гордыми полячками. Про Шумана я знаю только, что он был неудачно женат, но это не такая редкость. Яков Соломонович тоже неудачно женат: ему скучно со своей супругой и он приходит каждый вечер, чтобы играть в шестьдесять шесть или просто поговорить о политике. Еще хуже замужним дамам, они должны сидеть у себя, как, например, мадам Тубенкопф, или жена пьяницы нашего дома. Все ее жалеют: она ведь была когда-то писаной красавицей и вот во что превратилась. Но ведь ее не заставляли выходить замуж. Она, наверно, была влюблена! Меня вежливо просят не вмешиваться. Но я остаюсь при своем мнении. Да, она была влюблена. Даже те-

перь пьяница не так уж плох, особенно, когда он трезвый. Он похож на артиста Максимова из «Золотой серии». Рядом с ним мосье Блазнер выглядит, как приказчик из магазина Осетинского. Я не сравниваю его с самим Осетинским. Тот одет с иголочки и гладко выбрит. У него голое лицо без бороды и усов, а это скорее красиво. Все портит его нос. Он сизого цвета и напоминает зимнюю грушу. Вова говорит, что у всех пьяниц сизые носы, это я могу найти у Достоевского. Он рассчитывает на то, что я не читала Достоевского, а я прочла «Бедные люди» и рассказ «Кроткая» и мне не понравилось. Но это тайна.

76.

Вова и сын артиста начали изучать Писарева. Они запираются у Вовы в комнате и читают его вслух поочередно. Через дверную щель я слышу, как Писарев ругает Пушкина, и чуть не лопаюсь от злости. Не понимаю, как Вова терпит это. Ведь после Наполеона Пушкин для него первое лицо... Но Вова мне объяснил, что критики это особый народ. Они пишут наперекор всему свету, а главное, своим собратьям по перу. Как вы сами видите, Вова стал выражаться почти, как Тубенкопф. У него это получается гораздо лучше. Тубенкопф всегда говорит про юриспруденцию и «курикулум вите», а Вова может ораторствовать на любую тему. Недаром кузина Маня уверяет, что он разносторонний. Сначала я протестовала. Мне казалось, что тут какая-то насмешка, но это была не насмешка, а признание вовиных качеств. У меня кузина Маня особых качеств не находит. Я еще не определилась. Не знаю, определилась ли она сама. У нее нос не то длинный, не то короткий. То же с глазами: они постоянно меняют свой цвет. Но говорят, что это именно и хорошо. Красота ничего не стоит, надо быть яркой, не банальной. А кузина Маня не совсем банальна: она спит на стульях, и из упрямства ест колбасные обрезки. Яркости в ней нет. Она поблекла оттого, что вечно думает о женихах. Юзя сказала, что она по ним сохнет.

Насколько я понимаю, можно сохнуть по одному человеку. Юзя страшно упрямая, раз она так выразилась, значит, это правильно. Я не собираюсь с ней спорить. Мне нравится ее польский гонор и я жалею, что прачка Оля обязательно хочет его сбить. Я просила не сбивать, но Оля настаивает: «Заносит девушку... Посмотрите на нее! Она себе цены сложить не может. А таких, как она, тринадцать на дюжину!».

Оля помешана на том, что каждый должен знать свое место. Но это ведь рабская психология. Так думает не только Вова, но и сын артиста и еще очень многие. Сама Оля не замечает этого. Она огромным утюгом осторожно гладит крохотные носовые платки и время от времени пускается в рассуждения о том, как хорошо жили прежде. Мне хочется знать, действительно ли было так хорошо. Я пристаю к Вове, и он сердится: «Ничего хорошего не было. Все это олино воображение». Вот тебе на! А я была уверена, что у нее нет воображения. Я говорю это нарочно, чтобы подразнить, но Вова утверждает, что я стала невероятно примитивной и узколобой. Он тоже говорит нарочно. На самом деле мы прекрасно понимаем друг друга. Вот кого я не всегда могу понять — это мою подругу Таню. Она хочет, чтобы я была ее рабой, а это немыслимо. Когда Таня узнала, что я опять собираюсь к Мусе Логинской, она как-то затаилась, но я чувствую, что внутри у нее все кипит.

А я все-таки пойду. Мне обязательно надо видеть Ираиду. Муся говорит, что ее галлюцинации возобновились. Покойный жених приходит каждый вечер, и она разговаривает с ним так громко, что слышно в третьей комнате. Жених, конечно молчит, но Ираиде кажется, что он ей отвечает, и она смеется счастливым смехом. Мусину маму этот смех приводит

в содрогание, и Муся боится, что у мамы когда-нибудь разорвется сердце.

Не надо думать, что я напросилась к Мусе. Она сама меня пригласила. Теперь я убеждаю маму, что мне необходимо встречаться с моими соученицами. Я Бог знает сколько времени не была ни у одной из них. Ася не в счет, она бывшая колыбельная подруга. А Таня — пуп земли, по словам Вовы. В настоящих гостях я была у Топсика. Она праздновала свое рожденье. Именины она не празднует, потому что ее родители разных религий и могло бы выйти недоразумение. Мне там очень понравилось. Немного смешно, что родители маленького роста. Но они симпатичные и веселые. Мама Топсика даже слишком много вертится. Она каждую минуту подбегает к зеркалу, одергивает платье, поправляет Топсику прическу, суетится. Мне было бы неприятно, если бы моя мама ежеминутно смотрелась в зеркало, но к чужим мамам я не так строга. Папа Топсика служит на железной дороге. Он обещал повезти наш класс на прогулку, куда-нибудь подальше от города. Но я давно не верю обещаниям. Папин представитель обещал взять меня в кафе с мраморными столиками. Переговоры тянутся уже несколько лет. За это время я уже успела поступить в гимназию, а представитель нашел барышню из приличной семьи и женился на ней. Это не мешает ему расписывать мне все прелести Фанкони и Робина. Он предлагает на выбор одного из них. Я выбираю Фанкони, из-за Берты Креде. Она собирается быть там кассиршей. Но все это разговоры в пользу бедных. До того дня, что мы с ним пойдем, кафе Фанкони может сгореть, как сгорела когда-то парижская опера. Дядя обещает взять меня на лотерею аллегри, где можно выиграть швейную машинку Зингера, а если посчастливится — дойную корову. Я предпочитаю швейную машинку.

Ее можно передарить. А как поступают с коровой, я не знаю. Никуда меня дядя не возьмет. Он сам не был на лотерее аллегри.

Ланя тоже обещает золотые горы, но это кончается тем, что мы пьем в буфете Боярского сельтерскую воду с тройным сиропом и после нее целый вечер меня поташнивает. Только папа твердо держит свои обещания. Когда он что-нибудь говорит, я верю, что именно так будет, как бы он ни был занят и заморочен делами. А Яков Соломонович из тех, кто любит забегать вперед. Ему показалось, что он обещал мне глобус и вот недавно я встретила его возле магазина «Знание». Он смотрел в окно, а в окне был глобус, такой новенький и голубой, что хотелось его потрогать. Я убеждена в том, что не сегодня — завтра, Яков Соломонович принесет мне этот голубой сияющий глобус и еще будет оправдываться, что он недостаточно большой. Он боялся, что большой не поместится на моем письменном столе. Он уже был с Вовой и со мной на лотерее аллегри и не один, а несколько раз. Но дяде я не скажу, чтоб его не огорчить. Мы тогда взяли много билетов, и я выиграла замечательное деревянное кольцо для салфетки, а Вова — нож для разрезания и пепельницу. Он был вне себя: он постоянно выигрывает ножи и пепельницы. Ему это в конце концов надоело! Вова говорит, что лотерея — жульничество. Никакой коровы нет, а швейную машинку выиграет обязательно кто-нибудь из устроителей.

Я предпочитаю бочку счастья. Там сплошные выигрыши: бирюльки, кукольный чайник, портмоне с шоколадными монетами, обернутыми в серебряную бумагу. Вова говорит, что я легко вхожу в азарт. Действительно на беспроигрышной лотерее я проиграла все свои деньги, а выигрыши пришлось отдать Кате. Для меня они слишком детские. Среди них был нож

для разрезания, очень маленький. Мне захотелось подарить его вдумчивому мальчику из французской библиотеки, но я быстро передумала: он решит, что я с ним кокетничаю. На языке близнецов это называется: заигрывать. Если их послушать с ними заигрывают все ученицы гимназии Шольц. Ну что же, подарю ножик Боре Гаевскому. Оказывается нельзя дарить ножи. Мы обязательно поссоримся. Все это идет от моей подруги Аси: она знает наизусть, что можно делать и чего нельзя. Так и быть, пусть ножик полежит пока в моем ящике среди поломанных ручек и тупых карандашей. У меня нет желания ссориться с Борей Гаевским. Он и так обижен. Ему кажется, что я окончательно променяла его на Таню, а она на меня плохо влияет, — я становлюсь ненатуральной. Он не понимает, почему я все время говорю о музыке. С каких пор я стала музыкантшей? Боря Гаевский отлично помнит мое отвращение к метрономам. Но они ничего общего с музыкой не имеют. Все равно, раз метроном стоит на рояле, значит он музыкальная принадлежность. Скажите, какой умный! У Веруси на рояле синяя шелковая шаль с бахромой и на ней ваза с искусственными колосьями. А какое они имеют отношение к музыке?

Я там не была. Мне рассказал Вова. Он возмущен этой вазой. Что за безвкусица! А когда играют что-нибудь бравурное она дрожит, а колосья шуршат и потрескивают. Я советую Вове переменить свой круг знакомых. Но у него нет времени. Он должен читать доклады. Где — он не сказал. Это секрет! Кроме того, он готовит статью для журнала. Он начал писать ее полгода тому назад, почему-то застрял на первой фразе: Дорогие читатели и читательницы... Сейчас хоть гром и молния, он доведет ее до конца. Потребуются некоторые усилия. Тем лучше: надо упражнять свою волю. Я бы тоже хотела стать во-

левой личностью, но пока не получается. Матя сказала, что воля приходит с возрастом. У детей ее не бывает Скорее всего она это вычитала. Вряд ли она сама додумалась. Матя верит в печатное слово, и преклоняется перед теми, кто делает выписки из книг. У нее завелся поклонник с обширными знаниями по литературе и искусству. Он ее просвещает, но дядя ничего не должен знать. Отец поклонника из одного с ним города, у него там был «заезжий двор». Еще хуже быть сыном портного или часовых дел мастера. Ремесленники — не люди. Мне стыдно за дядю, он просто дурак. Конечно, я не должна его даже в мыслях так называть, но у меня нет сил выслушивать подобную ерунду. Я только успела сказать, что мне безумно нравятся часовых дел мастера. Они проводят жизнь среди тиканья часов. А портные ничем не отличаются от дядиных компаньонов. Наш Питкин, например, стал страшно элегантным. Он носит белое кашне и подумывает о том, чтоб переехать в Париж и открыть там мастерскую. Пока суд да дело он снял в нашем доме магазин с окном на улицу. Починок он больше не принимает. Ему надоело, черт возьми, латать старые штаны!

От Тани я узнала, что на углу нашей улицы живет портной — специалист по железнодорожным ворам. Он шьет им пальто и костюмы с глубокими карманами. Воры приезжают на извозчике, а иногда даже на штейгере и их можно принять за маклеров от Фанкони.

Дяде все это непонятно. Он живет в мире, где девушки жертвуют собой ради блага семьи. В результате они делают хорошие партии и все родные и родственники радуются. Со мной дядя не ведет таких бесед. Он и тетя Таня все время шушукаются. Они говорят о дедушке. А он сидит в кожаном кресле с вытертой спинкой и тихо молится. Я предполагаю,

что это молитва: губы его шевелятся, но слов не слышно. Его борода чуть-чуть пожелтела. Но она все такая же пышная. Не то, что борода Хармака. У него она длинная, но узкая, и я не понимаю почему Вова прозвал его «Дядька Черномор». Мне жалко, что я его больше не вижу. Он исчез. Может быть он болен. Никто ничего не знает. Хармака забыли. А Бебеле бывает иногда у папы в конторе. Потом выходит мама и просит его в столовую. Но Бебеле стесняется. Борода его все еще растет кустиками. И между ними голая красная кожа в пупырышках. У другого было бы неаппетитно, но ему это подходит. Я видела, как папа его провожал и как Бебеле у самых дверей как-то странно всхлипнул и тут же вытащил свой знаменитый красный платок. А отец иностранного корреспондента приходит по-прежнему. Он сгорбился и стал совсем маленьким. Их прислуга сказала Гене, что старика буквально заели. Ему жалеют стакан чая. Но эта прислуга порядочная врунья. Она наговаривает потому, что ей должны за два месяца.

Геня обвиняет сестер и их мамашу. Они все заодно. Я их изредка встречаю в подъезде. Сестры — худые, как щепки, а мамаша так расплылась, что занимает полтора стула. Она толще мадам Немировой. Та, по крайней мере, легка на подъем. Все так о ней отзываются. Она каждый день бывает в клубе и до того пристрастилась к лото, что даже со сна выкрикивает цифры. А мамаша иностранного корреспондента сидит по целым дням у окна и вздыхает. При других она, обычно, не ест. Но когда все выходят, она достает из буфета то халву, то помадки и рахат-лукум и громко жует их своими беззубыми деснами. Я уверена, что так именно происходит. Но я слишком много думаю о разных людях. Было бы важнее заняться географией или решением задач. На каждом уроке говорят, что приближается конец года, а мы

бьем баклуши... Надежда Игнатьевна очень советует подтянуться, иначе будет немало второгодниц.

Она умеет запугивать. Это ее обычная система. После ее громовых окриков мы начинаем чувствовать себя, как на пароходе в сильную качку. Но стоит ей заметить, что мы приуныли, как она смягчается. В глубине души она незлая. Ей не хочется портить наши каникулы. Надежда Игнатьевна понимает, что у второгодниц глаза будут красными от вечной зареванности. Им будет стыдно перед дачными детьми. Пока те ходят по аллейке и поют: «Жасмин хорошенький цветочек», второгодница должна сидеть с книжкой и делать вид, что повторяет грамматику и синтаксис. Правда, второгодник из дома на Пушкинской, где жил дедушка, совсем не такой. Он отхаркивается, как взрослый мужчина. Если б можно было, он остался бы на третий год. Но это запрещено учебным округом. Так сказала наша начальница. Второгодник с Пушкинской улицы чем-то притягивал. Я крутилась вокруг него, а он говорил всякие гадости. Другому я бы не позволила, а второгоднику, неизвестно по какой причине, все было разрешено и позволено. Но у него только одна страсть: голуби. Из-за этого я поднялась на голубятню и Вова сказал, что от меня несет голубиным пометом.

Я знакома с одной восхитительной второгодницей: подругой Ади Немировой. Она осталась на второй год по болезни. Странно, у больной девочки такой здоровой вид, что все говорят: это кровь с молоком... Только Адя Немирова утверждает, что у подруги слабые легкие. Адя, вообще, выбирает себе необыкновенных подруг и потом сердится, что Вова и его товарищи за ними ухаживают. Сын артиста сказал, что она типичная наперсница. Что это значит, он объяснит при случае. Сейчас ему не до того. Я приблизительно знаю, в чем дело, мне жалко Адю.

Хотя я помню, как она меня щипала и втихомолку била линейкой. Тогда ей нужно было показать, что она моя учительница и что это не шутка, а настоящие школьные занятия. Сейчас все переменилось. Когда мы с мамой зашли к ним на минуточку и остались до ужина, Адя повела меня в свою комнату и стала расспрашивать про Вову. Чтоб отвести мне глаза, она сначала заговорила о близнецах. «Они смешные...» Я в них ничего смешного не нахожу. Они, скорее, противные. Но Аде я этого не сказала. Я не хочу в чужом доме осуждать Вовиных товарищей. Это может позволить себе только дочка доктора. За глаза она всех ругает, а в глаза только тех, кто не умеет дать отпор. Васса ее сразу раскусила и разговаривает с ней, как мадам Блазнер со своими горничными. Но горничные лучше: они могут попросить рассчета, а дочка доктора стоит, как вкопанная, и не знает, броситься ли ей на Вассу или промолчать. Уйти нельзя. Осталось еще три урока.

Честная Муся Логинская ни о ком плохо не отзывается. На это она неспособна. А я очень даже способна. Я критикую Мару Гольберг и Сахно за то, что они много о себе воображают. Им кажется, что они наследницы славы Гофмана. Это чепуха на постном масле. Но если я ошиблась, и Сахно станет знаменитостью, то тогда и Мара Гольберг должна будет выступать в зале Биржи. Хочу представить себе, как она стоит на эстраде в длинном бархатном платье, какое носила артистка, сестра тети Лили, и прижимает к груди букет красных роз. А публика кричит: «Браво, бис!». Но вернемся к близнецам. Адя продолжает настаивать на том, что они смешные, а я гордо молчу. Тогда она хорошенько осматривает комнату, чтоб убедиться, что толстого братика нет на горизонте и говрит зловещим шопотом, что решила стать артисткой. Она уже выбрала Театраль-

ную школу, ту самую, где когда-то училась Тиночка, и каждый день проходит мимо нее. Это большой крюк, но она хочет приучить себя к мысли, что идет на сцену.

Сначала, конечно, надо кончить гимназию. Мне неприятно разочаровывать, я слышала от сына артиста, что только ничтожная часть учениц Театральной школы идет на сцену. Почти все по дороге выходят замуж. Те, что остаются, хотели бы стать знаменитостями. Но до этого страшно далеко. «Надо пройти длинный тернистый путь», — говорит сын артиста. Он любит такие сравнения. Потом он спрашивает, хотела ли бы я быть на выходных ролях. Понятно, нет. Я предпочитаю сыграть Раутенделайн или несчастную королеву Марию Стюарт. Сын артиста требует, чтобы я выбрала между Марией Стюарт и Раутенделайн. Это разные амплуа. Самое интересное, по его мнению, быть комической старухой. А я думаю, что он неправ. Пусть старухи играют старух, я хочу быть молодой и прекрасной. Но неизвестно, пойду ли я на сцену. Я еще не решила: у артисток нет личной жизни. С писательницами дело обстоит не лучше. Особенно плохо, если и муж и жена занимаются писательством. Но кем же тогда быть?

От врачебной карьеры я отказалась. А младшему медицинскому персоналу совсем плохо. Я помню, как Надежда Моисеевна ставила мне термометр и прикладывала компрессы, и я отбрыкивалась, как молодая лошадь. Потом когда мы стали подругами, я постаралась забыть об этом.

К сожалению Надежда Моисеевна очень редко у нас бывает. Она не любит беспокоить. Один раз по дороге на урок музыки я к ней забежала. Мы распивали чай, и я совсем забыла про мадам Трейн. Но она обо мне не забыла. Вышла целая буча. А мне было так приятно пить из чашки, где написано «С

днем ангела». Теперь я стараюсь не задерживаться у ворот дома, где живет Надежда Моисеевна. Собственно говоря, она живет не в доме, а во флигеле. Счастливица! Я бы хотела жить во флигеле, но это невозможно. Нам нужна квартира, по крайней мере с четырьмя балконами. Два на улицу, один балкон во дворе для Вовы и меня, и наконец, четвертый для того, чтобы Юзя могла переговариваться с венгеркиной мастерицей. Они так кричат, что приходится затыкать уши. На крик выбегает венгерка и тоже начинает вопить. Иногда к ним присоединяется мадам Питкина. Она спрашивает: «В чем дело?... Что случилось? Не загорелось ли, не дай Боже, на кухне?». Вот чудачка! Она боится сгореть вместе с Питкиным и всеми своими детьми.

Я потеряла им счет. Каждый год прибавляется по ребенку. А в последний раз была двойня. Откуда они берутся? Вова сказал, что такие семьи только у бедняков. Но Питкин вовсе не бедняк. Если он не уедет в Париж, то обязательно откроет магазин на Александровском проспекте. Это самое бойкое место. В прошлом году мне там купили летнюю шляпу с белым бантом. Маме и мне она очень не нравилась, но продавщица так божилась и призывала в свидетели всех, кто был в магазине, что пришлось купить. На обратном пути я спросила маму, почему продавщица все время божится. Мама мне сказала, что это не продавщица, а хозяйка. И торгует она, как торговали до нее и будут торговать до конца наших дней. Если не считать магазинов, где цены без запроса. Но там дают проценты. Это то же самое, но звучит благороднее.

Мне опять нужна шляпа. Мой синий берет был не только под извозчичьими колесами, но и под трамваем и превратился в лепешку. Но никто не замечает. У нас в каждой комнате идут совещания. Не

успела я вернуться из гимназии, как пришел мой доктор. Я была страшно недовольна, что меня не предупредили. Мне кажется, что на моем лице было написано холодное возмущение. Но это прошло незамеченным. Только доктор сказал: «Что за вытянутая физиономия у моей Надюши! Наверно, подцепила двойку...» Я его тут же возненавидела. Подумать, с какой быстротой любовь превращается в ненависть! Потом я вспомнила, что он сказал «у моей Надюши» и немного успокоилась. Но он не пришел к нам выяснять отношения, а для того, чтобы уговорить дедушку перевестись в лечебницу. Бедный дедушка, он боится лечебницы. Болезни он совсем не боится. Болезнь от Бога, а лечебница — другое дело: там масса чужих людей, и все они страшно фамильярны. Покойный дедушка обожал лечебницы. Но у него был другой характер. Он там всеми командовал. Старшая сестра говорила, что если бы у них было много таких пациентов, они бы все с ума посходили. Меня она сразу не взлюбила. Всем своим видом она давала понять, что я лишняя и детям здесь не место. К Вове старшая сестра отнеслась с симпатией. Она улыбалась ему улыбкой скелета и однажды спросила, когда у него окончательные экзамены. Этим она хотела подчеркнуть, что считает его старшеклассником. Чтоб поменьше попадаться ей на глаза, я торопила Вову. А он, как нарочно медлил.

Танина мама меня тоже не очень обожает. Когда она входит в комнату, я не знаю куда мне девать руки. У меня сразу становится слишком много рук и я делаюсь более неуклюжей. А Танина мама посматривает на меня с подозрением и как будто ждет, что я скажу глупость. А после она будет упрекать Таню, что у нее такая неумная, ограниченная подруга. Но этого удовольствия я ей не доставлю. Я начинаю говорить высокопарным языком, я цитирую.

И чем больше я цитирую, тем танина мама становится скучнее.

В последний раз мне не повезло. Мы остались с Таней вдвоем у нее дома. А это бывает очень редко. Таня разошлась. Она вытащила из буфета огромный кусок шоколадной халвы и мы ели ее, не как воспитанные девочки, мы ее пожирали, как делают Вова и сын артиста. В конце концов Таню начало тошнить. Она легла поперек кровати и стала болтать ногами. Из подражания я тоже легла. Мы лежали рядом и вдруг нам сделалось страшно весело. Не помню, кто первый начал, но мы хохотали так громко, что прибежала их бессловесная деревенская прислуга. Она только сказала: «Ой, барышни...» — и скрылась. А мы продолжали хохотать. Мы могли бы так смеяться до самого вечера, но откуда ни возьмись, танина мама. Она была в маленькой шляпе с вуалькой. Из-за этого лицо у нее стало совсем строгим и темным. Она сразу же, как была, в жакетке и шляпе, набросилась на Таню и наговорила ей много злых и оскорбительных вещей. Я уверена, что все это было по моему адресу. Таня вскочила, а я почему-то продолжала лежать. Мне хотелось укрыться с головой. Но это были напрасные мечты. Одеяло оставалось нетронутым и несмотря на то, что мы на нем валялись, ни единой складочки. Как видно они привезли его из провинции, в Одессе таких одеял нет. После этого мы пили чай в длинной узкой столовой, где пахло полотерами. Танина мама положила каждой по три печенья, чтоб показать, что мы достаточно налопались до ее прихода. Я уже говорила, что терпеть не могу, когда угощение кладут на маленькую тарелку. Я привыкла сама брать. У нас дома так принято. Что сделали бы близнецы, если б их угощали по способу таниной мамы. А может быть так педагогичнее, но я предпочитаю наш способ.

77.

К Мусе Логинской я поехала в воскресенье. Она ждала меня у ворот. Муся издали показалась мне очень серьезной и взрослой. Вблизи она была такая же, как в гимназии. Мы опять сидели у нее в комнате. Но вдвоем. Это гораздо приятнее. Я расспрашивала Мусю про Молдаванку. Но она не находит там ничего особенного. Муся окончательно решила стать учительницей. И я отлично себе представляю, как она берет журнал, подносит его к своим серьезным карим глазам, а потом начинает вызывать из середины. Муся хочет быть такой, как Надежда Игнатьевна. Это ее идеал. Я боюсь, что это невозможно. Но, кто знает, может быть она до тех пор изменится. Когда нас позвали пить чай, мы пошли очень спокойно и благовоспитанно. Не знаю почему, но в мусином доме я чувствую себя почти, как в гимназии: и хорошо и плохо. В столовой, кроме родителей, были Анночка и Ираида и, к моему удивлению, наш гимназический географ. Как он сюда попал? Было ясно, что здесь он свой человек. Он все время смотрел на Ираиду, но обращался к Анночке. А Ираида безучастно размешивала чай и затем пила его крохотными глотками. Я сразу догадалась, что географ влюблен в Ираиду, а она нисколько в него не влюблена и думает о покойном женихе.

Большой сюрприз, что учителя могут влюбляться,

как обыкновенные люди! А когда географ предложил, что возьмет для всех билеты на Собинова, я своим ушам не верила. Со мной географ был очень вежлив. Хотя мне показалось, что он не в большом восторге от нашей встречи. Наверно, боится, что я раззвоню по всей гимназии, что он влюблен в Ираиду. Я чуть не сказала, что нечего волноваться, но не хватило смелости. Для меня открытие, что он вдовец. У него мальчик и девочка. Муся знает, что они беленькие, как их покойная мама, и очень тихие. Но она ведь знала это давным давно и ни разу не проговорилась. Я понимаю, ей было неприятно из-за Ираиды, но лучшим своим друзьям она могла бы, все-таки, сказать. И тут я вспомнила, что в классе она частных разговоров не ведет. А географ с ней в дружбе, но в гимназии он тоже ничего не показывал. Как будет, когда он и Ираида поженятся? Неужели и тогда он будет вызывать Мусю своим безличным голосом, а она по-прежнему будет водить указкой по ненавистной немой карте? Все это очень сложно. Неизвестно еще, забудет ли Ираида своего жениха и перестанет ли он в сумерки приходить к ней из другого мира. Как поступают в таких случаях? Лучше всего, по-моему, повторять, как прачка Оля: «Рассыпься, рассыпься...» и читать молитву, все равно какую. Главное, чтоб много раз повторялось имя Бога...

Географ говорит, что скоро мы поедем на прогулку, на Жевакову гору. Я уже там была. Не лучше ли поехать в другое место? Географ думает, что это одно из самых интересных мест под Одессой и мне становится смешно. Конечно, я тоже люблю Жевакову гору, особенно тот склон, где много ковыля, но там нет моря, а какие-то пласты, очень важные по словам географа. Тогда, чтоб произвести впечатление, я спрашиваю: «Какого происхождения Жевакова го-

ра. Неужели вулканического?». Географ смеется. «Нет, опасаться нечего. Никаких извержений не предвидится». Я хотела похвастать своимии знаниями, а кончилось тем, что он меня высмеял. Во время разговора географ съедает половину ватрушки. Такой он еще не ел. «Это еда богов», — говорит он и от удовольствия нос его становится шире. Счастливица Муся! Как бы мне хотелось, чтоб кто-нибудь из учителей попробовал генину ватрушку и ее коржики с маком. Но к нам учителя не ходят. Закончив ватрушку, географ принимается за варенье. И какое варенье, — ягода к ягоде! Мусина мама объясняет, что варила его в саду. Как в «Евгении Онегине». Только крепостных у нее нет, и она делает все сама. Иногда помогает Муся. Она гладит круглую мусину голову, совсем, как в книге для детей младшего возраста.

Хочу похвастать, что и я помогала, но мне как-то неловко. Выйдет, что я мастерица на все руки. А это неправда. Помощь моя заключалась в том, что я головной шпилькой вытаскивала косточки из спелых вишен. Геня тогда говорила, что я перепорчу, наверно, пуд вишен и из-за меня варенье нельзя будет поставить на стол. Все это ее воображение. Она обижена, что пригласили скромную старушку, и та всем заведует. Старушка — специалист по варенью. Она рассматривает ягоды, нюхает их, растирает на маленькой тарелке... У меня падает сердце. Неужели варенье разварится или переварится и не будет пенок, самого лучшего в мире лакомства? Вова считает, что это просто сахарная накипь с капелькой сиропа, но сам он большой любитель пенок. Чтобы и мне что-нибудь перепало, верчусь на кухне и слышу, как скромная старушка входит в раж и орет на Геню. Молодец, таких старушек я признаю! Пусть она собьет с нее спесь. А то Геня вообразила, что скоро

сама знаменитая повариха прибежит к ней за советом.

У Муси все по другому. На кухне царит мусина мама, а помогает ей деревенская баба в шлепанцах на босу ногу. Муся говорит, что она вовсе не баба, а женщина с Прохоровской улицы и никогда в деревне не была.

После чаепития Ираида поднимается. Географ тоже хочет подняться, но мусина мама делает ему знак глазами. Он сконфуженно улыбается. Сейчас он похож на обиженного ребенка. Он выпячивает губы и вот начнет пускать пузыри. Бедный географ, ему нелегко с Ираидой! Интересно, как она будет обращаться с его маленькими детьми? Полюбит ли она их? Кузина Маня думает, что чужие дети это ужасная обуза. Они не могут забыть свою маму и всегда говорят колкости. Но Маня, вообще, терпеть не может детей. Мусин папа тоже способен их полюбить, но он не такой покладистый. Он помешан на порядке. Каждая вещь должна иметь свое место. Вот откуда берется мусина аккуратность! У нее это наследственное. Не знаю в кого я пошла. Юзя говорит, что у меня порядок только для близира. Ей надоело за мной убирать. Ну и пусть не убирает! Я хочу, чтоб у меня был поэтический беспорядок, как у сына артиста. Но в юзиной голове это не умещается. Она ставит мне в пример панича Вовочку. У него будто бы все разложено по ящикам. Да, но в его столе шесть ящиков, в моем только три и в одном лежат неоконченные стихотворения. Когда-нибудь я их допишу. Пока у меня не хватает терпения. Таня говорит, что я разбрасываюсь. А Пушкин и Лермонтов никогда не разбрасывались. Это не так, но я не спорю. Таню все равно нельзя переубедить.

Все мои подруги неуступчивые. А мне надоело им уступать. Сегодня я так зла на них, что готова по-

дружиться с Лидой Родиопуло и даже с дочкой доктора. У Лиды Родиопуло множество кузин и все они в положении. Лида знает, кто в каком месяце. Непонятно, откуда она это взяла! Я спрашиваю, есть ли у них мужья, и Лида смотрит на меня с презрением. У незамужних детей не бывает. Бывают, положим. Вот у нашей мамки Аксюты был покойный ребеночек, а мужа не было. Прачка Оля говорит, что она его приспала... Как можно приспать ребенка для меня загадка. Наверно, Оля неправильно выразилась.

Но, в общем, Родиопуло безразличная, и моя дружба ей ни к чему. Я уверена, что стоит мне отойти на полшага, как она меня забывает. А про дочку доктора я сказала просто так, подругой моей она никогда не станет. Она может дружить только с подлизами. Прямую Вассу она ненавидит и боится. А Васса ходит за ней и поет: «Я те рожу растворожу, щеку на щеку помножу...» Трудно поверить, что этому научил ее благовоспитанный ришельевец, племянник приемной матери. Она без ума от того, что перед его фамилией стоит словечко «фон». Мы его называем «фон-барон», но, конечно, за глаза. В глаза я его видела только один раз в жизни. Он шел с компанией гимназистов, и они приставали к какой-то девице в котиковой шапочке. На меня и на Вассу «фон-барон» не обратил ни малейшего внимания. Васса была разочарована, когда я ей сказала, что вовины товарищи куда вежливее. А старший близнец за целых полквартала снимает фуражку; он хочет покрасоваться. Ведь по правде говоря, он совсем не так хорошо воспитан. Но Васса не должна этого знать.

А мне иногда представляется, что я не я, а ученица седьмого класса на высоких каблуках и все: близнецы, сын артиста, самый умный мальчик, Жора, Галкин, Андрокардато, — смотрят на меня с восхищением. Каждый из них собирается преподнести

мне букет и в уме подсчитывает содержание своих карманов. А я прохожу далекая и загадочная, как лошадиная Лиля. «Когда на скетинге Надя смеется, вся Одесса смеется», — говорит сын артиста, и я вдруг просыпаюсь от стука. Никакого катка, это наш класс с разбитым аквариумом. Урок арифметики. У доски Топсик от волнения становится на цыпочки. Мел падает на пол. Часть класса хохочет, а близорукая учительница из кроткой овцы превращается в разъяренного зверя... Но почему у меня фантазия работает именно на уроках арифметики? Это самый ненавистный для меня предмет. Если б отменили арифметику, я охотно дала бы слово, что буду заниматься лепкой, шить машинным швом и даже делать сокольскую гимнастику. А я ее терпеть не могу. Не понимаю, почему она полезна для здоровья? Что хорошего в том, что все ложатся на грязный затоптанный паркет и дышат запахом мастики? Я противница гимнастики не только по лени, но и по убеждению. А у нас одна третьеклассница проделывает такие штуки с флажками, что ее можно было бы показывать в цирке. Ну и пусть показывают! Когда гимнасты раскачиваются под куполом цирка, мне почти что дурно. К счастью, выбегают рыжие. Один из них с огромным будильником. От Вовы я слышала, что это неважные персоны, обыкновенные скверные клоуны, а насколько они приятнее гимнастов на трапеции.

Но арифметику не отменят ни под каким видом. С горя перелистываю задачник. Он мне очень знаком. Кажется я знаю его много лет. А ведь мы его только этой осенью купили у Букинери. Неужели это бывший вовин задачник? Он загнал его вместе с нужными и ненужными книгами и каким-то таинственным образом задачник попал ко мне. Если я продам мой, то его вряд ли купят для Кати. Это

будет уже сильно подержанная книга. Таких мы не покупаем.

Я никогда не узнаю правды. На вовиных книгах, на внутренней стороне обложки, всегда какие-то незаконченные пирамиды, треугольники, женские профили... А на этой никаких рисунков, одни кляксы. По наследству от Вовы ко мне перешел только географический атлас. Продать его трудно, он слишком большой и тяжелый. И потом Вову часто спрашивают: где его атлас? Он отвечает, но крайне неохотно. Он вовсе не обязан показывать его по первому требованию. Это вторжение в его личную жизнь. Чаще других на атлас покушается Ланя. Он ищет там города и страны, исчезнувшие с лица земли. После этого он долго сердится на составителей — они круглые невежды. Вова с ним не спорит. Ланя фантаст. Ему всюду мерещатся ихтиозавры, бронтозавры, мамонты с клыками длиною в нашу гостиную... В школе, где он пока учится, проходят обыкновенных млекопитающих и в самом конце учебника стоит, расставив ноги, человек с ободранной кожей. На нем надо изучать кровообращение.

Для меня это не ново, но я никак не могу примириться с этим безкожным человеком. Лане лучше не говорить, он скажет, что у меня нервы, как у молодой кошки. А я вовсе не хочу прослыть особой с нервами. Тем более, что сейчас до них никому нет дела. Сегодня утром мне сказали, что к нам переезжает Надежда Моисеевна. Она будет ухаживать за дедушкой. Но спать она будет не у меня в комнате, а в столовой. Ей надо прислушиваться к дедушкиному дыханию. Ничего, когда все улягутся, я приду посидеть с ней на диване. Мы будем разговаривать шопотом. Боюсь, что мама не согласится, она не верит в мой шопот. Мы разбудим дедушку, у него чуткий сон. Но как узнать, сон ли это? Дедушка ле-

жит с закрытыми глазами, губы его шевелятся. Что он хочет сказать, не знает даже Яков Соломонович, хотя он дедушкин приятель. Между ними пропасть. Яков Соломонович, считает себя современным человеком: он порвал с прошлым. А дедушка сказал мне, когда еще разговаривал, что настоящее, прошлое и будущее — звенья одной цепи.

Что бы ни случилось, все к лучшему! Мне понравилось, но Вова сразу же раскритиковал. Дедушка не верит в прогресс... Но если б дедушка был таким отсталым, он не читал бы газету «Фигаро». Правда, он делал это тихо и деликатно, не то, что Яков Соломонович. Тот с хрустом разворачивает «Фигаро» и говорит так громко, что слышно на кухне: «Посмотрим, что пишут о политике». Один раз мне показалось, что он держит газету вверх ногами, но это, конечно, чистая случайность. Странно, что можно часами читать одну и ту же газету. Отец корреспондента способен без конца перечитывать первую страницу «Одесского листка». Все равно от какого числа. Ему важно, чтоб это была газета, тогда он чувствует себя человеком и маклером одесской хлебной биржи. Этим он будто бы был на самом деле. Я никогда не ловлю его на слове. Что с того, что он на каждом шагу себе противоречит, я не хочу, как Боря Гаевский, прижимать его к стенке.

«А почему вы вчера говорили совсем другое? А с каких пор Николаев стал портом на Черном море? А как это случилось, что вы жили сразу в трех городах?» Я знаю, что старичок от оскорбления и испуга способен был бы выпасть из своей шубы. Я совсем не хочу его конфузить. Дедушка говорил когда-то, что это грех перед Богом и людьми. Я сто раз объясняла Боре Гаевскому, что нельзя всех ловить на противоречиях. Я хотела даже разойтись с ним, но потом передумала. Останется один Женя. А

он вроде нуля, приставленного к цифре... Цифра — Боря Гаевский. По утрам в трамвае я иногда думаю об этом. Кругом галдят, контролер требует, чтоб я предъявила билет, а мне все равно: я поднимаюсь по узенькой дорожке туда, где нет людей, а только мои мысли. К сожалению, поездка длится недолго. Меня дергают за рукав и я тут же как по команде, перестаю думать. В трамвае далеко не уедешь. А если б ехать по Сибири как Топсик. Проснешься утром и посмотришь в окно вагона: поля и лес. Назавстра то же самое. Кажется, что этому не будет конца. У Топсика в памяти остался вагон-ресторан и соседи по купе. Они угощали ее конфетами. Она не заметила, что в Сибири есть тайга, а прочла об этом в хрестоматии и очень удивилась. Но Топсику простительно, а кузина Маня, например, говорит, что в Одессе нет и не было музея. Я чуть не сгорела от стыда. Как, она не знает, что на Софиевской улице есть музей, где бывают выставки. Но Маня и слышать не хочет. Она признает только Третьяковскую галерею и парижский Лувр. То, что посередине, ее не интересует. «Все или ничего», — говорит Маня и предлагает мне попробовать хвостик от фисташковой колбасы. Я пробую, я не гордая. Бывают обрезки похуже!

Теперь Маня будет приходить к нам без ночевки. Диван в столовой занят. Уже с утра прибегала Надежда Моисеевна. Она принесла кой-какие вещички в чемодане из бывшей сафьяновой кожи. Для туалетных вещей у нее холщевая сумка, как у Ланиной бабушки. Они бы могли легко обменяться сумками. Но у Надежды Моисеевны там ночной чепчик, шпильки-невидимки, перчатка для умывания, щетка в специальном чехольчике, а у бабушки — пудра в коробке из-под пилюль, митенки, вышитый кошелечек и в отдельном пакете — коржи из темной муки.

Она их ест вместо хлеба. Про пудру я узнала случайно. Бабушка это скрывала. Она мне сказала, что в ее возрасте стыдно молодиться. А я люблю молодых старушек. Особенно, если они не очень нарумянены. Но как знать, когда начинается старость. Я, например, не знаю считать ли нашу начальницу старой? Ася сказала, что она средних лет. Но неужели Ася не понимает, что начальнице не подходит быть женщиной среднего возраста. Это хорошо для мадам Блазнер, а начальницы не бывают ни молодыми, ни старыми, они, вообще, без возраста. Надежда Моисеевна тоже из породы безвозрастных. Вова уверяет, что она похожа на засушенную фиалку. Я протестую. Она ведь совсем непрозрачная, не то, что наша библиотекарша. Та с каждым днем становится все более и облее засушенной. Еще немного и она начнет просвечивать. Я спросила Вову, сколько по его мнению получает библиотекарша. Он не знает. По всей вероятности это очень маленькая сумма. В таком случае я прошу маму пригласить ее на нашу дачу. Я боюсь, что она не примет приглашения. Она гордая и вместе с тем пугливая. Когда к ней обращаешься, она сначала вздрагивает, а потом только отвечает на вопрос. Но стоит ей сесть на своего конька, и она преображается. А это певец гражданской скорби, Некрасов. Мой Некрасов. На нем мы сходимся. У нее есть еще один любимец, поэт из народа — Никитин. К нему я равнодушна, он тягучий и нудный. Сын артиста тоже не любит Никитина. По его словам, он вовсе не из народа, он прасол. А насчет нудников я могла бы написать книгу, столько я о них наслышалась.

Первый ученик Галкин побил рекорд нудности. Он пристает к соученикам, к преподавателям, к классному наставнику. Его он уверяет в почтительной преданности. Вова сказал, что еще немного, и Гал-

кин объясниться ему в любви. Среди моих соучениц выделяется наша «В». Она выплакивает себе отметки. За ней следует Поцелуйкина. Той необходимо, чтоб ее любили, она жаждет любви, но никто ее не любит. Еврейского учителя Хейфеца Вова относит к этой же категории: он кретин. Хейфец, действительно, не особенно умен, но говорят, что у него много знаний. Он еще покажет себя! Один раз он договорился до того, что «сильные мира сего будут ему завидовать». Это было так неправдоподобно, что я расхохоталась. Хейфец смертельно обиделся. Как, значит я тоже нахожусь в стане его недоброжелателей? Удивительный человек, почему он не умеет говорить просто. Но надо быть осторожной, мне не хочется задевать его самолюбие. Он и так обижен, что Вова под всяким предлогом увиливает от урока. Он сказал, что Хейфец ему ничего дать не может. Мне он тоже ничего не дает, кроме рассказов о своей карьере. Но мы, без всякого уговора, решили молчать. Мы можем его подвести и ему нечем будет платить за комнату. А Хейфец сказал, что ему нужна крыша над головой. Без этого он не может готовиться к экзаменам. Еда ему безразлична: два стакана сладкого чая с белым хлебом его вполне устраивают. Он отказался даже от гениных пирожков с творогом, и она не может ему этого простить. Жалею уже, что проболталась. Я забыла, что у Гени большое самолюбие.

Дядя тоже страдает этим пороком. Поэтому он без конца говорит о богачах. Ему кажется, что на него падает отблеск чужого богатства. Дядя знает, кто сколько заработал за последние десять лет. Сам он за это время ни гроша не заработал. Сейчас он, слава Богу, не работает, он занят дедушкой и у него новая тема: одесские доктора! Он признает только тех, кто принимает по записи. Доктора Ашевского

дядя презирает: «Он не врач, а лекарь, — говорит дядя. — В Златополе он не мог бы быть фельдшером». Я пытаюсь вступиться, но дядя неумолим. Ашевский, по его словам, прописывает малину и растирание туалетным уксусом. Это и без него знает всякий ребенок. У самого дяди есть лучшее средство: надо насыпать в носки немного сухой горчицы. За ночь все как рукой снимет. Но он готов делиться своим рецептом с каждым и всяким. Ему не нужно платить рубль за визит. В разговор о врачах вмешивается Яков Соломонович. Он может рекомендовать одного доктора-немца с Николаевского бульвара. Он, правда, по носовым и горловым, но другого такого с огнем не сыщешь. Женщин врачей никто из них всерьез не принимает: «Пусть идут на зубоврачебные курсы!».

Все это пустые разговоры. Говорят о пустяках, чтоб не говорить о главном. В самый неподходящий момент раздается резкий телефонный звонок. Подходит Вова. «Кто говорит?» — спрашивает он чужим голосом. И я слышу, как на другой стороне вешают трубку. Это, наверное Ася: она легко пугается. Больше всего она боится шагов за спиной. На даче из-за этого постоянные драмы. «Мне страшно», — говорит Ася слабым голосом. Я оглядываюсь и вижу, что за нами ковыляет муж лавочницы. Но Ася не перестает дрожать. «Он идет за нами, он нас преследует...» Ей кажется, что лавочник сейчас начнет говорить ей бесстыдные вещи, и у нее не хватит сил пожаловаться маме. Ася спрашивает, пристают ли ко мне на улице?» «Да, пристают. Мальчик из пробкового склада, и какой-то господин с пушистыми усами». Вова сказал, что этих негодяев он будет бить по зубам, всех по очереди. Тут я пугаюсь: господин с пушистыми усами на целую голову выше Вовы. Но он вовсе не храбрец. Он испугался Вовы и сразу же отстал. Если б

можно было, он шмыгнул бы в первую подворотню. А пробковый мальчик при виде меня начинает корчить странные рожи. Этим он хочет показать, что я ему нравлюсь. Есть еще и другие, например, студент, бывший матин поклонник. Он встретил меня возле кондитерской Исаевича. Оказалось, что нам по дороге. Мы говорили на научные темы и студент был поражен тем, что я знаю, что такое республика и чем она отличается от монархии. Он меня переспросил и тогда мне стало неприятно. Пусть не думают, что я вылезаю со своими знаниями. Я не кривляка, вроде лошадиной Лили. Она изучает теперь йогов, и Вова, и сын артиста сильно взволнованы. Они не знают, с чем это кушают. В конце концов Вова все разузнал и теперь он главный йог. Близнецы сказали, что не сегодня-завтра его пригласят в цирк на гастроли. Но это клевета. Йоги не выступают в цирке.

О, я не уверена в том, что Лиля читала классиков. Ей это неинтересно. Она внушила всем окружающим, что не хочет идти по проторенной дорожке. Раз другие читают, она не будет. Она даже ест не в обычное время, и ее мама со слезами жаловалась, что необыкновенная Лиля уморит себя голодом. Но Вова ее успокоил. Лиля с легкостью съедает четыре маленьких и три больших пирожных. Но она не хочет так быстро успокоиться. Она ходит по комнате и пыхтит, как пароход «Тургенев». Чтоб подразнить Вову, повторяю ему, что Лиля когда-нибудь станет такой же глыбой, как ее мамаша. Вова сердится. Лиля пошла в семью отца, они там необычайно изящные. Верусина мама тоже не из худеньких, но это не так страшно, у нее самая нормальная дамская фигура с большим бюстом.

Мадам Рабинович постоянно говорит о бюстах. Ей самой Бог дал незавидную плоскую фигуру. Ученицы ее, Сима и Фрида, подкладывают чулки или

остатки материала, чтобы казалось больше. — Какое глупство, — как говорит Юзя, когда она переходит на свой польский язык. Я в бюстах никакой красоты не нахожу. Чтобы убедить мадам Рабинович я принесла ей Венеру из магазина Александровского. Но она даже смотреть не захотела. «Какой ужас, неудивительно, что она безрукая!».

Мадам Рабинович шьет мне и Кате летние платья из материи со странным названием: линобатист. Не знаю, пишется ли батист вместе с лино, или отдельно. На всякий случай пишу вместе. Я иду на примерку одна, мне не нужны советы. Главное, чтоб фасон не был чересчур детским. Все, особенно Матя, хотела бы сделать из меня ребеночка. «Ах, вы кажется незнакомы с моей маленькой кузиной?». Это она говорит направо и налево, и я готова ее растерзать. Но сейчас наши платья никого не интересуют. Мама велела мне передать мадам Рабинович, что полагается на ее вкус. Рабинович расцвела от восторга: «Еще бы, мамочка ведь знает ее не со вчерашнего дня!». И все-таки она мне показала журнал. Это очень тактично с ее стороны. Журнал от вечного перелистывания разбух и стал втрое толще. Но там все такие же упитанные дети в тирольских шляпах. А дамы и девицы из журнала похожи на нашу учительницу немецкого языка. Они очень аккуратные и волосы у них завиты тройными щипцами. Наша немка подкладывает волосяной валик, чтоб прическа казалась выше. Васса видела, как он просвечивал. У Вассы зоркий глаз, она видит цвета каких нет в природе. А именно, темно-зеленое бордо. Я рассказала Вове, но он даже не рассмеялся. Это из старого анекдота. А твоя Васса, видно, хорошая штучка! Я обижаюсь: она не штучка! Васса издевается над дураками, но за друзей она стоит горой: когда дочка доктора пристает ко мне с ехидными вопросами, она

чуть не вырывает у нее из головы клок рыжих волос. Вассу могли бы отправить домой на извозчике, и приемная мать никогда бы ее не простила. Она не умеет прощать. И только в крайних случаях с отвращением отвечает: «Бог простит!». Но по ее кривому подбородку видно, что она этому не сочувствует.

Прощать нелегко! Я знаю по себе. Случается, что перед сном я начинаю вспоминать старые обиды. Теперь я знаю, как бы я отомстила своим обидчикам, но уже поздно, прошлого не воротишь! Никто не подозревает, что я способна страдать, как Лиза Калитина из «Дворянского гнезда». Правда, у нас разные причины, но страдания те же. А утром мне кажется, что я все сочинила, чтоб возвыситься в собственных глазах. Но, по крайней мере, я не выставляю это на показ. А Лиля и особенно кузина Маня готовы жить почти из милости, но отказаться от переживаний у них не хватило бы сил. Маня не прощает своим женихам, ни квартирной хозяйке, ни тому офицеру, что разбил ей жизнь. О нем она не говорит; это может окончательно испортить ее репутацию.

А я в сущности, все давно простила. И если подсчитываю обиды, то потому только, что люблю подсчитывать. Непонятно, ведь считать по-настоящему я не умею. Но как приятно в неполной темноте думать о том, в скольких городах я побывала (их немного), в скольких деревнях (их совсем мало), сколько островов посетила... К сожалению, только два: остров на Куяльницком Лимане и на Хаджибейском. И самое неприятное, что это не настоящие острова, а искуственные. Но, все-таки, это острова и их со всех сторон омывает темная густая вода. Ничего, пройдет время и Ланя мне покажет и Яву и Целебес...! Но я боюсь поверить его планам. Он мне столько наобещал, что если половина сбудется, и то

я буду довольна. Он у нас больше не ночует. Ему купили настоящую кровать с пружинным матрацом и письменный стол из вишневого дерева. Это, по словам Лани, самое крепкое дерево на свете и никакой червь его подточить не сможет. Но мы по-прежнему в сумерки сидим в гостиной на диване, и Ланя говорит о своем будущем. Сначала он должен получить аттестат... Но какой? Я уже потеряла счет его училищам. И до сих пор твердо не знаю, где он учится: в торговой школе или в мукомольной? Ланя боялся, что его отдадут в ремесленное училище и тогда он пропал. Это невероятно несправедливо. Ланя приходит в класс раньше всех, карандаши его очинены так, что они колются, а книги завернуты в синюю бумагу. Вера Львовна когда-то объясняла маме, что Ланю выгоняют за то, что он отсутствует. Но как он может отсутствовать, когда он присутствует? Да, он приходит аккуратно, но когда его вызывают, он вскакивает, как очумелый. Ясно, что он не помнит ни бельмеса. Ему ставят кол и он возвращается на место, как побитая собака.

Я уверена, что он мог бы успевать не хуже других, он знает массу интересных вещей. Вова сказал, что они нуждаются в проверке, но я их проверять не собираюсь. Они мне и так подходят. Меня соединяет с ним любовь к воображаемым путешествиям. Если б на самом деле нужно было бы ехать, я навряд ли согластилась бы. Страшно трудно потом возвращаться. Даже когда я еду с папой в Николаев, я уже на пароходе отрываюсь от прежней жизни. А Таня все время угрожает, что они переедут в другой город, и мы расстанемся навсегда. Она хочет проверить мою дружбу. Ей кажется, что я недостаточно расстроена. Стыдно сознаться, но она права! Я уже мысленно с ней переписываюсь.

78.

Недавно я получила письмо с иностранной маркой и близнецы ходили за мной по пятам. Они ведь коллекционеры. Сначала они хотели выпросить марку, но я была непреклонна. На мену я тоже не пошла. Эту марку я отдам Вове, пусть делает с ней, что хочет. Свой марочный альбом он давным давно обменял на испорченный выжигательный аппарат. Это третий. Первые два тоже ничего не выжигали; иголка чуть-чуть накалялась и сразу остывала. Из вовиных аппаратов можно было бы устроить музей. Но они все почему-то плохо действуют. Вова сказал, что их можно поправить. Когда-нибудь он этим займется. А сейчас он перегружен: у них очень трудный конец года.

В комнате у Вовы все время идут совещания: надо выудить у математика задачи по алгебре и тригонометрии. Он совсем неопытный и его можно запугать. Близнецы советуют действовать нахрапом, но Вова несогласен. Лучше было бы с ним подружиться. О том, чтоб решать подряд задачи из двух толстых учебников, не может быть и речи. Тогда надо отказаться от личной жизни. Как на зло, приехали гастролеры, и сын артиста влюбился в одну модоленькую актрису в бархатной кофте. Боже мой, почему все артистки носят эти кофты?! Я вспоминаю валину маму и Валю, но это было так давно, что уже пе-

решло в сон. Сын артиста не очень хочет знакомить Вову с молоденькой актрисой. Он сам когда-то сказал, что Вова — опасный конкурент, и все женщины от него без ума. Он ослепляет их своим красноречием. У сына артиста другой подход. А какой — он мне не сообщил. Он не хочет открывать свои карты.

Потом, через годы, мне будет непонятно, как они могли принимать всерьез Верусю, Тамару, лошадиную Лилю. Они и сами в то время не были заправскими Дон-Жуанами. Но сейчас они мне кажутся взрослыми и я не могу понять, почему инспектор кричит: «Мальчишки, молоко на губах не обсохло, а туда же лезут!... Вот выгонят вас с волчьим билетом, тогда будете знать, почем сотня гребешков!».

Конечно, в его годы все должны ему казаться мальчиками, ему, наверное, сорок лет. А может быть и больше. Но самый древний — это их классный надзиратель. У него борода такой длины, как у Хармака, но она холеная и гладко расчесаная. Такой бородой можно гордиться.

Мне гордиться нечем. За последние три месяца я не написала ни строчки. И меня скоро не станут называть поэтессой. Я хотела бы сочинить стихотворение для журнала, но вместо этого получаются безобразные вирши. Так сказал сын артиста. Он считает себя знатоком. Вова тоже знаток, но он не лезет вперед, ему это не нужно. Пока я напрягаю мои мозги, Поцелуйкина не дремлет. Она перевела из учебника английского языка длинное стихотворение с короткими строчками. Оно начинается: «Пожалуйста, дайте копейку»... Это дословный перевод. Я бы на ее месте все перекрутила. Но начальница довольна. Она возьмет его себе на память. Дочка доктора тоже пыталась его перевести, и ничего не вышло. Но у нее будто бы накопилось множество переводов с французского. Их никто не видел и не увидит. Ее

папа сказал, что показывать нам не стоит. К чему метать бисер перед свиньями... Если он так выразился, то я отказываюсь быть с ним знакомой. Это вообще нетрудно. Я, вообще, с ним незнакома. К сожалению, он не мифическая личность, он существует, и я видела, как он садился на извозчика. Мы проходили мимо их дома и дочка доктора сказала, что кучер заболел и потому ее папа едет на обыкновенных дрожках.

В нашем классе есть еще две гордячки: Сахно и Мара Гольберг. Они мечтают о славе. А Лида Родиопуло горда своей внешностью. Шутка ли, у нее лучистые глаза и брови, как на картине. Но это ничто по сравнению с моей подругой Таней: она относится свысока ко всему классу. Исключение она делает только для наших пианисток. Они знают, что такое Шуман. А Сахно со временем будет изучать первую и вторую гармонию. Это наука, и без нее нельзя кончить консерваторию. Я на особом положении. Если б Таня стала императрицей, то я, наверное, стала бы придворным поэтом. Со мной она может говорить о музыке, хотя я до сих пор торчу на Турецком марше. Конечно, играю я неважно, и мой четвертый палец попадает не туда, куда нужно, но зато я знаю как надо исполнять вещи. А ведь все зависит от исполнения. Как часто я слышу: «У нее ужасный голос, но она чудно исполняет французские песенки». Некоторые скрипачи играют так, что весь зал плачет. Я чувствую, где надо усилить звук и где убавить, но когда дело доходит до моего собственного исполнения, я теряюсь. Можно подумать, что в нашем инструменте не струны, а стекляшки, как в детских пианино от Братьев Петракокино.

У меня звук пустой, зато у Вовы каждая нота круглая и такая живая, что ее можно было бы резать ножом. Мадам Трейн уже не предсказывает мне му-

зыкального будущего. Но она не имеет понятия о том, как я замечательно играю внутри себя. Вовой она тоже не особенно довольна. Он манкирует уроки. У него не хватает терпения сидеть по два часа в кабинете мужа мадам Трейн и ждать, пока Мери и Гудула кончат упражнения. Книги из шкапа и те, что на письменном столе, он давно прочел. И теперь он страшно недоволен, что муж мадам Трейн перестал выписывать «Русскую мысль». «Русское богатство» мы сами выписываем, но Трейн не хотят идти в ногу с веком. Когда Вове надоедает музыка Гудулы, он поднимается на минуточку на третий этаж. Там живет одна таинственная семья: их дочь, верусина подруга, и сын, великовозврастный гимназист. Я думаю, что Вова ходит к подруге. Он остается там довольно долго и один раз мадам Трейн даже послала за ним прислугу. Вова был безумно возмущен: он не из тех, за кем посылают.

Самое приятное после урока возвращаться домой. Я иду очень медленно и всех встречаю. Геня говорит, что у нее такая судьба: стоит ей выйти на улицу, как все остальные тоже выходят. По дороге на минуточку захожу в буфет Боярского или к греку с вафельной машиной. Там меня накрывают близнецы. Им хочется сельтерской воды с двойным сиропом, и я не знаю, как мне от них отделаться. В общем могло быть хуже. В прошлый раз они пили сельтерскую воду с тройным сиропом. Выходит, что они меня угощают, но плачу я. Они говорят греку или Боярскому, что я очень богатая. Это вранье. Они гораздо богаче меня. У них есть сбережения. Женя сказал, что старший близнец вносит деньги в сберегательную кассу. А младший держит их в копилке, такой хитроумной, что вскрыть ее невозможно. Когда-то он проклинал день, когда ему подарили копилку, а сейчас он втянулся и ему снятся огромные

суммы. Вове я не сообщила ни про копилку, ни про сберегательную кассу. К чему разбивать его иллюзии! Я тоже не люблю, когда мне начинают говорить правду про моих подруг. Лучше не углубляться. Я спросила у дяди, в каком он, собственно говоря, родстве с Бродскими. Он густо покраснел и начал подробно перечислять всех двоюродных бабушек. Тогда мне стало ясно, что он дальний родственник. А я в дальнее родство не верю. Надежда Моисеевна тоже не верит. Мы теперь разговариваем с ней до тех пор, пока меня не начинают гнать в мою комнату. «Пора на боковую!». Как это неделикатно! А если я хочу спать на спине, как спящая красавица, или как та девица, что спала летаргическим сном целых пять лет, а затем ни с того, ни с сего проснулась и потребовала, чтоб ей дали ее любимое зеркальце в серебряной оправе. Но шутки в сторону. Надежда Моисеевна рассказала мне про всех своих родственников. Они ее в грош не ставят. Никто не подумает о том, что ей пора устроить свою жизнь.

Какую жизнь? По-моему она совсем неплохо устроена. За Надеждой Моисеевной все время ухаживают, подносят то фрукты, на тот случай, если ночью вдруг захочется пить, то остаток чудного миндального пуддинга... Надежда Моисеевна предлагает мне корочку от пуддинга и я отказываюсь. Это было бы негостеприимно. У нас Надежда Моисеевна как в раю. Не то, что у своей бериславской кузины, где она давилась каждым куском. Подумать только, она приехала в гости, а ее заставляли накрывать там на стол. Для больных она готова делать все, что угодно, даже выносить ночные горшки. Но для здоровых она пальцем не ударит. Мне неприятно, что Надежда Моисеевна говорит такие слова, как горшок, но она была испугана. Прежде самыми неприличными словами у нее были: клистир и клизмочка.. Значит

вовсе она не святоша, как мне раньше казалось. А может быть медицинскому персоналу полагается говорить такие вещи, у них это строго научно. Мадам Дунаевская все части тела называет своими именами, правда, уменьшительными. Она развязная и может повторять сто раз одно и то же. Надежда Моисеевна совсем другая. Вова считает ее типичной провинциалкой. Но она ведь уже десять лет живет в Одессе. Вова не уступает: если б Надежда Моисеевна жила в Париже, и то она осталась бы провинциальной старой девой. Это в ее натуре.

Матя тоже провинциалка. А в лошадиной Лиле есть что-то столичное. Какой-то особый шик. Себя и сына артиста он считает гражданами мира. Они везде — как дома. А я себя чувствую хорошо только в Одессе. В других городах мне не достает магазина Александровского, библиотеки приказчиков-евреев, Городского театра с утренниками для учашихся. Яков Соломонович говорит, что я пристрастна к Одессе. Петербург тоже замечательный город. Возможно, но я там не была. Нева, Невский проспект, Адмиралтейская игла — об этом я много читала, но в моем воображении они, наверное, не такие, как на самом деле. Я помню, как Ася расписывала Люстдорф и как мне казалось, что это огромное дачное место, где царит бурное веселье. А потом мы поехали в Люстдорф, а там на улице ни живой собаки. Только у одной калитки стояли два мальчугана и говорили по-немецки. Это были колонисты.

Когда у нас на кухне я сказала, что Одесса европейский город, и это знают решительно все, Геня была возмущена. — Что значит европейский! Чем ее местечко хуже? Там она по крайней мере, всех знала. А здесь она может умереть с голода и никто ей не даст куска черствого хлеба. Геня — чудачка. Ведь вся еда у нее. Но ей нравится быть жертвой, она сама

себя накручивает и когда приходит служка, Геня набрасывается на него, как лютый зверь. В конце концов она безнадежно машет рукой и пододвигает к нему тарелку с печенками и пупочками. Какой он ни на есть, а все таки муж. Служка привык к гениному обращению. Он втягивает голову в плечи и ждет, когда она, наконец, успокоится. Но Гене уже надоело буйствовать. Она поворачивается к нему спиной и начинает размешивать уголь в плите. Тогда служка принимается за пупочки. Он ест медленно, смакует каждый кусочек и при этом одобрительно улыбается. Ему кажется, что он у себя, а не на чужой кухне. Ведь Геня неумолима: она не вернется в его погреб возле Шалашной синагоги! Если он хочет с ней жить, пусть станет на ноги. Геня не может понять, почему я так рассматриваю этого несчастного лодыря? Что я нашла в нем хорошего? Я боюсь, что опять начнется семейная сцена и ухожу к себе.

У нас семейных сцен не бывает, зато Юзя слышала, как пьяница нашего дома плакал, повторяя, что он недостойный отец и муж. А мадам Питкина бегала по комнате и кричала, что если она еще раз поймает своего муженька на том, что он щупает заказчиц, она выбьет ему его последние два зуба. Тут Юзя что-то присочинила. Зачем ему щупать заказчиц? Ведь это не относится к шитью. И, вообще, он мужской портной. Нечего ему брать дамские заказы! Из-за этого у них вечные ссоры. Вова уверен, что каждая женщина артистка семейных сцен и поэтому он никогда не женится. Неужели он собирается остаться старым холостяком? Я надеюсь, что он переменит свое решение. Мне так хочется, чтоб все в конце концов переженились и повыходили замуж, Матя, кузина Маня, Надежда Моисеевна. Хотя Надежда Моисеевна сказала, что не отдаст своей свободы, я думаю, что ее можно было бы переубедить.

В последний раз я говорила ей о прелестях семейной жизни: у нее будет спальня с сиреневым фонарем и столовая красного дерева. А летом она будет выезжать на дачу. Я видела, что она стесняется, но ей приятно. Потом она спохватилась: нет, она не хочет ни от кого зависеть! Мне она советует избрать какую-нибудь профессию и мужа, как наша докторша с двойной фамилией. Муж у нее тоже врач, но с фамилией самой обыкновенной. Поэтому у него мало практики, должно быть. Самый лучший пример: мадам Тюрбо. Она преподает в младших классах, он в старших. И Эсперанса говорит, что они живут душа в душу.

Эсперанса в курсе всего, что касается гимназии. Она знает всю подноготную. Отец Белой Мыши будто бы моложе своей жена на целых десять лет и многие думают, что это ее сын. Какая чепуха! У него ведь невероятно густые брови, а лицо так заросло щетиной, что определить возраст невозможно. Эсперанса недовольна моим вмешательством. В таком случае она мне расскажет про дочку Надежды Игнатьевны: она разводится с третьим мужем. Эсперанса, как видно, хочет меня поразить, но я не сдаюсь. Подумаешь, у асиной мамы, тети Полины, миллион знакомых и все они разводки! Эсперанса обезоружена. Она что-то бормочет. Я расслышала только: «Не стоит разговаривать с этим чудовищем». Как я понимаю, речь идет обо мне. Но я плюю на нее. Пусть не вмешивается в чужую семейную жизнь! Такие вещи нельзя рассказывать направо и налево. Я не проболтаюсь никому, кроме Вассы, Аси и, может быть, Тани. А другие будут бегать из класса в класс и кончится тем, что отец Белой Мыши станет моложе своей очень симпатичной худенькой жены по крайней мере на двадцать пять лет.

Надо отдать справедливость Тане, она не интере-

суется ни женами наших учителей, ни их возрастом. Это не относится к музыке, к живописи это тоже не имеет отношения. А Таня признает только картины и музыкальные произведения. Она не может понять, почему я люблю цирк. Разве это искусство? Я спросила Вову, и он неожиданно обиделся. «Цирк — древнейшее искусство. Твоя Таня села в калошу...» Я заступаюсь за Таню. Вова хочет во что бы то ни стало унизить ее в моих глазах. С остальными моими подругами он давно бы расправился, но я не даю их в обиду. Я сама знаю, что Ася плакса, но на ее месте я рыдала бы с утра до вечера. Она ведь постоянно присутствует при семейных сценах. Никто ее не спрашивает, на чьей она стороне. А я знаю, что она давно приняла сторону своего папы. Это очень несправедливо. На кухне и всюду, где бы я ни была, говорят, что дети должны быть на стороне матери. Но Ася, очевидно, презирает неписанные законы. У нее свой закон: она всегда на стороне мужчин. Мне горько и обидно, что моя колыбельная подруга так никогда и не будет борцом за женское равноправие. Но она может еще переменить свои убеждения. Такие вещи случаются довольно часто. Близнецы чуть не стали революционерами, а теперь они и Вова просто эстеты и на остальное им начхать. Это некрасиво с их стороны. Эстеты не могут чихать на свое окружение. Они его не замечают. Для них существует одна лишь красота. Если так, то они не должны ухаживать за лошадиной Лилей. Она некрасивая. Правда Вова мне объяснил, что не так важно быть красивой. Надо внушить другим, что ты красавица. В общем действовать по способу внушения. Я бы тоже хотела внушать, но никто не поддается. А дочка доктора внушает нашему классу, что она особенная и все у них особенное. Даже горничные не такие как у других: одна из них белая горничная, а другая — ка-

меристка. Про камеристку она вычитала. А белые горничные бывают. Они с утра носят наколку и Юзя им завидует. Я уже решила, что у меня в доме каждый сам себя будет обслуживать, как в книге Луизы Олькот «Маленькие женщины».

Несмотря на Куприна и на отдельные приложения к журналу «Нива», я никакх не могу с ними расстаться. Самое смешное, что я поймала эстета, — Вову, на том, что он втихомолку читает Луизу Олькот. Но он не растерялся и сказал, что это освежает. Нельзя жить одним Оскаром Уайльдом и Бодлэром. Бодлэр — французский поэт, и его почему-то от меня прячут. Раз так, я обязательно его прочту. Я уже тайком стала читать рукописную «Крейцерову сонату», но она мне показалась неинтересной. Может быть потому, что переписана она бисерными буковками. А от них веет скукой. Если б это был размашистый почерк, я бы попыталась читать дальше. Но буковки меня быстро утомили. Я надеюсь, что наш журнал не будет так мелко переписан. Вова рассчитывает на то, что братья Андрокардато дадут ему свою пишущую машинку. Но близнецы говорят, что это гнилой рассчет. Братья скорее повесятся, чем одолжат пишущую машинку. Она тяжелая и прикреплена к столу. Братья ею страшно дорожат и никого к ней не подпускают, ввиду того, что у нее хрупкий механизм.

Вова в конце концов найдет выход: он даст Галкину переписать журнал своим замечательным почерком. Если б младший Анрокардато не писал корову через ять, он тоже мог бы переписывать. Но его это мало интересует: он занять своей подписью. С каждым днем его росчерк становится все более сложным и к нему прибавляются новые завитушки. Андрокардато так занят его улучшением, что не слышит и не видит, что происходит вокруг. Классный

наставник сказал, что у него типичная морда второгодника, но ему это безразлично. На всех книгах, на тетрадях, на клочках оберточной бумаги — всюду его подпись. Тут он первый и никто не может сравниться с ним. Никогда не думала, что он такой же честолюбивый, как дочка доктора.

У Муси Логинской нет честолюбия. Вместо этого у нее чувство долга. Начальница говорит, что оно невероятно важно для каждого мыслящего существа и ставит нам в пример Мусю. Но у нее это врожденное, иначе поступать она не может. Мне иногда чуточку жалко, что я не такая открытая и прямая, как Муся. Но не могут же все быть прямыми. Это слишком однообразно. Поэтому я обрадовалась, когда увидела, как в коридоре географ нагнулся к мусиному уху и что-то ей тихо сказал. В ответ она только дернула головой и косы запрыгали на ее спине. Я уверена, что географ спрашивал про Ираиду. Это секрет, его и мусин. Когда Ираида выйдет замуж за географа, Муся будет ходит к ним в гости. Но как отнесется ко всему этому покойный жених Ираиды? Он может, как в одной легенде, придти на свадьбу, пригласить невесту на вальс и танцевать с ней до тех пор пока она не упадет замертво к его ногам. Тогда по легенде, он должен накрыть ее плащем и унести с собой в потусторонний мир.

Конечно, я в это не верю, нельзя же а двадцатом веке быть такой отсталой, но мне, все-таки, немного жутко. Я вообще, побаиваюсь покойных женихов. Бывшие женихи не так опасны. Они никому не угрожают своим появлением и наоборот, всегда стараются улизнуть. Манин доктор, как только увидит кого-нибудь из нашей семьи, сейчас же перебегает на другую сторону. В последний раз он столкнулся лицом к лицу с Вовой, но сделал вид, что не узнает

его. Тогда Вова нарочно с ним поздоровался. Доктор был безумно сконфужен. Ему ничего не оставалось, как сказать так громко, что было слышно на противоположном тротуаре: «Здравствуйте, молодой человек!».

От застенчивости всегда делают глупости. Вова уверяет, что близнецы самые застенчивые в их классе. То, что они нахалы, показывает до какой степени они стесняются. Эта теория меня не убеждает. Я сама застенчивая и мне иногда хотелось бы провалиться сквозь землю. Я не проваливаюсь только потому, что пока это невозможно. Ланя говорит, что современные ученые найдут способ. Нашли же они бипланы и автоматические машины для продажи пирожков, электрическую машинку и многое другое. В каждом номере журнала «Природа и люди» есть отдел открытий. В нашем журнале тоже предполагают завести такой отдел, но Вова боится, что сотрудники его подведут. Они, в общем, далеки от науки. Сын артиста скорее за искусство. Оно выше всего на свете. А наука существует, главным образом, для кабинетных ученых. Я тоже за искусство, хотя мне немного жалко науку. Почему она должна плестись в хвосте. До моей дружбы с Таней я не всегда была близка к искусству. Я то приближалась, то удалялась, но теперь назад уже хода нет.

Мне с трудом удалось внушить Тане, что я никогда не стану пианисткой. Я совсем отстала от музыки и из-за болезни дедушки играю с модератором очень, очень тихо. Но я готова отказаться и от этого. А сегодня я была просто потрясена. Надежда Моисеевна на минуту подсела к пианино и довольно бойко принялась играть вальс Иоганна Штрауса: «Император». Я не имела понятия о том, что она пианистка. Она это скрывала из-за своей застенчивости. Оказывается, она брала уроки у одной извест-

ной в их местечке преподавательницы. Сам Вова был поражен. Он думал, что Надежда Моисеевна сыграет пьесу «Молитва девы». Я ее много раз слышала и мне нравится, что там много аккордов. Можно подумать, что это Бетховен.

Когда Надежда Моисеевна накрыла клавиши фланелевой дорожкой и осторожно прихлопнула крышку пианино, я вышла в коридор. Там уже сидел отец иностранного корреспондента. Я спросила, как ему понравился вальс «Император?» И на это он ответил, что «Император» всем вальсам вальс. Его собственная жена тоже играла на пианино. Он ведь взял ее из богатого дома. Но потом на них посыпались всякие невзгоды. Старичок заморгал так часто, что мне показалось: сейчас он заплачет. Я не рада была, что заговорила с ним о музыке. Но не могу же я каждый раз спрашивать, стала ли его старшая дочь невестой. Это неуместный вопрос. Сейчас я должна сообщить ему важную новость: Боре Гаевскому будут делать операцию слепой кишки. Оперирует мой доктор. Боря Гаевский в глубине души очень горд, но притворяется равнодушным. Он просит навестить его. Я обязательно приду, меня не надо упрашивать.

Наконец-то я увижу лечебницу, о которой столько говорят. Боря Гаевский был там со своей мамой и его поразило, что полы в лечебнице натерты до зеркального блеска. Он чуть не растянулся. Я его успокоила: в тех лечебницах, где болел мой дедушка с Пушкинской улицы, было чисто до противного. Из-за этого можно было простым глазом различить каждую пылинку. К счастью, дедушка осыпал сигарным пеплом их знаменитые белоснежные простыни и одеяла, а мокрый стакан ставил не туда куда надо. Одна из сиделок всегда говорила: наш дединька совсем дитя... И дедушка смотрел на нее как голодный тигр на англичанина. Он все время ссорился с сестра-

ми и с единственным мужчиной — фельдшером в бархатных штанах. Папе приходилось всех задабривать. Сестрам он дарил коробки конфет и умолял их считаться с дедушкиными капризами. А фельдшеру совал какие-то бумажки.

Я вспомнила, что дедушка называл папу белой вороной. Он не понимает откуда берется такая доброта! Дедушке было бы приятно, чтоб я не забыла его слова. Он ведь рассчитывает, что я буду его долго помнить. У папы в несгораемом шкапу до сих пор лежит мой выигрышный билет и если бы это узнала тетя Ида, она подняла бы скандал. Но она может успокоить свои нервы. Я выигрываю только в беспроигрышных лотереях. А на настоящих ровно ничего. Я случайно узнала, что Яков Соломонович отдал мне свои выигрыши, только бы я не огорчалась. Какой чудак, он думал, что я буду страдать из-за кольца для салфетки или ножа для разрезания! Я ведь уже примирилась с тем, что это моя судьба. А от нее никуда не уйдешь. Прачка Оля говорит, что сбудется только то, что на роду написано. Ей написано было стать прачкой, а что мне — неизвестно.

Я уже говорила, что в судьбу верят все, хотя это неинтеллигентно. Матя убеждана, что судьба поднесет ей на золотом блюде любимого человека, и они не расстанутся до самой смерти. Бедный, значит ему предстоит до могилы наслаждаться тем, как Матя играет своими замечательными ресницами. Дядя тоже верит в судьбу. «Все это было предначертано», — говорит дядя. Он обожает высокопарные выражения. Гене больно видеть, как тетя Таня буквально пьет его слова. Она ведь не особенно любит дядю. Он у нее на втором месте после служжки. Произнести это вслух она не решается. Как никак, дядя близкий родственник, но она то и дело проезжается насчет тунеядцев. Попробовали бы они сесть на шею мосье

Блазнеру. Блазнерша показала бы им на дверь. Она способна вытурить самого полицмейстера.

Старуху Блазнер ей не удалось выжить. Она приехала на три недели и осталась у них навсегда. Кухарка Блазнеров сказала Гене, что старуха всех пересидит. Но скоро мы узнаем, что кухарка вывозит уголь на дворницкой тачке и продает его. Мане не снится, что на нашей кухне настоящий клуб. Приходят с верхнего этажа и с нижнего и Геня всех принимает с распростертыми объятиями. Она не брезгует даже прислугой Питкина, маленькой грязнухой и сплетницей. «А почему бы ей не быть грязнухой?» — рассуждает Геня. У Питкина она имеет шиш с маслом. Он уже забыл, что когда-то сам работал у хозяина. Сестра ее называет Питкин-плантатор. Вова думает, что она хочет сказать «эксплуататор»...

В таком случае господин Букинери тоже эксплуататор и загнал уже не одного мальчика на побегушках. Они не только достают книги с верхней полки, они обязаны подтверждать все, что изрекает Букинери. «Я заплатил за эту книгу рубль двадцать копеек», — говорит Букинери и трясет своей артистической шевелюрой. При этом он грозно смотрит в сторону мальчика. «Рубль двадцать», — лепечет мальчик. И покупатели, если они не такие опытные, как Вова и сын артиста, сразу сдаются. У Александровского нет помощников. Он один и все пользуются его добротой. Вова сказал, что он самый неудачливый коммерсант во всей Одессе. И не будь нашей семьи, он давно бы обанкротился.

Я не знаю, как банкротятся, но мы этого не допустим! Пусть берет пример с колбасной Чудновского. Там столько покупателей, что приходится ждать по полчаса. Теперь у них вместо Володи другой приказчик с вытянутым лицом и все говорят, что он похож на испанского гранда. Хорошо бы Алексан-

дровскому завести себе такого гранда. Но ему не нужны помощники, они будут его обкрадывать. Я заступаюсь: ведь бывают честные мальчики. Александровский не сдается. Самые честные крадут марки. Почему ему всюду мерещатся воры? Я еще живого вора в глаза не видала. Дочка доктора вечно жалуется, что у нее тащут резинки и карандаши Фабера, но я ей не верю. И, вообще, я не говорю о гимназических воришках. Меня интересуют воры из лондонских, парижских и других трущоб... Вова сказал, что в отношении воров и взломщиков Одесса не уступит ни одной столице. Меня это радует. Пусть Одесса во всем будет первой. В других городах России нет кафе на открытом воздухе. А у нас Фанкони и Робин. Когда-нибудь я буду там в дамском отделении есть мороженое с глазированными фруктами. Это глупо, но еще глупее постоянно говорить о высоких материях. Так называет Вова все научные и литературные темы.

79.

Близнецы, чтоб пустить пыль в глаза рассуждают о достижениях науки. По их словам без нее не было бы прогресса. К чему им прогресс? Они стоят на точке замерзания. А Вова за это время решил очень много. Он был музыкантом, дирижером с капельмейстерской палочкой, артистом на ролях первых любовников, инженером с большим будущим... И, конечно, редактором нашего журнала. Вова хотел бы все совместить. Это нелегко, особенно если приходится тратить время на дурацкие сочинения о влиянии чего-то на что-то. Нам на пустом уроке дали тему: весна. И я написала о влиянии весны на людей. До животных мне не удалось добраться, но по дороге выяснилось, что весна на них действует благотворно. Вова был возмущен. Как я могла написать такую пошлость! Ведь это сотни раз было сказано всякими домашними пророками! Что ж тогда сказать? Не могу же я в классном сочинении признаться, что весна развивает во всех невероятную лень.

Я полюбила уличные скамейки. Как увижу скамейку, сажусь и начинаю разглядывать прохожих. Мне не стыдно валандаться без дела. А Тане такие сидения противны. У нее то урок музыки, то рисования. У меня тоже уроки, но я отношусь к этому не так серьезно. Рисовать я никогда не буду. Я с трудом рисую домик с одним окном и покосившейся

трубой. И мне непонятно, как можно так хорошо копировать: танина лесная сказка в сто раз лучше, чем на открытке у Александровского. Из-за сказки и Острова мертвых ей жалко рассиживаться на скамейке, а мне нисколько. Дома у нас очень скучно. Мама перестала даже заказывать обед, Геня готовит все, что она хочет. Например, тушеное мясо. Папы это не касается. Он ест всегда одно и то же: четверть курицы и компот из слив.

Сейчас я поглощена Борей Гаевским. Надежда Моисеевна думает, что ему предстоит нешуточная операция. Ей самой вырезали слепую кишку в Херсоне и тогда съехались все родственники. Только дядя, родной брат ее отца не приехал, у него больное сердце и ему запрещено волноваться. Надежда Моисеевна говорит, что Бог его наказал: пришлось заплатить за операцию. Надежда Моисеевна советует поговорить с нашим доктором. Это принято. Перед операциями всегда разговаривают с врачами. Но ему покажется подозрительным, что разговариваю я с ним я, а не борины родители. Надежда Моисеевна никогда не поймет моих сомнений. У нее старый-престарый взгляд на вещи. Из-за этого дедушка с ней примирился. Но он, по деликатности, старается не доставлять ей никаких забот. Он сам держит чашку с бульоном, несмотря на то, что рука у него дрожит и бульон тихонько переливается на подъодеяльник. Дедушке жалко Надежду Моисеевну, а, все-таки, он не называет ее ни по имени-отчеству, ни по фамилии... Один только раз я слышала, как он сказал: «Видная девушка...» Но Надежда Моисеевна не в претензии. Дедушка — святой.

Как же он делал дела и был членом городской управы — единственный еврей в их городе? Мне объясняют, что он не мог поступить иначе, надо было содержать семью. В то время дедушка, наверно, был

тайным праведником. Их ровно двадцать два. Хейфец сказал, что из-за них именно спасется мир. Они не дадут ему погибнуть. Но дедушка вышел из возраста дел, и дети его устроены, кто лучше, кто хуже. Лучше всех маме: она как царица. Тетя Таня думает, что ей хорошо, но она ошибается. А Сема стал еще более молчаливым. Он часами сидит и смотрит в одну точку. Живет он не у нас, а в гостинице «Одесса» на Екатерининской улице. Там всегда останавливается его тесть. Один раз у Семы в комнате я услышала, как что-то шуршит под обоями. Это были клопы. Тогда я предложила ему переехать в гостиницу «Франция» на Дерибасовской улице. Днем там нет клопов. Но Сема сказал, что он не аристократ, с него хватит «Одессы». В гостинице «Франция» живет сейчас тетя Лиза, жена дяди Авдея Ильича. Она приехала, чтоб повлиять на кузину Маню. «Надо, наконец, разрубить Гордиев узел», — кричит тетя Лиза. Она не сердится, нет, она просто глухая. Если Маня не хочет связать свою судьбу с одесситом — доктором или инженером — пусть возвращается в родительский дом. Мане становится дурно при одной мысли о возвращении. — Она не поедет. Те ее доведут до сумашествия. Она готова камни грызть, лишь бы не возвращаться.

Я не предполагала, что ее родители такие тираны. На вид дядя Авдей Ильич очень симпатичный. Неужели он так хорошо притворяется? Он, правда, ходит в клуб играть в карты, но в этом нет ничего страшного, ему скучно в своей провинции. Я бы посоветовала дяде Авдею Ильичу читать как можно больше. Но он не послушается моего совета. Он сказал, что в его возрасте уже не читают а перечитывают. Во всяком случае пусть перечитывает. Я моложе его и все-таки обожаю перечитывать. «Крошку Доррит» я зачитала так, что из нее выпадают стра-

ницы. А другие слиплись оттого, что я много над ними плакала. На моих детских книгах повсюду следы слез. Я плакала над Чеховым сухими слезами, чтоб не испортить книгу. В жизни я не такая плакса, но стоит мне прочесть о том, как обижают беззащитных и слезы начинают течь рекой. Не успеваю высморкаться, как в носу опять свербит.

Все, что вокруг, меня меньше трогает. Но я часто думаю о том, что происходит в каждом доме за закрытыми ставнями. Не мучают ли там детей и не попрекают ли стариков каждым куском хлеба, как в одной замечательной повести с оторванным концом? Из-за каких-то негодяев я так и не узнаю, восторжествовала ли справедливость. Библиотекарша права, когда называет вандалами всех, кто портит книги и пишет на полях разные глупости. Сын артиста говорит, что не все это глупости. Некоторые делают заметки, они им нужны для работы. Все равно, это безобразие! Они могли бы найти другой способ. Посмотрели бы эти вандалы на книги Муси Логинской, они чистенькие, чище, чем были в магазине. У меня книгам не так хорошо живется, но я на них никогда не пишу. Я могу писать на чем угодно: на оберточной бумаге, на папиных старых конвертах, на листах копировальной бумаги, на обратной стороне коробок от папирос, но не на книгах.

Вова тоже не пишет на книгах. Для учебников он делает исключение. Это не книги, а наказание Божье. И откуда берутся составители учебников? Они, скорее всего, неудачники, вроде еврейского писателя. Он недавно заходил проведать дедушку, но его не пустили... Он сидел в столовой и говорил, что вся литература идет к черту. Старые разучились писать, а молодые никогда не научатся. Он уже не называет меня «сестра Беатриса». Очевидно, я слишком взрослая для такого прозвища. Раньше оно меня раздра-

жало, а сейчас мне немного обидно. Выходит, что я просто гимназистка с перепачканными чернилом пальцами. После ухода писателя мама сказала, что ему сейчас неплохо. Его содержат дети. Я знаю только младшего сына, а он как раз из тех, кто попрекает лишним куском.

Младший сын мне не понравился. Он хотел меня поцеловать, а вышло, что он просто клюнул мою щеку. Я терпеть не могу, чтоб меня целовали чужие люди, особенно мужчины. От их поцелуев несет мылом для бритья. Дамы целуют поверхностно и это меня меньше трогает. Мне хочется знать, целовал ли Яков Соломонович своих детей и супругу с тройным подбородком. Я себе это с трудом представляю. Мне кажется, он сам удивлен, что у него семья. Я была при том, как мама ему говорила, что он плохой семьянин, а Яков Соломонович оправдывался. — Что еще можно от него требовать? Образование он дает, на виноградный сезон посылает, старается выдать замуж... Я уверена, что он любит Вову и меня больше, чем свою дочь с пышным бюстом и даже ту, что удрала с поляком-доктором, но молчу. Про себя я говорю, что никогда он не дарил им ни пробных флакончиков, ни мыла Ралле в цветных бумажках, ни стальных часиков. Поэтому они называют его: папаша. А мать с тройным подбородком: мамаша.

Это звучит очень смешно. Когда сторож у нас на заводе сказал, что папашенька сейчас в машинном отделении, мне было стыдно за него. Почему он такой приниженный? Вот дворник Михаил из Асиного дома не говорит ни папашенька, ни мамашенька. Он порядочный грубиян. Он раз даже замахнулся на меня и Асю метлой и теперь я отказываюсь ходить к ним во двор. Кроме того, там стало неинтересно. Эльзуня заважничала и больше не спускается. А испорченному Шурке мы не нужны. Иногда он поет

уличную песню: «Если хочешь на Фонтан, так садись на мой банан»... и мы не знаем куда спрятаться. Я уверена, что это страшно неприлично. Спросить я боюсь, может открыться такое, что я сама не обрадуюсь. По виду Шурка не очень страшный. У него круглое лицо и розовые щечки. Это его огорчает. Он хотел бы быть демоническим, как его студент-репетитор. Вместо этого старые дамы говорят, что он душка и красавчик, настоящая картинка. Зато Шурина сестра похожа на молодую женщину в уменьшенном размере. Когда она ходит, бока ее шевелятся и подпрыгивают. А Шурка ей кричит: «Перестань играть задом!». У Шуркиной сестры есть ажурные чулки. Ася говорит, что она тащит их у своей мамы. Не дай Бог, чтобы ее мама узнала. Она хочет, чтоб дети не становились старше. Как только журналист в шубе с котиковым воротничком догадается сколько лет Шурке, он перестанет ухаживать, а студент-репетитор вернется к своей невесте. Он, как все студенты, имеет невесту. Меня уже считали невестой Жени, и после него я несколько раз чуть не заневестилась, но, в общем, это ни то ни се. Каждую минуту можно объявить: «Прости, прощай, я люблю другого».

Но не только шуркина мама молодиться, тетя Лиля, жена архитектора, тоже хотела бы быть вечно юной. Она тщательно вырисовывает на скулах два красных кружечка. Вова говорит, что они геометрически правильны, но принять их за румянец может только слепой. Пудру тетя Лиля покупает в Институте красоты. Это такое учреждение, куда входят сморщенные старухи и откуда выпархивают молодые феи. По словам тети Лили это храм красоты. У хозяйки в приемной висит парижский диплом. Он занимает полстены. Тетя Таня это проверила. Пока она еще не помолодела, но брови у нее как ниточки,

их выщипали. У ее сестер, артистки и арфистки, тоже выщипанные брови. Им это к лицу. Чтоб они не сделали, все будут восхищаться! А тетей Лилей — никто. Ее собственный муж, архитектор, сказал Вове, что она сдурела. А что с него возьмешь? Наверное, он был недоразвитым ребенком. Но тогда на это не обращали внимания.

Со мной архитектор в хороших отношениях, а все-таки я боюсь его громкого голоса, его толстых твердых пальцев. Говорят, что он добрый. Мало ли кого считают добрым. На словах он все готов раздать, а на деле у него не получишь старого трамвайного билета. Когда присмотришься к добреньким, выясняется, что они добротой не блещут. Некоторые и Тубенкопфа считают добрым. А он настоящий мучитель и злыдень. На словах он слаще дяди. Меня он одно время называл «наша умница». Приходилось молчать и терпеть. Здоровается он со мной так церемонно, как будто я, действительно важная особа. Но я читаю его мысли. Он думает, что я дрянная, распущенная девченка.

Мой доктор совсем не похож на изолгавшегося Тубенкопфа. У него много бесплатных пациентов, и они его благословляют с утра до ночи. Но он не хочет ни благодарности, ни благословений. Он делает это по чувству долга. Надежда Моисеевна убеждена, что все больные, особенно дамы, в него влюблены. «Дамы, вообще, влюбляются в своих докторов», — говорит Надежда Моисеевна. Она может привести сколько угодно примеров. Потом она вдруг спохватывается. Ей показалось, что мои ноги не достигают пола и значит со мной нельзя вести таких разговоров. Насчет моих ног она ошибается, я слишком глубоко уселась, а что касается любви, то я знаю о ней не меньше, чем Надежда Моисеевна. Мне уже многие поверяли свои тайны. И я давным давно узнала, что

есть любовь явная и тайная, как у Данюши с Людмилой. Тайная любовь лучше, но она должна в конце романа стать явной... Тогда все в порядке. То, что бывает явным с самого начала — чересчур добродетельно. А сын артиста сказал, что добродетель это палка о двух концах...

Я согласна. Мне было бы тяжело огорчать моих родных, но слишком радовать мне бы тоже не хотелось. Это не подходит для будущей писательницы. А вот Ася хочет, чтоб у нее было все, как полагается. Сначала любовь с первого взгляда, а потом помолвка. Ася сторонница помолвок. По ее мнению они безумно поэтичны. Свадьба тоже поэтична, но по-другому. От Родиопуло я слышала, что все ее сестры и кузины рожают детей ровно через девять месяцев после свадьбы. Такой у них в семье обычай. Ну, в этом я никакой поэзии не нахожу. Я вспоминаю мадам Дунаевскую и ее рассуждения о легких и тяжелых родах и мне становится дурно. Но нельзя быть неблагодарной. Мы ей обязаны многим и она нас так любит! Хотя больше всего, по-моему, она любит свой акушерский чемоданчик. Там ее инструменты. Я боюсь, что они похожи на орудия пытки из книги об испанской инквизиции. Как я не хитрила, книга эта мне всегда попадалась на глаза. А как-то ночью я проснулась, облитая холодным потом: мне снились монахи с потайными фонарями и дырками вместо глаз. Вова думает, что его книга тут ни при чем, я начиталась стихами Фруга. Это не совсем так. Вовина книга страшнее, она без прикрас. А недавно я увидела у Вовы на столе еще одну странную книгу: «Пол и характер» Отто Вейнингера. Когда я в следующий раз вошла к нему в комнату «Пол и характер» исчезли. По-видимому эта одна из запрещенных книг. Я не удержалась и спросила, что это за произведение, и Вова на меня просто зашипел:

«Никакой книги не было, ты ничего не видела и дело с концом!».

Если нужно, я буду притворяться, но мне эта книга не дает покоя. Попробовала спросить у Хейфеца, он ведь начитанный, как все бывшие провинциалы. Хейфец смертельно испугался. — Он не читал, то-есть, собственно говоря, он читал... И откуда я узнала о существовании такой мерзкой книги? Это же порнография! Я ему скажу, когда он объяснит мне, что такое порнография. Но это необъяснимо. Значит придется искать в словаре. Его тоже от меня прячут. Можно подумать, что я день и ночь ищу в нем всякие неприличные слова. А Вова знает, что я не выношу ни слов, ни выражений под названием нецензурные. Он сам сказал, что в женских устах такие слова звучат, как оскорбление. И мне приятно, что Вова причисляет меня к женщинам. Их губы называются уста. У Вовы есть стихотворение: «Из уст, которые я любил так безумно, услышал грозный и неправый приговор...» Нетрудно догадаться, что он посвятил его лошадиной Лиле. Но, конечно, все невероятно преувеличено, как полагается в стихах. Вова вовсе не влюблен в лилины уста. Наоборот, он сказал, что зубы у нее расставлены очень редко, и весь рот чуточку кривоват. О приговоре не может быть и речи. Лиля всегда что-то обещает, она флиртует и всем крутит голову. Это мнение сына артиста. Мне показалось, что он ошибся: он, наверное, хотел сказать, что она кружит голову... Нет, он настаивает на том, что она крутит, а не кружит. Крутить это чисто одесское. В других городах, скажем в Киеве, где он родился, можно кружить голову. А в Одессе все, даже любовь, крутят. Меня возмутило, что он опять вылез со своим Киевом. Он забыл, что его вывезли оттуда, когда ему было три месяца.

Я только недавно узнала, что Юзя родилась на

берегу Вислы. До сих пор Висла была для меня географическим названием и выяснилось, что это большая полноводная река, и на ее берегу не только девушки, вроде юзиной, но и большие города. Гене это не понравилось. — Висла, что за река и кто о ней слышал? Все это сказки! А зато у них в местечке была река, другой такой не найти. Она называлась: Муховец и всякий, кто проходил мимо нее обязательно болел лихорадкой. О Висле этого не скажешь. Геня невероятно честолюбивая: ей хочется, чтоб у нее все было первого сорта. Я видела всего несколько рек. Но по реке Буг мы ехали далеко, до самого Вознесенска. Мама сказала тогда, что весной Буг разливается. Если верить учебнику, у других рек тоже бывают разливы. Да, но мама помнит именно разлив Буга. Это ее детские воспоминания. А я через много лет буду вспоминать наше Черное море и прибой на Большом Фонтане, когда море выбрасывало на берег целые вороха коричневых водорослей. В них было много мидий и почти все пустые. Пока мне еще рано жить воспоминаниями. А не то я превращусь в ланину бабушку: она вечно говорит о том, что было пятьдесят лет тому назад.

В то время она была первой красавицей в городе. За ней бегали женатые мужчины. Ланина бабушка уже сто раз рассказывала, как она поразила всех своим декольте. Это случилось на свадьбе, и гости, вместо того, чтобы смотреть на новобрачных, пожирали ее глазами. Они еще не видели декольтированных дам. В общем, был скандал и бабушка стала сказкой города. Сейчас этому трудно поверить: у нее узловатые пальцы и миллион морщинок вокруг глаз. Если подумаешь, все были красавицами. Но почему же они так изменились? Неужели супруга Якова Соломоновича была когда-то молодой девушкой с одним подбородком?... А тетю Иду спрашивали, родилась

ли она под небом Испании? Она похожа теперь на старую цыганку, из тех, что ходят по домам и крадут детей. А наша начальница? Была ли она девушкой с русой косой до колен? Или же сразу стала носить пенсне?

Вова говорит, что не стоит ломать себе голову. Некоторые из наших знакомых никогда не были молодыми. Например, Тубенкопф или дядя из Николаева. Он, наверное, появился на свет в шляпе и с бородой, а Тубенкопф с младенческого возраста говорил исключительно о римском праве. Зато наши родители никогда не состарятся. В этом мы глубоко уверены. Вова рассчитывает, что мы с ними будем вечно молоды. Но говорить о таких вещах неудобно. Это подразумевается. Любопытно знать, как он представляет себе близнецов в их будущей жизни. Разойдутся ли они в разные стороны или будут вместе до самой смерти? Я бы предложила им жениться на барышнях-близнецах. Вот была бы комбинация! Я прочла в одном журнале, что близнецы связаны между собой какими-то непонятными таинственными узами. Если один из них умирает, другой тоже должен умереть, несмотря на то, что живет в другой стране, под чужим именем. Кажется это был «Огонек». Там масса интересного. Но Вова не хочет, чтоб я его читала. Он требует, чтоб я нашла себе другую духовную пищу. А мне хочется питаться «Огоньком» и «Сатириконом».

В «Сатириконе» не так много смешного. Меня огорчало, что в почтовом ящике они печатают письма одного аптекарского ученика. В нашем журнале мы будем печатать письма людей поважнее, чем этот тип из Белой Церкви. У нас будут письма одесситов, москвичей и даже жителей Петербурга. Киевлян там не будет. Вова сказал, что сын артиста не в счет. Он

— липовый киевлянин! А Андрокардато липовый одессит. До семи лет он жил в Таганроге. Но придираться к этому не стоит. Главное, они все теперь в Одессе, самом замечательном городе европейской России. Хотела бы знать, что думает по этому поводу наш географ? После встречи у Муси Логинской, он меня не замечает и я тоже стараюсь его избегать. Нам обоим неловко: как будто мы застукали друг друга на месте преступления. Перед пасхальными каникулами он нам устроил бенефис, но не такой, как Надежда Игнатьевна: он не читал на разные голоса пьесу Островского, нет, он просто рассказывал о своем путешествии в Константинополь и в Малую Азию. Как я поняла, попасть туда не очень трудно. Стоит перейти через мост в Константинополе и ты уже на малоазиатском берегу. А может быть, я что-то спутала. Всем учителям мы писали на классной доске одно и то же: «Весь класс, просит вас, устроить бенефис для нас. Ради праздника святого, Воскресения Христова»... Но не все клюнули. Учительница арифметики притворилась, что по близорукости не может прочесть — а мадам Тюрбо разобрала, хоть и с трудом. Ей не полагается читать по-русски. Она как всегда говорила о Париже. Мадам Тюрбо хочет вбить нам в голову, что Париж — столица мира. Мосье Тюрбо не имел счастья родиться в Париже, он из Центрального Массива. Это звучит неправдоподобно, но мы боялись переспросить. Немка расписывала свой Мекленбург, где такие леса, каких нет нигде. Там водятся олени. В этом я сомневаюсь, я почему-то не верю в мекленбургские леса. Деревья там, наверно, тоненькие, как на новых дачах. Я спросила Вову, но он отмахнулся: его интересует мачтовый лес. В душе я немного завидую Каролине Эбергардовне. Я еще в жизни не видела настоящего леса. У нас, в наших краях, попадаются рощицы, бывают заросли,

а лесов нет. И все-таки я вхожу в лес, где ветви сплетаются, как на аллее дачи Серебреникова. Нога скользит на мшистой дорожке, за спиной чье-то громкое дыхание. Это медведица вышла на поиски лесной малины. Мой воображаемый лес не хуже мекленбургского! На нем бенефисы закончились.

80.

Наши семиклассницы просто обезумели. Эсперанса предупредила, что если она провалится, то обязательно покончит жизнь самоубийством. Глаза у нее красные, от того, что по ночам она зубрит законы света и как видно, у нее в голове все перепуталось. Она спрашивает меня, в каком порядке идут Людовики. Ей должно быть стыдно обращаться за справками к ученице младшего класса! У другой семиклассницы с русалочьими волосами такое отсутствующее лицо, что мне кажется: она вот-вот выпадет из окна. Я начинаю понимать почему все боятся выпускных экзаменов. Тетя Лиля, жена архитектора, говорит, что ей до сих пор снится, что она проваливается... Это ее самый страшный сон. Утром она счастлива, что экзаменов больше не будет. Эсперанса сказала мне по секрету, что вряд ли получит золотую медаль. Может быть, серебряную, но и в этом она не уверена. Она всегда была жертвой несправедливости.

Васса смеется над моей дружбой с Эсперансой. К чему мне эта дылда? Она не понимает, что я люблю дружить с людьми из другого мира. От них можно узнать больше, чем от дочки доктора и даже от самой Вассы. Но мне грустно, что служитель Афанасий ко мне охладел. Ему не нравится, что я торчу в раздевальне. Как ему объяснить, что я наблюдаю за

ученицей, которая постоянно плачет, уткнувшись в пальто, а зимой в шубу. С библиотекаршей я еще дружу и даже собираюсь к ней в гости. Муся Логинская уже была. Она говорит, что у библиотекарши очень уютно и чисто, ни пылинки. Меня это не удивляет: она акуратесса. Так в Асиной семье называют всех аккуратных. Книги у нее пронумерованы, как в настоящей библиотеке. Она дала Мусе перелистать сочинения Толстого и Достоевского и сказала ей, что это наша гордость. Потом они пили чай с домашним вареньем и сухариками. Мое самое любимое угощение. При Гене я не осмелилась бы признаться, ведь вареньем у нас заведует скромная старушка, а сухарики покупают в кондитерской за углом. Она бы этого не перенесла. Как я могу сравнивать ее миндальные рогалики с какими-то дешевыми сухарями! Кто их ест? Нищие! Порядочные люди такую гадость в рот не возьмут. У Гени свои собственные представления о порядочности. Но я их не разделяю. Я хочу быть, как Паша, бывшая подруга Веры Львовны. Она повторяла: «Иди к униженным, иди к обиженным...» А Геня на стороне богатых. Когда она хочет выказать свой восторг, она говорит: «Это настоящий хозяин!». Хозяек она так не восхваляет. Они все за исключением моей мамы, готовы из вас душу вынуть.

Отец корреспондента тоже верит в богатство. Он преклоняется перед купцами первой и второй гильдии. Остальные — мелкая сошка. Но почему же он хотел выдать свою дочь за студента? А тут другого рода дело. Надо иметь общее образование! Еврей без высшего образования птица с подрезанными крыльями. Отец корреспондента помешан на сравнениях и поэтому я с ним дружу. Он не может простить царскому правительству и своей горькой судьбе, что его единственный сын не кончил университета. Но что

было делать: у него ведь незамужние сестры и старики-родители.

Ну, а если он сам женится? Этого не будет, пугается отец корреспондента, он должен сначала выдать замуж своих сестер. Значит он жертва семьи, как Надежда Моисеевна. Она у нас так прижилась, что мне странно, как мы до сих пор были без нее. Иногда она днем уходит на полчасика к себе на квартиру, посмотреть, что с отростками фикуса. Кот находится сейчас у соседки. Надежда Моисеевна говорит, что она взяла его на полный пансион. За умеренную плату, конечно. Я лично предпочитаю собак, но чтоб не обидеть Надежду Моисеевну говорю, что лучше и привязчивее кошек не бывает. Я кривлю душой. Муся Логинская вряд ли стала бы кого-нибудь умасливать. Но я это делаю из любви к Надежде Моисеевне. Любовь эта состоит на три четверти из жалости и на четверть из восхищения ее прической на пробор и ее рюшами. Я обожаю рюши. Но когда я сказала это при венгеркиной мастерице, она меня чуть не съела. — Как я могу восхищаться такой старомодной дрянью? Их уж десять лет, как не носят! А мне наплевать. Я не хочу быть рабой моды, как тетя Лиля и ее сестры — артистка и арфистка.

Платье с рюшем Надежда Моисеевна надевает только по большим праздникам. Еще бы, она сшила его на свадьбу своей двоюродной кузины. Свадьба расстроилась, а платье осталось. Надежда Моисеевна сказала, что оно служит ей верой и правдой уже целых шесть лет. Вот, когда дедушка, даст Бог, выздоровеет, она придет в нем на чашку чая. Не как медицинский персонал, а как друг дома. Ведь друзья дома не обязательно мужчины! Лучше я назову ее подругой дома. Подруга мне как-то ближе: «Подруга дней моих суровых Голубка дряхлая моя...» Дедушке, действительно, лучше. Вчера он съел кури-

ное крылышко. По виду оно было маленькое и прозрачное. Близнецы могли бы, шутя, слопать двадцать таких мизерных крылышек. Но всем известно, что они прожорливы, а дедушка всегда ел очень мало. И все-таки больше, чем отшельники. Они питаются злаками и корнями растений. А дедушка никогда зелени не ел. «Это не еврейская еда», — говорит дядя. Если нужно, он будет есть засахаренную морковь или салат, но в уксусном соусе. Уксус дядя пил бы стаканами... Наш стол ему не нравится: слишком много шпината и зеленых кабачков.

Теперь, когда дедушка поправляется, можно искать дачу. Я попрошу папу, чтоб меня взяли с собой. Я дам клятвенное обещание держать язык за зубами. Мне безумно хочется осматривать дачи. Каждый раз одно и то же, но это не надоедает. Сначала ищут садовника или управляющего. И пока его находят я забываю о своем обещании. Дача ничего себе, хотя нет поляны. Цветов тоже немного. Зато кругом кусты крыжовника и смородины. Я их узнаю по росту. Мама интересуется кухней. А папа говорит, что ступеньки прогнили и для детей это опасно. Он говорит, конечно, о младших детях. Для Вовы ступеньки ровно ничего не составляют, он их перемахивает в один присест. В общем дача нам не подходит, надо искать другую. Поближе к морским ваннам. Тете Тане их прописал лучший врач города Николаева. Мы осматриваем, по крайней мере, десять дач и в конце концов возвращаемся к первой, с расшатанными ступеньками. Папа берет ее с условием, что ступеньки починят. Пока дача нанимается в моем воображении. И я почему-то представляю себе, что она недалеко от станции. А это очень важно. Особенно для Вовы. На станции прогуливаются все барышни с соседних дач со своими подругами. Вова сказал, что познакомиться с ними легче легкого. На-

до разработать технику знакомства и тогда все идет, как по маслу. Я хожу на станцию из-за семечек и мороженого в вафельных чашках. Знакомства меня мало интересуют. Взрослые заговаривают со мной просто так. Они не ждут, чтоб нас познакомили. По их мнению правила вежливости не относятся к особам моего возраста. Дачные дети тоже не стесняются, хотя я вовсе не жажду знакомства с ними. Я знаю по опыту, что оно кончается в тот самый день, когда приедут перевозчики с платформами.

Я рассчитываю на любительские спектакли. Такого в городе не увидишь ни за какие деньги. Когда открывают дверь стена из холста начинает ходить ходуном. По ней пробегают волны. Я хватаю Вову за рукав: «Сейчас все провалится!». Но он не очень обеспокоен: «Ничего, выдержит!». И, как ни странно, декорация выдерживает и все кончается благополучно. Зрители расходятся по домам и громко критикуют пьесу: «Теща в дом — все верх дном». Можно было бы поставить что-нибудь поновее.

На нашей даче тоже будет спектакль: живые картины и дивертисмент. Без этого нельзя обойтись. Весь доход в пользу одной бедной семьи, всегда одной и той же. Это типичная благотворительная семья. Им, верно, наплевать на спектакль, но они принимают деньги, чтоб нас не обидеть... У меня свой театр для прислуг. Он зависит от того, возьмут ли на дачу нашу старую ширму. Она заменяет кулисы.

Но мы еще в городе и с каждым днем мне труднее ходить в гимназию. На последнем уроке некоторые девочки зевают во весь рот. Лида Родиопуло даже всхрапнула. Немка была обижена на нее до слез. Как Родиопуло может спать, когда мы читаем рассказы Глезера и Пецольда? Разве она не знает, что книга эта одобрена учебным округом. Каролина Эбергардовна так волнуется, что я опасаюсь за ее при-

ческу. Еще немного и от завивки тройными щипцами не останется и следа. У Надежды Игнатьевны от волнения выпадают головные шпильки и гребенки. Один раз она чуть не потеряла свой кублик, но он удержался. И тут выяснилось, что он не фальшивый, как говорила Васса, а самый настоящий, из собственных волос Надежды Игнатьевны. Васса стала безумно недоверчивой. Ей кажется, что у всех все фальшивое. Ее приемная мать на ночь вынимает изо рта верхнюю челюсть, нижняя остается на своем месте. Васса случайно это подсмотрела. Но если бы приемная мать узнала, что ее тайна открыта, она бы Бог знает, что сделала.

Начальница волнуется по-особому. Она то снимает пенсне, то снова его надевает. Глаза у нее становятся красными, а ложбинка на носу темно-багровой. Мы перестаем дышать. Гроза проносится и начальница опять, как ни в чем не бывало, продолжает рассказывать о своих встречах с Короленко. К английскому языку это не имеет отношения, но она всегда ухитряется его как-то пристегнуть. Она говорит, что если мы будем так невнимательны на ее уроке, то останемся «без языка», как герои повести Короленко того же названия. Они очутились в Америке, но ни слова по-английски не знали.

Сын артиста сказал, что у них тоже многие по-английски ни в зуб ногой. Хватит с них французского и немецкого. Они ведь не собираются за границу. А в Одессе и с одним русским языком легко прожить. Хотя одесситы говорят на своеобразном наречии. Одеваются они тоже не как все. Я уверена, что он меня дразнит. Но мне, все-таки, обидно за Одессу. За что ее так критикуют? Неужели нужно подражать москвичам, как делает Адя Немирова? Она была у нас в прошлое воскресенье и так акала, что я ни слова не поняла. Даже Вова испугался: «Что слу-

чилось?». Тогда она объяснила нам, что готовиться стать артисткой. Ей очень повезло: она случайно познакомилась с директриссой театральной школы. Та сказала, что у нее есть шансы, но нужно обратить внимание на дикцию. Пока пусть займется зубами, у нее один зуб со свистом. Адя сейчас же пошла к зубному врачу. И он обещает привести зуб в порядок. Тогда перед Адей откроются гигантские перспективы. А дикцию она проходит потихоньку, когда родители в клубе. Без них спокойнее: они ей не мешают. С толстым братиком еще можно поладить. За кусок орехового торта он готов уйти в детскую. А мадам Немирова, адина мама, переходит из одной комнаты в другую и при этом играет на грамофоне.

Грамофон — личный враг Ади Немировой. Под пение Вяльцевой она не может читать: «Как хороши, как свежи были розы...» «Гайда тройка»! — поет Вяльцева, а Адя у себя в комнате бормочет: «... Мне холодно, я зябну и все они умерли, умерли...» Получается настоящая какофония.

Я рада, что у нас нет грамофона. Я предпочитаю живую музыку, даже если она немного фальшивая. Дядя со мной несогласен. Он мог бы часами слушать пластинку знаменитого кантора со странной фамилией. Я сама слышала, как он подтягивал. Но когда грамофон заиграл молитву Кол-Нидре, дядя чуть с ума не сошел. По правде сказать, я предпочитаю Чайковского: «Средь шумного бала, случайно». В первый раз я услышала это в клубе «Беседа» и мне показалось, что я не на детском утре, а в большом зале, где люстры отражаются в зеркалах, как в картине из «Золотой серии». Артист Максимов во фраке пригласил меня на тур вальса, а я, о ужас, забыла, как его танцуют. Все указания Колачева выскочили у меня из головы. Но Максимов уже обнимает меня за талию, и мы уносимся в глубину зала.

Мне стыдно, что я сравниваю Кол-Нидре с Чайковским. Ведь Хейфец говорит, что в этом напеве вся вековая скорбь нашего народа. Но я хочу оторваться от земли. Без этого мне не удасться написать стихотворение для журнала. Сроки приближаются. А тут еще брат близнецов говорит, что наша затея провалилась. И чего еще он мог ожидать от такой босяцкой компании! Близнецы передают это с большим злорадством. Хорошего они не передадут. Это не в их духе!

Главный наш подписчик, Яков Соломонович, не только ничего не требует, он готов внести дополнительную сумму. По его мнению у Вовы должно быть много непредвиденных расходов. Он не ошибся, хотя расходы были совсем другого рода: на цветы и на извозчика, потому что лошадиная Лиля категорически отказывается ездить на трамвае. А ходить пешком по улицам Одессы — это не для нее. Она готова фланировать по парижским бульварам, на меньшее она не согласна. А ее подруги отличнейшим образом гуляют по солнечной стороне Дерибасовской. Мы с Таней всегда встречаем Тамару, Верусю и еще одну гимназистку со скорбными глазами. Вова сказал, что ее отец — сторож анатомического театра. Это такое учреждение, где студенты-медики препарируют покойников. Некоторым делается дурно, и они сразу же переходят на другой факультет.

Вова считает, что скорбная гимназистка вся — нездешняя. Хотела бы посмотреть на нее, когда ей было одиннадцать лет. Считали ли ее тогда нездешней? Навряд ли. Скорей всего говорили, что она рассеянная растеряха. Лошадиной Лиле хотелось бы иметь скорбные глаза, но не тут то было. Они у нее выпуклые и холодные. Скорби в них ни на грош. Известно, что у моего доктора глаза на выкате, и это его не портит. Он приезжает почти каждый день, к

вечеру. Но не сразу заходит к дедушке в комнату. Сначала он стоит в дверях и улыбается. Дедушка тоже улыбается ответной улыбкой. Они понимают друг друга без слов. Я стараюсь попасться доктору на глаза и в то же время мне страшно неловко. Только бы он не подумал, что я за ним бегаю. Как Эсперанса за учителем словесности и за математиком. Она еще не решила, на ком остановить свой выбор. Эсперанса созналась, что любит то одного, то другого. В обоих есть что-то мефистофельское. Особенно в словеснике. Уголки рта у него брезгливо опущены, как будто он проглотил червяка. Зато у математика усы невероятно воинственные. Эсперанса сказала, что их называют усики со стрелками, но по-моему это не стрелки, а самые настоящие стрелы. И он пронзил ими эсперансино сердце. Она самая влюбчивая во всей нашей гимназии. На втором месте — шестиклассница со змеиной головкой. Она тоже влюблена в математика и это знают решительно все, кроме самого математика. Он не подозревает, что внушил такую страсть. А одна девочка с короткой фамилией влюбилась в гимназического батюшку. Это совсем глупо. В священников не влюбляются!

Лучше всего влюбляться в драматических артистов. Они к этому привыкли. Но почему же не в артистов оперы? У них ведь тоже есть поклонницы. Дочка доктора сказала, что ее мама обожает итальянских певцов и поэтому все считают ее меломанкой. Тут же я полезла в словарь и нашла это слово. Но я убеждена, что дочка доктора повторяет его, как попугай. Она надоела мне своими разговорами о том, какой у нее замечательный голос. Пока мы с ней состязаемся. Кончилось тем, что нас попросили замолчать. Мне кажется, что я кричу более музыкально, чем она. Дочка доктора издает звуки издали похожие на мычание. Не то, что Берта Креде. Та поет

тихо и можно подумать, что она что-то нашептывает. У Муси Логинской голос честный, но деревянный.

А наши пианистки, Сахно и Мара Гольберг, еле-еле раскрывают рот, им не подобает заниматься пением. Но когда мы поем все вместе не слышно, кто шепелявит, кто картавит. Конечно, наш хор нельзя сравнить с хором реального училища, где регент дает на камертоне нижнее ля. У нас нет камертона. Вместо этого учительница размахивает сложенными в трубочку нотами. Ей кажется, что она Прибик. В минуту откровенности она нам сказала, что пение целая наука. Всю жизнь надо брать уроки. Кроме того, нельзя пить ни горячего, ни холодного. «Певцы всегда носят калоши, даже в хорошую погоду, — говорит учительница, — достаточно одного насморка, чтоб потерять голос».

В таком случае, в певца влюбляться не стоит. Он слишком занят собой и своими калошами. Неплохо было бы влюбиться в писателя. Но где их взять? Живые редко выходят на улицу. Большинство писателей — покойники. Вова сказал, что для того, чтоб заслужить признание, надо умереть. Тогда все начнут тебя превозносить. Живым писателям гораздо труднее: у них много завистников. Это относится также к известным журналистам. Я спросила Вову, какое это может иметь отношение к журналу? По всей вероятности никакого! Наш журнал рукописный и он не для широкой публики, а для избранных. А я думала, что подписчиками могут быть все без исключения. Главное, чтоб они внесли подписную плату. Вова смеется: «Конечно, с одной стороны это так. Но по существу читатели ничего общего с подписчиками не имеют. Они обыкновенно одалживают журнал у знакомых и читают его от доски до доски. А подписчики только заглядывают в содержание. С них

хватит!» Я знаю, что Вова сгущает краски, но, в общем он прав.

Журнал никак не может выйти и все-таки у нас появилось несколько новых подписчиков. Один из них Ланя. У него карманы полны серебряной мелочи. При каждом его движении деньги бренчат, как в копилке. Вова сначала не хотел принять подписку, но когда у Лани от обиды лицо вытянулось и пожелтело, он согласился: «Хорошо, но Ланя должен числиться в списке сотрудников». На этом покончили и Ланя повел меня в буфет Боярского. Там было прохладно, как в погребе. Сельтерская вода все время переливалась через край стакана и сам Боярский ежеминутно вытирал свой цинковый прилавок. Ася находит, что угловой грек куда аристократичнее. А я люблю Боярского. Нигде нет пирожных такой величины, как у него. Все мне так знакомо, даже огромная старая муха. Зимой она спит, но с первыми весенними лучами как ни в чем не бывало начинает кружиться над пирожными и маковниками. Если б она исчезла, было бы как-то странно.

Ланя готов идти со мной куда угодно, даже в Общество Минеральных Вод. Я жалею, что никто из моих гимназических подруг не видит, как меня настойчиво угощает один симпатичный молодой человек с толстыми, как у Пушкина, губами. Он советует выпить еще один стакан воды с сиропом «свежее сено», но я отказываюсь. От холодной воды мне стало жарко, и я вдруг разлюбила буфет Боярского. Лучше бы Ланя повел меня в иллюзион «Двадцатый век», или в «Одеон» на Канатной улице.

«Одно не исключает другого», — гордо говорит Ланя. И я вижу, что он готов повести меня в «Одеон». Но, конечно, не сегодня, а в другой день. В «Одеон» надо забраться очень рано. Сеансы там еще длиннее, чем в «Двадцатом веке». Эти иллюзионы между со-

бой конкурируют. Если в одном программа на три часа, в другом она — на четыре.

В «Двадцатом веке» вместо малороссов — куплетисты. Одеты они, как босяки с Привоза. Это их главный шик! Бывают куплетисты в цилиндре. Они поют с еврейским акцентом. Мне не нравится, но публика гогочет. Стоит показать палец и все смеются. Я не такая смешливая. Мне нужно, чтоб было действительно смешно, тогда я смеюсь, но не так громко, как дочка доктора. Конечно, если показывают сильно комическую, трудно удержаться от хохота. Я была с Юзей, когда один куплетист, — не босяк и не человек в цилиндре, а просто среднего роста господин — пел: «Раз я познакомился с барышней одной, С чудною фигуркой, с дивною косой. Случилося на праздники в гости к ней зайти, Косички и турнюрчик на столике найти»...

Юзя потом повторяла, что она просто за бока держалась. Я считаю, что неприлично петь такие глупости. Вова ни на чьей стороне. Он сказал, что о вкусах не спорят. Но почему же он спорит со мной, когда я осторожно критикую лошадиную Лилю?

«Нет справедливости на земле!» — говорит отец корреспондента, и я с ним согласна. Если б была справедливость, он не должен был бы часами ждать в коридоре. Он сам сидел бы в кабинете и его дожидались другие отцы корреспондентов. Но он не слишком жалуется на судьбу. На его месте я бы вела себя более нахально. Я бы требовала. А у него ни капельки требовательности в голосе. Он всегда просит, и меня это раздражает. Запавский беднее его, но он не такой прибитый. И когда напьется, готов сжечь всю Одессу, или выйти на улицы и всем посылать проклятья. Они невероятно длинные и в них попадаются очень странные слова. Вова считает, что За-

павский в своем роде виртуоз и сумел бы заткнуть за пояс любого матроса Черноморского флота.

Не нахожу в этом ничего хорошего. Ведь это же ругань. «Да, но какая, — говорит Вова. Семиэтажная!». Пробочный мастер в нашем дворе тоже ругает своего ученика, но ему далеко до Запавского. Он щенок в сравнении с ним. Чаще всего он просто кричит: «Мерзавец, я тебе уши оторву!». А мальчик как ни в чем не бывало ходит и посвистывает. Он не верит угрозам. Мастер покричит-покричит и успокоится. Доктор, что берет два рубля за визит, сказал, что у него больное сердце. Но мальчик с ним не согласен. Хозяин разжирел, как свинья, потому что с утра лопает малороссийское сало. А ему не дает даже корочку! Это жаднюга, каких свет не видал! Откуда у него такой опыт? Мальчик сам мне рассказывал, что родился на Прохоровской улице и никогда не был ни на Малом, ни на Большом Фонтане. Но это не мешает ему задирать нос. Таня не может понять, почему меня тянет к необразованным людям. Она бы в жизни не стала разговаривать с некультурным мальчиком. А по-моему он очень культурный. Он знает все, что касается пробки. Если я с ним подружусь, то, наверное, стану специалистом пробочного дела. Мальчик готов со мной дружить. Он даже подарил мне прокламацию, где сверху была написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Он нашел ее в подъезде и уверен, что ее подбросили. В другом месте этого не будет. Но вот Ася переменила квартиру и теперь ей кажется, что она всю свою жизнь провела в доме, где всеми командует дворник Михаил.

Стыдно сознаться, но я по-прежнему его боюсь. Ася сказала мне под строжайшим секретом, что он служит в полиции, как, вообще, все дворники. У них в доме у верхнего студента был обыск и дворник Михаил тоже присутствовал. Полицейские ничего не

нашли, кроме одной книги с неприличными картинками. Они ее тут же конфисковали. Студент возмущен. Книга не его, а шуркиной мамы. Она одолжила ее всего на один день. А я думала, что только мужчины читают неприличные книги. Но может быть шуркина мама — исключение? Оказывается, я идеализирую женщин. Это сказал сын артиста. Если б я знала кой-кого из их труппы, я поняла бы, что женщины это не ангелы в белых одеждах. Он, кажется, принимает меня за дуру! И не он один!

Взрослые при мне многого не договаривают. Но я сама за них договариваю. Главное, не подать вида, что я это знала еще до появления Миши на свет божий. Кажется, что с тех пор прошла целая вечность, а это самообман. Мишин возраст пока измеряют неделями и месяцами. Но мамка-Аксюта уже привыкла к своей кровати с пружинным матрацом, и больше не хочет спать на сундуке. Гени она боится, потому что та все время говорит о дойных коровах и перед Юзей просто трепещет. Но Юзя ее не замечает. Для нее это деревенщина. Сама Юзя считает себя городской с головы до ног. По воскресеньям она носит старую мамину шляпу из одних маргариток и заштопанные митенки. Ботинки у нее высокие, на пуговицах, и она застегивает их крючком из магазина Окуня. Он эти крючки дает, как бесплатное приложение. Причем он их называет нежно крючечки. У него страсть к уменьшительным. Поэтому Вова предпочитает магазин Бейна, где у хозяина нет таких галантерейных манер.

А мне манеры Окуня не мешают. Я люблю деликатных людей. В конце концов он в сто раз приятнее старухи Борнштейн. Та никогда не улыбнется. Она продает нитки так, будто делает одолжение. И не дай Бог, если вы ошиблись. Она же не глухая, она ясно слышала, что просили номер сорок, а теперь хотят,

чтоб она дала номер пятьдесять! Ее муж поддакивает. В этом вся его роль. Обыкновенно поддакивают жены. Стоит Тубенкопфу сказать какую-нибудь глупость, как его жена начинает кивать головой. В этот момент она похожа на китайского болванчика, которого постоянно подклеивают. На нем ни живого места, а он все-таки стоит у нас на камине. Асина мама тоже поддакивает. Но она делает это с восторгом. Из поддакивающих мужчин я могу назвать еще адиного папу. Вова сказал, что он в прямом и в переносном смысле раздавлен своей женой. Ясно, что мир плохо устроен, но как его исправить — я не знаю.

81.

У Тани свои огорчения. Она хотела бы пойти на Иосифа Гофмана, а ее мама решила, что сезон кончился. Я пронюхала, что у Мати в шкатулке с прошлого месяца лежит стоячий билет на Гофмана. Она, наверное, каждый вечер им любуется. Она нам уши прожужжала этим Гофманом. Чтоб позлить ее, говорю, что Годовский лучше, хотя у него пальцы, как обрубки. Матя вспыхивает: — Откуда я это взяла? Насколько ей известно, я никогда Годовского не слышала. Матя возмущена тем, что я не преклоняюсь перед музыкальными авторитетами. Но это не моя вина: я не умею преклоняться. У меня критический ум, как у Бори Гаевского. Для него не существует авторитетов. Я спросила Вову, что он думает по этому поводу, и он ответил, что Боря Гаевский гомункулус и его надо посадить в банку со спиртом. Мне было неприятно это слышать, тем более, что Боря Гаевский идет на операцию. Как-то жутко при мысли, что на борино лицо наложат маску с хлороформом, и он должен будет считать пока не уснет окончательно. Таню оперировали, но это было в другом городе, кажется, Геническе. У нее большой шрам. А у меня нет шрамов, если не считать шрама на ноге. Я разодрала ее шипом от железной проволоки, когда собиралась красть вишни на Среднем Фонтане. Тогда соседская няня говорила, что это меня Бог нака-

зал. Но я ее поставила на место: «Богу нет дела до таких глупостей!». Дочка доктора кричит, что у нее тоже была операция: ей удалили гланды. Ну, положим, это не операция! После нее целый день едят мороженое. Из-за мороженого многие хотели бы удалить не только гланды, но и полипы в носу. Вот до чего доводит жадность!

Я обхожусь и без гланд. Каждый день по дороге домой я покупаю за три копейки стаканчик чудного лимонного мороженого. Оно серенькое и тает, получается просто лимонная вода. А домашнее мороженое от подтаиванья становится полезной белой кашицей. Иногда она бывает даже соленой, потому что мороженое плохо крутят и в него попадает крупная горькая соль. Мама ни за что не хочет покупать мороженое на улице. Она знает, что я покупаю, но смотрит на это сквозь пальцы. Ясно, что я не умру от уличного мороженого. А если умру, значит суждено. Так говорят у нас на кухне. Вова часто приводит в пример ученика четвертой гимназии. Он отравился мороженым от Кочубея и об этом даже писали в газете. А на следующий день гимназист гулял по Дерибасовской и опять ел мороженое в Городском саду. «Риск — благородное дело», — говорит Вова, и близнецы соглашаются. Один из них рискнул проводить на извозчике знакомую гимназистку, хотя в кармане у него было ровно двадцать копеек. Он понадеялся на благородство извозчика. Но тот у самого подъезда начал выбрасывать номера... За такой конец он берет двадцать пять копеек, — не меньше. Не знаю, чем все это кончилось. Я разочарована, мне хотелось чтоб говорили о благородных поступках, когда действительно стоит рисковать. Случай с извозчиком ничего не доказывает.

У папы свой извозчик. Он берет его, когда болен кучер Франц или неизвестно почему сломались рес-

соры. В воскресенье мы на извозчике поехали на Тринадцатую станцию и, папа, наконец, снял дачу. Дача непохожа на прежние. Там есть артезианский колодец. Он никому не нужен, но это поднимает дачу в моих глазах. Я могу всем рассказывать про артезианский колодец. Дочка доктора сначала растеряется, а на следующий день будет хвастать, что у них на даче два колодца. Ей не дает покоя топсикина Сибирь. Дочка доктора узнала, что там живут каторжане. Она пристает к Топсику, не был ли ее папа на каторге? Топсик пускается в слезы. — Почему трогают ее папу, она ведь чужих пап не трогает. Мы дружно заступаемся за Топсика, а Васса швыряет в дочку доктора промасленную бумажку от бутерброда с швейцарским сыром. Дочка доктора говорила потом, что ее хотят убить. Но никто не обратил на это внимания, даже наша «В», а она готова принять на веру все, что угодно. Я ей как-то рассказала своими словами одно фантастическое происшедствие, и она сразу поверила, что это случилось со мной. Я тогда здорово сконфузилась, но не стала ее разуверять. В конце концов это могло случиться. Я сама читала в «Одесской почте» что — не помню уже где — нашли замурованный скелет с жемчужным ожерельем на шее. «Одесскую почту» полагается ругать. Сын артиста сказал, что она для горничных с разбитыми сердцами. А я видала, как он под шумок ее сам читает. Вова почитывает «Одесскую почту», но с брезгливостью. А я читаю с большим интересом до тех пор, пока ее не перехватывают. Зато вечером, на кухне, я прочитываю ее Гене от первой строчки до последней. Она вздыхает. Ей кажется, что Фауст и Диаволо описывают именно ее несчастную жизнь. Юзя тоже слушает. Но время от времени она повторяет свое любимое: «Это глупость и больше ничего!». О себе я там ничего не могу найти. В «Одес-

ской почте» пишут, главным образом, о незаконных детях, а не о таких счастливицах, как я.

Конечно, я должна была бы считать себя счастливой, но почему-то я переполнена страданиями рабочих и крестьян, еврейского народа и разных людей в отдельности. Я страдаю за Надежду Моисеевну. Она опять вернется в свою квартиру во флигеле, где у нее кот и группа бывших слушательниц фельдшерских курсов, но по-настоящему не с кем словом перемолвиться. Для этого надо выйти в лавочку или постучаться к соседке. А она глухая и к ней не достучишься. У нас Надежда Моисеевна плавает в волнах блаженства. Похоже на название оперетки, но это ее собственные слова. Я страдаю за венгеркину мастерицу: она нечаянно прострочила себе палец и теперь на нем повязка, вроде пузыря. И за вдумчивого мальчика из французской библиотеки. Он страшно бледный. Мадмазель думает, что в нем сидит червь-солитер. Сама мадмазель сейчас не очень счастлива. Она ссорится со своей квартирной хозяйкой. Я советую ей переехать, и мадмазель смотрит на меня, как на чучело из музея Яни. Преехать? Но где ж она будет жить? Нет, она готова страдать, но переехать несогласна! Я не подозревала, что она так любит свои переживания. Значит, кузина Маня не единственная в своем роде.

А она во что бы то ни стало хочет быть единственной и неповторимой. Самое обидное — быть такой, как все. Вова сказал, что она индивидуалистка и нудница. В этом отношении она похожа на Галкина. Он не только первый ученик, что уже является позорным, он способен из вас душу вынуть своей любознательностью. Сын артиста сочинил на него пародию: «Отчего и почему маленького Галкина». Но Галкин не понял иронии и ему пародия, в общем,

понравилась. Тогда Вова и вся компания решили, что у него нет чувства юмора.

Чтоб развить в себе это чувство, Вова покупает решительно все юмористические журналы. Накопилась огромная кипа, чуть ли не до потолка. Выбрасывать Вова не позволяет. Они могут пригодиться. Зато я все выбрасываю. И когда нет под рукой ничего подходящего, я хожу по квартире и ищу, что бы можно было бросить в мусорное ведро.

Самый большой индивидуалист из тех, кого я знаю, Боря Гаевский. Он ни с кем не согласен. А если нужно уступить, он это делает с таким видом, что окружающим становится неловко. На его лице написано: «Я подчиняюсь грубой силе, но большего от меня не ждите!». А моя подруга Ася на каждом шагу говорит: «Я спрошу папу, я спрошу маму, я спрошу дядю Анисима или зубного врача, тетю Франю», — и меня это безумно злит. Почему она такая беспомощная и ей всегда нужен какой-нибудь авторитет? Таня тоже верит в авторитеты. Но они далеко. Некоторые уже на том свете: это великие музыканты и покойные художники. У Вассы — никаких авторитетов. Она не верит ни в Бога, ни в чорта. Если бы приемная мать это узнала, она бы непременно лопнула. Но до этого она заморила бы Вассу голодом. У нее и так привычка посылать в кровать без ужина. Вассе плевать на ужин. Ночью она идет на кухню и тащит заплесневелые огурцы, а иногда ей удается стибрить кусок малороссийского сала. Стибрить — то же самое, что стащить. Но стибрить гораздо приятнее.

Вова удивлен: откуда у меня такие познания? Не могу же я ему открыть, что главными моими учителями были близнецы. Он помешан на товариществе и не замечает, как они на каждом шагу говорят: сбондить... Кой-чему меня научил мальчик из проб-

кового склада. Но наши встречи всегда короткие. Пробковый хозяин не хочет, чтоб мальчик вел частные беседы. Дети Питкина тоже знают блатной язык, но я их боюсь. Они постоянно ревут, хотя никто их не обижает. Наоборот, мадам Питкина закармливает их пряниками и шоколадками из угловой кондитерской. Она любит покой, а он заключается в том, чтоб пить кофе в обществе жены коммивояжера. Когда коммивояжерша занята, она зовет Геню. Мадам Питкиной нужно общество. Она мне напоминает мадам Немирову. Та готова хоть каждый день ходить в гости. Она знает все рождения и годовщины и от нее нельзя отвертеться: вы обязаны праздновать! Все равно ввалится вся семья Немировых с толстой старухой во главе. Она сестра дедушки и ее берут, как тяжелое орудие. Но стоит ей пробить брешь и войти в гостиную, как она умолкает и за весь вечер не издает ни единого звука. Я смотрю на ее гладко зачесанный парик и мне хочется знать есть ли под ним волосы, или голова у нее, как биллиардный шар. Такого количества золотых цепочек я в жизни не видела. Они то поднимаются, то падают почти до колен. Не понимаю, как она могла родить таких огромных людей, как ее дети. Самый младший, бывший вольноопределяющийся, сказал что он на целую голову выше своих современников. Я думаю, он хотел сострить!

Сильнее всех любит общество ланина бабушка. Если старших нет дома, она готова говорить с детьми, с прислугами, с кухаркой... Ее мама тоже не могла жить без общества. Но ей повезло: в своей мануфактурной торговле она по целым дням разговаривала с покупателями. А у ланиной бабушки были одни только неудачи. И если б она не отводила душу, ей пришлось бы живой лечь в могилу. Это одни слова! Умирать ей вовсе не хочется. Она вечно ле-

чится. А летом собирает свои пожитки и едет на курорт. Прежде она тоже ездила. Весной начинался обход родственников. На лечение давали самые скупые. И в середине лета, нагруженная чемоданами и плетеными коробками, ланина бабушка отправлялась в Франценсбад. Там ее лечили от женских болезней. Мужчины ими не болеют. У них свои собственные, мужские болезни. Но видно, их не так много. Я встречала специалистов по женским болезням, а по мужским ни одного. С курорта бабушка всем привозит подарки. Мне она как-то прислала открытку. На ней была будка для раздевания с окошечком в виде сердца. И в него заглядывал господин с усами а ля Вильгельм. Мне стало за него стыдно, и я подарила открытку Юзе. Она обожает открытки, особенно глянцевитые, посыпанные серебром. Оно колется и блестит, и Юзя вне себя от восхищения. Я предпочла бы швейцарский домик с музыкой, но бабушка дорогих подарков никогда не привозила и привозить не будет.

«Дело не в стоимости, — говорит Ланина бабушка, — а в том, чтоб оказать внимание». Почему же она, в таком случае, привозит папе коробку сигар? Ведь он не курит! Но бабушку это не касается: «Мужчина должен курить!». Она полна предвзятых мнений. Поэтому поощряет Катю, когда та вертится перед зеркалом. «Женщина должна быть кокеткой», — изрекает бабушка и Катя очень довольна, хотя она не женщина, а маленькая девочка. Бабушке не снится, что в душе я тоже кокетка, но мне неловко это показать. От меня ждут, чтоб я была серьезной и рассеянной, как полагается будущей личности. Я с удовольствием становлюсь рассеянной и тогда меня опять критикуют. Раньше я хотела, чтоб говорили, что я не от мира сего, как покойная девочка мадам Трейн. Но у меня хороший аппетит и я слишком

люблю бублики с семитатью, чтоб быть неземной. Отказаться от бубликов у меня не хватает воли. Но Ланя меня успокаивает: «Дюма-отец очень много ел. И Крылов. И даже французский писатель — Бальзак». А вот был ли хороший аппетит у Элизы Ожешко, этого Ланя не знает. Его вообще не интересуют женщины-писательницы, а Элизу Ожешко он не читал. Он даже не знает, что у нее есть рассказ: «Могучий Самсон». Я ему сказала, что это не историческое, а из действительной жизни и Ланя сразу охладел. То, что из жизни — его не касается. Он хотел бы жить в мире фантазии. Он любит опыты из журнала «Природа и люди» только потому, что надеется изобрести невероятный паровоз или самую быстроходную лодку. Мотор он уже изобрел, но тот не хочет сдвинуться с места. Ланя возмущен. По его вычислениям мотор должен был бы работать во всю. Лане больно, что Вова перестал интересоваться его изобретениями. Сейчас он увлечен театром, но это связано с одной артисткой в бархатной кофте. К счастью, труппа скоро разъедется и тогда Вове незачем будет увлекаться пьесами Леонида Андреева.

Недавно из-за Кати я попала на детский спектакль. Я никому не скажу, но когда Иван-царевич поехал за кащеевой смертью у меня внутри вдруг стало холодно, как бывает на экзамене. Или, как говорят у нас в гимназии, на устном испытании. Наша начальница не хочет, чтобы мы брали пример с казенных гимназий. Поэтому мы все называем по-другому. В общем, это одно и то же. Начальница напирает на то, что в других учебных заведениях нет английского языка. А у нас есть и мы уже давно знаем, что два «о» составляют «у», а буква «а» произносится не так, как пишется... Особенных успехов в английском мы не сделали. Но зато мы очень много узнали про Короленко. Это замечательное явление,

говорит начальница. А мне жалко, что она не может оставить его в покое. Васса уверена, что бедный Короленко все время икает... Это случается с теми, о ком постоянно говорят за их спиной. Вова недоволен, что я верю таким безумно неинтеллигентным вещам. Но я не виновата. И потом об иканьи знают не только на кухне. Сама Надежда Моисеевна в этом уверена. А она кончила фельдшерскую школу и как кончила — с отличием! Недаром дедушка ее жалеет и даже сказал, что она бедное еврейское дитя и ее надо было бы пристроить. Я обрадовалась: — пристроить — выдать замуж! Но за кого?

Перебираю в уме женихов: никого не осталось, все женаты. Манин доктор женился на девице из Кременчуга. Маня его презирает. Она сказала маме, что он жалкий мещанин и обыватель. А это самое позорное. Мещанин может еще исправиться, но обывателем остаются до конца своих дней. Но почему Надежде Моисеевне не выйти замуж за нашего писателя? Ведь он вдовец. А она призналась мне, что любит вдовцов. У писателя, правда, улыбка, как у Мефистофеля в Фаусте. Но, может быть он перестанет улыбаться, когда они поженятся? Вова говорит, что он старый, действительно, у него много морщин на лбу, но это признак ума. Дочка доктора морщит лоб, чтоб показать, какая она умная. Она мне завидует: у меня над переносицей две продольных морщинки. Родиопуло морщит лоб, чтоб казаться еще старше, хотя она и так самая старая в нашем классе. А Таня морщится по близорукости. Но у писателя морщины совсем другие, они напоминают складки земной коры из учебника географии. Лучше было бы найти кого-нибудь помоложе. Если б мадам Ашевская вдруг умерла или уехала в другое полушарие, Надежда Моисеевна могла бы выйти замуж за доктора Ашевского. Он медик, а она медицинский персонал.

Это очень хорошее сочетание. Но мадам Ашевская не собирается умирать. Она была у нас со своей краснощекой девочкой и та крутилась все время вокруг мишиной кровати. Я боялась, что она его ущипнет. Катю она пыталась щипать, но вышел целый скандал: мадам Ашевская обещала, что сдерет с нее кожу. Но Катя ревела и не поддавалась никаким уговорам и обещаниям. — Она не маленький ребенок, чтоб ее щипали.

Я вижу, что пристроить Надежду Моисеевну довольно трудно, хтоя у нее есть приданое: пятьсот рублей на сберегательной книжке и целый сундук столового и постельного белья. Меня это испугало, я предпочла бы, чтоб Надежда Моисеевна была бесприданницей. Это гораздо поэтичнее. У Гени в местечке была девушка — голая и босая, — а теперь она богачиха и живет в собственном двухэтажном доме. «Жених взял ее без копейки», — говорит Геня. И за что? За красоту. Можно подумать, что не было других красавиц! Геня намекает на себя. Но я пропускаю это мимо ушей. Мало ли кто считает себя красивой! Мадам Тюрбо часто нам рассказывает, какая она была прелестная. И как за ней увивались. Затем она спохватывается: мы — младший класс и понять не в состоянии. «Стрекоза и муравей...» говорит мадам Тюрбо, конечно по-французски и сразу видно, что она стрекоза. Она постукивает своей маленькой ножкой, как будто приглашает нас полюбоваться. Мадам Тюрбо горда своими ногами. Они такие маленькие, что в магазине нет ее номера. Приходится делать — на заказ. Я могла бы посоветовать ей магазин Окуня, там все номора. Мосье Окунь очень любезный господин. Он, наверно, снимет с верхней полки самую маленькую коробку и скажет: «Это последняя пара. Других вы нигде не найдете». Но я надавала столько непрошенных советов, что теперь не

стоит вмешиваться. Мадам Тюрбо еще подумает, что я к ней подлизываюсь, Может быть она себе, вообще, ничего не покупает, а только донашивает свои французские вещи.

Наша мадмазель специалистка по донашиванию. Для уроков у нее одни перчатки с вытертыми белыми швами, а для гостей другие — почти новые. Есть пара совсем новеньких. Она их носит по большим праздникам. Мадмазель с детства приучали к бережливости. А я не умею беречь. Книги я бы, пожалуй, берегла, но их растаскивают. От близнецов я все прячу. Это началось уже давно: они берут книгу не на один день, а на вечность. Таня своих книг никому не одалживает, за этим следит ее мама. Но Ася тайком из книжной рухляди вытаскивает какого-нибудь Диккенса или «Вестник Европы». Она это сделала для меня. Ее папа не хочет, чтоб у них был разрозненный Диккенс. «Вестник Европы» ему необходим, хотя он никогда его не читает. Нет времени. Он жалуется на то, что не может даже просмотреть газету. Для чего же в таком случае он выписывает этот журнал? Наверно для того, чтобы он стоял на полке в их замечательном книжном шкапу.

Шкап, действительно, замечательный и такой тяжелый, что его нормальный человек не может сдвинуть с места. Мне кажется, что он врос в паркет. Наш шкап несолидный, если его толкнуть, он шатается. Но зато какие в нем сокровища: Салтыков-Щедрин, Гарин-Михайловский, Шеллер-Михайлов и много других писателей с двойными фамилиями. Классики на видном месте, но о них я не говорю, они — часть шкапа. А я люблю те книги, что заваливаются за Пушкина и Достоевского. Дотянуться до них нелегко. В последний раз мне удалось выудить роман Марселя Прево. О нем все забыли, и я могла спокойно читать его между Хейфецом и мадмазель.

82.

Бедная мадмазель! Не понимаю, откуда берутся ее женихи? Где она с ними знакомится? И почему они такие жгучие брюнеты? Ведь она все вечера проводит со своей квартирной хозяйкой. Они то ссорятся из-за куриного крылышка или вчерашней франзоли, то бурно мирятся и хозяйка объясняет, как надо готовить итальянские макароны. В это самое время жених с черными усами прогуливается мимо дома, где жил Пушкин и проклинает свою судьбу. Сейчас у мадмазель появился какой-то шатен. Он похож на ее младшего брата, Филиппа, и поэтому мадмазель считает, что шатен красавец. Какая у него профессия, неизвестно. Он сказал только, что ему пришлось покинуть свою родину и что во всем виноваты злые люди.

Он тоже сваливает вину на других. А близнецы все валят на сына артиста. Если б он не был с Вовой на короткой ноге, Вова бы уделял им больше времени. Они не подозревают, что Вова без конца смотрит на часы. Его ждет артистка с трагическими глазами... Пока она еще в Театральной школе, но уже играет в настоящем театре. Главным образом, подростков в гимназической форме. Так вот для кого Вова попросил у лошадиной Лили ее старую гимназическую шляпу! Вова ее уверил, что шляпа нужна для нашего гимназического спектакля. В конце кон-

цов Вове пришлось все мне открыть и я дала честное благородное слово, что эта тайна умрет вместе со мной. Это любимая клятва Лани, он ее нашел в романе Дюма-отца. Откуда взялись «сорок чертей и одна ведьма» — я не знаю! Моя голова и так скоро лопнет от всех разочарований. Предпоследнее оказалось самым неприятным: Таня сказала Асе, что, хотя она моя подруга, но не может скрыть, что я невероятно распустилась. Они бы умерли, если б пронюхали, что я слышала их разговор. На обратном пути из гимназии Таня была страшно мила. Она предложила зайти в кондитерскую, куда мы не ходим, потому что пирожное стоит там пять копеек. У нее есть деньги. Я отказалась. Ничего пусть помучается. Ни она, ни Ася не верят в то, что я распущена, но им страшно хотелось говорить гадости именно обо мне. Смешнее всего, что через годы я об этом вспомню и мне будет почти также больно, как было тогда.

А недавно я разочаровалась в мадам Трейн. Всем родителям она говорит, что их дочки и сыновья страшно музыкальные. Но Вова другого мнения. Он не верит в глупую честность! По его словам мадам Трейн имеет право покривить душой. Ей нужны деньги, а родители падки на комплименты. К нашим родителям это не относится. Они знают всю правду и но боятся ее. Не то, что мадам Немирова или мама лошадиной Лили. Мадам Немирова раструбила по всему городу, что Адя — первая ученица. Это чистая фантазия, но мадам Немирова столько раз повторяла, что Адя — гордость своего класса, что в результате сама поверила. А это ничто иное, как самовнушение, и Боря Гаевский сказал, что можно внушить себе все, что угодно. Например, один из его таинственных знакомых убедил себя, что он сын индийского магараджи.

Было бы хорошо, если б отец иностранного кор-

респондента мог внушить другим, что он купец первой гильдии. Выше этого ничего быть не может. Купец первой гильдии без всякого диплома разъезжает по России и всюду имеет право жительства. А многие доктора кладут зубы на полку. Отец корреспондента признался мне, что первая гильдия была его мечтой. Но она не осуществилась. Я хотела ему сказать, что мечты обычно не осуществляются. Иначе они превратились бы просто в желания... Я это надумала, но помалкиваю. Так безопаснее. Мне хотелось бы, чтоб Вова внушил себе, что он настоящий редактор большого журнала, вроде «Журнала для всех» и сидит в кабинете с дубовым письменным столом и кожаными креслами. Возможно, что тогда наш журнал вышел бы. А так он валяется в среднем ящике вовиного стола, не массивного и не дубового, а просто письменного.

Вот было бы смешно, если б Галкин занялся самовнушением! Он не первый ученик, а последний... Он бы узнал, каково быть в шкуре Калиниченко старшего. Впрочем, Калиниченко не унывает, Тоня мне сказала, что он окончательно разорился на перчатки и мужской одеколон. Когда возвращается отец, он перестает душиться. Капитан Калиниченко не выносит запахов. Он грозится, что выбросит все скляночки и притирания прямо в помойное ведро. Тоня в ужасе. Она тайком мажет кремом лицо и руки. Они недостаточно белые, и она не хочет, чтоб у нее были ручищи, как у Берты Креде. Тоня помешалась на ножках и ручках и все время ходит на цыпочках, чтоб казаться стройнее. Интересно знать, для кого все эти усилия? Но Тоня перестала со мной делиться. Она все рассказывает Поцелуйкиной и та визжит от восторга. На ее визг приходит начальница, и мы узнаем, что визжат только нецивилизованные и недисциплинированные люди. Эти два слова она выговаривает

сразу и получается нечто среднее. А недавно мадам Тюрбо показалось, что в углу класса маленькая мышь, и она так завизжала, что Поцелуйкина могла бы взять у нее несколько уроков. Но никто не заподозрил мадам Тюрбо в том, что она нецивилизованная. Учительскому персоналу все сходит с рук.

Надежда Игнатьевна зимой приходит в класс в огромных черных ботах. Я вижу, что она наследила на паркете, но молчу. Меня это не касается. Служитель Афанасий тоже молчит. А географ, хотя он деликатный, сморкается так, что слышно в соседнем классе. Он издает трубный звук и тогда угодливая Поцелуйкина говорит ему: «На здоровье», и он отвечает «мерси»... Я думаю, что при Ираиде он не сморкается. Она не перенесла бы этого! Учительница рисования и лепки все время жует. А когда я очень тихо доедаю бублик, купленный на второй перемене, на меня нападают все, даже кроткая библиотекарша. Спрашиваю сына артиста, как у них в реальном? Оказывается, много хуже. Еще древние говорили: «Что приличествует Юпитеру, то не пристало быку»... Это не совсем точный перевод, но сын артиста не обязан переводить точно, у них латынь не проходят.

Я начинаю понимать, почему отец корреспондента отказывается от чая, ему это не пристало. Он сидит в коридоре и ждет своей очереди. А в это время в столовой пьют чай с коржиками. Запавский тоже отказывается. Но он пьяница и ему хотелось бы чего-нибудь покрепче. Я готова дать ему мадеру, но она заперта на ключ и это отделение буфета открыть гвоздем невозможно. В том же отделении палестинское вино «Кармел». Оно как-будто безобидно, но раз я выпила рюмку и потом так шаталась, что меня силой уложили в постель. Все это с непривычки. К папе приходит иногда представитель вина «Кармел»,

высокий симпатичный господин. Если б я хотела сострить, то сказала бы, что это представительный представитель. Он обещает подарить мне пробную бутылочку. Я не верю. У меня ведь опыт в этих делах. Вова смеется над моим пристрастием к палестинскому вину. Он предпочитает бессарабское. У них в классе некоторые пьют пиво. А один его соученик, довольно бесцветный, но зато длинный, как жердь, выпил у лошадиной Лили за ужином две бутылки пива и его пришлось спешно вывести на воздух. Вова сказал, что на воздухе его совсем развезло. А мама лошадиной Лили так обиделась, что отказала ему от дома, как делается в романах из современной жизни.

Они переведены с французского. Оригиналы стоят на полках французской библиотеки и вдумчивый мальчик выдает их дамам среднего возраста. Романы в желтой обложке можно узнать за версту. Из-за них Лилина мама офранцузилась в конец и чтоб ее описать, потребовался бы Мопассан с Александровского проспекта. Это говорят Вова и его товарищи. Они недовольны. Лилина мама задает бестактные вопросы. Ей необходимо знать, что они думают о любви... Вова думает, что любовь «цвет жизни, источник живительный»... А сын артиста, вообще, — что «любви на свете нет». И то и другое из чтеца-декламатора. Но Лилина мама не успокаивается. Она хотела бы, чтоб они уточнили свою мысль. Им скучно уточнять. Они приходят не для разговоров с лилиной мамашей. У «сыра под колпаком» в этом смысле гораздо лучше. После ужина родители смываются и можно подумать, что их, вообще, не существовало. Угощение они не убирают: молодые люди могут проголодаться.

Они, действительно, нагуливают себе аппетит, как-будто не было ни паштета, ни заливного, ни

холодной телятины. Их тянет в столовую. А дочке «сыра под колпаком» хотелось бы, чтоб сидели у нее в комнате. Зимой там топится камин и кто-нибудь из компании ложится на пол и смотрит прямо в огонь. Вова один раз прожег там новые брюки. Надо было делать вид, что это чепуха. Кто говорит о штанах, когда вокруг сплошная поэзия. Я обожаю камин и всегда пристаю к Юзе: «Надо, наконец, зажечь!» Юзя отнекивается. Ей не хочется выгребать золу. Но почему у меня зимние мысли? На улице тепло, как в августе, я смотрю с балкона и у ворот вижу кучу женщин. Впереди мадам Питкина с большим животом. Он ей мешает. За ней парикмахерша Роза. Ее ждет клиентка, но она не торопится. Надо же подышать свежим воздухом. К ней присоединилась младшая венгеркина мастерица. Ее послали за пуговицами, а она решила постоять в воротах. Венгерка все равно будет ругаться и тыкать в счет грязным указательным пальцем. Опять надули на две копейки. Старуха в железных очках все жилы из нее вытянула.

Я знаю, на кого она намекает, но это клевета. Старуха Борнштейн своего не отдаст, но зато и чужого не возьмет. Она сказала, что копейка тоже деньги. Ее муж, румяный старичок, подтвердил это. Тогда мне стало очень, очень скучно, и я поспешила выйти из магазина. Значит старуха такая же копеечница, как мадам Блазнер. На кухне говорят, что за копейку она способна съесть человека, хотя сама гроша ломаного не стоит. Самый мелочный из вовиных товарищей — Галкин. Он дрожит над каждым перышком. Оно может ему пригодиться! У нас в классе — Берта Креде потихоньку на уроках открывает свой бархатный кошелек и пересчитывает деньги. Но считает она плохо и ей кажется, что кто-то украл у нее копейку или две. А у Вассы деньги брен-

чат в кармане голубого передника. Иногда они падают и найти нет никакой возможности. Они, наверно, закатились в дырку пола. Служитель Афанасий сказал, что бутербродами мы развели там мышей. А что делать, не умереть же голодной смертью?

Наша «В.» — самая худая в классе и то у нее торчит животик. Это, наверно, от котлет. Ее закормили котлетами. Но лучше иметь живот, чем бюстик, как у дочки доктора. Со временем она будет, как ее мама. Вова видел ее у родителей «сыра под колпаком» и говорит, что на ее бюст можно было бы поставить большой поднос с чайником, сахарницей и чашками... Мне было интересно, поместится ли самовар, но Вова отказался отвечать. Пока я думаю о бюстах, за воротами пустеет. Парикмахерша Роза сейчас наверно рассказывает клиентке, какая коммивояжерша несчастная. У ее мужа в каждом городе по две жены. Но ведь многоженство у мусульман. А коммивояжер еврей и по праздникам ходит в синагогу. Их прислуга, похожая на старую девочку, сказала Гене, что он обожает еврейскую кухню. Особенно гусиные шкварки. Венгерка жалуется, что всю лестницу они провоняли жареным луком. Ей неловко перед заказчиками. «Пусть едут в свой Бердичев!» — на весь двор кричит венгерка. Но на площадке те же запахи лука и горячего топленого жира... А стоит коммивояжеру на прощание помахать шляпой, как делают заграницей, и начинает пахнуть цикорием и молотым кофе. Больше нет смысла готовить: коммивояжерша с утра до поздней ночи пьет кофе.

Мадам Питкина тоже пьет кофе. Но у нее гораздо веселее. Она то шлепает своих детей, то их благословляет, то снова посылает проклятия и все время зовет: «П-и-и-ткин!». Наконец он выходит. В руках у него огромные ножницы. Питкин сердится, что его отрывают от работы: «Это же наказанье господне!» —

и опять идет в мастерскую кроить. Дядя был бы удивлен, если б ему сказали, что я так близко знакома с жизнью портных. Он не знает, что я сопровождаю Юзю, когда она идет на примерку и пока Питкин рисует на ней всякие узоры своим мелком, я сижу на кухне и мадам Питкина предлагает мне чашечку кофе. Я не отказываюсь. Я люблю пить и есть у других. Геня сказала бы, что я тоже из голодного края, для нее это самое позорное. По словам Гени у чужих она ест, как птичка, И то, чтоб не обидеть. Она не верит в чистую готовку. «Бог ее знает, как она там куховарит, — говорит Геня — и какие покупает продукты». Ей до слез обидно, что Вова и я готовы есть у кого угодно.

К Гене забегает бывшая учительница, сестра Вениамина. Она непрочь возобновить уроки. Но Геня и слышать не хочет. Она не станет выбрасывать полтора рубля в месяц на подобную ерунду. И все-таки, когда появляется учительница, Геня предлагает ей то куриную ножку, то заливного судака и просит, как будто невзначай, чтоб она проверила, правильно ли Геня подписывает свою бывшую фамилию. — Оказывается, правильно. В таком случае, об уроках не может быть и речи! А я как не билась, не могла уговорить Аксюту брать у меня уроки. Я ей подарила азбуку, но и это не подействовало. Она не понимает, как можно читать по складам Б, а, ба, б-а, ба... Почему сразу не сказать: баба. Я не могу ей объяснить, и в глазах у нее скука.

Неужели я такой скверный педагог? Муся Логинская способна час подряд объяснять, что такое неправильные глаголы. В конце концов в голове у Берты Креде проясняется. Она начинает смутно догадываться... В общем, глаголы ей не нужны. Но отец Берты настаивает на том, чтоб она училась. А Берта готова чистить картошку, штопать носки, стирать

носовые платочки, все, все, лишь бы не учиться! Толстый братик Ади Немировой тоже не хочет учиться. Он сидит на своем детском стульчике, сделанном по мерке и жует хлеб от Амбатьелло, густо намазанный маслом. Он почти не разговаривает. Ему лень. Зато он никому не мешает. Братик совсем не глуп. Мадам Немирова считает, что у него философский склад ума. Она невероятно пристрастна к своим детям и не может понять, почему в городе не говорят об адиных отметках в последней четверти. Таких не было со дня основания Одессы.

В остальном она очень симпатичная и приятная, настоящая богема. Это значит, что она живет сегодняшним днем и ей море по колено. Я могу насчитать немало «богем», но не стоит тратить время. Мы готовимся к переезду на дачу. Дедушка совсем поправился и уже выходит в столовую. Но я была при том, как он схватился за стенку. Он еще очень слаб. Надежда Моисеевна приходит теперь по утрам, когда я в гимназии. Она стала частью нашей семьи, и Вова один раз даже обнял ее за талию. Для вида она стала отбиваться, но, скорее, была довольна. У нее покраснели корни волос. Матя почему-то надулась: «Это слишком фамильярно. Надежда Моисеевна может Бог знает, что подумать». Но я уверена, что Матя просто ревнует.

Раньше Вова обнимал только ее и Мальвину. И Мальвинин муж хотел вызвать его на дуэль. А может быть Вове показалось. Выяснить невозможно: мы перестали с ними встречаться. Для обнимания осталась одна Матя, и в глубине души она считает Вову своей собственностью. От природы Матя ревнивая и во что бы то ни стало хочет быть «любимой племянницей». Я не в особом восхищении от папиной племянницы Лизочки, и все-таки мне жалко, что она в загоне. Но сердцу не прикажешь. Это на каждом

шагу говорит прачка Оля. Сама Лизочка притворяется, что она свой человек, но на деле она чужая. У нее длинный список претензий, и она понемногу их выкладывает. Приезжает она неожиданно, без предупреждения, и сразу же начинает вытаскивать подарки из своего маленького, но бездонного чемодана. Один раз она привезла сушеные белые грибы на веревочке. Геня ругалась и говорила, что они червивые. Но тут была бессильная злоба: она терпеть не может наших постояльцев. Так она называет всех, по ее мнению, непрошенных гостей.

Если б жить по-гениному, никто бы не переступал порог нашего дома. Кухни это не касается. Там всегда гости. Но это ее, генино дело. Ей не мешает, что там постоянно сидит один из Юзиных женихов.

Без солдата кухня не кухня. Матрос еще лучше. Я не думала, что она так любит военную форму. А я ничего военного не признаю, кроме военной музыки, конечно. Когда в Аркадии, над морем, играет военный оркестр, сразу становится весело и хочется танцевать... Недавно мы были с папой в Аркадии и сидели в главном ресторане. Я ела мороженое: сливочное и крем-брюле. А Вове захотелось пива, но папа поморщился, и он взял крем-брюле. Было мало занятых столиков и мне казалось, что оркестр играет специально для нас. А Вова до того разошелся, что стал дирижировать ложечкой из-под мороженого. Когда трубы на минуту затихали, слышно было как шелестят волны. Нигде нет такого прибоя, как в Аркадии. Он всегда что-то нашептывает. Если б не военная музыка, я, наверное, побежала бы к морю. Но трудно было сдвинуться с места. Я смотрела на капельмейстера, а он размахивал своей палочкой до тех пор, пока не стал багрово-красным.

Удивительная вещь — музыка. Она может вдохновить даже бревно, а вот Берту Креде она не вдох-

новляет. Берта мне призналась, что не может понять, кому нужно пение. Поют только пьяницы. Ее дядя, когда напьется, орет на весь двор «Лорелею». Это песня про русалку с золотыми волосами. А сочинил ее немецкий поэт — Генрих Гейне. Берта не знает, что я давно им зачитываюсь, но, к сожалению, по-русски. В немецком мы до Гейне не дошли. Мы все еще читаем рассказ про муху из учебника Глезера и Пецольда. Эта муха — отвратительное создание и разговаривает, как пожилой мужчина. Другие рассказы не лучше. Наша немка возмущается тем, что я все критикую. В моем возрасте не подобает критиковать. Неужели же я думаю, что я умнее Глезера и Пецольда? Я в этом уверена, но боюсь сказать. Каролина Эбергардовна обвиняет меня в самохвальстве. А у нас за это по головке не гладят. Больше всех волнуется начальница. Она в течение часа говорит о том, что скромность присуща великим людям. И воображают о себе только круглые невежды. Слово «дурак» она никогда не произносит. Оно недостаточно высокопарно. Конечно, начальница тут же вспоминает своего любимого Короленко: — Вот пример скромности! Чехов тоже был скромным, но она с ним лично не была знакома... От Эсперансы я узнала, что в седьмом классе начальница говорит о Короленко. Значит, репертуар у нее не меняется. Не то, что у Вовы и сына артиста. У них каждый день новые увлечения.

В Аркадии Вова чувствовал себя почти что Никишем. Это такой дирижер, как наш Прибик. А сколько стихотворений Вова и сын артиста поместили в «Одесском листке». Конечно, под псевдонимом. Несмотря на псевдоним, деньги им заплатили, и этот гонорар они истратили в паштетной на Ришельевской улице. К Брунсу они пойти не решились, там вечно торчит их классный надзиратель. Вова сказал, что где

его ни посеешь, там он вырастает. Ходят легенды, что его видели сразу в трех местах. Но мало ли, что можно придумать. Шестиклассница со змеиной головкой придумала, что артисты драматического театра от нее без ума. Они поджидают ее за углом, на Конной улице. А Васса уверена, что она за ними бегает. Она слышала, как напудренный Виктор Петипа сказал змеиной головке: «Как вам не стыдно, барышня!... Это чистая выдумка». Васса терпеть не может змеиную головку: она ни за что не хочет дать ей краюху от шоколада Фишера, а сует обломанную плитку. Я умоляю Вассу не быть такой злопамятной. Я уступлю ей мою краюху и дело в шляпе. Но она несогласна, ей не нужны чужие краюхи. Тогда я говорю, что, вообще, не бывает краюх шоколада, это неграмотно. Есть краюха хлеба! Но Вассе наплевать на грамматику и на синтаксис. Она так говорила и будет так говорить.

83.

Про Надежду Игнатьевну ходят легенды: она будто бы никогда не была замужем. А я знаю, что была. Кто мне сообщил — неизвестно. Но я выцарапаю глаза всем, кто скажет, что она незамужняя. В глубине души я считаю, что муж был, но сбежал. Он не мог вынести ее властолюбивого характера. О том, что есть много сбежавших мужей, я знаю от мадам Ашевской. Она не подозревает, что я, как губка, впитываю все ее слова. Особенно если речь идет о мужьях и женах. Когда мадам Ашевская начинает рассказывать, какой ее сын гений и какую будущность ему пророчат, мне становится скучно. Сын мадам Ашевской ни разу ко мне не подошел. Я его всегда вижу на расстоянии и поэтому он для меня меньше булавочной головки. Дружит он главным образом с мальчиками из провинции. Для них он важная персона: сын доктора. Жаль, что дочка доктора совсем молодая, а то бы я их поженила. Вот была бы парочка. Второй такой не сыщешь! Но я знаю еще одну странную пару: это Абрамский и его жена. Она похожа на каракатицу, а он рядом с ней, как фонарный столб. Все решительно говорят, что жена Абрамского интеллигентная женщина, и Абрамский не стоит ее подошвы. Но почему у него такое кислое лицо? Можно подумать, что его кругом надули.

Вместо приданого подсунули кучу паршивых родственников.

Но так полагается: без родственников прожить нельзя. У Гени только одна тетя и она считает, что судьба ее обидела. «У других родня, — говорит Геня, а у меня бездетная тетка и вот эта неудачница». Она тычет пальцем в свою сестру. А той безразлично. Базар кончился и она теперь блаженствует у нас на кухне. Она пьет чай с блюдечка, как я, но в прикуску. Кусать ей нечем, она давным давно съела свои зубы. Мне хочется знать, не украли ли у нее что-нибудь с лотка. — Конечно, украли, но она промолчала. Если звать на помощь сейчас же прибежит городовой. А она его боится больше всех воров и разбойников на свете. Другие тоже боятся городовых. Служка сказал, что они хуже ангела смерти... Не понимаю почему. Они ведь поставлены, чтоб соблюдать порядок? Но все отмахиваются, а я вспоминаю доброго городового, Илью Ильича. Он уже не стоит возле трактира на Ремесленной. Его перевели в другое место. Геня просит не говорить о городовых. Это портит аппетит. Она и так пожелтела с горя. Я этого не вижу. По-моему, у нее пухлое розовое лицо. Геня не сдается: «Никакой пухлости нет, а розовое оно от плиты». Знаю ли я, что значит целый день жарить и шпарить? Я не знаю, я живу на всем готовом, как все мои подруги. В нашем классе только Муся Логинская и Берта Креде умеют делать яичницу. Одна из врожденной честности, а другая по глупости... Впрочем, в хозяйстве Берта совсем не дура. Она чистит картошку, как никто. Я до сих пор не задумывалась над тем, что картошку, вообще, надо чистить. Я все принимала, как должное. Чтоб загладить свою вину, прошу у Гени позволения делать кружочки в раскатанном тесте. Это будущие коржики. Но Геня не желает: я еще раздавлю стаканчик, и мы все

наглотаемся толченого стекла и умрем в страшных мучениях.

По дороге заглядываю в контору, но там я совсем нежеланный гость. Бухгалтер Миша требует, чтоб его оставили в покое. Он орет на конторского мальчика: тот до сих пор не научился обращаться с копировальным прессом! Он никогда не будет директором, этот олух царя небесного! Миша был вчера в еврейском театре и поздно лег спать. Он с места в карьер начинает ругать старика Фишзона, его сына, Мишу Фишзона, артистку Заславскую и всю остальную труппу. Старик играл, как сапог. А Миша Фишзон строил глазки всем дамочкам из зрительного зала. Что касается мадам Заславской, то лучше бы она не пела... Но он этого вовсе не думает. Бухгалтер Миша не выспался. На самом деле он поклонник еврейского театра и давно обещает взять меня на какую-нибудь пьесу классического репертуара. Например, на «Европейцы в Америке», или на «Ведьму». Миша что-то путает. Классические пьесы это «Ревизор», «Горе от ума», «Недоросль»... Но мне страшно хочется попасть на «Европейцы в Америке» и я с ним не спорю. Он ведь злопамятный. Миша сказал, что у него есть черная записная книжка, куда он заносит все обиды. На всякий случай стараюсь его не обижать и всегда спрашиваю, как здоровье его жены. Миша пожимает плечами: «Что ей делается, ест халву и играет в пятьсот одно»... С Вовой он откровеннее. Жена его — корова и не понимает, что такое запросы. Что за выдумки! Когда его зовет папа, он забывает о запросах и мелкими шажками бежит в кабинет. Конторский мальчик торжествует. Сейчас Мише попадет. И от восторга он так налегает на копировальный пресс, что кажется, от него и от пресса останется лепешка. Мальчика зовут Наум. Дома его называют Нюма, но для конторы Нюма — неподходящее имя. Иногда я

тихонько зову: «Нюма»... Но он не ценит моей деликатности и отворачивает голову. Делает он это с легкостью. Голова у него, как на шарнирах. Такая же голова, только более старая, у мужа мадам Немировой. Он все время осматривается по сторонам, как будто в комнате злоумышленники. Но там никого, кроме своих.

Вчера вечером семейство Немировых опять ввалилось без всякого приглашения. Они высчитали, что это день рождения папы. Больше всех был удивлен папа. Он родился осенью, а теперь самый разгар весны. Но Немировых это не смутило: «Папа ошибается. Его, как видно, неправильно записали». В виде доказательства они принесли подарки: торт Микадо и календарь на ножках. И Гене ничего не помогло. Пришлось готовить горячий ужин. Представляю себе, как она проклинала Немировых и их свиту. Ее специальность — проклятия. Она может поспорить с Запавским. А он не только хотел бы сжечь дом со всеми его обитателями, он кричит: «Я проклинаю вас до седьмого колена!». Под конец он начинает бить себя кулаком в грудь и произностит странные, бессвязные слова. Пьяница нашего дома не устраивает диких сцен. Он поет «Если красавица в любви клянется» или «Тореадор, смелее в бой!». Все зависит от того, сколько он выпил. Всезнайка-Васса говорит, что служитель Афанасий горький пьяница. Но пьет он у себя в каморке, по большим праздникам. В таком случае это никого не касается.

Васса против пьянства, вообще. Ее отец, матрос, чуть не спился. Сейчас он трезвый с утра до вечера, но вассина приемная мать продолжает называть его: «пьянчужка» и Вассе хочется поджарить ее на медленном огне. Ей приснилось, что приемная мать стоит на коленях и с мольбой протягивает к ней руки. Сны Вассы обычно не сбываются. Мне тоже редко снятся

пророческие сны. Не то, что сыну артиста. А может быть он их придумал, чтобы вырасти в моих глазах? Он не имеет понятия о том, что я стащила на кухне «Сонник». Геня ищет книгу с оторванным переплетом и посылает свои знаменитые проклятия. Но зачем ей «Сонник»? Она ведь неграмотная, хотя подписываться и научилась. Я уже не превый раз читаю этот дурацкий «Сонник». Сны там скучные и обыкновенные, и по-моему не стоит их толковать. Если б сочинитель узнал, какие у меня сны, он с горя порвал бы книгу. Но я не собираюсь их пересказывать. Для этого нужны другие, не наши слова. Когда придумают язык снов, я такое расскажу, что сыну артиста придется спрятаться под печку. В «Соннике» все, как в действительной жизни: веники, ухваты, лапчатые гуси, тетка из провинции.

Моя тетя Таня укатила в свой Николаев. Она вдруг забеспокоилась: что с детьми, не распустились ли они? Я ее успокаиваю: -- Конечно, распустились. На их месте я бы каждый день гуляла по Соборной улице. Это не Дерибасовская, но «за неимением гербовой, пишут на простой», — как говорят близнецы. У них множество готовых выражений. Они копят не только деньги, но и словечки. Я подозреваю, что старший близнец записывает их в книжку с тисненным видом на переплете. Самое смешное, что это год моего рождения. Значит книжка не новая и близнецы купили ее по случаю. Может быть они ее обменяли. Они обожают мену. В последний раз за «Ивангоэ» сэра Вальтера Скотта они предложили мне стальную ручку в виде гусиного пера и виды Одессы. Но у меня уже сто таких ручек, а виды Одессы мне не нужны. На снимках все гораздо беднее, чем в жизни.

Я собираюсь исходить всю Одессу вдоль и поперек, чтоб еще раз убедиться, что это лучший го-

род в европейской России. Но пока я не решаюсь одна пойти на Молдаванку и в Одесский порт. Ни Таня, ни Ася Молдаванкой не интересуются. Ася до сих пор не была даже на Военном спуске и не знает, что есть улица — Старопортофранковская. Она терпеть не может новшеств. Когда мы возвращались с ней из гимназии, она показывала мне на один и тот же невзрачный дом: там помещается клуб бывших воспитанников коммерческого училища имени Императора Николая Первого. Ася произносит название полностью, потому что в этом клубе играет в карты ее папа. Иногда мы проходим мимо «Купеческого клуба», где играет ее мама. Тут Ася не останавливается, в этом клубе ничего императорского... А Таню не уговоришь пойти по другой дороге. Она вечно торопится. Мне сказали, что это вредно для здоровья. Доктор Ашевский, например, медленно садится и еще медленнее встает. Слышно, как трещат его старые суставы. Но, как выяснилось, они трещат не только у стариков. Когда дочка доктора делает приседания, раздается такой треск, что у учительницы гимнастики от испуга прическа съезжает на бок. Дочка доктора горда тем, что у нее трещат колени. Топсик хотел бы подражать, но коленки у нее маленькие и никакого звука не издают. А я жду под портретом Тургенева, когда же наконец кончатся эти никому не нужные приседания. Меня от них освободили. Учительница говорит, что я еще буду раскаиваться. Она очень наивная и верит в позднее раскаяние. Если б она была поумнее, то, наверно, преподавала бы не гимнастику, а по меньшей мере рисование и чистописание. Гимнастика — самый ненужный предмет, но начальница за нее держится. Этим наша гимназия отличается от Пашковской, Видинской, Мариинской и всех остальных женских учебных заведений, где преподают танцы.

Колачев там нарасхват. Адя Немирова сказала, что некоторые девочки танцуют, как сильфиды. Ее подруга с пороком сердца прямо порхает. Она могла бы быть прима-балериной Городского театра. Это, наверное, преувеличено. Не думаю, чтоб ее подруга умела стоять на носках, она слишком упитанная. Близнецы с ней на одной даче и говорят, что ее, буквально, заливают молоком. По целым дням ее мама ходит за ней со стаканом молока и уговаривает выпить. Но подруга не идет на уступки. Я была уверена, что только маленьким детям дают пятаки и гривенники за то, что они выпили молоко честно, до последней капельки. Но выяснилось, что и подруга не брезгает такими заработками. А вместе с тем она поет романс: «Жажду свиданья, жажду лобзанья» и любит сидеть в беседке с мальчишками. Какой странный вкус! В дачных беседках пованивает. Туда ходят по своим делам собаки и кошки, а иногда и взрослые. О детях я не говорю. Поэтому земля там никогда не просыхает, а в углу желтая лужица. Я сижу на аллее.

На каждой даче у меня бывали любимые скамейки, а что будет в этом году — не имею представления. Я видела пока каменную скамейку у ворот дачи. На камне сидеть нельзя. Это очень вредно. Особенно девочкам. Никто не знает, что в гимназическом дворе мы все сидим на каменном заборе и ничего не случилось. Охотнее всего я бы вышла на улицу, посмотреть, что там делается. Но в гимназии это строжайше запрещено. А почему, собственно говоря? Я никуда не удеру. В крайнем случае я могу добежать до ближайшей будки, где продают сельтерскую воду. Для удовольствия я не стала бы ее пить. У нее вкус старого железа.

Вова уверен, что когда-нибудь я отравлюсь дешевой сельтерской водой и восточными сладостями

с лотка. Они засижены мухами, а мухи будто бы разносят холеру. До чего все сложно! Я не особенно верю в холерных мух. Их выдумали сторонники кипяченой воды. Для них простая вода — это зараза. У Аси на даче всегда стоит чайник с кипяченой водой. Но мы тайком пьем воду из крана для поливки. Тут же шланги, дырявые ведра, всякая дребедень, но нас это не смущает. Один раз нас поймал асин папа и долго отчитывал. А я смотрела на его руки, белые, как у покойника. На них редели черные редкие волосики. Одним словом, это были противные руки. И пенсне у него противное, оно блестит на солнце так, что глазам больно. Если б Ася знала что у меня на душе, она бы пришла в ярость. Но Ася ослеплена и ничего не замечает. А может быть я хорошо притворяюсь и ношу маску условных приличий, как лошадиная Лиля. Она таит свои порывы и так много говорила об этом Вове и сыну артиста, что они тоже начали таить... Вообще, мужчины легко подпадают под влияние. Это говорят: мадам Тубенкопф, докторша Ашевская, тетя Лиля, жена архитектора и все прислуги на нашей кухне. Речь идет, конечно, о красивых девицах и дамах. Под влияние безобразных еще никто не подпадал.

Что за глупые разговоры! Не могу себе представить, чтоб доктор Ашевский мог отличить красавицу от дурнушки. Он слишком озабочен своими делами. Из-за этого он ходит по рублевым визитам и вечером отдает рубли мадам Ашевской. Иногда ему всовывают фальшивые деньги, но он абсолютно не помнит, где это было. А Тубенкопф, драгоценный и ненаглядный Володичка, наверное, смотрит на всех женщин сквозь призму римского права. Он хотел бы пожимать их ручки своими костлявыми руками, но вряд ли какая-нибудь женщина согласится. Мадам Тубенкопф считает, что все в него влюблены, но она

горько ошибается. Бедняжка судит по себе. Вова сказал, что она смотрит на Тубенкопфа преданными, любящими глазами и цивилизованному человеку это трудно перенести. А тетя Лиля просто разводит теории. Ей наплевать на мужа-архитектора. Она делает одолжение, что переносит его. Тетя Лиля сказала маме, что ему нравятся горничные и прислуги за все. Чем проще, тем лучше.

Никто не подозревал, что я то и дело вхожу в гостиную и против своего желания слушаю трескотню тети Лили. Понятно, воспитанные девочки так не выражаются, но ведь я говорю это про себя. А мой внутренний мир принадлежит мне одной. Я тоже таю его от всех. Даже от моей подруги Тани. Она бы ужаснулась, если б вдруг пронюхала, что я занимаюсь чужими любовными делами, вместо того, чтоб читать биографии великих композиторов. Но биографии все одинаковые. А в жизни бывает по-разному. Некоторые любят всей душой, а другие с расчетом. Они не умеют загораться, как Вова и сын артиста. Все у них вымерено и заранее распределено. Никаких неожиданностей! Тоня Калиниченко, например, ровно в шестнадцать лет выйдет замуж за офицера, но не торгового флота, как ее отец, а Черноморского. Иногда Тоне кажется, что она танцует вальс в Морском собрании. С обольстительной улыбкой она наклоняет голову и в тот же момент раздается грозный окрик Надежды Игнатьевны: «Калиниченко!».

Тоня Калиниченко просыпается не сразу. Я вижу, как она уцепилась за парту, сейчас она пойдет ко дну. Но нет, Надежда Игнатьевна успокаивается. Сегодня она пришла в класс в новой блузке и очень собой довольна. Блузка, хоть и синяя, форменная, но вся в складочку и понравилась бы венгеркиной мастерице. Та хочет, чтоб все было в складочку, а Юзя — чтоб было в оборку. Из-за этого у них вечные

споры. Но Надежде Игнатьевне нет дела до венгеркиной масетрицы. Она купила блузку на Дерибасовской, в замечательном магазине братьев Альшванг. Это чистая правда, она сама нам рассказывала. Нам странно, что учительницы могут быть кокетками, как самые заурядные женщины и у них нет своей, особой моды. Мадам Тюрбо не в счет. Она француженка и ей полагается быть элегантной. Вова мне сказал, что все француженки, кроме обрусевших, являются законодательницами моды. Отчего же наша мадмазель уже пятый год носит серый шерстяной костюм и с каждым сезоном он становится новее? Венгеркина мастерица сказала, что она отравилась бы или повесилась, если б ей пришлось носить эту старомодную дрянь! Я не стала передавать. Пускай мадмазель останется при убеждении, что она элегантнее какой-то генеральской экономки. Она тоже француженка и генерал упомянул ее в своем завещании. Я вижу, что мадмазель ей завидует. Ее никто не упомянул. И когда умрут оставшиеся тетки, все получит младший брат, Филипп. Мадмазель говорит, что каждый человек должен рассчитывать на какое-нибудь наследство. Иначе семья перестает быть семьей. Надежды самой мадмазель не оправдались. Ее обошли.

Все это кажется мне диким и неправдоподобным, но из вежливости я слушаю. Если будет так продолжаться, я сама напишу завещание. Мои книги и письменные принадлежности я оставляю Вове. А дутый браслет и те часики, что давно остановились — Кате. Она женщина и это может ей пригодиться. Для Миши у меня ничего нет. Он еще не дорос до завещания. Да, все ноты, кроме ганонов и подклееной Андалузки должны пойти Тане. Асе я оставляю золотое сердечко. Оно лежит отдельно, в красном плюшевом футляре. Для Вассы, Жени, Бори Гаевского у меня

не хватит вещей. Они пропадают самым таинственным образом. Все это я пишу на всякий случай. Но мама и папа будут удивлены, что я о них не подумала. Поэтому в конце я припишу, что оставляю им на веки вечные мою горячую любовь.

Во всем виновата мадмазель. Из-за нее я погрузилась в мир наследства и завещаний. Я отлично ее понимаю. Если б надежды сбылись, она могла бы выйти замуж за одного из своих женихов, скажем, Бронислава, и они свили бы гнездышко. Но оно должно быть покрупнее, чем все гнезда вместе взятые. Нос Бронислава занимает много места. А его пышным крашеным усам тоже нужно пространство. Они все время двигаются. Но где мадмазель его выкопала? Она обижена: выкапывать не пришлось. Они познакомились на скамейке в Александровском парке. С другим женихом, Володей, мадмазель тоже познакомилась на скамейке, но не в парке, а на Николаевском бульваре. Другими словами, они познакомились на улице. А мне запретили заводить уличные знакомства. Еще одна жгучая несправедливость! Шестиклассница со змеиной головкой на большой перемене рассказывала, что, по дороге в гимназию познакомилась с артистом Любиным. На следующий день она опять его встретила, он шел с высокой немолодой дамой и сделал вид, что не узнает ее. Змеиная головка была потрясена: артист Любин стесняется этого знакомства! Почему же он называл ее неповторимой и нервноизящной? Змеиная головка сердится, ей кажется, что я ей недоверяю. Мне, действительно, непонятно, как это он с первого знакомства стал говорить такие странные вещи. Ведь артист Любин даже не успел за ней поухаживать: все произошло на улице и ходили они от одного угла до другого раз десять. Это недостаточно для ухаживания. Вова сказал, что

нужна подходящая обстановка: лунный вечер, запахи акации или сирени и ночная тишина.

В иллюзионе можно было бы ухаживать, но там слишком много соседей, и они все время шипят. Я сама терпеть не могу влюбленных. На картине «Ямщик не гони лошадей» одна дура так визжала, что Юзя чуть не вызвала контролера. Пусть вернут деньги за билет! Она не намерена выслушивать чужой визг! У сына артиста другой взгляд на ухаживание. Для него необходимо, чтоб были: камин, ковер, колени... Но чьи? Неужели его собственные костлявые колени! Не может быть. Это слишком глупо! Я хотела бы гулять с моим доктором по темным аллеям парка и слушать, как он рассказывает о своем безрадостном детстве. Я препочитаю, чтоб оно было безрадостным, иначе слишком трудно утешать. А без этого нет настоящей любви! Потом он склонит голову мне на плечо и скажет: «Смотри, Надюша, вот Большая Медведица». Я ее отлично знаю. Лучше бы он показал мне Вегу или созвездие Ориона. Но доктор забыл, где они. Он давно уже не смотрит на звездное небо!

После этого мы поженимся. Главное, чтоб ночь длилась до бесконечности. Все это мечты. Пока что мы переезжаем на дачу. Надо сперва закончить дачный ремонт. Дачу красят и белят и я представляю себе, как там пахнет терпентином. А в классе душно и жара. Но окна во время уроков плотно закрыты. Начальница говорит, что в противном случае мы будем отвлекаться. Мы и так отвлекаемся. И когда раздается звонок, Берта Креде начинает отряхиваться, как настоящий пудель. А Лида Родиопуло спит с открытыми глазами. Если бы Надежда Игнатьевна догадалась, была бы форменная буча. К счастью, она недогадливая. Ей кажется, что она видит нас насквозь, а на самом деле она не видит дальше своего орлиного

носа. Ей не может придти в голову, что у Лиды Родиопуло под книгами и рисовальной тетрадью лежит любовная записка. Ее передал ученик Третьей гимназии через одного ее кузена. За это кузен получил двадцать копеек и медную Петровскую монету. Лида не хочет показать мне записку. Она боится, что там много грамматических ошибок. Сама Лида делает по двадцать ошибок в самой коротенькой диктовке. Но она сгорела бы со стыда, если б стали критиковать ученика Третьей гимназии. Я знаю, что Лида Родиопуло не выдержит и на большой перемене прочтет нам эту записку. В ней будут стишки из альбома или какая-нибудь глупость его собственного сочинения. Это уже не первый случай.

84.

Надежда Игнатьевна не подозревает, что у дочки доктора спрятано в парте пирожное Наполеон, и крем разбух и тихонько сползает к ней на колени. Если ее вызовут к доске, она будет вся желтая. Но ее вряд ли вызовут. Надежда Игнатьевна настроилась на разговоры. Она собирается на Кавказ и, наверное, увидит теснины Дарьяла и замок царицы Тамары. Я спрашиваю, есть ли там дом Лермонтова? Надежда Игнатьевна не уверена. Она никогда не была на Кавказе. И ни с того, ни с сего она начинает сердиться. Она не может понять, почему я вылезаю с глупыми вопросами. А я ничего глупого не нахожу. Есть же у нас дом, где жил Пушкин. Правда там сейчас живет квартирная хозяйка мадмазель. Но я уверена, что Пушкин все еще незримо ходит по квартире и смотрится иногда в кухонное зеркальце мадмазелиной хозяйки. Оно кривое и Пушкин хохочет, потому что одна его бакенбарда съехала на сторону. Когда мы проходим мимо его дома, я всегда на минуту задерживаюсь и мадмазель спрашивает, не хочу ли я подняться. Она покажет мне открытку с видом Гренобля. Нет, мне не хочется, хотя я не сомневаюсь в том, что Гренобль — город не такой, как все. Ей никак не объяснишь, что я боюсь вспугнуть тень Пушкина. Мадмазель сейчас же начнет предлагать мне слабительный лимонад или пилюли. Они слабят легко

и нежно, так сказано в объявлении, и мадмазель этому свято верит.

Вова считает ее легковерной. Он выдумывал невероятные истории, и мадмазель закрывала лицо руками, ей не могло придти в голову, что это плод вовиной фантазии. Все, что напечатано по-русски, вызывает в мадмазель чувство страха. Она с трудом разбирается в печатных буквах, но во время наших прогулок не пропускает ни одной вывески. Мадмазель просит, чтоб я ее поправляла. Мне неудобно, все-таки, она моя учительница! А мадам Тюрбо — настоящая балаболка. Она постоянно путает женский род с мужским, но это ей безразлично. К русскому языку она относится свысока. На каждом уроке она дает нам понять, что нет ничего возвышеннее французской речи. Не все понимают, что она хочет сказать. Топсик пугается, а Берта Креде пучит глаза, как дачная лягушка. Но мадам Тюрбо это не останавливает. Она отлично понимает, почему мы так любим наш прекрасный город: он построен французами. Один из них, кажется виконт де Ланжерон, в дальнем родстве с предком мадам Тюрбо.

Это не похоже на правду. Ей надо было бы поучиться у докторши Ашевской. Та со сна способна сказать, кто с кем в родстве. Если ее послушать — все люди связаны между собой родственными узами. Ей неприятно, что доктор Ашевский не хочет поддерживать отношения с родственниками. «Поверьте, дорогая, — говорит она маме, — это очень важно для его практики». Но доктор Ашевский не верит в родственников. И если б он не был великим молчальником, то мог бы немало порассказать о родственниках со стороны мадам Ашевской. Он хорошо делает, что молчит. Мадам Ашевская не дала бы в обиду свою семью. Кто такое сам доктор? Сын несчастного маклера. Она, зато, из семьи пинских Лу-

рье. Собственно говоря, не она сама, а ее покойная мама, но это одно и то же. Мадам Ашевская и дядя — два сапога пара. У него — Бродские, а у нее — пинские Лурье. По-моему разницы никакой. И те и другие, должно быть страшные задаваки.

Вова сказал, что они считают себя аристократами, так как в третьем поколении кушают компот. Других заслуг у них нет. Они даже не имеют замков с подъемными мостами и бойницами, как в романах у Вальтера Скотта. Я им зачитываюсь и хочу навязать его Лане. Но он пристрастился к Дюма-отцу, и ничего слышать не хочет. Удивительно упрямый человек! Он очень вырос и почти одного роста с Вовой, но вкусы у него не меняются. Геня говорит, что он «большой да дурной». Она не любит Ланю, как и всех остальных родственников и уверена, что ни у кого нет такой родни, как у нас. Она отчасти права, но согласиться с ней я не могу. Это было бы предательством. Чтоб ее успокоить, говорю, что у Аси тоже много родственников. Но Геню не проймешь. Пусть ей покажут еще одну семью, где в каждой комнате по родственнику!

Она говорила так громко, с таким возмущением, что я испугалась, а вдруг дядя услышит и обидится. Он ведь страшно обидчивый и когда ему кажется, что его обошли, он ест и пьет с таким печальным видом, как будто случилось что-то непоправимое. Мама все время пододвигает к нему печенье, а он его отодвигает. Он хочет показать, что печенье и другие хорошие вещи — не для него. Чтоб поддержать дядю, Матя тоже обижается. У нее краснеют глаза и кончик носа. Но долго это длиться не может. Матя вспоминает, что должна идти с тетенькой на примерку, потому что мама шьет одновременно себе и своей племяннице. Даже грубая венгерка сказала, что она ангел. А мадам Рабинович, когда говорит

о мамином благородстве, покачивает головой и делает какие-то странные движения пальцами.

Она жестикулирует. А мне делают замечания, когда я размахиваю руками, хотя это помогает мне выразить мою мысль. Не могу же я держать руки под столом, как дети Блазнеров. Или по швам, как солдаты из казармы. Те же солдаты у нас на кухне отлично размахивают руками. Сын артиста посоветовал мне развить мимику, тогда можно обойтись без жестикуляции. Я пробовала, но все говорили, что я гримасничаю. Мама была взволнована. В моем возрасте уже не полагается корчить смешные физиомии. А я вовсе не корчила, а пыталась, по совету сына артиста, изобразить неземную скорбь. Только моя подруга Таня отнеслась к этому серьезно. Она сказала, что мимика верный путь к славе. У многих артистов была замечательная мимика. Таня пускается в рассуждения о каком-то артисте, Людвиге Кайнце. Ее мама была от него без ума. Это меня расхолаживает, и я начинаю жалеть, что поделилась с Таней. Мне совсем неинтересно слушать про танину маму и венский Бургтеатр, копию нашего городского театра. Вова говорит, что городской театр гораздо пропорциональнее, а он знаток. Недаром муж тети Лили хлопает его по плечу с такой силой, что весь дом содрогается. Я пугаюсь, но Вова не в претензии на архитектора, а тот ржет, как лошадь и повторяет: «Ну и Вова. «Они» ему в подметки не годятся!». «Они» — семья тети Лили, ее младшие братья, приезжают на неделю, а потом живут круглый год и объедают архитектора. Так говорит его семья. У нас этого нет, но зато, как преувеличивают другие. Мадам Блазнер встретила маму в подъезде и тут же стала расхваливать своего сына: «Он — гений!». А их кухарка говорит, что он тупица и к нему ежедневно ходит бледный репетитор в очках. Жена Ту-

бенкопфа из года в год твердит одно и то же: ее доченька знает наизусть всего «Евгения Онегина». Это неправда, она знает только: «Мой дядя самых честных правил...» Никто с мадам Тубенкопф не спорит, все ей сочувствуют. Но она ведь может развестись. Я пристаю к маме и после расспросов выясняется, что жена Тубенкопфа безумно любит Володю и от своего несчастья ни за что не откажется. Это невероятно глупо. Даю себе слово любить только тех, кто меня любит. Остальные могут идти гулять. Кажется девочки так не говорят. Но Вова и близнецы всех посылают гулять и мне это очень нравится. Пусть гуляют! Надо будет узнать, что думает кузина Маня. Она специалистка по семейной жизни, хотя замужем ни разу не была. Ей хотелось, но она полна страха. А что, если будущий муж окажется обыкновенным человеком с мещанскими взглядами на жизнь. Я бы советовала ей долго не раздумывать. Время идет, а у кузины Мани уже появились пломбы в передних зубах. Вова сказал, что ее молодость улетела в трубу. Но с этим не нужно считаться: он слишком строгий критик и ему все кажутся старыми. Даже Матя. Но он молчит, чтоб ее не огорчать. Тем более, что она выбрала себе подходящий возраст и окончательно на нем остановилась. Вообще, неприлично вести разговор о годах. Если какой-нибудь бестактный человек ее спросит, она имеет полное право не ответить. Матя удивлена тем, что я прибавляю себе полгода. Они со временем могут мне пригодиться.

О таком далеком будущем я не думаю. Есть другие, более важные вопросы. Например, стоит ли вести дневник? Я узнала, что Муся Логинская изо дня в день все записывает и сразу загорелась. Поцелуйкина тоже ведет дневник. Воображаю, сколько там чепухи! И сколько ошибок в дневнике Тони Калиниченко! Конечно, дневник не диктовка и не переложение и

никому нет дела до того, как ты пишешь. Но, все-таки, что будет, если он попадет в чужие руки? Когда-то, на Среднем Фонтане я начала вести дневник. Это не серьезно. Мне стыдно вспомнить, как я присваивала себе чужие переживания. Теперь у меня есть сколько угодно своих и не нужно заимствовать их из книг. Но я хотела бы посмотреть, что пишут другие. Попробую подъехать к Мусе Логинской. Если она поверит в чистоту моих намерений, то может быть даст мне взглянуть на первую страницу. Дневник Тони Калиниченко, наверное, состоит из перечня знакомых мальчиков и описания танцев на елке... Помню, как Тоня мне завидовала, что когда-то, много лет тому назад, я была на циклодроме. Это ее мечта. Но братья не берут ее с собой. Не то что Вова. На скольких утренниках я с ним побывала. Конечно, ему интереснее было идти в театр с Верусей или с лошадиной Лилей, но он приносит себя в жертву. Братья Калиниченко на это неспособны. Они типичные эгоисты и неряхи. Моются они неохотно, но зато тайком делают себе маникюр у одной старой мулатки. Непонятно, как она попала в Одессу. А попав, стала маникюршей. Братья говорят, что она полирует не замшей, как полагается, а сыпет мел на свою ладонь и натирает им ногти почти до самоварного блеска. Сын артиста делает себе маникюр у девицы с вздернутым носиком. Ему хотелось иметь экзотическую маникюршу, но братья Калиниченко скрывают ее адрес. Они боятся, что к ней полезет все Реальное училище.

Для меня это открытие. Я начинаю припоминать рассказы венгеркиной мастерицы о том, как дамы скрывают адреса своих портних. Мастерице хотелось бы плюнуть в глаза многим заказчицам. Но тогда б ее прогнали. И был бы скандал, как вчера в гимназии. Ученица третьего класса назвала свою соседку по

парте: «жидовкой». Это дошло до начальницы и она немедленно вызвала родителей. Приехала мать и долго объясняла, что она родственница Мечникова. В их семье такого быть не может. Начальница не уступала. В конце концов мать увезла третьеклассницу на извозчике. Если кто-нибудь крикнет мне: «жидовка», я такое наговорю, что от обидчика или обидчицы останется мокрое место. Я к этому готовлюсь и сама себя накручиваю. В глубине души мне жалко, что никто на меня не нападает.

Исключение третьеклассницы взволновало всю нашу гимназию. Некоторые сделали вид, что они на стороне начальницы. На самом деле они сочувствуют третьекласснице, но боятся это показать. Громче всех кричит Васса. Она в диком восторге. Погромщице попало. Она расскажет приемной матери и та будет кусать себе локти. Одна незаметная ученица почему-то расплакалась. Она напугана: а вдруг вырвется позорное слово и тогда ее отвезут домой — без права возвращения. Подруга третьеклассницы жалеет, что не поступила к Видинской, где можно выражаться. Ей надоела передовая гимназия. Туда каждую неделю приезжает инспектор от округа. Но инспектор еще не все. Надо носить голубые холстинковые передники, а это, по мнению подруги, подходит только приготовишкам. Кроме того, у нас нет классных дам. Чарская была бы потрясена. Частная гимназия без прав для учащихся — не Институт. Всему есть пределы.

Я думаю, что подруга третьеклассницы в душе довольна, что у нас нет такой дисциплины. Но все почему-то жаждут перемен. Вова мечтает о студенческой фуражке. А Андрокардато хотел бы быть постоянным посетителем цирка. То, что он ходит туда три раза в неделю, его не устраивает. Лида Родиопуло непрочь стать чьей-нибудь невестой. Ей придется запастись терпением... Кузина Маня сказала

мне, что не стоит спешить. Я успею еще столкнуться с действительностью. Она неправа: я каждый день с ней сталкиваюсь, но моя действительность не похожа на манину. Я не совершаю никаких бесповоротных поступков: то-есть не выхожу замуж, не переезжаю в другой город и тому подобное. И я не успела превратиться в рабу своего упрямства. А кузина Маня упряма даже в мелочах: мама пригласила ее пожить у нас на даче, но Маня гордо отказалась: она предпочитает Малую Арнаутскую: «Чем хуже, тем лучше». К счастью, таких, как она немного. А не то жизнь на планете земля давно бы прекратилась.

Так думает Вова. Он узнал о трагическом происшествии в нашей гимназии и хвалит начальницу. До этого Вова критиковал принципиальных людей, потому что от них веет безысходной скукой.

«Но только дураки не меняют своих убеждений, — говорит сын артиста. — Их надо время от времени пересматривать и делать соответствующие выводы». Может быть тут кроется какая-нибудь правда, но я не могу в этом разобраться. Я своих убеждений еще не меняла. Боря Гаевский мне бы этого не простил. Я вспомнила о нем совсем не случайно: вчера Борю отвезли в лечебницу, и через два дня операция. С трудом представляю себе, что он лежит на белоснежной кровати в комнате, где из гигиенических соображений нет даже коврика. Ночной столик и стулья тоже белые и от этого у меня холодок в животе. Я знаю все понаслышке, но скоро меня пустят в эту белую комнату и я буду разговаривать громким шопотом, как полагается в лечебнице.

Но может быть там другие правила. Не те, что в дедушкиной лечебнице. Она называлась санатория. Вова говорил, что это вранье и гнусная эксплуатация. А мне нравился фонтан в их зимнем саду, хотя никакого сада не было, а только плетеная мебель и

несколько кадок с пальмами. Вода из фонтана била тоненькой струйкой, как из умывальника, когда нажмешь педаль. Но кто обращает внимание на такие мелочи? В бориной лечебнице нет пальм, ни живых, ни искусственных. Остальное я выясню на месте. Сейчас я озабочена тем, какой подарок сделать Боре Гаевскому. Он сказал, что ценит внимание и вместе с тем ненавидит подарки. Постараюсь придумать что-нибудь оригинальное. Для этого необходимы средства. А я истратила все, до копейки.

Не понимаю, почему деньги уходят с такой быстротой. Девочки Блазнер кладут их в копилку. Даже Оле удалось собрать рубль сорок копеек. Только у меня в кармане один несчастный пятак, похожий на старую пуговицу. Надо спросить Вову, как он устраивает свои финансовые дела. Мои всегда проваливаются. Таню денежный вопрос не интересует. Ее главный расход открытки. У нее почти весь Художественный театр. Ноты покупает ее мама. Она гордится тем, что Таня любит Дебюсси. По-моему Тане нравится его фамилия. Она звучная. Звучней произведений. Вова советует мне не распространяться. Могут подумать, что я не признаю современной музыки. Главное не прослыть отсталой.

Все это не имеет отношения к добыванию денег. Я могла бы разжалобить Якова Соломоновича, но недавно я узнала, что семья у него очень требовательная и скоро он не сумеет тащить непосильный груз. Проще всего было бы взять у папы, но в это воскресенье он дал мне порядочную сумму на кутеж в Обществе Искусственных Минеральных вод.

Хорошо было бы подарить барометр, но это дорогая штука. У папы Топсика есть настоящий барометр, и не успевает он открыть дверь, как сейчас же к нему бросается и стучит пальцем по стеклу. Если барометр падает, ее папа начинает стонать: у него

расстройство вазомоторных сосудов. Но если б сослуживцы не подарили ему барометр, он никогда бы не узнал об этом. Лучше подарю готовальню с магнитом в придачу. Я получила их у Лани за два растрепанных Жюль Верна. Ничего, он их подклеит и Жюль Верны станут, как новые. А у меня не будет угрызений совести. Кроме того, я обещала ему коллекцию морских звезд. Но не могу ее найти. Предметы исчезают самым таинственным образом. Тут какое-то колдовство. Васса до сих пор верит, что все можно заколдовать. Она знает много заклинаний, но от них никакой пользы. Только язык болит от этой тарабарщины. Ни одно из заклинаний не помогло Вассе превратить приемную мать в большую старую жабу. Вова удивлен, что я так низко пала. Его пробирает дрожь, когда он думает о подобных вещах. Но я ведь не верю, я только в шутку хотела испробовать силу вассиных заклинаний. Один раз, когда я их повторяла, вдруг, без всякого предупреждения, погасло электричество. Мне стало не по себе. Может быть это знак из загробного мира. Но через минуту в лампочках что-то зашипело, и все кошмары рассеялись. Нет, буду верить в науку и в человеческий прогресс. Это гораздо приятнее.

Вова мне много раз говорил, что я живу в век пара и электричества. Поэтому я остановилась на научном подарке. Пусть Боря Гаевский чертит, чертежи ему пригодятся. Даже Катя нашла старый циркуль и делает неполные кружки. Она не может довести до конца: циркуль срывается. Но Катя очень самолюбивая. Ей хочется доказать, что она чертит быстрее меня. Это нетрудно. Я не умею держать не только циркуль, но и крючок для вязания. А гарусные туфли я когда-то связала по ошибке. Повторить я бы не сумела. Это было чудо. А когда к ним пришили атласные ленты нежно-зеленого цвета, я не

верила своим глазам. Туфли хранятся у мамы в среднем ящике комода. Когда-нибудь она покажет их моим детям.

Не понимаю, почему мама говорит об этом. Мне безумно неловко думать, что у меня будут дети. Замуж я выйду, это факт. Но останусь бездетной. Это гораздо приличнее. У меня нет времени для пеленок и свивальников. Таня со мной согласна. Ей и мне это не подходит. Таня не всегда со мной согласна. Она была бы еще более несогласна, если б знала мои тайные мысли. Я их не высказываю, чтоб не потерять ее дружбу. Мне с Таней непросто и иногда я думаю, что напрасно завязала эту дружбу. До нее мне жилось гораздо легче. Но как только у меня появляется лишний гривенник, я мчусь к Александровскому, чтоб купить Тане открытки со снимками новых знаменитостей.

Александровскому это на руку. Сам он в театр не ходит, но другим советует. Меня не нужно уговаривать. Я бы там дневала и ночевала. А бедная Адя Немирова окончательно помешалась на русской драме. Она приходит в театр одна из первых и, если это возможно, на минутку опускается в кресло театрального критика. Он будто бы красив, как бог. Я его видела и особой красоты не нахожу. У критика лысый профиль и к тому еще большой круглый живот. Однако Адя Немирова питает к нему животную страсть. Она сама мне призналась. При этом у нее было такое глупое лицо, что я не выдержала и разразилась диким, отчаянным хохотом. Адя Немирова побледнела от злости. Больше она не будет разговаривать со мной, как с равной. Она горько жалеет, что забылась и открыла мне свою душу. Так я и не узнаю, чем кончился ее воображаемый роман с театральным критиком. Остается сын артиста, но он го-

ворит, что критик — балда и ничего в искусстве не смыслит.

Из этого следует, что на сына артиста расчет слабый. А помириться с Адей Немировой довольно трудно. Она удивительно злопамятная и не верит ни словам, ни клятвам. Ну что ж, обойдусь без нее и без ее красавца! Вова сказал, что у него бабья рожа, а я не возражала, несмотря на то, что в этом было много обидного для нас, женщин. В последнее время все без исключения сделались женоненавистниками. Даже Боря Гаевский. Но в лечебнице я с ним об этом говорить не буду. Вообще, в первый раз можно зайти только на минутку, сунуть подарок и отступить к дверям. Меня предупредили, чтоб я не рассиживалась. Всем будто бы известна моя манера сидеть в гостях до бесконечности.

Это невероятно раздуто. Конечно, я не люблю забегать, как моя подруга Ася. Я предпочитаю ходить в гости с ночевкой. Самые сокровенные разговоры бывают на даче, когда насильно тушат свет. Простыни там холодные и сырые, а одеяло чуть-чуть покусывает. Ася прижимается ко мне и спрашивает: «Хочешь, я буду гладить твою руку?». Это было очень приятно. От асиных пальцев шел жар, как от детского утюжка и в темноте я забывала, что это старая асина рука с обгрызенными ногтями. После такого пусть мне не говорят о коротких визитах! К нам все приходят на полчасика, а остаются на обед или на ужин и потом сидят до тех пор, пока у папы не начинают слипаться глаза. Мадам Ашевская обычно приходит к чаю. Ей бы хотелось остаться, но у нее семья. Что ж из этого, у Якова Соломоновича тоже семья, а он готов сидеть у нас до вечера. Он часто уходит и всегда возвращается под каким-нибудь предлогом. А вот вчера и позавчера его не было. Я выбегала в столовую, подходила к дверям и ни

ответа, ни привета. Оказалоесь, что приехала его сестра, важная дама из Петербурга. Яков Соломонович хотел бы, чтоб мама с ней сошлась. Но маму это не прельщает. Ей кажется, что у сестры Якова Соломоновича другие интересы. Мама слишком скромная. Я говорю ей, что она может затмить всех петербургских дам, но мама и слышать не хочет. А по-моему я беспристрастна, как Фемида на учебнике древней истории. На моих глазах, правда, нет повязки и я не богиня правосудия, но в остальном почти никакой разницы.

У меня бывали стычки с Асей из-за того, что она невероятно пристрастна к своей семье. Ася обожает родных и родственников и только с бабушкой она не в ладах. Теперь меня уже не трогают Асины слезы и то, что ее бабушка уходит к себе в комнату и оттуда доносится несвязное бормотанье. У бабушки плохая дикция, ее язык заполняет весь рот, как было у Бебеле. Дедушка говорил, что у него толстый язык. Из уважения к дедушке Бебеле хихикал, но было видно, что он страдает. Он не виноват, что Бог дал ему такой неповоротливый язык. Я разрывалась от жалости. Терпеть не могу, когда кого-нибудь обижают. Я ставлю себя на место обиженного и мне хочется кричать и топать ногами.

85.

Сегодня на большой перемене я сцепилась с дочкой доктора. Она собиралась войти в круг и петь с приготовишками: «Сошла с него вся краска И стало, как бумажка, Бело и мягко так: Тик-так, тик-так, тик-так». Я была уверена, что здесь какой-то подвох. Дочка доктора обиделась. Она хотела показать мартышкам, как надо вести хоровод. А я вмешиваюсь не в свое дело. Но я нашлась и стала ей говорить, что это не я, а она вмешивается. Обыкновенно ответы приходят мне в голову с большим опозданием, но тут я не растерялась и если бы не библиотекарша, мы бы продолжали ссориться до самого звонка. Она посмотрела на дочку доктора, как на чудовище о семи головах, а меня обняла за плечи и сказала, что я могу пойти с ней в библиотеку, для меня там есть работа. Повторять не пришлось. Я была вне себя от радости. Уже давно добиваюсь возможности помогать в библиотеке. Мне все равно, я готова делать самую черную работу: расставлять книги по росту, наклеивать номера и даже вытирать пыль. Главное — оставаться в библиотечной комнате, где на полках стоят давно прочитанные, но все еще любимые Диккенсы и Вальтер Скотты.

Таня не может понять, почему я в десятый раз читаю «Давида Копперфильда». Что я могу найти в нем нового? Или «Домби и сын»? Сколько раз я

ей рассказывала своими словами, как умирал маленький Поль Домби, но ее это мало трогало. Для Тани он самый обыкновенный мальчик. Объяснить трудно. От объяснений пользы никакой, еще больше запутываешься. Я до сих пор не могу растолковать Асе, что она по-прежнему моя колыбельная подруга. Ася требует, чтоб я выбрала между ней и Таней. С горя она дергает свои «Десять заповедей». Скоро цепочка разорвется и тогда Ася придет в отчаяние. Но сейчас она не думает о последствиях. Она хочет нераздельной дружбы. Вассу она мне простит, но Таню никогда.

Слава Богу, на даче не будет ни той, ни другой, и я сумею под шумок завести себе какую-нибудь летнюю подругу. Мы будем встречаться у бывшего колодца. Это очень поэтично. А потом мы пойдем на станцию, где Вова и сын артиста прогуливаются с гимназистками. Мы от них не отстанем, до тех пор, пока они нас не прогонят. Я бы давно ушла, но у моей дачной подруги ни на грош самолюбия. Ей обязательно надо знать, как ухаживают... У нее, наверное, нет старших братьев. А это самое интересное, что может приключиться. Тоня Калиниченко со мной несогласна. От ее братьев мало толка. Кроме того, у них нет телефона, и Тоня не знает, каким образом они назначают свидания. Они с ней не делятся. Братья Калиниченко уверены, что все девочки нашего возраста — «доносчицы-извозчицы». На месте Тони я бы отказалась от таких братьев. А она в глубине души ими гордится. Особенно старшим: он дирижирует танцами. Я спрашиваю Тоню, собирается ли она открыть танцкласс, и Тоня глубоко возмущена. Ее братья не таперы и не учителя танцев, они будут офицерами Торгового флота. К сожалению, в Торговом флоте нет адмиралов. Тоня видела адмирала в полной форме и говорит, что не существует ничего

более красивого. Она пойдет на все, чтоб выйти замуж за адмирала. Сухопутных она отрицает. Как видно, встреча с адмиралом вскружила ей голову. А он этого не заметил. Та же история, что с моим доктором.

В воскресенье он неожиданно пришел проведать дедушку. Я открыла дведь и вдруг мое сердце забилось так, будто я пробежала полверсты. Доктор хотел поцеловать меня, но я отвернулась. Тогда он сказал: «Ну, как хочешь». Он не понял, что это от смущения. На самом деле я очень довольна, когда он меня целует. Я, наверное, все потеряла в его глазах и исправить невозможно. Но перед уходом он, как ни в чем не бывало, тронул губами мою щеку. Хорошо, что он не почувствовал, какая она соленая. Он только спросил: «Ну что, опять друзья?..» В ответ я прильнула к нему так стремительно, что Вова обиделся. А доктор ничего не разобрал. Это лучше для моего достоинства, но вместе с тем мне хочется, чтоб он читал в моем сердце, как делают матины поклонники. Вова называет их: типы. Последний тип очень понравился горничной Юзе. Он щепетильный мужчина. Больше всего Юзя жалела, что была в шлепанцах, а не в своих дивных туфельках на искривленных каблуках.

Если б у меня были ажурные чулки, как у Тони Калиниченко, доктор, конечно, обратил бы внимание на мои туфли. Таких пряжек нет во всем городе. Я была с папой в магазине и умоляла его купить мне лакированные туфли с золотыми пряжками. Папа уступил, хотя ему нравились другие, более детские. Ему неприятно, что я хочу быть старше своих лет. Несмотря на это, я страшно люблю ходить с папой по магазинам. Мне нравится, что мы покупаем много лишнего и мама читает нам нотацию, но не по-настоящему. Глаза ее смеются. Она говорит, что папа

известный мот и транжир. И он тоже начинает смеяться. Нехватает только Кати. Когда на нее нападает смех, остановить ее невозможно. Один Вова смеется по-взрослому, немного снисходительно. Видно, что ему весело, но он стесняется это показать.

Вова сторонник горькой усмешки. Она производит огромное впечатление на гимназисток. Но лошадиная Лиля давно уже не смеется. Она переживает и однажды, в отсутствие родителей даже выкурила папиросу. Это обыкновенная папироса, только более длинная. Лиля не затягивается, но она держит папиросу так небрежно, как будто курит от рождения. Мне кажется, что Вова ее идеализирует. Ничего небрежного в ней нет. Она сама себя придумала от начала до конца. Лучше быть естествнной, как Муся Логинская. В ней ни капельки притворства. Она свеже вымытая, гладко расчесанная, от нее пахнет марсельским мылом. Я тоже моюсь простым мылом, но после этого потихоньку душусь цветочным одеколоном Брокара. Надежда Игнатьевна несколько раз спрашивала: что за фиалковый куст здесь завелся? Я молчу. Приятнее пахнуть фиалками, чем мылом для стирки. Вообще у Надежды Игнатьевны слишком развито обоняние. Ее преследуют запахи. То колбасный, то фиалковый. А она говорит, что воспитанные девочки ничем не пахнут.

Ну это, извините, чепуха. Я знаю, что у каждого свой запах. В коридоре, когда уходят папины посетители, пахнет папиросами «Цыганка» и воздух такой густой, что трудно продышаться. Мне лично не мешает, что от отца корреспондента пахнет нафталином и газетной бумагой. Это запах его шубы. Носит он ее до наступления жары, а тогда мы выезжаем на дачу, и я до сих пор не узнала, как он одевается летом. Может быть у него есть летняя шуба. Запавский пахнет водкой из монопольки, а иногда кофе.

Он мне рассказал, что жует кофейные зерна. Они отбивают запах спиртных напитков. На кухне другие запахи. Геня, например, пахнет куриным жиром. А ее сестра бумажками от мандаринок. Это, по мнению Гени, базарный запах. Он ей противен. Она требует, чтоб сестра трусила свои бебехи на черном ходу. Иначе Геню может стошнить. Сестра покорно идет на площадку лестницы и долго там возится. Остальные этого не делают. Попробуйте сказать прачке Оле, что от нее пахнет цикорием. Она вас смешает с грязью.

Я как-то расхрабрилась и спросила у Гени почему не ходят на кухню к Блазнерам. Она ведь точь в точь, как наша. Геня посмотрела на меня, как на сумасшедшую старуху с угла Малой Арнаутской. «К Блазнерам?». Она ведь удавится, если кто-нибудь съест кусочек супного мяса. Геня не могла бы служить в доме, где еду выделяют. Нет, она бы не могла! Каждый кусок застревал бы у нее в горле. В первый раз в жизни я с ней согласна. Ненавижу жадность. Я отчасти довольна, что ходят к нам, а не к Блазнерам. Таким образом я узнаю самые последние новости. Вчера был настоящий переполох. Я зашла на минуточку, между Хейфецом и уроком музыки, и меня чуть не опрокинула прислуга Питкиных. Она размахивала руками и почти что захлебывалась. Наконец она опустилась на топчан, потому что все табуретки были заняты, и стала выпаливать странные и непонятные слова. Мне удалось разобрать, что случилось несчастье. Но не с Питкиным, его никакая холера не возьмет, а с пьяницей нашего дома. У него удар: он потерял язык. Ноги тоже не действуют. А жена бегает по квартире и умоляет, чтоб его спасли.

Значит она его любит, несмотря на то, что он приходит домой на рассвете. Меня это мучит. Я хочу понять, как можно любить таких людей. В конце

концов я обращаются к Вове. Он может все более или менее объяснить. Вова говорит, что это его не удивляет. Для любви нет законов. Часто любят самых никудышных и ничтожных. Но пьяница нашего дома вовсе не никудышный. В нем есть что-то загадочное. Он выходит из дома, одетый с иголочки, а когда возвращается, шляпа его висит на одном ухе, а шуба распахнута, даже в жесточайшие морозы. Я слышала, как говорили, что он плохо кончит. А теперь те же люди будут удивляться и не понимать, как это произошло. У них короткая память на собственные слова. Зато все, что сказали другие, они помнят. В особенности, если им это выгодно. Ася вечно напоминает мне мои слова, а я давно их забыла. Мало ли, что я молола у них на даче перед сном. Но Ася не уступает ни одного словечка.

Боря Гаевский тоже умеет припирать к стенке. Он делает это из-за своего плохого характера. Боре Гаевскому льстит, что у него невозможный характер. В его возрасте это не полагается. Характер приходит с годами. Но Боря Гаевский плюет на такие рассуждения. Их выдумали разные отжившие личности. Мне хотелось бы с ним поспорить, но тут он абсолютно прав. У всех свой характер, даже у Миши. Когда дядя наклоняется над его кроваткой, он отворачивается. А дядя в глубине души надеялся, что он вцепится ему в бороду. Она вся в мелких завитках, и Мише это не нравится.

У моей подруги Тани характер твердый, как камень. Она постоянно упрекает меня в том, что я недостаточно люблю искусство и способна променять Дебюсси на два пирожных от Исаевича. Тут есть доля правды. Один раз Таня показала мне что-то из его вещей. И я испугалась. Нотная бумага была засижена мушиными точечками. В общем, скучная музыка. Но мне неловко было попросить Таню, чтоб

она сыграла вальс из Фауста. Она бы смертельно обиделась. Не только дочка доктора, даже я могу его отбарабанить. Ну что же, пусть Сахно и Мара Гольберг играют вальсы Шопена. Я не собираюсь с ними соперничать. У меня не такие воздушные пальцы, как у них. И врожденной техники у меня тоже нет. Скорее врожденное отсутствие техники. Но характер у меня лучше, чем у них обоих. Сахно страшно обидчивая и не хочет, чтоб к ней приставали. Она сидит, разинув рот, и мечтает о том, чтобы сделаться свободной художницей. Не понимаю, какое это имеет отношение к музыке, но я скорей умру на месте, чем дам себя заподозрить в невежестве. Маре Гольберг снится рояль фабрики Бехштейн. В крайнем случае она примирится с роялем Бекера. Главное, чтоб это был рояль, а не прокатное пианино... О дочке доктора я уже много раз говорила. Но в ней все время открываются новые черты. Она стала кокеткой и на переменах не расстается с зеркальцем. Это особое зеркальце, его прислала какая-то фирма. Мне бы тоже хотелось иметь фирменное зеркальце, но я презрительно пожимаю плечами. Подумаешь, мое — Гейликмана и на нем написано: «Одоль».

Гейликман подарил его Мате, а она мне его передарила. В ее годы не подходит иметь зеркальце от Одоля. Когда я стала расхваливать Гейликмана, Матя меня не поддержала. «Гейликману оно ничего не стоит. У него горы таких зеркал». Если б Матя захотела, он подарил бы ей флакон настоящего цветочного одеколона. Матя думает, что Гейликман к ней неравнодушен. Он ведет с ней разговоры со значением и так на нее смотрит, что Мате приходится краснеть. Я уверена в том, что это матина фантазия. Ей хочется, чтоб все были в нее влюблены. Лошадиная Лиля тоже считает себя неотразимой. Но сын

артиста к ней охладел. Я слышала, как он сказал Вове, что она ломается, как еврейская маца. Вова как видно не разделяет его мнения. Он не успел еще охладеть.

Я надеюсь, что это придет. Нельзя же всю жизнь ухаживать за одной, когда есть такой выбор. Меня утешает, что она не единственная. С велосипедной Верусей он тоже не порвал. Вова говорит, что она умеет создавать уют, как никто. Сначала все сидят у них в столовой и пьют чай с бубликами. А затем идут в верусину комнату, где мебель страшно узенькая и неудобная. Близнецы уже сломали два кресла. А кто-то, не помню кто, просидел бархатный диванчик. Конечно, ни у кого из верусиных подруг нет такого замечательного туалетного столика в тюлевых оборках, подбитого чем-то розовым. Но при чем тут уют? На столике ведь не сидят. Для меня уют — это глубокие кресла и камин, как в романах. Я хотела бы иметь комнату с книгами от пола до потолка и с маленькой лестницей, чтоб удобно было их доставать. Я видела такую комнату на одной картинке и мне сразу показалось, что там я могла быть счастливой.

На кухне говорят, что счастье только у дураков. Недаром есть поговорка: «дуракам счастье». Остальные должны мучиться. Так рассуждает Геня. А сколько она в своей жизни намучилась, знает один Бог. Геня скромничает. Кроме Бога, это знают все прислуги с парадного и черного хода. В минуту откровенности Геня призналась мне, что если б нельзя было высказаться она бы лопнула. Но люди так просто не лопаются. Мой бывший еврейский учитель, Айзенберг, сказал, что трудно себе представить, сколько может вынести такой ничтожный человек, как он. Во время погрома у него разбили лавку. Он покорился. А с его дочкой такое сделали... Он опять

покорился. И вот видите, он не лопнул, как полагалось бы, а стал еврейским учителем. Правда, ненадолго.

Отец корреспондента тоже примирился со своими несчастьями. Ему не с кем даже потолковать о былом величии. Дядя Саша теперь приходит очень редко. Тетя Ида не хочет, чтоб пили кровь ее мужа. Вова давно знает, что она истеричка. Главное для нее — настоять на своем. Пусть все будут несчастны и она вместе с остальными, но издеваться над собой она не позволит! Я рада, что она к нам не ходит. Прежде мне казалось, что сейчас тетя Ида схватит со стола стакан с горячим чаем и бросит его на пол... Иногда она ни с того ни с сего начинала меня целовать, и я пугалась, но головы не отворачивала, чтоб ее не обидеть. А она дышала мне прямо в лицо и вдавливала мне в живот свой очень твердый корсет. И, все-таки, я выдарживала ее натиск.

Яков Соломонович тоже мог бы лопнуть. У него слишком много детей. Он вспоминает то одного, то другого. Ему самому странно, что они живут в разных городах и называют его: папаша. Зато оставшиеся в Одессе его безумно мучают. Старшая дочь хотела бы выйти замуж. Но ее никто не берет. Она слишком похожа на памятник. Всякий муж рядом с ней казался бы цуциком. Так думает Вова. Он лично терпеть не может величественных женщин. Исключение он делает только для одной, имени ее я не назову. А младший сын Якова Соломоновича свистит с утра до вечера. Такого свистуна нет во всем городе. Он насвистывает целые оперы: «Аиду», «Сказки Гофмана», «Кармен»... Но от его свиста можно в конце концов попасть на Слободку Романовку, куда отправляют сумасшедших. Этого Яков Соломонович не допустит. Чтоб спастись от «Кармен», он шагает по Ришельевской улице — от Большой Арнаутской

до Дерибасовской, а потом заходит к нам и остается до позднего вечера.

Недавно он мне жаловался, что у него нет партнеров для игры в пятьсот одно. Главный его партнер, дядя Саша, исчез. И неизвестно, где он проводит свои вечера. Яков Соломонович идет на уступки. Он готов играть с Вовой и с близнецами. Но папа не хочет, чтоб Вова приучался к картам. Он предлагает Якову Соломоновичу сыграть с ним в шестьдесят шесть, и тот со вздохом соглашается. — Ну какой папа игрок, он не помнит ни своих, ни чужих взяток... Но вот на горизонте появляется двугорбый провизор и картина меняется. Яков Соломонович сияет. Он притащил две новые колоды карт, и я заранее представляю себе, какие домики будет из них делать папа. Теперь уже не для меня, а для Кати. По правде говоря, мне обидно, что такой домик достанется Кате. Что она в этом смыслит? Разве она может оценить, что двери в нем закрываются, а окна открываются... Хватит с нее покупных игрушек!

Она не поймет, как мне больно, что я не смею даже полюбоваться на этот волшебный домик. Мне не подобает.

Ужасное слово. Но дядя не может без него обойтись. Он внушает Мате, что ей не подобает встречаться с молодыми людьми из плохих семейств. Не понимаю, каким образом он узнал, что семьи плохие?.. Ведь, чтоб узнать людей, надо с ними съесть пуд соли... Так говорит прачка Оля, а она не вчера родилась. Это заметно. Оля не такая уж молодая. Я думала, что она старуха, но с каждым годом она почему-то молодеет. Вова сказал, что это известный феномен: когда человек становится старше, окружающие начинают ему казаться все более и более молодыми. Вове хорошо: на каждый вопрос у него есть ответ. Можно подумать, что он держит его в

одном из карманов вместе с кучей других ненужных вещей. В последнее время Вова жалуется на то, что в кармане у него имеется все, кроме денег. Он обанкротился. Я уверена в том, что лошадиная Лиля разорила его на извозчиков и на розы из цветочного магазина. Никому не придет в голову купить ей букет у цветочницы с угла Екатерининской и Дерибасовской. Уличные цветы не пахнут. А по-моему они лучше пахнут, чем те, что гниют в окне магазина. А если бы кто-нибудь попробовал при ней торговаться с извозчиком, она бы с ума сошла от стыда.

Откуда у нее взялись аристократические замашки? Говорят, что лилин папа сидел у нас в коридоре и дожидался очереди. Я не знала, что стоит со Старопортофранковской переехать на Маразлиевскую, как становишься аристократом. Дядя считает аристократами всех у кого счет в банке. У него счета нет, но зато дом его там заложен. Вова сказал, что это сложная операция и не моего ума дело. Мне известно только, что надо платить проценты. Когда подходит срок, нос у Мати распухает, а дядя гордо отказывается от сладкого и уходит в самую дальнюю комнату. Чаще всего в вовину, где он и Матя без конца что-то обсуждают. Я бы посоветовала дяде продать дом. Тогда Мате не нужно будет сушить носовые платки на кафельной печке. А папе — платить проценты. Но уже поздно, проценты уплочены, и дядя ходит веселенький. Он думает о том, что когда мы, наконец, выедем на дачу, он останется на городской квартире и будет днем ловить мух и по вечерам разговаривать с родственниками из Балты. А если тете Тане пропишут морские ванны, он тоже поселится у нас на даче. Ничего, можно потесниться и места хватит для всех. Вова другого мнения. Он не перестает ругать морские ванны. Из-за такой дряни не стоит ехать пароходом в Одессу. Ему было бы про-

тивно влезть в морскую ванну, она вся желтая и шершавая. Он сумеет и в море помыться. Для этого существует мыло Кил Харченко. По-моему оно не мылится. Мыло Кил вроде гимназического мыла и тоже обладает свойством вмазывать грязь в кожу. Если после мытья вытереться никогда не просыхающим полотенцем, грязь может остаться на веки вечные. Сейчас у нас в гимназии завелись новые порядки. Каждые четверть часа в дверях уборной показывается голова начальницы. Она водит носом по воздуху и спрашивает, сколько нас, и почему мы засиживаемся. Все молчат. Изредко раздается звук, похожий на мычание. Это все. Мы отлично знаем, что нас больше чем нужно. Ведь до сих пор уборная была единственным местом, куда можно было скрыться.

У Вовы в Реальном училище там настоящий клуб. И пока никто из надзирателей не отважился туда войти, даже Пипин короткий. Почему-то вспоминаю детское утро в клубе «Беседа», где толстый драматический артист читал стихотворение «Вход воспрещается». За нами сидела дама в прошивках и страшно протестовала: «Безобразие! Мог бы выбрать более подходящий репертуар!». Остальные были очень довольны. Мне было безразлично. Случайно я заметила, что на пиджаке у артиста нехватает пуговицы и против своего желания в упор смотрела на пустое место. Кончилось тем, что толстый артист растрогался и, уходя, сказал: «Спасибо, спасибо, милые дети!». Благодарить было не за что. Мы пришли вовсе не ради него, а ради бочки счастья. А некоторые ради танцев. Моя подруга Ася отплясывала польку с мальчуганом в коротких штанишках. Мне было стыдно за нее. Но Ася ни капельки не стыдилась. Она считает, что у мальчика выразительное лицо. Меня пригласил на вальс один гимназист высокого роста, а я ответила ему, что принципиально не тан-

цую. Гимназист расхохотался. Он, верно, в первый раз в жизни слышал слово принципиально. Если б он учился в гимназии без прав для учащихся, оно бы его не поразило. Наша начальница его обожает. Почти, как слово: гуманно. Ей повезло, она жила в ту эпоху, когда оно употреблялось на каждом шагу.

Теперь гуманность вышла из моды. Ей я этого не скажу. Начальница способна будет вернуть мне мое сочинение о детском труде в Англии. А она собиралась хранить его до конца своих дней. Она выразилась иначе, но не стоит придираться к словам. Когда я становлюсь рассеянной, то вместо одного слова выскакивает другое. А сейчас я Бог знает на каком свете. Вчера мне позвонил Боря Гаевский. Он едет в лечебницу. Не в карете скорой помощи, как мне хотелось бы, а на самом обыкновенном извозчике. Боря Гаевский хотел со мной попрощаться. Я чувствовала, что он говорит так неестественно потому, что рядом с ним родители. Что еще за прощание! Ведь он не уезжает к тетке в Александровск. Лечебница совсем близко, я каждый день проезжаю мимо нее. Я кричала в трубку, что приду его навестить. Но Боря Гаевский говорил мне умирающим голосом, что еще неизвестно, будут ли пускать посетителей. Это зависит от врача. Бедный Боря, он не знает, что его врач это мой доктор. И ему не снится, что по временам я бываю в него влюблена.

Случается, что я по неделям его не вспоминаю. Зато бывают дни, когда я думаю о нем с самого утра. Я до того погружена в мои мысли, что не слышу звонка. Васса уверена, что я притворяюсь. Не может быть чтоб я оглохла. Вчера еще я говорила, что у меня почти абсолютный слух, а сегодня я, как стена. Мне хочется сказать, что это рассеянность, что ею отличались все великие люди. Но Васса может принять это за самохвальство. Больше всего меня ин-

тересует, увижу ли я доктора? Если б можно было узнать, когда он бывает в лечебнице? Но спросить не у кого и, вообще, никто не поймет моего вопроса. Недавно я завела с Надеждой Моисеевной специальный разговор о том, в какие часы врач посещает больных. Она ответила страшно неопределенно: «Иногда по утрам, а иногда перед вечером»... Мне в голову не могло придти, что она такая мямля. Бог с ней, пойду, когда меня пустят. Авось в коридоре я встречу моего доктора в халате ослепительной белизны. Но меня мучает новая мысль: что я отвечу, когда швейцар откроет дверь и спросит, куда я направляюсь? Надо будет дома заготовить фразу следующего содержания: я иду к больному такому-то в комнату номер такой-то... Вся жизнь состоит из мелких неприятностей и затруднений. Вова сказал бы, что я просто застенчивая, как все девочки моего возраста. С годами это должно пройти.

Вовины знакомые гимназистки застенчивостью не отличаются. Они полны презрения к таким особам, как я. Но знакомых реалистов и учеников Ришельевской гимназии они принимают всерьез. Как никак они личности мужского пола. Я слышала, что Вова скоро перестанет бывать у «сыра под колпаком». Он начал их бояться после того, как старшая сестра обручилось с одним восьмиклассником. Теперь Вова ни за какие блага в мире не останется с младшей, Зиночкой, в ее комнате, при одной свече. Потому что у них постоянно портится электричество. Это тоже родительские штучки. У «сыра под колпаком» особенные родители: они заманивают молодых людей. Зиночкин папа с ними на равной ноге и намекает на то, что нет ничего лучше ранних браков. Он ставит себя в пример: вот он женился рано и какая у него замечательная семья. Что же касается обстановки, то что тут говорить! Он обводит торжествующим

взглядом массивный столовый стол, буфет, два серванта, стулья в золотых гвоздиках и картину натюрморт: на ней неощипанная птица, похожая на индюка. Я у них не была, но Вова когда-то с таким восторгом описывал столовую, что мне кажется, что я там съела сто обедов и выпила пятьсот стаканов чая. Теперь он к ней окончательно охладел. Наша гораздо лучше. Даже столовая Немировых стала ему нравиться. Он простил им знаменитый самовар со Стесселем и искусственную птицу в клетке. Я боюсь, что Вова начнет расписывать квартиру лошадиной Лили, но он безнадежно машет рукой и уходит к себе в комнату.

Вова потрясен судьбой восьмиклассника. Он и сын артиста предвидит всю его горькую судьбу. Они знают, что стоит восьмикласснику заказать себе первый штатский костюм, как его обвенчают и отправят заграницу. Там он и старшая сестра будут делать вид, что учатся. Лучше всех жизнь заграничных студентов знают близнецы. Их брат был в Германии в университете. Под конец он совсем распух, так как питался какао с хлебом. Но не все же такие скупердяи, как папаша близнецов. Впрочем Вова переменил свое мнение. Он сказал, что имея жулика-компаньона и такое семейство можно с легкой руки положить зубы на полку. Меня удивляет, что Женя никогда не говорит о своих. Ему неловко, что у него большая семья. Но есть и преимущества: к нему переходят от старших разные замечательные инструменты и книги. Конечно, инструменты поломаны, а в книгах нехватает страниц, но это не так важно. Хуже то, что в жениных книгах поля всегда исписаны. Из-за этого они мне неприятны. Сейчас на моем столе лежат две женины книги, они полны всяких росчерков и пока я их отложила в сторону. Женю я давным давно не видела. Наверное, целых две недели.

Я не знаю, захочет ли он навестить Борю Гаевского. Во всяком случае я пойду одна, мне не нужны провожатые. И, если Женя за мной увяжется, я буду очень недовольна. Но это не в женином духе. Он деликатный и воспитанный. Не понимаю, как он попал в семью близнецов... Их сестра Тиночка, бывшая вовина богиня, мне тоже не по душе. Других я плохо знаю. Вова сказал, что каждый там тянет в свою сторону. Один Женя среди них какой-то выродок.

86.

В общем я могу готовиться к посещению лечебницы. Но надо, чтоб сперва сделали операцию. Это зависит от моего доктора. Он не спешит. Ему неизвестно, как я волнуюсь. Он думает только о себе и о своих пациентах. А я почти подружилась с Поцелуйкиной и только потому, что у нее вырезали слепую кишку. Она называет ее: червеобразный отросток. Дура-Поцелуйкина любит тошнотворные слова. Кроме того у нее мокрые губы и потные руки. Обычно это бывает у взрослых. У вечного студента тоже мокрые губы и ко всему он большой нахал. Он не заплатил за комнату отцу папиного корреспондента и первый перестал с ним раскланиваться. Отец корреспондента был потрясен, в его время таким молодцам портили репутацию. Он намекает на то, что вечный студент всех презирает и никого не боится, даже моего папу. Сказать это своими словами он не смеет. Он слишком запуган.

У нас отец корреспондента не был уже давно. Каждый раз, когда я смотрю на его пустой стул, мне кажется, что к нему прилипли волосики от шубы. Но это обман зрения. Геня сказала, что старичок не приходит потому, что заболела его жена. Она очень капризная и ей надо все время подавать то чай с лимоном, то манную кашу. Я представляю себе, как он несет стакан с горячим чаем, и руки у него дрожат

от волнения. Чай проливается на вытертый коврик. Но жене коврик не кажется вытертым. Она ругает отца корреспондента. Говорит, что он неудачник, что он погубил ее молодость и молодость ее дочерей. Но ведь он сделал это не нарочно. Он хотел, чтоб все было хорошо. Кто же виноват в том, что ему не повезло? А его бывший компаньон стал миллионером и квартира его занимает весь фасад дома на Полицейской улице. Он мне столько раз это рассказывал, что я точно знаю, где там кухня и где ванная. «У них есть комната для прислуги», — говорит отец корреспондента, и поднимает палец. — Комната для прислуги... Подумаешь, у нас прислуги живут на антресолях. У Юзи антресоли очень нарядные, а у Гени грязные и заставленные, потому что у нее столько бебехов. Я хотела подняться, но Геня кричит, что я себе сломаю ногу, а ей придется отвечать. Бог с ней, пусть хранит свои тайны. Я не собираюсь вмешиваться в ее жизнь.

Дядя тоже полон секретов. Он шушукается то с Матей, то с тетей Таней. Моя подруга Ася самая большая секретница — она выпучивает глаза и требует, чтоб я ей поклялась всем святым, что буду молчать. Потом она забывает про клятвы и сама пробалтывается. Не понимаю, почему многие доверяют мне свои тайны. Когда-нибудь я лопну от количества чужих тайн. Я очень боюсь, что Ланя захочет открыть мне тайну своего рождения. На него это похоже. Он всегда под влиянием библиотечных романов. По моей рекомендации, он стал ходить во французскую библиотеку, и мальчик с вдумчивыми глазами дает ему книги в желтой обложке. Они новые и еще без переплета и говорится в них только о любви. Как будто на свете не существует ничего другого. Я сама верю в любовь, но иногда я о ней забываю и у меня появляются более важные инте-

ресы. А сын артиста сказал, что богатство, слава и вообще все, это скамеечка для милых ног. Другими словами все на свете делается ради женщин.

Если так, то это очень глупо. Он сам знает, что бывают разные женщины. Из-за некоторых не стоит даже дойти до Александровского или Гейликмана. Постараюсь узнать, кого он считает женщинами. Неужели Верусю и лошадиную Лилю? Они пока еще девченки с большим самомнением. Но дело не в возрасте. Вова и сын артиста настаивают на том, что дело, именно, в возрасте. Человек меняется каждые семь лет. И не только умственно. Меняются все его клеточки, потому что, как это ни неприятно, он состоит из клеточек. Когда я изменюсь во второй раз, моя любовь к доктору может показаться мне смешной. Но нет, какой-то голос, не внешний, а внутренний, говорит мне, что просто я его не разлюблю. Для этого должен явиться другой, еще более замечательный. А разве он не единственный в своем роде? Таких выпуклых глаз, как у него, я еще не встречала. А его руки с короткими подстриженными ногтями! До того чистые, что это прямо неправдоподобно. Не стоит заглядывать в будущее. Сын артиста советовал мне жить сегодняшним днем. Но что было сегодня? Четыре урока и пятый гимнастика. Я сказала, что у меня безумно болит нога и учительница отпустила меня домой. Я ей, правда, показала колено, на нем было синее пятно: не знаю, грязь или синяк? После гимназии я сразу поехала домой, потому что Тане не хотелось идти пешком. Они ждут тетку из Москвы и Таня так волнуется, что забыла даже про музыку. Мне тетка антипатична, хотя я ее ни разу в жизни не видела. Я уверена, что она изображает из себя аристократку. И, наверное, похожа на жену шпиона, только та одесситка, а она москвичка и говорит все на «а», как в театре. Мне было скучно ехать в трам-

вае. Он привез меня слишком быстро и все удивлялись, почему я уже дома. Обычно я прихожу, когда уже собираются сесть за стол. Чтоб убить время, стала читать последний номер «Нивы», но в нем были одни военные. А после обеда пришла мадмазель и потащила меня на Николаевский бульвар. Я будто бы мало дышу воздухом. На бульваре она случайно встретила своего бывшего жениха, Володю. Мадмазель говорит, что это случайная встреча, а я уверена, что они заранее условились. Мне безразлично, я не буду мешать их счастью. Но ведь сама мадмазель мне призналась, что характер у Володи такой же мрачный, как его внешность, а теперь она крутится перед ним, как Эсперанса перед учителем словесности. В общем, встреча с Володей была самым главным происшествием. Я забыла сказать, что он пригласил нас в ресторан и угощал мороженым. Мадмазель хотела, чтоб я отказалась, а я и не подумала. Но мне опять стало скучно! Я пришла к заключению, что не стоит жить сегодняшним днем.

Мало ли какие бывают дни? А вот в будущем все должно быть необыкновенным, Для этого надо вступить в жизнь. И я, и мои подруги, мы еще не живем полной жизнью. Это мнение так устарело, что смешно его опровергать. Я отлично знаю, что живу более полной жизнью, чем Надежда Моисеевна или кузина Маня. У меня каждый день что-нибудь случается, а у них ровно ничего. Они ждут у моря погоды. Надежда Моисеевна рассказывает о том, что было на фельдшерских курсах или в аптеке у дяди, а кузина Маня не любит свое прошлое и боится будущего. Оно ей ни к чему, если не сулит необычайной, блестящей жизни. Вове не нравится ее напыщенность. Даже Тургенев сказал: «Друг Аркадий, не говори красиво». И Вова при всяком удобном и неудобном случае повторяет это. Конечно, он не поклонник Тур-

генева, но в нем есть кое-что. На вечеринке у лошадиной Лили Вова читал: «Как хороши, как свежи были розы»... Потом были другие мелодекламации, но самый большой успех имел Вова. Это признали все присутствующие за исключением близнецов. По их мнению Вова был не в своей тарелке. Но кто на них обращает внимание? Давно известно, что они любят все снижать. Вова им прощает. Они — друзья детства. Когда-нибудь они встретятся уже старыми стариками и будут хлопать друг друга по животу и вспоминать своих классных надзирателей. «А ты помнишь, как Пипин Короткий накрыл нас у Печесского?» — спросит старший близнец, и они начнут ржать, как будто это было вчера. За такие вещи надо многое простить. Интересно, что мы вспомним с Асей? Ее двор? Испорченного Мурку? Дочку лавочницы с Хаджибейского лимана? Смеяться мы не будем, а скорее, поплачем, потому что у нас обеих глаза на мокром месте. Особенно у Аси. Она всегда обижена. Не так, чтоб перестать разговаривать, но достаточно, чтоб я чувствовала себя негодяйкой и последним существом на земном шаре. Она намекает на то, что раньше у нее была подруга. А теперь она одна. И только из-за того, что не так хорошо играет на пианино, как некоторые. Мне хочется ей сказать, что она играет хуже, чем я, но у меня язык не поворачивается... Я знаю, что Ася разучивает вальс «Светлячки» и ей кажется, что он не уступит вальсам Шопена. Кроме того, в нашем классе и Сахно, и Мара Гольберг играют Шопена, а вальс «Светлячки» одна Ася.

Я не скажу ей, как мадам Трейн уговаривала меня учить его, но я наотрез отказалась. Если б это были «Дунайские волны», тогда другое дело. Мадам Трейн обиделась: «Дунайские волны» — не музыка. Их играют в цирке!». А мне нравится. Представляю себе, что я цирковая лошадь и под звуки «Дунайских

волн» танцую на арене. А рядом стоит цирковой директор и хлыстом показывает, куда надо поставить ногу: направо или налево. Кроме «Дунайских волн» я люблю вальсы из «Гейши», но их почему-то играют по слуху. Таня говорит, что это легкая музыка. А танина учительница музыки против нее: она признает только классиков и романтиков. Кто они такие, сама Таня толком не знает, и я не хочу ее смущать. Это опасно: она перестанет со мной разговаривать, а я буду ходить за ней, как побитая собаченка. В такие минуты я где-то, в самой глубине, ненавижу Таню. Но когда мы миримся я все забываю. Не то, что дочка доктора. Если кто-нибудь назовет ее дурой или растеряхой, она будет дуться целую неделю. Из-за этого она с Вассой на ножах. Одна ссора у них переходит в другую. А Берту Креде, как ни обижай, она молчит. Неужели ей безразлично? Она призналась мне, что ее интересуют только окна кондитерской. Особенно те, где выставлены торты с глазированными фруктами. Берта никогда не ела глазированных фруктов. Она думает, что у них божественный вкус. А я ела и стараюсь ее убедить, что ничего хорошего в них нет. Они приторные и если съесть середину торта, может начать тошнить. Но Берта не верит. Она думает, что я над ней издеваюсь, когда говорю, что изюм в сто раз вкуснее. Что такое изюм? Даже у них есть изюм и бабушка из Мекленбурга дает ей маленькую кучку и требует, чтоб она ела медленно. Мыть не стоит, от мытья изюма становится меньше.

А наша Геня, если захочет, будет раздавать его полными пригоршнями. И никто ей слова не скажет. На кухне она полная хозяйка. Гене завидуют все прислуги нашего дома. Кухарка Блазнеров говорит, что у них выдают сахар. А кусочки вареного мяса Блазнерша пересчитывает и бережет, как

драгоценность. Геня торжествует. Она тут же ставит на стол целое блюдо вареного мяса: «Ешьте сколько влезет. У нас оно не в почете». Чтоб досадить Гене никто не берет. Голодная прислуга Питкиных потянулась к нему, но на нее так посмотрели, что она чуть не провалилась сквозь землю. Она молодая и еще не знает правил приличия. Геня пронюхала, что я должна идти к Боре Гаевскому и предлагает мне взять с собой коржики с маком. Он их так любит. Откуда она это взяла? Неужели ей насплетничала Юзя? Я сказала Гене, что пойду навестить Борю завтра или послезавтра. Мой визит зависит от его мамы, а она очень нервная и боится, что ее Борю заразят после операции.

Я забыла сказать, что операция уже была. Борина мама телефонировала моей маме, хотя она с ней мало знакома, и без конца расхваливала доктора: «Он гений! Таких хирургов нет даже в Париже!». Я с ней согласна. И комплименты принимаю немного на свой счет. Выходит, что тень его славы падает на меня. Доктор бы удивился. Но мало ли чему мы удивляемся? Это еще не доказательство! Я удивляюсь тому, что Вова приглашает лошадиную Лилю в самые дорогие иллюзионы. Ведь наш «Двадцатый век» гораздо лучше. Я люблю сидеть в иллюзионе очень, очень долго. До тех пор пока ноги окончательно не затекут. Я удивляюсь близнецам: они постоянно влюбляются в вовину пассию и ухаживают за ней. В душе они знают, что у них нет ни малейших шансов на успех. Больше всего я удивляюсь кузине Мане. Ей до сих пор не надоело говорить о женихах. Она недовольна тем, что ее больше не сватают. Даже мама уговаривает ее ехать в провинцию. Я пробую вступиться за маму, но Маня непреклонна. Она всем надоела, она это чувствует.

Сейчас мне не до нее. Я готовлюсь к визиту в

лечебницу и складываю подарки в мешочек от перламутрового бинокля. Он лиловый с отливом и, наверное, понравится Боре. У него хороший вкус, поэтому он все критикует. Когда он начинает внимательно на меня смотреть, я пугаюсь. Сейчас он скажет, что нет ничего глупее бантов. Особенно, если они торчат, как накрахмаленные. Дамские моды ему не нравятся. Но больше всего он издевается над фикусами и искусственными пальмами. Я спросила его, как он относится к настоящим, живым пальмам? Он ответил, что они для оазисов, а не для гостиной.

По-моему гостиная — оазис в городской квартире. Но Боря Гаевский вообще против гостиных. Пусть в них сидят мещане. Он будет проводить свои одинокие вечера в огромном кабинете, где зеленая лампа бросает на письменный стол огромный круг света. Такой кабинет я видела в одной пьесе и рассказала Боре. И он его присвоил. В лечебнице зеленых ламп нет. Там все белое. Потому я выбрала лиловый мешочек. Мне жалко с ним расстаться, но это мелкое чувство. Ведь бинокль можно завернуть в носовой платок. А может быть Надежда Моисеевна подарит мне мешочек, вышитый мелким бисером. Я на него давно нацелилась. Я знаю, что его вышивала жена дяди-провизора. Надежда Моисеевна не любит свою тетку. Зачем же хранить подарки? Неужели она боится, что та вдруг нагрянет и начнет спрашивать: где мешочек?

Есть такие люди. Они не могут расстаться с мыслью, что сделали вам подарок. Их интересует, как он, что с ним? Нравится ли он вам по-прежнему? Сегодня ни с того, ни с сего, Тоня Калиниченко подарила мне коробочку, усыпанную мелкими ракушками. Это удивительно красивая вещь. И если Боря Гаевский посмеет ее раскритиковать, я прекращу с ним всякие отношения. Тоня сказала, что дарит мне коробочку,

потому что я подарила ей стеклянный шар. Стоит его потрусить и внутри падает снег на Эйфелеву башню в Париже. Не помню, когда я дала Тоне этот удивительный шар. Но если папин представитель привезет мне такой же, я подарю его кому-нибудь другому. Я обожаю дарить. Юзя сказала, что мне ничего не жалко. Я могу вынести из дома все, что угодно...

Что за чепуха! Я дарю только свои вещи и время от времени передариваю подарки. Я не виновата, что дарят всякий хлам, и его почему-то нужно свято хранить. А я не такая собирательница сокровищ, как Вова. Они у меня вечно заваливаются в глубину письменного стола и найти их нет никакой возможности. Тане я подарила уже всех артистов от Александровского и из другого писчебумажного магазина, где в окне много пятикопеечных открыток на глянцевитой бумаге. На них дамы с пышными бюстами, а иногда парочки. Он обнимает ее за талию. Такую гадость я дарить не стану! Мне нужен Шаляпин в мефистофельском плаще или Собинов в роли Ленского. В другом магазине меня тоже хорошо знают. И приказчик, там есть приказчик, сразу пододвигает ко мне ящичек с артистами. Хорошо покупать в знакомых магазинах. Со мной вежливо здороваются и спрашивают, как здоровье папашеньки и мамашеньки. Владельцы магазинов, особенно Александровский, помнит мое пристрастие к ненужным вещам. Им ничего не стоит меня уговорить.

Часть вещей я несу Боре Гаевскому. В лечебнице у него много свободного времени, и он во всем разбирается. Главное, внимание с моей стороны. Меня учили, что подарок это внимание и надо быть благодарным, даже если он не нравится... Сколько раз Тубенкопф дарила мне книги для детей младшего возраста, например, сказки Пушкина в картонном пе-

реплете. И я благодарила, как полагается, без намеков на то, что у меня есть полное собрание сочинений Пушкина. Эта семья все равно не понимает намеков. Пусть берут пример с Якова Соломоновича! Прежде чем сделать подарок, он заводит со мной длинный разговор. Ему хочется знать мои заветные желания. И я с удовольствием их перечисляю. Я не напрашиваюсь на подарки. Я хочу только облегчить его задачу.

Мне давно известно, что Боря Гаевский мечтает о Бреме, но всех моих средств не хватит на один том, а там несколько томов. Что ж делать, пусть довольствуется малым, как говорят взрослые. Не все, конечно. Мои родители этого не скажут. Такие советы могут давать только черствые люди и эгоисты. Они не обязательно дети альтруистов, как думает наша начальница. Может случиться, что в роду у них одни эгоисты и для себя они хотят многого, а другим оставляют самую малость. Мама рассказывала, как на благотворительном заседании известная дама-патронесса возмущалась тем, что бедным детям дают какао. Маму это так взволновало, что она не хочет больше быть благотворительницей. Я предложила тогда отдать патронессу на съедение голодным зверям. Вова был поражен моими кровожадными инстинктами. Он по-видимому считал меня более цивилизованной.

Я уже слышала одним ухом, что мир надо перестроить. В таком случае начну с мадам Рабинович. Я недавно была в ее кошачьем переулке. Меня послали отобрать мамины летние матине и лифчики. За полквартала было слышно, как надрывался от кашля муж мадам Рабинович. Когда у него такой приступ, может показаться, что сейчас рухнет потолок и развернется земля и все поглотит, как при землетрясении. Мадам Рабинович мне очень обрадо-

валась. — Сейчас она завернет... Но не дожидаясь пакета, я протянула ей деньги: три бумажных рубля и серебряную мелочь. Мадам Рабинович вся засветилась и стала вдруг похожа на свою карточку в подвенечном платье. Странно, люди часто улыбаются, когда видят деньги, а вместе с тем революционеры, вроде близнецов, говорят, что деньги — страшное зло. Сами они обожают наличность и готовы идти на все комбинации, лишь бы раздобыть ее.

Для Вовы деньги не цель, а средство. Он умеет их тратить. Это дано не всякому. Мне это дано. Я не успокоюсь, пока не истрачу все до последней копейки. Таня ругает меня за расточительность. Она слишком книжная и к деньгам отношения не имеет. При ней я не осмелилась бы купить на улице мокрую башмалу или семитати. В кондитерские она ходит, но до уличного угощения еще не дошла. Хорошо, что танина мама не видит, с каким знанием дела ее Таня выбирает пирожные, она бы лишилась чувств. Если б можно было подражать близнецам, я сказала бы, что Таня переплевала меня. Я выискиваю самые большие пирожные, по возможности двухэтажные, а Таня опытным взглядом художника сразу определяет в каком больше крема.

У нее зоркий глаз. Она видит все недостатки. Ей ничего не стоит сделать мне замечание, а я страдаю, прежде чем соберусь с духом сказать ей что-нибудь неприятное. Это происходит из-за того, что я ставлю себя на место других. Я знаю, что бы я переживала, если б была в их положении. Вова смеется над моей чувствительностью. Но не может же быть, чтоб все люди были такими толстокожими, как братья Калиниченко или как его любимые близнецы? Он сам говорит, что у лошадиной Лили обнаженные нервы. Мои нервы обнажены не меньше, чем у нее. Еще три месяца тому назад наша докторша написала, что у

меня повышенная нервная возбудимость. Началось с того, что она нацарапала на моей груди какие-то таинственные знаки и они ни за что не хотели бледнеть. Но я совсем не возгордилась. Я не единственная в своем роде. Боря Гаевский нервнее меня в сто тысяч раз. Когда он сердится, зрачки у него, как две черных точки. В такие минуты он напоминает кота с черного хода. Того, что ест арбузные корки. Я все время думаю о Боре Гаевском. Вова говорит, что этот мальчик ему безумно надоел. Он готов уехать в другой город, лишь бы не слышать о нем. Ну что ж, буду все таить в себе, как делают герои романов. С моими подругами я боюсь делиться. Они подумают, что я влюблена. Сколько бы я ни клялась и ни божилась, ничего мне не поможет. Даже Таня возьмет меня на подозрение. Я с ней условилась, что прежде, чем полюбить кого-нибудь, мы будем советоваться. Таня не замечает, какая она влюбчивая. А обо мне лучше не говорить, чтоб моя тайна как-нибудь не просочилась. Недавно сын артиста сказал, что все тайное рано или поздно становится явным. Но это не имеет отношения к любви. Ее можно унести с собой в могилу.

Боюсь, что моя подруга Ася никогда не влюбится. Она не посмеет. Ее тетя Ився тоже не хотела огорчать братьев и вышла замуж за кожаного фабриканта. И что ж, Ася слышала, что он живет с горничными. Но ведь это вранье. Он живет со своей женой в квартире из четырех комнат и у них нет горничных. Тетя Ився хотела бы иметь горничную в наколке, но кожаный фабрикант решил, что хватит с нее прислуга за все. Горничную они наймут в том случае, если ему устроят крупные представительства. Как видно он такой же жмот, как мадам Блазнер. Он жалеет уже, что подарил тете Ивсе каракулевый сак. Не его дело дарить меха! При всем своем

уважении к мужчинам, Ася не может быть на его стороне. Слава Богу, наконец-то у нее откроются глаза! Этого я ей не скажу. Ася думает, что она умнее меня. Правда, за всю свою жизнь она сочинила только одно стихотворение, зато во всем остальном она может дать мне сто очков вперед.

Не понимаю, почему все считают себя умными. В нашем классе только Берта Креде и Лида Родиопуло к уму относятся равнодушно. К ним можно было бы присоединить Тоню Калиниченко. Но когда Надежда Игнатьевна сказала ей, что она набитая дура, Тоня разрыдалась и холстинковый передник сразу превратился в мокрую тряпку. Она, как видно, претендует на ум. У Берты Креде никаких претензий. А Лида Родиопуло ум считает ненужным придатком. Но она вовсе не глупа. Она хитрее многих и хитростью довела меня до того, что я подарила ей мою первую и последнюю брошку. Лида ухитрилась внушить мне, что брошка эта не подходит к моему размеру. Самой умной считает себя дочка доктора. Она унаследовала ум от своего папы. Я видела его издали и умным он мне не показался. У него слишком толстое лицо. Умные лица должны быть худыми и тонкими.

Матя помешана на тонких лицах. Если лицо на несколько сантиметров шире обычного, она в ужасе: «Это не человек, а животное!». Она выражается не так резко, но в уме я ее исправляю. Мне противны все эти фигли-мигли. Надо говорить все или почти все, что думаешь. Хотя Вова уверен, что если б люди говорили правду, не было бы больше ни дружбы, ни любви, ни других чувств. А без них жизнь напоминает безводную пустыню. В моей жизни нет ничего пустынного. Куда я не повернусь, всюду люди. Начиная от отца папиного корреспондента и кончая еврейским писателем. Они совсем древние! Дедушкин

друг, Хармак, был еще дервнее, но он исчез. Я думала, что он умер и его похоронили на Втором еврейском кладбище. Оказывается он жив. Папа сказал Вове, что у Хармака отнялись ноги. Мне не говорят таких вещей: я слишком впечатлительная. Представляю себе бедного Хармака в кресле на колесиках. На Малом Фонтане я видела такую даму. Про нее ходили слухи, что никто с ней не может ужиться. Дама была одета с иголочки, а на взбитые волосы она водрузила шляпу из ландышей и незабудок. Ее кресло подталкивала пожилая сестра милосердия и дама все время звала ее, как зовут собачонку: «Сестра, сестра...» Я ее не жалела. А Хармака мне жалко до слез. Я готова, если нужно, толкать его кресло. Но я даже не знаю, где он живет и есть ли у него кресло?

Некоторых людей мне почему-то не жалко, и я возмущаюсь, когда их называют несчастными. Мама жалеет жену Тубенкопфа, а я нисколько. На ее месте я дала бы Володичке палкой по голове или, еще лучше, ударила бы его старым стулом, так, чтоб он тут же раскололся. Кто ей велит терпеть? Мама недовольна моими рассуждениями. Она говорит, что я не знаю жизни. А я не сомневаюсь в том, что Володичка изменяет своей жене. В романах это случается на каждом шагу. Родители Бори Гаевского тоже несчастны: каждый по-своему. Но может быть их помирит борина операция. Я видела в «Двадцатом веке» одну замечательную картину как раз на эту тему. Ребенок в ней, к сожалению, был меньше Бори Гаевского. И он умирал. А Боря не собирается умирать. Это зависит не только от него и от моего доктора, но и от самого Господа Бога. Так думает прачка Оля. По ее мнению: «Без Бога не до порога»...

87.

Завтра я узнаю, помирились ли борины родители. Если помирились, он, наверное, счастлив. Ему больше не надо принимать чью-то сторону. В общем поживем-увидим. Мой доктор не знает, что я собираюсь в лечебницу. Мне удалось выяснить, когда он там бывает, и я пойду именно в это время. Необходимо, чтоб он видел, какая я самостоятельная. Пусть знает, что меня уже не водят за руку, как девочек Блазнер. Я могу вести других. Сколько раз я указывала дорогу незнакомым старушкам! Был случай, когда извозчик спросил меня, что это за улица и как она называется. Доктор не подозревает, что я бываю в паштетной. Там на меня смотрят косо, но мне это безразлично. Надо считаться с теми, кого уважаешь... А за что мне их уважать? Они хотели меня обжулить, но я их разоблачила. Самостоятельность имеет свою неприятную сторону: в галантерейном магазине Борнштейна требуют, чтоб я сию секунду объяснила старой мадам Борнштейн, что я хочу. Ей надоело смотреть, как я перебираю нитки для вышивания. Я не вышивальщица. Это она видит по моему лицу. Когда я прихожу с мамой, старуха Борнштейн гораздо милее. Она восхищается тем, как я выросла. А мама смущенно отвечает: «Да, она растет»... От самостоятельного хождения к Букинери тоже остался скверный осадок. Он накинулся на меня, как вепрь и почти

вырвал из рук книгу. Это был библиотечный Диккенс. И, вообще, я пришла купить подержанную географию Иванова, а продавать я ничего не собиралась. Услышав про Иванова, Букинери заторопился: — Сейчас он даст мне самоновехенькую, только с двумя чернильными пятнами на обложке. Внутри она без единого пятнышка.

У Чудновского мне приходится много терпеть. Меня не замечают. Приказчик без конца разговаривает с дамой в котиковой шубе. Он хочет доказать, что варшавская колбаса лучше кишиневской. Но дама не соглашается. Она из Кишинева. Там все самое лучшее. Свободнее всего я чувствую себя у Александровского и у Гейликмана. Александровский посвящает меня во все свои дела, а Гейликман обязательно хочет надушить одеколоном из бутылки с лайковой пробкой. Все это я говорю к тому, чтоб показать, что я уже не Надюша с торчащими косичками. Ту можно было взять двумя пальцами за подбородок и говорить с ней особым, полушутливым тоном. С Надей такие номера пройти не могут. Я посмотрю ему или ей в глаза своими блестящими, как звезды, глазами, и сразу станет ясно, что я уже не та, что была. Я расту. Я переросла Асю и была бы одного роста с Тоней Калиниченко, если б не ее туфли на маленьких каблучках. Мои до противного плоские. В следующий раз обязательно вымолю себе каблуки. Сам Окунь на моей стороне. Он называет меня: маленькая барышня и все время подчеркивает, что я уже не ребенок. Но мама не верит. Я расту и в другом смысле. Я перестала плакать. Теперь у Кати глаза на мокром месте. Но она терпеть не может, когда я говорю, что она распустила нюни. Катя напоминает мне, что я сама недавно нюнила. Пропускаю это мимо ушей. В нашем классе и без меня достаточно плакс. У Топсика слезы, как настоящие градины, а Поцелуй-

кина плачет носом. Она хмыкает и сморкается во что придется. Однажды она высморкалась в руку. Я чуть не умерла от отвращения. Не буду ей более подавать руки.

Моя подруга Таня не плачет, она волевая натура. Но у нее краснеет переносица, как у маленьких детей. Таня была бы в ужасе, если б узнала. Бояться нечего, я не проговорюсь. Я не люблю уличать, как делают некоторые. Например, близнецы. Они уличают Вову в том, что он противоречит себе на каждом шагу. Вова смеется. Его такие вещи не трогают. Тем более, что он вовсе не противоречит. Он мыслит вслух. Это не значит, что он сам с собой разговаривает, как Марьяшес или сумасшедший Мойсейка. Он это делает сознательно, а они абсолютно бессознательно. Но почему-то, если Мойсейке крикнуть: семнадцать! он съеживается и начинает дрожать, как маленький цюцик. А что такое семнадцать, никто не знает. Кроме Марьяшеса и Мойсейки есть еще старуха с лорнеткой на коралловой цепочке. За ней бегают мальчишки и поют: «Хахаль, хахаль, где твой хахаль?» Старуха поднимает к небу перевернутый зонтик и кричит не своим голосом: «Пошли вон, мерзавцы!». Я спросила дома, что такое хахаль и на меня посмотрели, как на Марьяшеса... От испуга я чуть не проглотила язык. Мне самой не нравится слово «хахаль». Оно голое и скользкое. Его нет в словаре. Я проверила. А там много неприличных слов. Их хочется поскорее забыть, но трудно забывать по команде. Они все время лезут в голову. Хорошо, что никто не догадывается, даже Ася. Она мне созналась, что испорченный Шурка говорил при ней странные слова. Было очень страшно, но уйти она не посмела. Она стояла, как дура, и слушала. Тогда Шурка заявил, что они два сапога пара. А Ася так была напугана, что не решалась больше ходить во двор. Из

окна она видела Эльзуню и шуркину сестру, Нину, они сидели на зеленой скамейке и сплетничали. Но Ася, все-таки, не спустилась. А что, если испорченный Шурка вдруг при всех скажет что-нибудь неприличное. Я рада, что с ним раззнакомилась. Он опасный человек. Боря Гаевский встретил его на чьем-то дне рождения и говорит, что Шурка — преступный тип и, несомненно, плохо кончит.

Мне было странно, что Боря Гаевский вдруг заговорил языком родных и родственников. У них все плохо кончают. Чтоб хорошо кончить, надо быть пятерочником. Мало того, надо иметь пятерку по поведению. Не мешает также иметь пять по прилежанию. Но великие люди вовсе не были хорошими учениками. Некоторые считались шалопаями и им тоже говорили, что они плохо кончат. А они, как на зло, удивили весь мир. В одном я уверена: из испорченного Шурки ничего хорошего не получится. И не из-за его испорченности, а потому, что он трус. Он дразнит слабых, но стоит дать ему отпор, как он становится шелковым. Кроме того, он подлизывается ко всем пожилым тридцатилетним дамам, и они от него без ума. Для них он красавчик, умница, сплошное совершенство. Борю Гаевского дамы терпеть не могут. Им, наверное, кажется, что он их видит насквозь. Он с ними вежлив и только. Быть приятным — ниже его достоинства. Я надеюсь, что в лечебнице ни одна из сестер милосердия не попыталась погладить его по голове или ущипнуть за щечку. Боря с пяти лет отвергает всякую фамильярность. А младший медицинский персонал обожает фамильярничанье. В санатории, где когда-то лежал дедушка, одна гнилозубая сестра назвала его деточкой. Дедушка до того обиделся, что потребовал счет. Он желает выехать сейчас же немедленно. Папа его с трудом успокоил, а сестре, как и в прошлый раз, преподнес ко-

робку конфет от Абрикосова. Она сказала, что такое внимание — бальзам для ее измученной души, и это мне очень понравилось. Я люблю неправдоподобные выражения.

Вова нашел, что напрасно она щебечет, в ее возрасте нельзя быть институткой. Ни Веруся, ни Тамара не скажут таких пошлостей. Бог с ними, пусть говорят все, что угодно. Когда-нибудь им придется уступить место другим Верусям и Тамарам. Я заранее их жалею. Это неискренная жалость. Что делать, я не такая честная, как Муся Логинская! Она без пятнышка, а на мне, наверное, пятна разной величины. У меня есть только одно достоинство: я умею прощать. Я простила дочке доктора все ее глупые нападки. Пускай думает, что у нее соловьиный голос, а у меня лягушечий. Ведь она в самом деле квакает, а я пою. Маре Гольберг я без всякого труда простила ее презрение к моей музыке. Я сама не очень-то верю в мое музыкальное призвание. Но когда Мара Гольберг говорит, что мадам Трейн — неуч, мне за нее больно. Да, она кончила музыкальное училище, но что из этого следует. Вот Матя учится в консерватории, а толку никакого. Она уже больше полугода разучивает этюд для левой руки... Маре хочется быть первой пианисткой в нашей гимназии, и я знаю, что ей спать не дает слава Сахно. Она вымышленная, но о ней так много говорят, что скоро она станет настоящей. Я сама начинаю в нее верить. А стоит мне посмотреть на ее блинчатое лицо и вера сразу пропадает. Всякому дураку известно, что у будущих пианистов должны быть одухотворенные лица. Но какая может быть одухотворенность у девочки с крохотным носом?

У моей подруги Тани есть задатки будущей знаменитости. Поэтому и еще по другим причинам я ей все прощаю. И когда она ранит меня своей хо-

лодностью я начинаю видеть ее московскую тетку, ее двоюродного брата, почти что революционера, ее профессоршу. Сердиться! На Таню я не могу, это свыше моих сил. На моем месте Васса взорвалась бы как дачная ракета и потом сразу потухла. От ее крика становится весело. Я знаю, что ей противны такие сони, как Лида Родиопуло и Берта Креде, и она готова шпынять так, как ее шпыняют дома. Но Берту Креде ничем не проймешь. Вассины слова отскакивают от нее, как горох от стенки. Когда Васса становится слишком настойчивой, она бурчит, но так лениво, что можно заснуть вечным сном. А Лида Родиопуло вместо того, чтоб отругиваться, предлагает Вассе, а заодно и мне, замечательный розовый рахат-лукум. Она хочет залепить нам рот. Ася совсем другая: она копит обиды. Она способна припомнить все, что было, и чего не было за всю нашу жизнь. Даже то, как в клубе «Беседа» я наступила на ее замечательные лайковые ботинки с лакированными носами. Я будто бы сделала это нарочно. Ася забывает, что мы были тогда маленькими девочками и что с тех пор прошла целая вечность.

На хорошее у Аси короткая память. Она не помнит, как я учила ее сочинять стихи. А теперь я, кажется, сама разучилась сочинять. За последнее время я не написала ни строчки. Неужели моя подруга-муза меня покинула? К счастью Вова решил выпустить журнал после каникул. Сейчас он слишком занят своим романом с лошадиной Лилей. В душе он мечтает о развязке, потому что Лиля слишком требовательная. Ей нужно, чтоб поклонники в любое время дня и ночи были у ее ног. Так она сказала Вове и в ответ он нагло расхохотался. Это прибавляют от себя близнецы. Они постоянно вмешиваются не в свое дело. Журналом Лиля не интересуется. Не то, что Веруся. Та хотела писать о велосипедном спорте

и о спорте вообще. А Лиля далека от таких жизненных вещей. По словам тех же неприятных близнецов: «она поднялась к небу на целый каблук». Это не так остроумно, как они воображают. Тем более, что все — плагиат. Недаром они роются в старых журналах. Там всегда можно что-нибудь выкопать. Если б я хотела, я тоже могла бы найти стихи забытых поэтов и выдать их за свои.

Сын артиста сказал, что плагиат довольно распространенное занятие. Самый умный мальчик Жора выписывает длиннейшие фразы из Брокгауза и Эфрона и никогда не ставит кавычек. Можно подумать, что он это сам состряпал. Главное, себя зарекомендовать, а затем уже делай, что хочешь. Он и Вова живут за счет своей репутации. Они могли бы по месяцам не заглядывать в учебники, им все сходит с рук. В крайнем случае, у Вовы появляются налеты в горле. Не знаю, что делает по этому поводу доктор Ашевский. У него непроницаемое лицо. И он с тем же видом утопленника прописывает малиновую микстуру и растирание ароматным уксусом. После него в комнате начинает пахнуть чем-то кислосладким. Запах въедается в кровать, в стены, обивку единственного кресла... Из-за растираний я стараюсь болеть не слишком часто. Зато моя подруга Таня вечно болеет и болезни у нее настоящие, невыдуманные. В таких случаях меня дальше входных дверей не пускают.

Я звоню, не очень сильно и на звонок открывает дверь прислуга, но чаще — танина мама. «Это нам задано на завтра», — говорю я детским фальшивым голосом и тычу ей скомканную бумажку. «Спасибо», — говорит танина мама, — к Тане пока нельзя»... Если бы Таня пришла к нам, ее, наверное, попросили бы войти. Она могла бы оставаться у нас, сколькое захочет. Но у Тани по-другому. Ее мама не

любит, чтоб приходили без спроса. Она удрала из Мариуполя, потому что там принято ходить в гости на огонек. И как она ни закрывала ставни и ни завешивала окна, свет проникал на улицу и к ним приходили каждый день одни и те же.

К нам тоже приходят одни и те же люди и чем чаще они ходят, тем приятнее: они стали частью нашего дома. В столовой опять ночует кузина Маня. Дедушка выздоровел и она может спать на диване. Это какой-то железный диван. Кто из родственников на нем не спал и он не вытерся. Можно подумать, что его только вчера привезли из мебельного магазина Фишера. Мой любимый гость, Яков Соломонович, наконец вернулся из Петербурга. Он целый вечер говорил о том, как важно иметь связи. Вове он советует серьезно об этом подумать. Но Вова не любит, чтоб ему давали советы. Мысленно он смотрит сверху вниз на Якова Соломоновича и, все-таки, слушает его: прерывать как-то неприлично. Я боюсь, что вот-вот он фыркнет. Но к счастью, Вова сдерживает себя. На другой день он будет читать близнецам лекцию о пользе связей, и они будут ржать, как молодые жеребцы. А я чувствую, что Яков Соломонович не так уж неправ. И он вовсе не такой неудачник, каким его хотят изобразить. У неудачников нет ни шелкового шарфа-кашне, ни носовых платков ослепительной белизны, ни подарков по всем карманам... Они обычно дочитывают чужие газеты, а Яков Соломонович приносит хрустящее новенькое «Фигаро» и всегда мне его показывает. — Это лучшая французская газета, — заявляет Яков Соломонович. Я ему верю. Другие французские газеты мне еще не попадались. Говорят, в магазине Распопова есть все французские газеты и журналы, но я туда не хожу. Однажды перед витриной Распопова я увидела нашего Букинери. Он с большой неприязнью смотрел на

книги в нарядных переплетах. Ему, наверное, казалось, что его подержанные гораздо чище и новее. Ясно, что у него завистливый характер. Мадам Рабинович ведь не критикует магазин Альшванга на Дерибасовской улице. Она сама мне говорила, что там блузки не хуже, чем у нее. Она, наверное, ждала, что я скажу, что ее кофточки лучше, но я промолчала. Не хочу льстить. Если б я была уверена, что она сошьет мне лифчик на крючках я бы, может быть, польстила. Но у мадам Рабинович свои понятия о лифчиках и тут она не уступит.

Вспомнила я о ней совершенно случайно. Сейчас у нас работает домашняя портниха. Не наша, а другая, та, что шьет по одному платью в день. Их надо потом переделывать, и переделка занимает иногда два дня, но тем не менее за портнихой установилась репутация одного платья в день... Она так торопится, что не успевает досказать историю своей жизни. К чему эти ненужные вопросы, лучше выдергивать наметку — так думает однодневная портниха. Но я с ней не согласна. А мне постоянно твердили, что все люди братья. И хотя я давно знаю, что никакого братства нет, но примириться с этим не могу. Неужели и равенства нет? А свобода — сон золотой, как думает сын артиста. Он, как видно, это вычитал. Но сын артиста клянется и божится, что авторство принадлежит ему.

В общем, от свободы, равенства и братства ничего не осталось. Зачем же тогда Зиновий объяснил Мате, что это лозунг французской революции? Я до сих пор помню, как он упрекал Матю в том, что она равнодушна к движению... Матя закрывала глаза и говорила, что она не равнодушна. Зиновий не верил. Он требовал доказательств. Сейчас он отстал от движения и скорее движется в обратном направлении. Сама Вера Львовна верила когда-то в лозунги,

а теперь она живет в столице, в доме, где есть швейцар. Лане швейцар не дает покоя. Он хотел бы, чтоб я прониклась к нему уважением. С меня хватит и дворника. Ланя возмущен. Как я могу сравнить обыкновенного дворника в рубахе на выпуск с швейцаром в расшитой золотом форме. Он говорит так, будто всю жизнь был швейцаром. На самом деле он швейцаров в глаза не видел. В Петербург его не приглашают. Во-первых, у него нет правожительства; во-вторых, муж Веры Львовны, старый холостяк, легко раздражается. Ланя будет действовать ему на нервы.

Ланя нисколько не обижен. Холостяк ему тоже действует на нервы. Он терпеть не может угрюмых, неприветливых людей. Вот его бабушка, та совсем из другого теста. Она даже не расстроилась, когда умер ее муж. Тот, что посылал голову вперед. Врачи сказали, что рано или поздно ее скрутит ревматизм, но на бабушкин характер это не повлияло. Я была с мамой у нее в гостях. Она сидела в кресле, подпертая со всех сторон подушками, и рассказывала анекдоты. Ланина бабушка угощала нас тянучками собственного изготовления и необыкновенным заграничным шоколадом. В конце она подарила мне коробку из-под шоколадных конфет и сказала, что я могу класть в нее мои драгоценности. Но у меня их нет. Бабушка рассмеялась: «Будут, будут!». Тогда я сказала, что я за свободу, равенство и братство и драгоценности мне не нужны. И бабушка не на шутку испугалась. Она решила, что у меня жар. Мама ее успокоила. Она знает мои революционные воззрения: они то появляются, то исчезают, в зависимости от того, с какой ноги я встала. Я не возражаю. К чему обнажать свою душу? Все равно никто не поверит, что я против общественного строя, совсем, как старший брат близнецов. Кроме революции, у их брата есть еще одна идея: кружки для самообразо-

вания. Вова попал бы в такой кружок, но папаша близнецов вовремя пронюхал, что у них будут сборища. Он сказал, что только через его труп эти босяки смогут проникнуть к нему в дом. Я представила себе, как он, вытянувшись, как труп, лежит на пороге квартиры и мне стало безумно смешно. Сочувствия у меня не было. Хотя я сочувствую всем и поэтому не раз ссорилась с Вовой. В последний раз была стычка из-за гениной сестры. Мне жалко, что она во всякую погоду сидит на базаре и руки у нее почернели от холода. А Вова считает, что почернели они от грязи и, что сама сестра до того разъелась у нас на кухне, что уже не может встать со стула. Я объясняю это тем, что она распухла, но Вова неумолим. А вот папашу близнецов мне абсолютно не жалко. Я не люблю его за то, что он раздает щелчки и затрещины, а больше всего потому, что он сам делит мясо. Мне говорили, что все мужчины в Англии это делают. Но что мне до Англии! Там другие люди, другой климат, все другое. Для Одессы такие вещи не подходят.

88.

Одесса славится гостеприимством. Одессит, если сам не приглашен, то кого-нибудь приглашает. Я, например, наприглашала весь наш класс. И половина девочек обещала приехать к нам на дачу. Вторая половина пока молчит. И я надеюсь, что многие не приедут: для них все равно не хватит места. Тем более, что Вова пригласил своих товарищей и всех с ночевкой. Я заранее знаю, что они будут ездить целой кампанией в театр на Большом Фонтане, а меня не возьмут. Но я уже там была, на Орленеве. Ставили пьесу «Горе злосчастие», и на спектакле я так рыдала, что глаза мои превратились в щелочки. А носовой платок с мережкой сначала намок, а потом стал твердым, как булыжник. Я всегда плачу в театре, но такого потопа еще не было. Сын артиста, сказал, что театральных слез не надо стыдиться: они просветляют душу. И, действительно, на другой день у меня было чудное настроение. Я думала о том, нельзя ли «Горе Злосчастие» приспособить для дачного спектакля. В конце концов я приняла решение поставить пьесу «Денщик подвел», но в моей переделке. Я помню, что прислугам с нашей дачи пьеса очень понравилась. Это было не хуже, чем у любителей с дачи Свирского. И никто не острил и не называл нас губителями искусства... Может быть потому, что наши зрители не знали, что такое искусство.

В этом году Катя собирается участвовать в живых картинах. Она хочет быть ангелом. На это я вряд ли соглашусь. Пусть будет больным ребенком. Но Катя заранее отказывается. В крайнем случае, она согласна быть весной из картины: «Четыре времени года». Не могу понять, почему она решила, что будет все, как было до сих пор. Ей не приходит в голову, что можно обойтись без живых картин. А я почти решила от них отказаться, тем более, что благотворительная семья переехала в Кривой Рог и надо искать других гордых бедняков. Нищие нам не подходят. По правде говоря, мне всегда стыдно совать какую-то мелочь. Но я не знаю других способов. Подожду когда мир переделают, а пока буду поступать, как все. Утром по дороге в гимназию я дала нищему с бельмом на глазу три копейки, и он неожиданно сказал «мерси». Значит, он бывший человек, как герои писателя Максима Горького. Может быть его выгнали из гимназии и он докатился до Ришельевской угол Троицкой. Там его постоянное место. Он меня перехватывает, когда я иду в кондитерскую Гетинга и из-за него я съедаю на одно пирожное меньше. В день, когда Боре Гаевскому делали операцию, я дала ему вместо трех — пять копеек. И нищий с бельмом ни капельки не удивился.

Вова считает, что это суеверие и сделка с Господом Богом. Ну что ж, сделка так сделка, не я ее придумала! Так или иначе, Боря Гаевский выздоравливает и сегодня в четыре часа я иду к нему в лечебницу. От волнения я уронила часики и они остановились. Мне придется каждую минуту спрашивать: который час? И на меня будут шипеть, как на нашу «В», или на Поцелуйкину. Она безумно приставучая. Кстати, у нее нет часов, и она постоянно дергает за рукав свою соседку по парте. А я мечтаю о том, чтоб не было пятого урока! Может же заболеть учи-

тельница пения! Тогда нас отпустят на час раньше, и я сумею окончательно сложить подарки и перевязать их лиловой ленточкой, под цвет бархатного мешка. Попрошу, чтоб Боря Гаевский тут же открыл пакет. Мне хочется быть при этом.

К сожалению, учительница пения жива и здорова. Она говорит, что люди с поставленными голосами вообще не болеют. И, все-таки, рано или поздно им придется заболеть. Они ведь не бессмертны, как ангелы или как Господь Бог. Но это уже религия, а я от нее немного отошла. На последнюю Пасху я на пробу съела непасхальную конфету и все сошло хорошо. После этого я ела другие непасхальные вещи и тоже ничего не случилось.

Сегодня с утра все спрашивают: что со мной? Почему я хожу, как засватанная? Я боюсь, что меня начнут высмеивать. У Тани есть способность каждое удовольствие превращать в неприятность. Поэтому я ей ничего не скажу. Скорее, Асе. Та знает, что нужно ходить к больным, хотя сама еще никого не навещала. Она, по крайней мере, умеет сочувствовать. Радоваться чужой радости она не научилась. Ася сейчас же начинает доказывать, что в их семье есть особы почище меня. Но почему же она дружит со мной, а не с ними? Не потому ли, что они хороши только в теории, а на практике никуда не годятся. Я здесь, под рукой, со мной можно советоваться, мне можно поверять тайны. А родственники приходят два раза в год и затем они исчезают, чтобы появиться на следующем дне рождения. Мне кажется, что это мифические личности и адреса у них мифические и все остальное... Но Боря Гаевский совсем не миф. Его мама сказала, что он обо мне спрашивал. Он ждет меня. Не иду ли я? И все время прислушивался.

Не представляю себе, чтоб Боря прислушивался. Он ненавидит чувствительные сцены. На них он на-

смотрелся дома. Но может быть я ошибаюсь и в душе Боря Гаевский не такой уж замкнутый. Его изменила операция. В болезни все становятся кроткими. А как только температура падает, от кротости не остается и следа. Пока Боря в лечебнице, он может позволить себе роскошь быть сентиментальным. Странно, что его мама меня совсем не ревнует. Ведь матери единственных сыновей — ведьмы. Каждой женщине они готовы глаза выцарапать. Так говорит прачка Оля. Она знает жизнь. Я в этом все больше и больше убеждаюсь. Даже Вова сказал, что у нее много здравого смысла, а он старается вытянуть меня из кухни, где я заражаюсь мещанской психикой. И мама Бори Гаевского непохожа на матерей прачки Оли. Она в восторге от того, что Боря дружит со мной. Она подозревает, что он чуточку в меня влюблен. Ее собственный роман с бориным папой оказался неудачным. Ну это она попала на неподходящего человека.

Боре Гаевскому стыдно, что его мама верит в романы. Для этого надо быть молодой красавицей. У пожилых и некрасивых Боря Гаевский отнимает право на любовь. Я возмущена его узостью, но спорить не желаю. Он подумает, что я отстаиваю свои права. Теперь он ждет меня, если это не выдумка романтической мамаши. Он лежит с закрытыми глазами, потому что читать запрещено, а когда родные слишком надоедают, он поворачивается к стенке. Я тоже лежала, лицом к стене. Но на моей было пятно удивительной формы. Я сбрасывала с головы пузырь со льдом и оно превращалось в чью-то голову. Сначала это был Али-баба из «Тысяча одной ночи», потом он исчезал и вместо него появлялся пират с серьгой в ухе. Было очень страшно. Пират ни за что не хотел уйти в стенку. Я убеждала себя, что он ненастоящий, а он не верил и подмигивал мне то правым,

то левым глазом. На одном из них, не помню на каком, было бельмо, как у нищего с Ришельевской угол Троицкой.

Я пыталась рассказать Асе, но в ее глазах увидела недоверие. Ей кажется, что я выдумщица. Еще на Хаджибейском лимане я оклеветала одного гимназиста с записной книжкой. Он будто-бы вносил в нее свои расходы. Но Ася забыла, что эту книжку мы нашли на аллее. Там были очень смешные расходы: инициалы и рядом с ними один рубль или два рубля. Ася здорово его зауважала. Она никогда бы не могла подумать, что у гимназиста водятся рубли. За рублевыми расходами шли более мелкие: ситро — десять копеек, что-то еще двадцать и так далее. Я не думала на него наговаривать, я только сказала, что он, наверное знаком с «Саниным». Самое смешное, что я не знаю, человек это или книга... Но я поняла, что можно врать, сколько влезет, а говорить о том, что померещилось — не стоит. Могут еще принять за Марьяшеса в миниатюре. А что такое Марьяшес? Бывший господин, брат доктора. Каждый может стать Марьяшесом. Надо только, чтоб хорошенько хлопнули по голове.

В лечебницу меня не провожают. Я отлично помню, где она находится и могла бы всякого туда проводить. Может быть, лучше сказать: провести, как Геня. Но это одесский жаргон и все над ним издеваются. В особенности сын артиста. Он не может забыть, что родился в Киеве. Вова думает, что не в Киеве, а под Киевом, в местечке. Но тут в Вове говорит одесская гордость. Я иду очень медленно. Мне немного жутко. Что будет, если меня не впустят? Откроют входную дверь, увидят, кто за ней стоит и сразу ее захлопнут. Но тогда я пожалуюсь моему доктору. Я заранее сама себе накручиваю. Я готовлюсь к бою, но ничего не случается. Толстый человек, на-

верное, швейцар без формы, говорит, чтоб я поднялась в первый этаж и там подождала в приемной. Сестра меня вызовет. Подумаешь, какие церемонии. В дедушкиной лечебнице ничего подобного не было: посетители входили и выходили, даже не вытирая ног, как на вокзале. В приемной я продолжала волноваться. Боря Гаевский изменился до неузнаваемости? Что говорят в таких случаях? У меня нет опыта. Я еще в жизни не была в лечебнице, где делают операции. И не пустяшные, вроде гланд или полипов, а операции апендикса, как называет доктор Ашевский обыкновенную слепую кишку.

Не ожидала от него такой претенциозности. Он же не Тубенкопф с его «курикулум вите». Он домашний врач и ему не полагается говорить языком ученых обезьян. Все равно больше рубля он за визит не получит. И до конца своей жизни будет вытирать стул сероватым носовым платком. Он, как видно, боится пыли, а может быть, микробов. Сама я сижу на кончике стула. Мне хочется взять с этажерки иллюстрированный журнал, но я не решаюсь. Вид у журналов слишком скучный. Их никто никогда не перелистывал. Я не умею ждать. А Запавский и отец папиного корреспондента ждут часами. Когда я спросила отца корреспондента, откуда у него берется столько терпения, он ответил, что полжизни провел в передних. Он забыл свой рассказ о том, какой он был персоной и как вокруг него увивались всякие маклеришки!

Ждать, в общем неприятно. В гимназии я с трепетом жду звонка. Мне кажется, что с Афанасием что-то случилось, он запаздывает, а в это время Надежда Игнатьевна рыщет глазами по классному журналу. Сейчас она меня вызовет, и тогда выяснится, что я забыла, что такое деепричастие. Со мной это может случиться. Я легко забываю неинтересные ве-

щи. Героев Диккенса я не забуду! Но где ж сестра милосердия? Сын артиста сказал бы, что ее хорошо послать за смертью. Ему легко говорить. Он не торчит сейчас в пропахшей пылью приемной. Он и Вова, наверное, у Гетинга. Они стоят в сторонке и осторожно собирают с тарелочки остатки пирожного наполеон. Возможно, что он у Исаевича. В таком случае они ругаются с его горбатой мамашей и доказывают ей, что съели гораздо меньше пирожных, чем кажется. Но мамаша не уступает. Она изучила все хитрости! И отлично знает счет меренгам, трубочкам и другим произведениям искусства. Лучше не думать о пирожных. Они мешают сосредоточиться, и я забываю зачем пришла сюда. И как раз в эту секунду приоткрывается дверь. На пороге женщина с красным крестом на косынке. Она делает пригласительный жест, я вскакиваю со стула и, как автомат. иду за ней.

89.

Мы проходим по коридору, где много дверей, выкрашенных в особую белую краску, и попадаем в тупичек. Там одна дверь. Сестра в косынке осторожно ее приоткрывает. Дальше идти некуда. Перед нами маленькая комната. Половину ее занимает кровать. А на ней что-то белое: Боря Гаевский в ночной рубашке. Не представляла себе, что он такой маленький. Меня не предупредили, что после операции люди становятся меньше. Но Боре Гаевскому не кажется, что он уменьшился. Он важно произносит: «Здраствуйте». Сестра смеется. Она говорит, что ее миссия окончена и теперь она оставляет нас вдвоем. Я не могу слова выговорить. Я столько раз в уме разговаривала с Борей Гаевским, что интерес прошел. Он обязательно хочет рассказать мне про свою операцию. Но я уже слышала, а может быть я все придумала. Из слов Бори Гаевского можно заключить, что такой операции ни у кого еще не было. Чтоб его отвлечь, осторожно кладу мой подарочный пакет на металлический столик, заставленный лекарствами. Такой же точно был у дедушки в санатории. Наверху лекарства, а внизу таинственная дверца. Только у дедушки не было цветов. Он считал, что это выбрасывание денег на ветер. А у Бори Гаевского на столике фиалки в розовом стакане. Смешно, почему он розовый, когда в комнате все белое. Но я молчу.

Боря Гаевский как-то сухо благодарит меня за подарок. Он даже отвернул голову. А я бы на его месте набросилась и стала разворачивать пакет. Очевидно у мальчиков больше выдержки. Но я пришла за тем, чтоб его развлекать. Начинаю рассказывать про всех девочек из нашего класса. Когда я дохожу до моей подруги Аси, Боря оживляется. Тогда я сразу перескакиваю на лошадиную Лилю. Он должен ее помнить. Да, он помнит. У нее длинный нос. Но разговор о носах мне тоже неприятен. Лучше будем говоритсь о книгах. Это безопаснее.

Я начинаю своими словами пересказывать диккенсовскую «Лавку древностей». Ведь Боря Гаевский книжник, как я. Прачка Оля говорит, что меня хлебом не корми, а подавай мне книгу! Она уважает книги, хотя сама неграмотная. Иногда она просит меня почитать из толстой книги-хрестоматии. Но там ничего интересного, одни отрывки, без начала и без конца. А прачка Оля хочет, чтоб я прочитала про настоящую жизнь. К чему ей выдумки, она сама может такое выдумать, что все ахнут. Меня интересуют только выдуманные вещи. В них гораздо больше правды, чем в жизни. Мне приятно, что Боря Гаевский слушает мой пересказ. Но ему хочется, чтоб было еще страшнее. Я и так сгущаю краски. Мне холодно и жарко на черных улицах Лондона, и я уже не рада, что начала рассказывать. Мой визит слишком затянулся. Уйти неудобно. Кроме того, я должна узнать, в какие часы бывает доктор.

Прочел ли Боря Гаевский мои мысли или это просто совпадение, но он говорит, что доктор приходит два раза в день, в разное время. И он сказал, что завтра можно будет вынуть швы. Я вижу, что Боря гордится швами. Он не такой, как все. Его живот зашили шелковыми нитками. Слово «живот» он не произносит. По его мнению, можно говорить о

животе, вообще, но не в частности. Разве он не знает, что по-славянски живот значит жизнь? Мне сказал Вова. Если б это был другой, я бы не поверила. Мало ли что говорят? На Среднем Фонтане у девочек был свой язык. Я помню, как черненькая Броня говорила своей подруге слово: «трава», и обе хихикали. Оказалось, что трава ничего общего с газоном не имеет. Это волосы под мышками и в других местах. Мне было противно, что такая аккуратная девочка, как Броня способна говорить гадости вроде слова «трава». Боря Гаевский впадает в другую крайность. Он не мог бы вести знакомства с Вассой, потому что она обожает все неприличное. Но у нее это выходит лучше, чем у Брони. Она говорит открыто и готова за себя постоять. Недаром приемная мать называет ее волченком: у Вассы, действительно, волчьи глаза, маленькие, как два фонарика. Но Боря Гаевский этого не поймет. Он чистюля, вроде институток Лидии Чарской. Петуха они называли курицей мужского рода. Это знают все, даже кузина Маня. Она в институте не училась, евреек туда не принимают.

Боря Гаевский заметил, что я ерзаю на стуле, и обязательно хочет меня задержать. Сейчас он мне покажет новые книги. Их прислал клиент его отца. От пациентов своей мамы он тоже получил подарки. До чего операция меняет человека! Раньше Боря не говорил о подарках. Теперь он, как видно, раскис и стал, как все. Я в этом ничего позорного не нахожу. Но почему же он не разворачивает мой пакет? Мои подарки не хуже тех, что послал клиент, а ему нужно подладиться к бориному папе. Я давно раскусила клиентские подарки. Папины представители привозили мне сервизы и кукол с пружиной внутру. Из-за пружины куклы открывали и закрывали глаза и говорили: «мама». Было похоже на мяука-

нье, но все восторгались: какая прелесть, сразу видно, что это Париж!..

Ничего, не успею я уйти, как Боря набросится на мешок из лилового бархата. Сейчас он просто хочет меня подразнить. На него это мало похоже, но кто его знает, может быть и в этом он переменился. Я вспоминаю, что старший близнец после операции стал невероятно вежливым и за все благодарил. Вова не мог придти в себя от удивления. Но по мере того, как близнец выздоравливал, он становился все более и более нахальным и требовательным. Он всех обложил данью, даже меня, и я через Вову послала ему коробку ирисок. Я истратила тогда мои последние деньги, но надо ж побаловать больного. Боря не любит ирисок. Клиент и пациенты это знают не хуже меня. Они подарили ему замечательные книги в голубых и красных переплетах. Боря дает мне их подержать и потом говорит почти с благоговением: «Они на веленевой бумаге». Какая чушь, у меня есть такие книги, но мне безразлично, веленевые они или обыкновенные. Я даже предпочитаю более тонкую и старую бумагу. Как в книгах Фенимора Купера из библиотеки Общества приказчиков евреев.

Эта бумага усеяна желтыми точками. Бывают пятна и покрупнее, но чаще всего они напоминали мелкий желтый дождь. Такие дожди, наверное, в пустыне Гоби или Ламо... А от бориных книг шел неприятный запах свежего лака. Чтоб его не раздражать, держу это про себя. Пускай он ими восторгается. Если нужно, я могу покривить душой. Я не Муся Логинская. Я предлагаю Боре мой нож для разрезания. Но ему он не нужен. Его книги с золотым обрезом, как издания «Золотой библиотеки». Конечно, он не сравнивает свои замечательные книги с какими-то детскими книжонками. Я не выдерживаю: в нашей гимназической библиотеке я уже видела его книги, они

были обернуты в синюю бумагу и никто ими не восторгался. Потом мне становится стыдно, и я говорю, что борины книги лучше. Они новенькие, в них еще не делали ушей, то есть не загибали страниц.

Больному трудно угодить. А теперь я совсем запуталась. Я беру розовый стакан с фиалками и начинаю вдыхать их аромат. Но они почему-то пахнут зубным порошком. Интересно, чем пахли бы здесь чайные розы. Неужели мылом? В следующий раз принесу на пробу букет роз с угла Екатерининской и Дерибасовской. Я могу их купить на нашем углу, но это не так аристократично. В общем, я предпочитаю магазины. Розы завернуты там в специальную бумагу. У нас такой бумаги целые запасы. Скромная старушка иногда берет ее для того, чтобы закрыть варенье. Наливки она обвязывает чистыми тряпками и кажется, что из каждой бутылки торчит забинтованный палец. Чтоб доставить мне несколько неприятных минут, Боря Гаевский говорит, что фиалки принесла его кузина. Я ее мало знаю, и она мне страшно несимпатична. Кузина разговаривает с Борей, как будто они жених и невеста. Боря презирает разговоры о свадьбах и невестах и готов сквозь землю провалиться, когда его называют женихом кузины. Главное, она не настоящая кузина, а троюродная или четвероюродная. Я ж не говорю про моего кузена Левочку и его сногсшибательную форму Политехнического института.

Вся сила в форме. Когда он ее снимает, плечи у него становятся узенькими, как у Бори Гаевского. Но Боря мальчик, а Левочка — пожиратель сердец. У меня есть другие кузены, и я выбираю Левочку только потому, что он носит форму. Мне неприятно, что Боря чувствует свое превосходство. Поэтому я ехидно спрашиваю, какая это кузина: Фира или Анюта?

Борины брови сдвигаются. «Никаких Фир! Ее зовут Саломея». Что за глупое имя! Вова ненавидит вычурные имена. Но я прикусываю язык. Могут сказать, что у Бори из-за меня поднялась температура.

Лучше я уйду. Но в это время громкий стук в дверь, она сразу распахивается и входит, кто бы вы думали? Мой доктор с высокой сестрой милосердия и подпрыгивающим молодым человеком. Доктор и молодой человек в белых халатах, высокая сестра тоже в халате.

При виде меня доктор пугается. Он широко раскрывает глаза и говорит: «Боже мой, Надя!». Можно подумать, что для него это неожиданность. Он так поражен, что забывает поздороваться с Борей и тот обижен. Выходит, что не он главное лицо в этой комнате, а я. Зато подпрыгивающий молодой человек наклоняется над бориной кроватью и шопотом задает ему вопросы. Громко говорить он не смеет, он только ассистент и в любую минуту доктор может взять себе другого ассистента... Сам доктор спохватывается и тоже начинает задавать вопросы, но громким голосом, в противоположность ассистенту. Он обращается к старшей сестре и говорит, что все протекает нормально. Потом, под одеялом, он щупает борин живот. Больше ему здесь делать нечего. Но он не торопится. Ему хотелось бы, чтобы я ушла вместе с ним и подпрыгивающим молодым человеком. Я вижу по его носу, что он ревнует меня к Боре Гаевскому. Точно такую сцену я видела в театре. Но там в конце концов герой убивает любимую женщину. Вторая часть придумана, а первая очень похожа на то, что происходит сейчас в комнате Бори Гаевского. Не знаю, как себя держать. У меня нет опыта, мужчины меня еще не ревновали. Тут что-то непонятное, недетское. Сердце мое сжимается, но я назло себе и ему решаю остаться.

Вчера на кухне венгеркина мастерица говорила, что мужчин надо дразнить и завлекать. Дразнить я умею, но как их завлекать, мне неизвестно. А Вова и сын артиста не станут посвящать меня в такие тонкости. Ничего, сама догадаюсь! У меня есть чутье. Я ведь замечаю, что доктор теребит грушу звонка, переступает с ноги на ногу и, вообще, спокойно не стоит на месте. Наконец он спрашивает, кто проводит меня домой? Уже сумерки, скоро начнет темнеть. И я ответила ему ненатуральным голосом, что не боюсь. Я привыкла ходить по улицам. Доктор пожимает плечами: — Это вздор! Он не может допустить, чтоб я ходила в сумерки одна. Он меня подвезет. Ему все равно нужно ехать в наш район. Возражать ему трудно. Я застываю с открытым ртом. Но доктор, ассистент и высокая сестра милосердия уже исчезли. Я опять наедине с Борей Гаевским.

Он надулся, как индюк и ему это не к лицу. Я чувствую, что сейчас он разразится градом упреков. Но Боря выжидает. Он непрочь, чтоб я первая заговорила. Я тоже выжидаю. Тогда он выпаливает, что это безобразие. Я заранее условилась с доктором. Это подстроенная встреча. Вот тебе и раз! Значит Боря ревнут. Я между двух огней. Но его ревность бессильная. Если б Боря был старше, гораздо старше, он мог бы вызвать доктора на дуэль. Тот бы выстрелил, и Боря остался б на снегу, как Ленский. Сначала я ходила бы на его могилу, а потом вышла замуж. И все было бы, как в Евгении Онегине. Но это мечты: я не Ольга, я девочка-Надя. А Борю недавно оперировали, и он сейчас заплачет. Тогда я набираюсь храбрости и объясняю, что доктор наш родственник и поэтому он хочет меня проводить. Боря понемногу успокаивается. Но он не может понять, почему доктор сказал, что уже сумерки. Ведь солнце

светит во всю. И сиделка только недавно опустила шторы.

Боря любит, чтоб все было логично. Он не понимает, что у ревности своя логика. Я поняла это сегодня и уже не могу смотреть на жизнь прежними глазами. Мне кажется, что я старше Бори лет на десять, а между нами разница — месяц с хвостиком. Боря когда-то гордился своим старшинством. Но в то время мы еще считали на месяцы. Теперь мое главное желание — не выдать себя. Я сойду с ума, если Боря узнает, что я неравнодушна к доктору. Пока я не научилась скрывать свои чувства и боюсь, что Боря заметит, какой вулкан у меня в груди. Я волнуюсь, как Матя, когда она идет на свидание. Подумать только, сейчас я буду сидеть рядом с доктором в его пролетке. Боре начинает казаться, что он меня обидел, и я больше не приду к нему. Но я его успокаиваю. Если он здесь останется, я обязательно приду на будущей неделе. В душе я дала себе слово не ходить в борину лечебницу. Мне самой странно, что я с такой легкостью говорю неправду. Как была бы потрясена и раздавлена кузина Маня, если б узнала мои переживания. Бывший жених, доктор без практики, никогда ее не ревновал. Наоборот, она его ревновала и даже не позволила Юзе открыть ему дверь. И только потому, что у Юзи румянец во всю щеку, а кузина Маня отличается интересной бледностью. В конце концов, неизвестно, что предпочитает доктор без практики: бледность или румянец?

Боря удивлен, что я уже в пальто и в шляпе. Но тетя Полина, когда едет на дачу, уже с утра в шляпе. Одно мне неприятно, я ношу шляпу с резинкой и это может унизить меня в глазах доктора. Нет ничего глупее резинок. Они состоят из узелков. Резина давно уже не тянется, она превратилась в обык-

новенную тесемочку. Противная детская мода, годная для недоразвитых. В коридоре шум, но это ложная тревога. Боря Гаевский говорит, что в эти часы всегда шумно: он изучил здешние порядки. Родители его придут позже. Каждый сам по себе, но уйдут они вместе. У них это сложно, как на сцене. Но там есть помощник режиссера, Мишенька, и он помнит все выхода. Они у него в голове. Сын артиста сказал, что он в своем роде знаменитость. Мне жалко, что борины родители не помирились у постели больного ребенка. Ведь Боря Гаевский, все-таки — ребенок, хотя у него нет кудрей, рассыпанных по кружевной подушке. Они только делают вид, что все в порядке. Дома у них жизнь пойдет по-прежнему.

Хотела бы знать, какой была жена моего доктора? Они давно разошлись, она в другой стране. Дочка его, моя ровесница, считает, что во всем виноват доктор. Он любит женщин. Но я не могу себе представить, что он совершил некрасивый или нечестный поступок. Приходится все узнавать по кусочкам, и выводы я делаю сама. Правды ведь не добьешься! В таком случае пусть прячут от меня книги и газету «Одесские новости», не водят в театр, ни в иллюзион и даже не выпускают на улицу. Иначе я узнаю все, что не полагается. Даже в гимназии можно услышать немало интересного. На второй перемене Родиопуло рассказала, что родильницам накладывают щипцы. Куда их накладывают — неизвестно, но это опасная штука и может защемить головку ребенка. Каждый день приносит что-нибудь новое. Недавно наша «В» говорила «всему свету по секрету», что ее родители спят в одной кровати. Боже мой, какой кошмар! Можно спать в одной кровати с кузиной или с подругой и то она недовольна, что ее толкают холодными ногами. Ася сердилась, что я забираю

все пространство. А Вова сказал, что в аристократических семьях каждый живет на своей половине. Ему это очень нравится. Он не прочь жить на своей половине. Пусть другие, на их половине делают все, что им взбредет на ум. С него достаточно, что в его комнату вечно вселяют родственников или сыновей маминых подруг.

Но почему доктор задерживается? Я давно стою, как столб. Дома я буду думать о том, что Боря, наверное, разочарован моим визитом. А сейчас я занята собой. Мне нужно с честью выйти из положения. Я не хочу, чтоб обо мне говорили, как о некоторых шестиклассницах из гимназии Шольц: стоит поманить пальцем, и она уже бежит за тобой. Самое лучшее время от времени, нехотя, ронять одно или два слова. Это рецепт кузины Мани. Боюсь, что он не для меня. Но в конце коридора раздаются шаги. Я рассеянно прощаясь с Борей: «Да, да, мы еще увидимся»... Входит доктор. Он похож на артиста Полонского из Золотой серии и мне кажется, что шляпа его чуть-чуть сдвинулась набок. Должно быть он хотел меня поразить. Пока мы идем по холщевой дорожке, я думаю о шляпе, но так и не успеваю додумать: мы уже на улице! Боря был прав — солнце светит так, что глазам больно.

«Ну, Надюша», — говорит доктор и подсаживает меня в экипаж. Потому что у него выезд с толстым кучером, а не пролетка, как мне хотелось бы. Пролетку я придумала, потому что на ней летишь, а мы едем мелкой рысцой. И я отлично слышала, как доктор сказал толстому кучеру, чтоб он не очень спешил. Я стараюсь сидеть так, чтоб мои ноги не болтались в воздухе. Но доктор одной рукой, довольно бесцеремонно тянет меня вглубь экипажа. Он хочет, чтоб я облокотилась. Не успеваем мы отъехать на квартал, как он спрашивает, довольна ли я, что он

меня провожает? И я цежу сквозь зубы: «Н-да...» Это и да и нет вместе. Но «нда» его не останавливает. Ему необходимо знать, как меня отпустили одну в лечебницу? На это я ему отвечаю, что всегда была самостоятельной. Я говорю с такой горячностью, что кучер на козлах начинает шевелиться всей своей ватной фигурой. Он, наверняка, на моей стороне. «Наверняка», потому что кучер — человек из народа и слово «наверное» ему не подходит. Но доктора мои тирады не убеждают. Он берет мою руку в свою, большую и теплую, и говорит ни к селу, ни к городу: «Какая смешная лапа!». Не понимаю, что в моей руке смешного? Но он крепко ее держит, как будто боится, что я спрыгну на ходу. И совершенно напрасно: я не из прыгающих. И потом, как себе в этом признаться, я счастлива. И если бы можно было, попросила бы толстого кучера, чтоб он ехал еще медленнее. Ведь за вторым поворот наш дом.

Я жалею, что мы не живем за Куликовым полем. Когда я шла к Боре, дорога казалась мне очень длинной, а теперь она вдруг сократилась. Доктор все еще держит меня за руку. Это, как в мамином романсе: «Твоя рука в моей руке»... Но кучер говорит: «тпру», и мы лихо подкатываем к дому. У доктора такое лицо, как будто его только что разбудили. Шляпа его опять на месте, и он уже не артист Полонский, а немолодой господин с выпученными глазами. Доктор сожалеет, что у него нет времени подняться. Потом он приподнимает шляпу и прощается со мной элегантным наклоном головы. Опять он Полонский; он меняется, как трансформатор Франкарди. Я одна на тротуаре перед домом. Но тут какое-то недоразумение. Оказывается, нас видела парикмахерша Роза. Когда я прохожу, она что-то шепчет мадам Питкиной, и обе смеются. А у парадного хода вертится мальчик из пробкового магазина. Он корчит

рожи и показывает мне язык. Я прячусь за дверь, но как из-под земли вырастает Маня, внучка часовых дел мастера. Она спрашивает, как зовут моего кавалера? Боже мой, какой стыд! Я убежала бы на южный полюс, если бы там не было так же холодно, как на северном. Нет, лучше в Австралию, где от жары лопаются карандаши. Там, по крайней мере, нет людей, а только погонщики скота, но они не считаются. Им до меня нет дела. Взбегаю по лестнице так стремительно, что у меня начинает колоть в левом боку и вместо того, чтоб позвонить, стучу кулаками в дверь. Это невоспитанно, но что делать, если за мной погоня.

Открывает Вова. Он недоволен тем, что его отозвали от работы. А по-моему он спал. У него на щеке следы от наволочки. Чтоб его смягчить, говорю, что была у Бори Гаевского в лечебнице. Но Вова пожимает плечами: сколько времени надо пережевывать эту несчастную операцию. И тут я обижаюсь за Борю Гаевского. «Когда оперировали близнеца, требовалось его жалеть и, главное, посылать ему подарки, а чем его операция лучше бориной? У Бори шов вот какой — я развожу руками в воздухе, — а у близнеца малюсенький. Но, конечно, мои друзья не такие важные персоны, как близнец и его брат». Я могла бы наговорить много горьких слов, но боюсь быть несправедливой. Близнецы на самом деле не так плохи, у них есть достоинства. Например, они недурно поют в два голоса, а старший близнец когда-то выжигал по дереву.

Я опять впадаю в крайность, но еще меньше Вова любит моих подруг и знакомых. Он к ним подчеркнуто несправедлив. Поэтому я боюсь проговориться, что меня подвез доктор. Вова и так что-то пронюхал, и я сама слышала, как в коридоре он вслух назвал его бабником. Как видно, это нехорошее сло-

во. Вова думал, что говорит его про себя, а вышло, что он говорит сам с собой. Так или иначе, это клевета! Вова забывает, что доктор вылечил дедушку, и мы должны ему быть благодарны. Дядя сказал, что он его благословляет с утра до вечера. Это неправда, у дяди другая забота: он шлет проклятия на голову своих компаньонов. Сколько их было и все они оказались ворами, мошенниками и убийцами. Да, убийцами. Но в таком случае их должны были посадить в тюрьму. Дядя горестно вздыхает: «Если всех сажать, не хватит тюрем...» Когда приезжает доктор, он ходит за ним по пятам и спрашивает совета. А доктор улыбается и говорит, что консультация у него на дому. Он с радостью примет дядю и тогда они обо всем потолкуют.

90.

Я боюсь, что весть о том, что меня подвезли прямо к дому, распространится по всей улице. К вечеру это будет знать бледный приказчик из магазина Чудновского и даже сам Питкин! Ну что ж, я выше этого. Тоня Калиниченко мне уши прожужжала своими вальсами с одним офицером из Кисловодска. Но он ее не провожал. Он докружил ее до стула, и она просидела на нем, пока танцы не кончились. Никто ее больше не приглашал. Я же не рассказываю Тоне, что танцевала с самим Уточкиным. Это было на циклодроме и повел меня туда папа. Там было тоже танцевальное утро, но я помню только Уточкина. Он сгибался в три погибели, чтоб приспособиться к моему росту. Это было до Колачева и танцевать я не умела. Но Уточкин в конце концов приподнял меня от пола и закружил так быстро, что в голове у меня все замелькало. Остальные дети топтались на месте и им казалось, что они вальсируют. Я отлично помню, как Уточкин сказал папе, что надеется танцевать со мной вальс лет через десять. Папа отнесся к этому довольно холодно и вскоре мы ушли. А дома я увидела, что мои лайковые ботинки с лакированными носками стали черными: их отдавил Уточкин.

Я никогда больше не танцевала со взрослыми. Колачев не считается: он учитель танцев и поэтому танцует со всеми по очереди. Конечно, Колачев не-

много хитрил, чтоб лишний раз протанцевать с Эльзуней, но я ему прощала. Другие были недовольны и однажды шуркина сестра фыркнула ему прямо в нос. Она, вообще, бесцеремонная особа и когда ходит видна нижняя юбка.

Я думаю о том, как мы будем танцевать с доктором в нашей гостиной. У пианино мама. Я попрошу не зажигать света, и без того светло от извозчичьих фонарей. Еще немного и я оторвусь от земли, но доктор крепко держит меня. А я влюблена и мое сердце бьется, как у сердечно больных. Хорошо, что никто не догадывается. Сказали бы, что я начиталась дешевых романов. Мне ведь их читать не полагается, но я все-таки читаю, и на меня явно махнули рукой. Дядя сказал, что для чистого все чисто, и, что это перевод с немецкого. Напрасно он трудился. Настолько я знаю немецкий язык. Дядин немецкий совсем непохож на язык Каролины Эбергардовны. Французский язык Якова Соломоновича тоже странный. Его вряд ли поняли бы в Париже. Но я его отлично понимаю. Мы, вообще, понимаем друг друга. У нас родство душ. А вот есть ли у него родство душ с супругой, для меня загадка. Ее главное отличие: три висячих подбородка. Вова говорит, что она типичная наседка и вся ушла в детей. Но чего можно ждать от женщин ее поколения? В вовином поколении у всех женщин будто бы есть запросы. Но я в этом не вполне убеждена. Сильно сомневаюсь.

Какие могут быть запросы у велосипедной Веруси или у «сыра под колпаком»? Они любят ходить на Скетинг ринг. А из артистов им нравится Виктор Петипа, потому что у него матовое от пудры лицо. Зато у лошадиной Лили книги в переплетах из фиолетового бархата. Сын артиста думает, что сама Лиля этих книг не читала. Она их держит для того, чтобы поражать молодых людей. Но он не так наи-

вен и не попадется, как некоторые. В каждой книге у Лили бисерная закладка и Лиля настаивает на том, что закладки вышивала ее прабабушка: они старинные. Вова не верит. В те времена еврейские прабабушки не имели понятия о закладках. Если выдумываешь, то уж выдумывай правдоподобные вещи. В этом весь фокус! Запросы есть у старшего брата близнецов. Недаром папаша взял его на поруки. С этого момента жизнь в их доме стала невыносимой, и близнецы окончательно перешли на наше иждивение. Но они не жалуются. Им всегда нравилась генина кухня. Ее главное достоиство в изобилии. Геня готова пасть у плиты, лишь бы честь нашего дома была спасена, говорит Вова. Но плита ведь не поле сражения? Нет, но она источник радостей. Близнецы дали себе слово не знать запросов. Лучше стать прожигателями жизни, как братья Андрокардато. Они прожигают ее уже много лет и их знает вся Одесса, а в Альказаре и в Северной гостинице они свои люди. Но я их видела на «Тартюфе» и ничего привлекательного не нашла. Такие греки ходят сотнями по улице.

Братья Андрокардато отличаются только тем, что у них автомобиль. Он красного цвета, и Вова сказал. что автомобиль так пыхтит и плюется, что просто страшно. Он бы не сел в него ни за какие деньги. Но случилась неприятность. Сын артиста, младший Андрокардато и сам Вова шли по Гаванной и их нагнал плюющийся автомобиль. При виде честной компании, братья остановились и почти силой всех в него втолкнули. Автомобиль запыхтел, заржал и вдруг понесся, как бешеный. Но ехали они недолго. Автомобиль застопорился и братья попросили Вову и остальных вылезть ровно на одну минуту. Они заведут мотор. И тогда Вова, сын артиста и младший Андрокардато воспользовались случаем и ушли, не

попрощавшись. Им повезло. Ведь в душе каждый из них уже прощался с жизнью.

Все это лишний раз доказывает, как опасно давать себе зарок. Стоит мне сказать, что я никогда не пойду в магазин Гальперина, как мадмазель меня насильно туда тащит. У Гальперина распродажа и она хочет по дешевой цене купить себе слегка выцветшие перчатки и непарные чулки. Я давала зарок не приносить открытки моей подруге Тане. Но когда Таня заговорила об артистах Художественного театра куда ежедневно ходит ее московская тетка, я немедленно побежала к Александровскому. У него этих артистов не оказалось. Пришлось бежать за квартал к конкуренту. То же самое происходит со мной сейчас. Час тому назад я решила не ходить больше в лечебницу, и уже думаю о том, как бы туда попасть. Тане не понравилось бы, что я меняю решения. Но осуждать легко. Я тоже могла бы осуждать Таню за ее пристрастие к Шуману и композитору Дебюсси. Но я стараюсь не думать об этом. Пусть увлекается кем хочет. Рано или поздно увлеченье пройдет.

В нашем классе только Муся Логинская страдает постоянством. Самая непостоянная — Тоня Калиниченко. Она влюбляется в людей и в неодушевленные предметы. Но любовь ее проходит бесследно. Не успеваю я привыкнуть к мысли, что она увлечена моими новым часиками, как Тоня Калиниченко переносит свой восторг на браслет Лиды Родиопуло. Он ей нравится еще и потому, что Лида засунула его в рукав своей формы. Если пронюхает начальница, Лиде не сдобровать. Начальница будет месяц подряд говорить о дикарских привычках и навыках. Представляю себе, что было бы с ней, если б она случайно узнала, что меня провожал доктор. И не какнибудь, а в экипаже. Мне самой начинает казаться, что это один из моих неправдоподобных снов. И я

рада, что могу пойти в свою комнату и там пережить все с начала. Я смеялась над кузиной Маней, потому что в каждое слово жениха-доктора она вкладывала особый, только ей понятный смысл, а сама иду по ее стопам.

Вова говорит, что большинство идет по чьим-нибудь стопам. Но он пойдет своей дорогой. Мне он тоже советует избрать свой путь. Как был бы огорчен Вова, если б мог догадаться, что я стала кузиной Маней в миниатюре. Но Вова у себя. Он закрыл дверь и, наверное, затыкает уши, чтоб не слышать, как в коридоре скрипят новые юзины полуботинки. Я продолжаю переживать, но уже через силу. Как видно, я не гожусь Мане в подметки. Из-за переживаний она питается колбасными обрезками и живет, как настоящая богема. Это говорит тетя Лиза. Она в отчаянии, что у ее дочери такие плебейские вкусы. Я ей посоветовала посылать побольше денег. Тогда кузина Маня переедет в комнату, где настоящая кровать и умывальник с педалью. «Что касается умывальников с педалью, — сказала тетя Лиза, — то в нашем доме их целых три!». — «А есть у вас этажерка для нот и камин с безделушками?». — «Конечно, есть этажерка и два камина». Тетя Лиза так рассердилась, что начала говорить со мной, как с взрослой. Она не только защищалась, она нападала. Нас помирил дядя Авдей Ильич. Он объяснил, что я не дура, но большая фантазерка, и тетя Лиза успокоилась. Непонятно, как она при своей глухоте, слышит то, что не нужно. В общем переживания начинают мне надоедать. Но я еще не знаю, какую версию я преподнесу маме. Вова утверждает, что существуют две: официальная и неофициальная. И надо по возможности держаться официальной версии. Он имеет в виду себя и своих товарищей. Ему не может придти в голову, что я имею свою внутреннюю жизнь. Это

удел лошадиной Лили, а не таких гомункулосов, как я и мой поклонник, Боря Гаевский.

К моей поездке в экипаже мама отнеслась довольно равнодушно. Она сказала, что при случае поблагодарит доктора за то, что он меня проводил. Оказывается это в порядке вещей, и напрасно я нагромоздила такое количество переживаний. Но мама не знает, что доктор держал мою руку. А если б узнала, не могла бы подумать, что он это делает из-за каких-то чувств. Мне приходит в голову одна странная мысль: моя мама наивна. Когда мадам Немирова хочет рассказать неприличный анекдот, мама делает страшные глаза и под каким-нибудь предлогом выходит из комнаты. Мадам Немирова держится за живот. Ей смешно, что мама краснеет, как невеста. Вчера анекдот рассказывали в клубе, и все покатывались от смеха, а одна дама чуть не проглотила жетон. А когда докторша Ашевская говорит про чужую семейную жизнь, у мамы лицо вытягивается. Ей тяжело слушать, а мне интересно.

Если б я открылась маме и сказала ей, что меня ревнуют, она от испуга немедленно пригласила бы домашнего врача, а тот нашел бы какую-нибудь не очень серьезную болезнь, например, красноту в горле или начало инфлуенции. И то и другое жизни не угрожает. Но мне совсем не хочется болеть: болезни хороши для зимы, когда на дворе мороз, а в комнате тепло, как на экваторе. За ужином мама расспрашивает меня о Боре Гаевском. Я отвечаю, но рассеянно. Мои мысли далеко. Мне самой это неприятно. Неужели я пошла в лечебницу с тайной надеждой встретить там доктора? Ведь я так готовилась к встрече с Борей, что перестала покупать шоколад фабрики Фишера. Я копила на подарок. На большой перемене Эсперанса настойчиво продавала мне полторы плитки по цене одной, и я отворачивалась, чтобы не под-

даться соблазну. Выходит, что во мне живут два человека: один пошел проведать Борю, а другой — на свидание с доктором. Пока что, решаю лечь с грязными руками. Они хранят запах его папирос, и я даже не сержусь на Катю, когда она говорит, что от меня воняет табаком.

Моя судьба быть непонятой. Асе тоже хотелось быть непонятой, но я ее сразу раскусила. Это подражание мне. Я подражаю героиням Ибсена. Сын артиста сказал, что все они одиноки в высшем смысле этого слова. Я видела одну его пьесу и то по ошибке, но я доверяю сыну артиста во всем, что касается театра. Когда заходит речь о театре сам Вова ему уступает.

Сегодня за ужином Вова и сын артиста пустились в спор по поводу Максима Горького. Сын артиста восхищался, а Вова говорил, что ему надоели босяки в литературе. Остальные не вмешивались. Близнецы нацелились в это время на щучью икру, а я была далеко. Но никто не заметил, что я витаю в облаках. До чего все не наблюдательны! Нельзя же мои настроения приписывать только повышенной температуре и растройству желудка. Как я рада, что ни с кем не поделилась! В дальнейшем тоже буду молчать. Таня не хочет, чтоб я влюблялась. Это может отразиться на моей карьере. Я еще, не дай Бог, выйду замуж. «Ты будешь, как все», — говорит Таня. Она меня предупреждает, что открыток с моими портретами в ролях тогда продавать не станут. Я буду красоваться в семейном альбоме среди разных двоюродных теток. Если я вдруг сделаюсь писательницей, а не артисткой, мои снимки будут продаваться у конкурента Александровского. Таня настаивает на этом. И мне немножко стыдно, что ее не будет ни у Александровского, ни у конкурента: она не артистка. Таня великодушно уступает это мне, но при одном усло-

вии: я должна во всем ей подчиняться. Она знает, что для меня хорошо и что плохо. Мои похождения ей вряд ли понравились бы. Такие вещи она признает в теории. На практике она с ними не сталкивалась. За ней еще ни один человек не ухаживал. Я уверена, что она переменит свое мнение, если кто-нибудь возьмет ее руку в свою. Но пока никто не решился это сделать. Таня недотрога. А я, по словам Аси, вешаюсь на шею. Такой несправедливости я еще не втречала. Ася не понимает, что я тоже недотрога. Но о какой шее идет речь? Неужели Ася догадалась?

И вдруг я чувствую, что страшно устала. Такая усталость была у меня, когда наш класс поехал на прогулку и с Хаджибеевского лимана мы пешком отправились на Жевахову гору. Ася и я отставали и плелись в хвосте. Географ был недоволен. За всем он обращался к Мусе Логинской, и она ему немедленно отвечала. Когда мы проходили мимо асиной дачи, ей вдруг захотелось посмотреть, переехала ли прошлогодняя лавочница. Но лавка была закрыта, заколочена, и на ступеньках сидел какой-то тип лет пятнадцати и ковырял в носу. Мы с ним немного поговорили, а в это время наш класс уже шагал по направлению к Жеваховой горе. Мы с трудом нагнали их и после этого я прыгала полдороги на левой ноге, так как правая набирала песок. Меня мучила жажда, но все деньги давно были истрачены в киоске, где продают сельтерскую воду.

Сейчас мне просто хочется спать. Мои руки, ноги, глаза, — все хочет спать. Кажется кто-то входит в мою комнату, но я не слышу. Я сплю с открытыми глазами, как отец папиного корреспондента. С трудом вспоминаю, что завтра надо идти в гимназию. Наступили наконец последние дни перед роспуском на каникулы. И только зловредная учительница арифметики не хочет этого признать. Мы решаем задачи,

как в начале года. А она при всей своей близорукости видит, кто у кого списывает. Недаром Васса сказала, что у нее глаза, как у совы — круглые и мохнатые.

Вова и сын артиста нашли в Чтеце-Декламаторе что-то вроде стихотворения, где говорится о глазах. Насчет совиных там ничего не сказано, зато есть для меня новое: гляделки. У надзирателей и помощника пристава, наверное, гляделки. Они сделаны из олова и чуть-чуть подкрашены голубой краской. Вова знает мое отвращение к полиции, но он сказал, что это цветочки по сравнению с охранниками. За братом близнецов ходил такой шпик. Он безумно надоел брату близнецов и тот дал ему три рубля. Шпик немедленно смылся. «За три рубля можно многое сделать», — объясняет Вова. Он берется на эти деньги вывести лошадиную Лилю: пригласить ее на картину из Золотой серии, а потом в паштетную. Хотя в паштетную опасно. Если их там накроет классный надзиратель, Пипин короткий, Вова может иметь крупные неприятности.

Непонятно, почему я думаю об этом, ведь я уже сплю. Я настолько разоспалась, что если бы меня пригласили в паштетную и то я бы не пошла. А никто так не любит русский крем, как я. Больше всего мне нравится в нем, что он кисловатый. Меня останавливают, кричат, что он скис, что от этого крема у меня будут дикие колики в животе, но я не верю. Не может быть, чтоб от воздушного крема были колики. И, вообще, это непоэтично. Колики бывают только у низменных натур, таких, как дочка доктора. Но уже лампа становится малюсенькой. Она уменьшилась от того, что я зажмуриваю глаза. Я попала в коридор, где много, много ламп. В конце есть дверь. Она с трудом поддается, и я выхожу на совершенно пустое место, где по кругу ходит человек. У

него какое-то ненастоящее лицо. Вова сказал бы, что у него морда, он держиморда. И, наверное, он шпик. От страха у меня сохнет язык, но я делаю над собой нечеловеческое усилие и обращаюсь к нему: «Простите, пожалуйста, господин охранник, не можете ли вы сказать, где дом номер пятьдесят восемь?». И тогда он останавливается и отвечает мне голосом географа: «Не знаю, его нет на карте».

Не может быть, чтоб дом исчез! Это случается во время землетрясения или в сказках... Но мне не дают доспать мой сон. Меня будит Юзя. Она довольно нелюбезно показывает на черные следы на моем белом пикейском одеяле. А мне безразлично. Я зеваю и тру глаза кулаками, как делает Миша. Только у него не кулаки, а смешные красные кулачки. Не надо думать, что я к нему охладела. Мне просто лень восхищаться маленькими детьми. В них все замечательно. Когда их сажают на горшок, собирается семья, и все стоят и ждут, как будто должно случиться чудо.

Я стердита на Юзю. Она говорит, что пятна никогда не отмоются. Ее счастье, что я еще как следует не проснулась. Позже в постели я нащупываю дырку в пододеяльнике: «Вот хотели меня поймать и сами попались»...

Остальные еще спят. А Вова, наверное, засунул голову под подушку, чтоб ему не мешал будильник. Что касается меня, то я выспалась. Я лежу и прислушиваюсь к утренним шумам. Выплеснули ведро. Это служанка Питкиных. И вдруг отчаянно замяукала кошка венгерки. Ее держат взаперти и кошка бесится. Чтоб досадить венгерке ученицы приоткрывают дверь, и кошка, как молния, проносится по черной лестнице. И тогда венгерка, немытая и нечесаная, топает ногами и кричит, что ее сведут в могилу. Пока кошка мяукает за запертой на замок дверью, и венгерка

может спать спокойно. Мне тоже некуда спешить. Когда пробковый мальчик подымет железные шторы, я начну одеваться.

У меня масса дел. Я должна войти с Таней в музыкальный магазин Густавсона. А потом мы обязательно пойдем во французскую библиотеку. Это очень важно. Таня не совсем верит в библиотеку, где одни французские книги. Но когда она увидит сколько их, и в каких они обложках, она начнет меня уважать. Может быть, Таня тоже запишется в библиотеку, ее уговорит вдумчивый мальчик. Он очень изменился. В последний раз я его чуть не приняла за бывшего конторского мальчика Вениамина. У него такие же большие, красные руки и он не знает, куда их девать. Но это моя фантазия. Вениамин давно уже превратился в мужчину с обветренным лицом и торчащими усами. И, кроме того, в Вениамине не было вдумчивости. Он сам мне когда-то сказал, что больше всего на свете любит селедку с луком. И это неудивительно. Он родился в лавке, где все пропитано селедочным рассолом.

Таня не понимает, как можно разговаривать с такими людьми. А мне интересно. Я хочу жить разными жизнями. Против бакалейной лавки я ровно ничего не имею. Мне даже нравится, что там продают монпансье из банки. В первый момент оно попахивает керосином, но потом, во рту, запах исчезает. Мне нравится безглазая рыба-тарань и грибы на веревочке. Они похожи на цветы. Геня когда-то сказала, что товара в лавочке ровно на копейку. Это обыкновенная зависть. Она сама непрочь открыть бакалейную торговлю. Но только не с этим несчастным служкой. Он уже один раз сел в лужу, этот соплявый коммерсант! В глазах у Гени ни искорки жалости. Тут мы с ней расходимся: я его очень жалею. Я хотела бы знать, где он ночует. И что он ест, когда Геня не

пускает его на кухню. Но Геня уверена в том, что он порядочный проныра и отлично устраивается. Лучше бы я ее пожалела. Она целый день стоит у плиты и сожгла себе лицо, и, вообще, весь перед.

Но мне почему-то ее не жалко. А вдумчивого мальчика я жалею. У него, наверное, блестящие способности, но он не может учиться. Он должен содержать больную мать и всех своих братьев и сестер. Его способности и мать, овдовевшую на десятом году замужества, я придумала. А братья у него, действительно, есть. Один из них странным образом напоминает эфиопа из библиотеки Общества приказчиков евреев. У него такой же раздавленный нос и толстые синие губы. Я спросила, как его фамилия и выяснилось, что он не Кусман, а Мирошниченко. В таком случае его мама урожденная Кусман. Вова посоветовал мне не настаивать. Брат вдумчивого мальчика может оказаться антисемитом. Вове он не внушает доверия. Он вечно крутится под ногами. А Вова старый абонент французской библиотеки и не хочет, чтоб ему мешали рыться в книгах. Перебирать книги, расматривать их и обнюхивать — самое приятное. Если б просто выдавали по каталогу, не стоило бы записываться. Но у библиотек есть еще одна хорошая сторона. Можно всегда сказать: «Я иду в библиотеку». Это магические слова, от них мамино сердце начинает таять. Не знаю догадывается ли мама, что по дороге Вова заходит к Исаевичу, или Гетингу, где пирожные больше и тяжелее, чем у Исаевича. Одно время Вова критиковал эту кондитерскую, а теперь он не только помирился с ними, он простил старухе Исаевич ее гнусные подозрения. «Она выжила из ума» — говорит Вова и сын артиста ему поддакивает. Если их слушать, половина одесситов выжила из ума. Особенно те, кому перевалило за тридцать. Они говорили то же самое

про двадцатипятилетных. Но за это время они сами успели постареть и поэтому идут на уступки.

А мне смешно, когда Эсперанса делает вид, что молодые люди ей не нравятся. Она выйдет замуж за человека пожившего. Они самые хорошие мужья. По ее мнению учитель математики достаточно пожил и теперь мог бы жениться на молодой, то есть на Эсперансе. А у него есть жена, хотя Эсперанса это отрицает. Но один раз на большой перемене в учительской появилась маленькая женщина с торчащим животом, жена математика. Как видно, она в положении. Но почему же она прогуливается среди бела дня? Она должна гулять по вечерам. Так или иначе, все разъяснилось, и сама Эсперанса, сдерживая рыдания, побежала в уборную. Там она хотела подставить голову под кран, и ее с трудом отговорили. Тогда она начала хохотать, как безумная. Через дверь это услышала начальница. Она вкатилась в уборную, и в бешенстве набросилась на Эсперансу. В тот день я дала обет не влюбляться в учителей. Ни в гимназических, ни в домашних.

Что было бы, если б Вова влюбился в нашу мадмазель, а я в Хейфеца? Хейфец бы еще больше раздулся. Он и так мне сказал, что я не подозреваю, каким он пользуется успехом у курсисток из провинции. Как такая курсистка увидит Хейфеца, так она сразу теряет голову. Неужели же они такие неразборчивые? Я знаю только одну курсистку из провинции, это сестра вечного студента. Она считается умной, потому что носит очки в роговой оправе. Сестра вечного студента была у нас один раз и больше не приходит. Мы — буржуи. Дядя сразу ее возненавидел: она приехала делать здесь революцию. И тогда сын артиста сказал Вове, что дядя — отчаянный ретроград, он это давно заметил. Через несколько месяцев мы узнали, что сестра никакой революции

не сделала. Она просто вышла замуж за студента из своего города. Они поселились у ее квартирной хозяйки, в той же комнате, где она жила прежде. Это был студенческий брак. А Хейфец до сих пор ни на ком не женился. Значит, он хвастун и больше ничего!

Я могла бы влюбиться в Колачева, но он на меня не обращал ни малейшего внимания. Он был увлечен Эльзуней. И Бог его наказал. Эльзуня не стала балериной. Ася говорит, что она охладела к танцам и хочет быть артисткой: оперной или драматической. Но я ведь дала обет не влюбляться в учителей. Они не для меня: я люблю доктора и он, по всем признакам любит меня.

Никогда не думала, что так трудно любить и быть любимой. Напрасно говорят: какое райское состояние. Я в нем ничего райского не нахожу. Вот Кате хорошо, она не знает, что такое любовь. Но оказывается она влюблена в Жозьку. Она мне призналась, и я пришла в ужас: маленькие девочки не должны влюбляться, это безумно неприлично. Катя сразу на меня напала: «Другие девочки тоже влюбляются...» Не знаю, кого она имеет в виду, меня или свою подругу Мальвину, но я ее предупредила, что другие меня не интересуют. Я не хочу, чтоб моя сестра стала позором семьи. Катя распустила нюни, а я ушла к себе. На сердце у меня был камень. Вот я придираюсь к Кате, а сама с утра до вечера занята любовью. Прачка Оля уже говорила, что амурные дела до добра не доведут. Но тогда речь шла о Юзе. Оля бесконечно далека от мысли, что в моем неинтересном возрасте можно влюбляться и любить. А если бы пронюхала, то немедленно донесла бы мамашеньке.

91.

Сегодня я почти с удовольствием пошла в гимназию. Обычно меня выпроваживают, и я всегда нахожу предлог, чтоб задержаться еще на минутку. В гимназии я одна тридцать пятая нашего класса, и никто там не придает значения моим словам. И все-таки я боюсь, что я уже не та и из предосторожности ухожу в библиотечную комнату. Мне совестно, что я забросила серенькую библиотекаршу. Ее кублик за последнее время еще более поредел. Но, как видно, она не обижена. Библиотекарша спрашивает, хочу ли я ей помочь, и я начинаю наклеивать номерки на новые книги, обернутые в синюю бумагу. Я довольна, что библиотека разрослась. Когда-нибудь у нас будет тысяча томов. Библиотекарша улыбается: у нас уже около двух тысяч. Отлично, в таком случае мы можем утереть нос реальному училищу. Бедная библиотекарша вздрагивает: она терпеть не может резких выражений. А мне они нравятся. Сам Вова сказал, что они разряжают атмосферу. Долго наклеивать мне не пришлось. В коридоре уже трещал звонок. Афанасий старался, как никогда. Он как будто хотел выместить на несчастном звонке все свои неудачи и горести. Но какие у него могут быть неудачи? У Афанасия вся грудь в медалях, он георгиевский кавалер и сражался за родину. «Хороший кавалер, нечего сказать», смеется Афанасий. Ему не

дает покоя то, что он живет в каморке, за лестницей. Как я вижу, счастливых людей очень мало. И чем я становлюсь старше, тем их число убывает. Если б можно было, как в сказке, невидимкой проникнуть в чужую жизнь! Или приподнять крышу дома и посмотреть, что делается в каждой квартире на верхнем этаже. Но под крышей чердак, я все равно ничего не увижу.

Кроме того, многие притворяются. Матя бы прыгала на одной ноге, если б ноги у нее были, как у Веруси или лошадиной Лили. А вместе с тем она думает, что сложена, как богиня. Это ее бзик. И с такими бзиками нельзя быть счастливой. Я хотела бы знать, счастлива ли наша начальница? Но нет, она недовольна. Особенно ее волнуют депутаты от округа. Эсперанса сказала, что они подозревают, что наша гимназия — рассадник революции. Но мы не отвечаем за то, что муж начальницы был в ссылке и вернулся оттуда с разбитыми нервами. Надежда Игнатьевна тоже не особенно счастлива. В душе она жалеет, что не стала артисткой. Она могла бы пожинать лавры, а ей приходится возиться со сморкатыми девченками и исправлять их безграмотную белиберду, которая называется сочинением, но на самом деле это даже не переложение.

Счастливее всех мадам Тюрбо. Она гордится своей талией, своими юбками, своей прической, — Васса говорит, что это парик, — своими маленькими ручками и крохотными ножками. Такие бывают только у француженок. Против России мадам Тюрбо ничего не имеет. «О, это прекрасная страна, но очень дикая!». Больше всего ее раздражают городовые, она называет их по-французски: ажаны. Я знаю, что во Франции они носят пелерины, и это меня смешит. Представляю себе городового в пелерине. Можно умереть от смеха! Недавно я пристала к Берте Креде.

Мне хотелось знать, чувствует ли она себя счастливой? Берта не поняла, чего я от нее хочу. Она вышла из своего рыбьего состояния и стала протестовать: «Она не понимает, почему мы все к ней цепляемся, она никого не трогает и не хочет, чтоб ее трогали». Берта Креде не имеет понятия о том, что такое счастье. Ей никто не объяснил. А вот Муся Логинская над такими вопросами не задумывалась: у нее ясная душа, может быть в этом и есть счастье?

Но безусловно самая несчастная девочка в нашем классе — это дочка доктора. Она скоро лопнет от зависти. Мне хотелось бы сказать, что я никому в жизни не завидовала. А это неправда. Я завидовала таниной кузине, Рафаелевне, хотя никогда ее в глаза не видела; брату близнецов, потому, что он делает революцию, и Софочке Шмидт. Она декламирует на всех именинах и днях рождения. Все это давно прошло, осталась только легкая зависть к Флоренс Домби из Домби и сына. Но мне до нее далеко, как до неба. У Флоренс были хорошие, честные мысли, а у меня...

Таня не может понять, что со мной. Я не хожу за ней следом, и не принесла ни одной открытки с артистами Художественного театра. Чтоб меня помучить, Таня опять начинает говорить, какой это замечательный театр. Если по пьесе там нужен соловей, достают соловья. А если ворона, так ворону. Это ерунда! Сын артиста мне показал, как это делается. Он помогает изображать за сценой не только птиц, но гром и молнию. Один раз был такой грохот, что он сам испугался и поверил. Вова тоже бывает за кулисами. Он сказал мне, что у декораций вблизи довольно жалкий вид. Я рада, что мой брат имеет отношение к театру. Я могу на него ссылаться. Ссылается же дочка доктора на своего папу, а Матя на свою профессоршу. Она говорит, что у профессор-

ши удивительная техника и вместе с тем эстрадное брио. Все это китайская грамота. Я уверена, что Матя как следует не знает, что такое брио. По поводу мелкой техники она мне уже говорила и даже пыталась продемонстрировать ее на нашем пианино. Никакой техники не получилось. Были звуки, напоминающие мяуканье новорожденных котят. Яков Соломонович ссылается на газету «Фигаро». И когда ему говорят, что она приходит с большим опозданием, он недоволен. Однажды Вова сказал, что все это было во вчерашнем номере «Одесского листка» и Яков Соломонович чуть не поперхнулся: — Боже мой, как он, Вова, такой развитой и начитанный и сам будущий редактор, может сравнивать «Фигаро» с провинциальным «Одесским листком»! Вова вскипел. «Одесский листок» вовсе не провинциальная газета! У них типография в Пале-Рояле. Там же, где кондитерская Печесского! А видел ли когда-нибудь Яков Соломонович издателя Навроцкого? Или редактора, Сергея Федоровича Штерна? Не видал! В таком случае он не может говорить об «Одесском листке». Таких собак, как у Навроцкого, нет во всей Одессе! Вова умалчивает о том, что он и сын артиста поместили там стихотворение. Они его сочиняли два вечера подряд и в конце концов отправили по почте. Это секрет. Я дала клятву, что не проговорюсь. Поэтому я не могу сказать, какой они взяли псевдоним.

Не понимаю, почему Вова увлекается «Одесским листком». Я предпочитаю «Одесские новости». У них более черный шрифт и из-за этого газета не кажется такой скучной. Об «Одесской почте» никто не говорит, но ее все покупают. Иногда я нахожу ее у папы в кармане пальто. Нет ничего позорного в том, что читают копеечную газету. Разве дело в деньгах? Но почему-то считается, что «Одесская поч-

та» для кухарок и для белошвеек. Ну что ж, они тоже должны просвещаться. Я теперь уже не бросаюсь на газету. Мне немного надоели мелочи жизни, маленькие происшествия и даже зигзаги. Их пишет журналист в шубе с котиковым воротником. За то время, что он проходит по асиному двору, котиковый воротник вытерся и перестал быть похожим на мех. Сам журналист все такой же, круглый и бритый. Он напоминает актера на вторых ролях. Для первых ролей он слишком упитан.

Мне нравится приложение к «Одесским новостям». Там пишет одна поэтесса, знакомая тети Лили. Она будто бы живет в Париже и посылает оттуда корреспонденции. Но Вова с подозрением относится к ее пребыванию во французской столице. Он сам видел, как она выходила из дома на Новорыбной. Но может быть это ее двойник? Вова отмахивается. «Никаких двойников!». Ошибиться он никак не мог: у него поражающая зрительная память. Стоит ему встретить кого-нибудь и тот фотографически запечатлевается в его мозгу. Такая память была только у Наполеона Бонапарта и у знаменитого сыщика, Шерлока Холмса. Но Шерлок Холмс выдуманное лицо. Его не существовало. Не было и сыщиков помельче: Ната Пинкертона и Ника Картера. Это сказал Боря Гаевский, когда зачитывался Рубакиным, и все остальное презирал. Назло ему я невзлюбила Рубакина. Мы чуть не поссорились, потому что Боря верил в самообразование, а я нет!

Можно делать опыты из журнала «Природа и люди». Они опасны, но в этом их прелесть. Я никогда не забуду, как Ланя убеждал меня, что медный подсвечник может плавать, несмотря на то, что он тяжелее воды. Тогда же был второй взрыв и опять Лане повезло: он отделался легкими ожогами. Но Ланя не успокоился, и я уверена, что скоро произой-

дет третий взрыв. Между прочим, я спросила Ланю, верит ли он в существование Шерлока Холмса и Ланя ответил, что Шерлок Холмс, а это он знает из достоверных источников, живет в Лондоне на улице, указанной писателем Конан-Дойлем. Я могу проверить, но он не советует мне терять время и энергию. Все это доподлинно известно. Молодец Ланя! Я люблю его за то, что он все знает. У него нет сомнений в своей правоте. А у Дарвина они были. Так, по крайней мере, говорят близнецы. Они специалисты по Дарвину. Так же, как сын артиста — специалист по театру. Он терпеть не может, когда другие начинают говорить о театре с точки зрения искусства. Это его область и нечего им совать туда свой нос. Вове он разрешает высказываться, хотя Вова не ждет его разрешения. Он сам специалист! Он прочел все воспоминания знаменитых артистов и, вообще, все, что имеется о театре в Библиотеке приказчиков евреев и во французской библиотеке, но по-русски. Я всегда забываю, что там есть русские книги. Я не решилась бы попросить их у вдумчивого мальчика, он бы этого не перенес. А Вова — решается, он требует русский каталог. Потом он заявляет, что у них ничего нет, это форменное бозобразие, они могли бы следить за литературными новинками. И тогда вдумчивый мальчик говорит печальным голосом, что он тут ни при чем, у них французская библиотека.

Вове не хочется вступать с ним в спор. Тем более, что вдумчивый мальчик обязан защищать интересы хозяина. Он ведь не что иное, как служащий. Меня это очень расстроило. Не представляла себе, что вдумчивый мальчик и просто мальчик из магазина Букинери одно и то же, только под разным соусом. Если б можно было, я объединила бы всех мальчиков: вдумчивого, мальчика с грязными руками — от Букинери, нашего конторского мальчика и

моего поклонника из пробкового магазина. К ним можно было присоединить мальчика из магазина Чудновского, того, что разносит покупки по домам, и мальчика портного Питкина. Я хочу, чтоб они между собой договорились и начали протестовать... Но против чего? Против существующего строя, как бывшие матины кавалеры, или против эксплуатации, как брат близнецов? Это они сами должны решить. Вы скажете, какая глупая, детская идея! Но многие идеи на первый взгляд кажутся детскими, а за них идут в ссылку или на каторгу.

Довольно об идеях! Идейные люди не мечтают о поездках с доктором в экипаже и не по знакомым улицам, а по Французскому бульвару в неизвестном направлении. Так, чтобы все время ехать, ехать и чтоб он держал мою руку. Сегодня перед уходом в гимназию я стащила немного миндальных отрубей и долго терла ими мои шершавые обветренные руки. После этого они стали, как шелковые. Теперь я понимаю, почему Матя покупает отруби. — Это лучше, чем крем Симон, а стоит всего пять копеек. И все-таки, если б мне не было стыдно, я купила бы у Гейликмана крем для рук. В окне у него огромное объявление. На нем две ослепительные белые руки с жемчужными ногтями. Написано, что крем этот превращает самую грубую кожу в чистейший атлас. Не представляю себе, чтоб Гейликман шел на сплошной обман. Мама сказала, что он честный человек и продает по твердой цене. Я довольна, что мама высокого мнения о провизоре Гейликмане. Она как-то в спешке послала меня за подарочным одеколоном и сам Гейликман преподнес мне не только зеркальце от Одоля (у меня их целая куча), но и специальную подушечку для полировки ногтей.

В нашем классе такая подушечка только у Родиопуло и то она подержанная. Родиопуло стащила ее с

ночного столика у одной своей кузины. Та родила двойню и ей не до подушечек. Обязательно принесу ее в гимназию и на пустом уроке буду всем показывать. А что если кто-нибудь попросит, чтоб я дала отполировать ногти? Неужели я откажу? Лучше не брать с собой, а то я, наверное, подарю эту подушечку первой, кто на нее посмотрит. Я люблю дарить. Я мучаюсь от желания раздарить свои вещи. Меня останавливает только то, что придется покупать новые. Я давно хотела подарить Асе мой браслетик из дутого золота, а за это меня не погладили по головке. Браслет — память от бабушки, маминой мамы. Но я ее и так помню, несмотря на то, что живой никогда не видела. Я знаю ее по портрету и по карточкам в альбоме, а главное, по рассказам. Как мне хочется иметь бабушку, хотя бы такую, как ланина: картежницу и анекдотистку! Она бы мне дарила веера и гипюровые воротнички. И от нее я узнала бы, как жили прежде, когда было лучше, чем теперь. Вова мне не раз уже объяснял, что это искажение действительности. Но я ведь видела «Синюю птицу» в постановке Синельникова и помню, что царство Прошлого было как-то симпатичнее царства Будущего. Но может быть писатель Метерлинк тоже отсталый тип и, как все святоши, боится будущего. Это мне абсолютно неизвестно. Сын артиста говорит, что не стоит мучиться. Напрасно я терзаю мой детский мозг! Но мало ли что он говорит. У него есть любимое выражение: «Никто необъятного объять не может»... И что же, я случайно узнала, что это взято из Чтеца-Декламатора. Без Чтеца-Декламатора было бы трудно жить. Его вечно перелистывают, по нем гадают, учат из него стихи для литературно-музыкально-вокальных вечеров.

Последний вечер был у Веруси и на нем Вова декламировал: «Сверхпопугаем будь, но не сиди сверх

клетки»... Никто не понял, в чем тут дело и поэтому всем очень понравилось. Большинство людей любит то, чего они не понимают. Вова сказал, что если б он мог предвидеть такой успех, он бы прочел что-нибудь позаковыристее. Чтоб это могло быть? Навряд ли «Белое покрывало». Оно зачитано. Скорее всего, стихотворение «Проезжайте»! Когда Вова его декламирует, по спине у меня пробегает ледяная струйка. Сын артиста сказал, что лучшей проверки быть не может. И я, волей неволей, должна ему верить. Но я ведь отрицаю авторитеты! Рыжий доктор с Канатной уверял, что именно этим объясняется моя повышенная нервная возбудимость.

Гимназическая докторша тоже говорит про нервную возбудимость. По мнению докторши ею отличаются все одаренные натуры. Не знаю, причисляет ли она меня к одаренным, но на всякий случай я с ней очень мила. Иногда она останавливается в коридоре, чтоб поговорить со мной и дочке доктора это очень неприятно. Она хочет, чтоб докторша разговаривала только с ней: ведь она дочь известного в городе врача. Одного я не могу понять — почему докторша носит такие обтянутые платья? Она проповедует гигиену, а сама еле ходит, потому что шелк впивается ей в бока. Нехорошо подмечать недостатки, но я это делаю помимо моей воли. Я б хотела видеть хорошее, а вижу смешное. Я смотрю на огромные ноги Якова Соломоновича и спрашиваю, какой у него номер ботинок? Яков Соломонович смущен: он купил их заграницей, а там другие номера... Он хочет знать, какой номер я ношу. Мне неловко: я тоже не знаю. Окунь любит уменьшать номера. Он продает тридцать третий, а уверяет, что это тридцать второй. Уговорю Матю пойти к нему. Она помешана на крохотных ножках. Матя с трудом втискивается в узкие и длинные ботинки, и потом ходит с видом

мученицы. Но какое блаженство, когда можно их снять. Я советую Мате выйти замуж за мозольного оператора, и она страшно сердится. У нее в жизни не было мозолей. Если б ее поклонник это услышал, он был заболел от отчаяния. Несмотря на то, что у его отца останавливались на постой разные перекупщики, а во дворе распрягали лошадей, он очень нежный и чувствительный. И в душе он эстет. Он признает то, что другие отрицают.

Поклонник был удивлен, когда узнал, что Матя обожает фиалки. Боже мой, какой ужас! Букетик фиалок можно преподнести мидинетке, но не Мате. Ей он подарит орхидею. Или в крайнем случае — туберозы. Они пахнут разложением. Матя очень возгордилась, но Вова ее сразу привел в чувство: у поклонника нет денег не только на орхидею, но даже на букет сирени. Зато мне повезло. Я узнала, что такое мидинетка. Это нечто вроде мастерицы венгерки или Фриды и Симы у мадам Рабинович. Только парижские мидинетки носят платья в картонках, а венгеркины мастерицы — в старой простыне. Заказчицы мадам Рабинович приходят к ней, чтоб отобрать лифчики или ночную сорочку. А мои платья я сама отношу домой. Иногда мне приходится таскать катины и я не совсем довольна. Пусть найдут себе другую разносчицу! Это мелочно с моей стороны, но я терпеть не могу пакеты. Кроме книжных. У меня не хватает терпения донести их ко дому. Я готова здесь же, на улице, раскрыть пакет.

К сожалению, я гораздо чаще хожу в молочную Чичкина, чем в книжные магазины. К Чичкину меня посылают, если нужно прикупить сыр с тмином или кусок сыра со слезой. Чичкинский приказчик сказал, что с удовольствием меня обслуживает: я очень милая барышня. Какая грубая лесть! Но она мне не неприятна. Это лучше, чем асины компли-

менты. Ася способна сказать, что у меня неестественный румянец. Наверное, я натерла щеки красной бумажкой. Или, что я похожа на привидение. Все это она говорит из ревности. А ревность — ужасная штука. Юзя уверяет, что в соседнем доме из-за нее один зарезал свою жену. И его не послали на каторгу, а просто-напросто приговорили к церковному покаянию. Он каялся со свечкой в руке. Так мне объяснила Юзя. Но она говорит все, что ей взбредет на ум, лишь бы от меня отделаться. Сама Юзя здорово приставучая. И если нужно написать письмо, она вертится вокруг меня и обещает тайком от прачки Оли накрахмалить мою нижнюю юбку, чтоб она была, как железная! Уговорить меня нетрудно. Я уже писала такие письма. Начало и конец почти всегда одинаковы. А середину надо менять.

Раньше Юзя писала Антону, а в последнее время Павлику. Я предпочитаю Антона. Прачка Оля считает, что, хоть он и солдат, а солидный мужчина. И что Юзя не понимает своего счастья. Юзю не переубедишь: ей нравятся штатские с усиками. Павлика я не видела, но кажется, у него вьющиеся волосы и усы, как у чичкинского приказчика. В общем, он нечто среднее между шатеном и брюнетом, он — шантрет. Я посмотрела в словарь и шантрета там не оказалось. Но это ничего не означает. Я уже говорила, что в асиной семье восхищаются рыжими женщинами и называют их: рыжетки. А рыжеток тоже нет в словаре! Я не разделяю асиного преклонения перед рыжетками. Но я по-прежнему на переменах хожу за шестиклассницей с золотыми волосами. Главное, чтоб она молчала. Как только шестиклассница с косой ниже колен раскрывает свой кукольный ротик, мне хочется бежать. У нее странный голос, она воркует. И не одной согласной она не произносит, как надо.

Эсперанса сказала, что у нее дефект речи. У самой Эсперансы тоже есть дефекты, но она их не замечает. Она даже советовалась с артисткой, преподавательницей дикции, не пойти ли ей на сцену? Но та отсоветовала вступать на этот тяжелый тернистый путь. Она, как видно, не верит в эсперансино призвание. А без призвания об артистической карьере нечего мечтать. Я бы посоветовала Эсперансе поскорее выйти замуж. У нее фигура замужней дамы. Если б мы с ней каждый день не сталкивались в застекленном коридоре, я бы не поверила, что она гимназистка. В седьмом классе есть еще одна с большим бюстом. Но глаза у нее не такие страстные, как у Эсперансы. В них что-то наивное. Она всегда готова оказать услугу учительскому персоналу и поэтому все говорят, что она хорошая. Я не считаю услужливость большой заслугой, но держу это при себе. У шестиклассницы твердая репутация, и никому не удастся ее поколебать. Она себя зарекомендовала.

Вова сказал, что это самое важное. Сначала надо себя зарекомендовать, а потом делать, что хочешь. Треть класса живет за счет своей репутации. Жора до сих пор считается самым умным реалистом. Близнецы не раз порывались занять его место, но им не удалось. Они не подозревают, что за ними установилась репутация блеферов. Это модное слово. Что же касается одного из братьев Калиниченко, то у него слава лучшего в классе танцора. На самом деле он гусь лапчатый, у него кривые ноги. Что же касается его знаменитых перчаток, то они от постоянной чистки давно пожелтели. У Вовы репутация великого оратора, поэта и знатока искусства. А сын артиста поэт и первый специалист по театру. Как редактор Вова проявит себя в ближайшем будущем. В общем, все они мыслители, каждый в своем роде.

92.

В нашем классе тоже есть установившиеся репутации. Самая прочная из них — у Муси Логинской. Самая плохая — у дочки доктора. Такие, по мнению венгеркиной мастерицы, танцуют на всех свадьбах. А она знает жизнь не хуже, чем прачка Оля. У обеих есть опыт. Оля говорит, что заплатила за все своим горбом и при этом она похлопывает себя по толстому красному затылку. Мастерица только вздыхает: она видала виды. Но мне от их опыта становится скучно. Они много страдали на своем веку и потому все ругают. Оля, например, не верит в бескорыстную любовь, а мастерица хочет пойти на содержание. Это лучше, чем работать у такой стервы, как проклятая венгерка. Из приложений к «Ниве» я узнала, что такое содержанка и почему идут на содержание. Но если разобраться — почти все женщины содержанки. Скажем, мадам Блазнер. Она живет на содержании у мосье Блазнера и ровно ничего не делает. Только оберегает свою голубую атласную кушетку. Если б она была хорошей матерью, я бы таких гадостей о ней не думала. Я ж не считаю, что мадам Питкина на содержании у портного Питкина. Скорее, он содержанец, а она все в доме. И когда нужно помочь, пришивает пуговицы к брюкам и жилетам. «Их можно вырвать только с мясом», — говорит мадам Питкина. А как она вшивает подкладку! Сам Питкин

уверен, что она гений. У нее только одна маленькая слабость: она не любит заказчиц. Мадам Питкина не отходит от них ни на шаг. Но ведь Питкин мужской портной, зачем же к нему ходят заказчицы? Мне объясняют, что он в то же самое время и дамский портной, хотя этого нет на вывеске. Он шил Людмиле и один раз переделал Гене ее сак. Питкиным она осталась недовольна. Он рисовал на ней мелом, ощупывал ее, как курицу на базаре, и в результате все перефучил.

На всех не угодишь! Венгеркина мастерица сказала, что Блазнерша душу из них выматывает и при этом кричит, чтоб принесли сантиметр. Сейчас она покажет, где они укоротили и где сузили. Мать Мани, внучки часовых дел мастера, тоже шьет у венгерки. Но она плохая заказчица. Нужно сто раз посылать к ней девочку со счетом. Эта девочка у венгерки на ролях мальчика. Разница в том, что венгерка дала слово, что она научит девочку кройке и шитью. Но пока дальше наметки дело не пошло. Девочку зовут Верка, и меня это страшно обижает. Мне за нее больно. Почему велосипедная девочка: Веруся, а она Верка? А мальчика из пробкового магазина зовут: «Эй, ты»! Как будто у него нет метрического свидетельства, куда записывают имя и год рождения. Но пробковому мальчику наплевать на хозяина. Когда-нибудь он ему покажет! Господин Букинери, все-таки, вежливее хозяина пробкового магазина: он называет своего мальчика: Петичка. Вова сказал, что из этого Петички выйдет незаурядный жулик. Он подмигивает Букинери глазом, чаще всего правым. От частого подмигивания правый глаз стал меньше левого... Все это, чтоб продать по баснословной цене растрепанную физику Краевича. Сегодня я узнала, что венгеркина девочка — воровка: она стянула две охотничьи сосиски. Какая чушь! При

чем здесь воровство! Никто ж не виноват, что венгерка кормит ее вареным мясом. Я сама тащу еду и недавно, как ворона из басни, чуть не подавилась швейцарским сыром. Это был сыр для бутербродов, но мне он был нужен для того, чтоб дочитать первую часть одной толстой книги. Если б меня поймали, ничего бы не случилось. Детей надо питать.

Еще недавно я принимала аппетитные капли, но они не возбуждали аппетит, а, наоборот, от них он окончательно пропал. Осталось полбутылочки и если кому-нибудь нужно, я могу с удовольствием подарить. Пусть принимают на здоровье! Я лично из всех лекарств признаю только малиновый сироп доктора Ашевского. Остальное — выброшенные деньги. Геня мечтает об облатках и пилюлях, но они ей не по карману. А в прошлую субботу дочка доктора принесла в класс крохотные розовые пилюльки. Она сказала, что они от кашля и их прописал ее папа. Кто принимает эти пилюльки, никогда кашлять не будет. Он скорей умрет, чем закашляется. Все боялись попробовать. Наконец, Поцелуйкина положила одну пилюлю в рот и тут же начала фыркать и откашливаться с такой силой, что из глаз у нее полились крупные слезы. Дочка доктора взбесилась. Она решила, что Поцелуйкина кашляет, чтоб подвести ее папу. Бедная Поцелуйкина не знала, куда ей деваться. Она тоже из услужливых и потому часто попадает впросак. Кроме того, она всеядное животное. Поцелуйкина однажды съела конфету вместе с бумажкой. Если б открыть ее желудок, как сделали какому-то человеку из журнала «Природа и люди», то в нем нашли бы всякую всячину. Не то, что у деликатного Топсика. Та все режет на мелкие кусочки, потому что у нее горлышко узкое, как у пичужки. Она и говорит тихо, не как горластая Васса. Мне странно, что в одном классе может быть столько

различных типов. А что будет осенью, когда все подрастут? Может случиться, что роли поременятся: Топсик начнет кричать, а Васса говорить шопотом. Но до осени еще много времени. Пока надо думать о лете.

Я начала укладываться. Хочу везти на дачу все свое имущество. Со мной ссорятся и доказывают, что лишние вещи там ни к чему. Я буду целый день на воздухе. Но как быть в дождливые дни? Не могу же я бегать по даче с высунутым языком и искать книгу для чтения. В результате я получу шиш с маслом. Дачные дети не одалживают книг. Им это запрещено. А я, хоть и с болью в душе, но одалживаю. Боря Гаевский и Женя возвращают одолженные книги. Но Боря всегда подчеркивает, что он вернул. А Женя возвращает, так как решил во что бы то ни стало отгородиться от близнецов: они его братья, но он сделан из другого теста.

Я снова перехожу к Боре Гаевскому. Теперь я знаю его комнату в лечебнице и могу себе представить, как ему там живется. Наверное, каждую минуту стук в дверь: входит сестра милосердия с большим подносом. На нем обязательно что-нибудь очень маленькое. Так было у дедушки, так происходит и в бориной лечебнице. Только к дедушке приезжали знаменитости из города, а у Бори свой знаменитый врач — мой доктор. Но мне уже не хочется, чтоб он меня оперировал. После того, что он держал мою руку в своей мужественной руке, это было бы непристойно, как говорит наша начальница. Ашевского я не стесняюсь и когда он ощупывает мой живот, я смотрю на черное пятнышко на его лысине и гадаю: родинка это или бородавка? У меня желание поскрести, но я не решаюсь. Доктор Ашевский мог бы заболеть от возмущения. Он не из тех до кого дотрагиваются. Не представляю себе, что он целует свою злую крас-

нощекую девочку или своего сына, первого ученика. Для поцелуев у него слишком безкровные губы. Одет он прилично, ему это полагается, он домашний врач. Дядя уверяет, что он вхож во многие аристократические дома.

От этого слова мне чуть не стало дурно. Но дядя не унимался: кто я такая, чтоб всех критиковать? У меня еще молоко на губах не обсохло! А он, как никак, вхож к Бродским. Второе «вхож» окончательно вывело меня из равновесия. Я поспешила уйти, чтоб не разразиться истерическим смехом, по примеру кузины Мани. Когда ей нечего сказать, она начинает смеяться особым смехом. На самом дне его — слезы, и они вот-вот выйдут наружу. Когда-то она объясняла, что истерика — могучее орудие в руках женщин. Но я с ней не соглашалась. Если нужно добывать свое счастье таким способом я предпочитаю от него отказаться. И так как мне, по моей религии, нельзя уйти в монастырь, я уеду в чужую страну на другой стороне глобуса.

Я пропаду без вести. Такие случаи бывали. У Гени множество примеров. Чаще всего она говорит о своей подруге. Ее муж пошел за спичками и больше его никто в глаза не видел. Геня думает, что он в Америке и завел себе там другую семью. А что случилось с подругой? Неужели она зачахла и умерла? Геня отмалчивается. Из этого я заключаю, что подруга утешилась. Некоторые сразу находят себе утешение. А других и утешать не надо. Например, ланину бабушку. Она не помнит, что у нее был муж, посылавший голову вперед. Она и при жизни его не замечала и если звала, то по фамилии. Он всегда откликался, но при этом вздрагивал, как побитая собака. Еще глупей называть мужа «солнышко», как делает тетя Лиля, жена архитектора. Он ведь напоминает плохо обтесанный деревянный чурбан и ни-

чего солнечного в нем нет. Он надутый. Иногда он начинает смеяться грохочущим смехом, но потом смех его обрывается, и он опять становится тем же чучелом. Мне кажется, тетя Лиля каждого мужа называла бы: солнышко», удобно и поэтично.

А как я буду обращаться к моему доктору? Во всяком случае, «солнышко» исключено навек. Не стоит ломать себе голову. Такие вещи не должны быть надуманными.

Стыдно сказать, но я завидую Асе. У нее коклюш и ее везут на газовый завод. Надо дышать испарениями светильного газа и тогда коклюш проходит. Так говорит тетя Полина. Она большой специалист по всем детским болезням. Меня не отпустят. Мои родители боятся, что я заражусь коклюшем, и они не верят в газовый завод. Папа страшно недоволен, когда меня лечат домашними средствами. Если нужно, пусть Ашевский приходит два, даже три раза в день. Он не допустит, чтоб меня лечили без доктора. А по-моему провизор Гейликман лечит от кашля не хуже, чем Ашевский. Он сейчас же предлагает конфеты Кэтти Босс. Они пахнут анисом и можно сразу положить в рот полкоробки. Есть еще зелененькие конфетки: «Вальда», но от них хочется непрерывно чихать. И, все-таки, это лучше, чем однообразное лечение Ашевского. Как-то раз он по ошибке прописал незнакомое лекарство, и в аптеке всполошились. Так говорит Вова. Но я думаю, что он просто шутит. Какое дело аптеке до рецептов доктора Ашевского? Провизор Зайдеман важная персона и такими мелочами не занимается. Я до сих пор не могу оторвать глаз от флаконов в окне его аптеки. Они наполнены голубоватой жидкостью и по вечерам она светится, а по стеклу пробегают крохотные золотые искорки.

Для того, чтоб быть владельцем аптеки, надо

сдать множество экзаменов. Наш Гейликман только помощник провизора и поэтому у него аптекарский магазин. С меня хватит магазина, тем более, что с Гейликманом я на дружеской ноге, почти как с Александровским. Но Александровский жалуется и ноет. Он, наверное, нытик. А у Гейликмана всегда приподнятое настроение. Можно подумать, что он выиграл сто тысяч на лотерее. Он радостно улыбается и при этом видны его зубы. Они расставлены так редко, что кажется — половина их повыпадала. Но это обман зрения. Матя сказала, что ни за что на свете не выйдет замуж за человека с такими зубами. Но я ей не верю. Она сама себя утешает. О Гейликмане ей лучше забыть: он женат. Я сама видела его жену. Она до невозможности затянута. Из-за этого у нее тонкая талия, а бюст касается подбородка. Из такого бюста можно было бы сделать десять Гейликманов. Но Гейликмана это не смущает, и однажды. он при Вове, назвал свою жену :«маленькая»... От неожиданности Вова задержал дыхание и чуть не подавился собственным языком. Мадам Блазнер за глаза называет своего мужа «мосье Блазнер». Она хочет подчеркнуть, что он не такой, как другие. Интересно, знает ли мосье Блазнер, что его жена пересчитывает сахар и с утра до вечера любуется серебряным чайным сервизом. При гостях она спрашивает горничную, почему в столовой такой мрак. Наверно, забыли почистить серебро!

У Гениного служки, вообще, нет имени. В лучшем случае Геня говорит: «И чего он приплелся. И без него у меня голова лопается. Хотела бы я знать, что ему нужно, этому лодырю!». На месте служки я бы обиделась, но он, как видно, не страдает избытком самолюбия. Он уверен, что генин гнев остынет, и тогда она даст ему тарелку с верхом, а в ней будет все вкусное, что осталось от сегодняшнего обеда. Я

ставлю себя на место служки: меня никто не называет по имени, я безымянная. При одной мысли мне хочется умереть. А служка как ни в чем не бывало уписывает фаршированную селезенку с балабушками. И тут я вспоминаю мальчика из пробкового магазина, по прозвищу «Эй, ты!». Надо быть таким, как он. Не давать спуска. Конечно мальчикам это проще. Мы, женщины, не можем ни ругаться, ни наступать. Нам не позволяет это наша женственность. А без нее трудно обойтись! Вова и сын артиста делят всех своих знакомых девиц на женственных и неженственных. У неженственных нет ни малейшего шанса на успех, их дело семнадцатое. Это выражение Ланя привез из Кобеляк, и оно привилось. Сами Кобеляки давно ушли в прошлое. Близнецы, вообще, не хотят верить, что такой город существует. Но они не верят ни в Бога, ни в чорта, и признают только точную науку. В медицину они не верят. Их брат сказал, что медицина — это не наука, и я страшно растроилась. Нет, медицину я им не уступлю! Хотя Вова считает, что среди врачей есть множество неучей и шарлатанов. Даже если это верно, медицина тут ни при чем! Она не отвечает за отца нашей дочки доктора.

Мадам Ашевская насплетничала маме, что он стал владельцем санатории. «Подумайте, дорогая, он продает борщ». Не знаю, о каком борще шла речь. В дедушкиной санатории давали протертый суп из зелени. О борщах там не имели понятия. Очевидно, та санатория была вроде лечебницы, а другая — это лавочка, как утверждает докторша Ашевская. Она всегда стоит за правду. Но ее правда какая-то однобокая. Она похожа на зависть, самое отвратительное из всего, что я знаю. Стоит мне даже в шутку кому-нибудь позавидовать и я чувствую себя последним человеком. Конечно, есть зависть безобидная, но не у мадам Ашевской. Когда она говорит о других вра-

чах, лицо ее становится зеленым, а глаза мечут молнии. Если б не шляпка из мелких роз и гипюровый воротничек, ее можно было бы принять за фурию. С какой радостью она уничтожила бы всех конкурентов, а их жен предала долгой мучительной смерти! Они это заслужили. Когда послушаешь мадам Ашевскую начинает казаться, что в Одессе не осталось ни одной приличной женщины.

К нам на дачу докторша Ашевская приезжать не умеет. Зато Яков Соломонович будет появляться каждый день в одно и то же время. Ему хочется, чтоб я обратила внимание на его огромные запыленные ботинки. Дело нешуточное: он пришел пешком из города. Яков Соломонович обожает моцион. Он не мог бы жить без моциона. Другие гости по дороге со станции на дачу будут ехать и кряхтеть, лысины у мужчин покроются мелкими каплями пота. «Подумайте, какая даль! И надо идти в гору!». Они приехали на целый день и успеют отдышаться. А некоторые останутся ночевать и Вова, когда вернется с вечерней прогулки, с ужасом услышит в своей комнате незнакомый густой храп. Я все это предвижу. Мне даже известно, что на той же даче будет жить семья папиного делового друга. Там служит генина подруга, и Геня узнала, что все, даже пряженицу, они делают на льняном масле. Пряженица на генином языке обозначает яичницу. К этому я никак не могу привыкнуть. Но Геня неумолима. У них в местечке так говорили. И не мне ее учить. Она, слава Богу, прошла хорошую школу. Я знаю, о какой школе говорит Геня. Многие думают, что они ее прошли, но это чистое воображение. Спорить с Геней я не собираюсь: все равно она меня перекричит. Никто не хочет, чтоб его учили, даже Катя. Я ей посоветовала не брать на дачу цветочное лото, и она была невероятно возмущена. А я только хотела сказать, что

на даче не играют в лото, там есть свои, дачные развлечения. Но Катя лучше меня знает во что там играют. Она уже много раз жила на даче.

Я сама недовольна, когда меня учат. Таня хотела бы, чтоб я ходила на Гофмана и Губермана. Она пыталась внушить мне отвращение к иллюзиону «Двадцатый век». У меня не хватает смелости признаться, что в Зале Биржи мне бывает скучно, и потом туда надо ходить с Матей. А она берет места на хорах и я стою там между двумя чужими юбками и чуть не плачу от усталости. Но не от «Лунной сонаты», как хотелось бы Тане. Она мне объясняет, как последней приготовишке, что искусство выше всего. Чтоб избавиться от ее поучений я хожу в иллюзион тайком. Это секрет между мной и Юзей. К концу сеанса у нас обеих глаза становятся красными, как у белых мышей. Чтоб немного успокоиться, в каждом антракте я покупаю шоколад миньон. А там два или три антракта. Когда мадмазель учила меня хорошим манерам, она без конца повторяла, что нельзя все время жевать. Так делают ослы и невоспитанные дети. Поучения мадмазель не пошли мне в прок: я постоянно жую. И не я одна. У нас в классе все жуют. Один раз Надежда Игнатьевна нашла на полу целый бублик с семитатью. Кто-то испугался и бросил его. Надежда Игнатьевна разъярилась. Как, вместо того, чтоб учить неправильные глаголы, мы пожираем бублики! Она нас предупредила, что это плохо кончится. У Топсика задрожала тогда сначала нижняя, а потом верхняя губа. Она сама себя выдала. Но, к счастью, Надежда Игнатьевна смотрела поверх ее головы. Все молчали, но у Муси Логинской глаза еще больше округлились. Берта Креде стала похожа на каменное изваяние. У нее неподвижное лицо. Она никогда не меняется. Но по ее румянцу я угадываю, о чем она думает. Когда краска заливает

ей щеки, до самых глаз, Берта, наверное подсчитывает в уме, сколько пирожных она съест у Фанкони. Для кассирши нет ограничений. Это совсем не глупо! И Берта не такая дура, какой ее хотят изобразить. Больше всего она боится дружбы, потому что тогда надо ходить в гости к подруге. И подруга во всякое время может придти к тебе. А бабушка из Мекленбурга не хочет, чтоб девченки шлялись к ним на квартиру. Сама Берта и ее сестра, как только приходят домой, сейчас же меняют свои тяжелые грязные ботинки на туфли из материи. Их сшила бабушка и им нет сноса. Кроме Фанкони у Берты есть еще одна мечта: лакированные лодочки. Она бы отдала полжизни за лодочки, но в магазинах такой монетой не расплачиваются: им нужны обыкновенные серебряные или бумажные рубли. Чтоб не растравлять бертиных ран, не рассказываю ей, что у меня есть лодочки. Они правда с перепонкой, но Берта пошла бы и на перепонку, она не гордая. Всех затмила Тоня Калиниченко. Она имеет две пары лодочек: из них одна на каблуках, не очень высоких, но все-таки каблуках. Хорошо, что начальница ничего об этом не знает. На прошлой неделе она набросилась на Таню и прочла ей длиннейшую нотацию: у Тани будто бы слишком нарядный воротничек. Он позорит нашу гимназию.

Таня растерялась: воротничек не новый, все его видели и до сих пор никто не сделал ей замечания. Но в этих случаях умнее всего молчать. А Таня умеет молчать. Я не такая молчаливая. Слова клокочут у меня в горле и иногда вырываются наружу. Говорят, что «молчание — золото». Но Вова и сын артиста презирают прописные истины. Они не для них, а для людей низшего порядка. Я думаю, что Галкин в их числе. Он живет и мыслит, как полагается первому ученику. Вова уверен, что несмотря на то, что

он пятерочник, учителя его не уважают. Конечно, Галкину хочется, чтоб его уважали, но ради этого он не пожертвует ни одной из своих пятерок. Это свыше его сил. Если нужно, он будет подлизываться, хотя он не специальный подлиза, есть почище его. Они способны подать преподавателю калоши и зонтик, проводить его до дверей учительской и тому подобное. У нас в классе несколько таких подлиз, и Васса постоянно с ними борется. Сначала она их задирает, а потом, когда они идут на удочку, она принимается осыпать их оскорблениями. Васса хочет, чтоб подлизы вышли из себя. Напрасный труд! В крайнем случае они начинают хныкать и бегут жаловатьсяся какой-нибудь второстепенной учительнице. Имен подлиз я не называю. Мне не хочется, чтоб эта кличка пристала к ним на веки-вечные. Они ведь могут исправиться.

93.

Вова говорит, что я идеализирую человечество. Я хотела бы ему ответить, что идеализирует он, а не я, но тогда б он сразу понял, что я намекаю на Верусю или на лошадиную Лилю. Кстати, она стала выходить из моды и близнецы уже не завидуют Вове. Они махнули рукой на Лилю: все равно ухаживанье за ней им не по карману. Пусть другие исполняют ее поручения, с них хватит девиц попроще. Тем не нужны книги в переплетах из фиолетового бархата и разные никому не нужные старинные вещи. Лиля умеет давать поручения. Я сравниваю ее с мадам Трейн. Та виртуоз по части поручений, но ее поручения более жизненные. Мадам Трейн сняла дачу по близости от нас, и мы будем ездить к ней на уроки. Это заранее портит мне лето. Тем более, что на даче нет комнаты, где можно было бы читать запретные книги. Муж мадам Трейн оставляет их в городе. Если б я была с ним поближе знакома, я бы посоветовала ему взять часть на дачу. Но это немыслимо. Для мадам Трейн я вообще не существую. А он, иногда со мной здоровается, но с таким неуверенным видом, что мне его от души жалко. Мне его жалко и потому, что он посылает голову вперед. Не так, как делал это муж ланиной бабушки, но достаточно, чтоб напугать меня и расстроить.

Неужели он тоже умрет и его забудут, как забы-

ли бабушкиного мужа? Вова меня успокаивает: он не так стар, чтоб умереть. Он просто сутуловат, как его отец, почтенный старик с длинной бородой. Сразу видно, что отец и сын всю жизнь сидели над книгами. Но это не только от книг: у дяди тоже круглая спина, а он даже в молитвенник не заглядывает. Все молитвы дядя знает наизусть. Когда он их бормочет, мне кажется, что это одно длинное слово, составленное из многих слов, как бывает в немецком языке. У дедушки все слова раздельны. Он ни о чем не просит, он благодарит, а дядя все время предъявляет претензии. Всевышний, как видно, пропускает их мимо ушей: дядины дела по-прежнему на точке замерзания. Недавно он чуть не поссорился с папой. И все из-за Вовы. Он вмешивается в вовину жизнь и папе это неприятно. Какое дело дяде, что Вова получает рубль в день на расходы? И, все-таки, дядя не успокаивается. Он подсчитывает на бумажке, какую это составит сумму за пять лет, если присчитать проценты. Но к чему их присчитывать? Никто процентов не дает! Я слышала о них, когда говорили о процентной норме. Она придумана исключительно для евреев. Для них существует еще «черта оседлости». Одесса в черте оседлости и поэтому там много евреев. Не так много, как кажется неевреям, но достаточно для того, чтоб всех одесситов считать евреями.

Я спросила Тоню Калиниченко: знает ли она, что такое черта оседлости, и Тоня вытаращила глаза. Меня это задело. А она, как будто с неба упала: ничего не понимает. Ей хорошо, ее братья троечники, но, если они захотят учиться, то попадут в университет и старший Калиниченко будет дирижировать танцами на студенческих балах. А Вова и его товарищи даже не мечтают о здешнем университете. Они поедут заграницу и станут там заграничными сту-

дентами. С одной стороны это обидно, но зато их жизнь будет интереснее, чем у Калиниченко старшего. Лилин брат, заграничный студент, и он бывает у посла. «А в Одессе, — говорит лилин брат, — посол не стал бы плевать в мою сторону!». На это Вова ему отвечает, что в Одессе нет послов, одни консулы. Лилин брат взял Одессу в качестве примера. То же самое может случиться в любом городе. Вове не хотелось спорить с лилиным братом. В душе он давно считает его претенциозным дураком. Я торжествую. Еще немного и Вова отречется от лилиной семьи. Теперь он часто вызывает бывшую велосипедную Верусю, и они по очереди разбирают всех общих знакомых. Я не знаю, что говорит Веруся, из телефонной трубки вырываются только тоненькие хрипы, но по ответам Вовы ясно, что речь идет о вечере у какой-то Гетуси. У нее подходящая квартира и покладистые родители. Угощают там на славу. Вова говорит, что надо составить список приглашенных, иначе Гетуся нагонит всех своих очкастых подруг. Они называются: четырехглазые и при виде их реалисты поворачиваются на каблуках и выходят в другую комнату.

Когда же это будет? Мы ведь на днях выезжаем на дачу. Вову это не смущает. В крайнем случае, он приедет в город. Я особой прелести в таких вечерах не вижу. Всегда находится какая-нибудь нахально декламирующая Софочка Шмидт или пианистка, вроде сестры испорченного Шурки. Ни у Софочки, ни у пианистки репертуар не меняется. И я уверена, что на вовиных вечеринках то же самое. С той разницей, что Андрокардато приносит коньяк в плоской бутылочке, и они по очереди выходят в переднюю и там прикладываются. Им, должно быть, противно: коньяк крепкий и не лучшего качества, но сын артиста сказал, что полагается быть в легком подпитии.

Это общее мнение. Можно было бы разузнать у Запавского, но его недавно выпроводили и кажется надолго. Пришлось позвать дворника. Запавский так кричал, что жильцы дома высыпали на лестницу. Под конец Запавский лег на площадку черного хода и сказал, что не сдвинется с места. Пускай увидят, во что он превращается. Я ушла в свою комнату и там, заткнув уши, сидела до тех пор, пока Вова меня не выручил. Он сказал, что дворник взял Запавского за шиворот и поднял на воздух, как мешок со старым тряпьем, а потом всякими угрозами заставил его спуститься во двор. Когда Запавский очутился на твердой земле, он опять стал потрясать кулаками.

Что было дальше, я не знаю и знать не желаю. Меня тошнит от волнения. Конечно, Запавский унизился, но его не нужно было втаптывать в грязь. Я начинаю ненавидеть нашего дворника и дворницкую, с ее запахом вчерашнего борща. Вова меня останавливает: если б не дворник, было бы хуже. Пришлось бы позвать городового. А тот потащил бы его в участок. Вова не знал, что у меня такие слабые нервы. Но тут дело не в нервах, а в справедливости. Я не хочу, чтоб ее попирали. Мы с Вассой дали друг другу слово, что всегда будем бороться за справедливость. Таню это мало трогает. Она сказала, что люди искусства презирают толпу. Но я с ней несогласна. Я стараюсь никого не презирать, за исключением погромщиков и дочки доктора. Я не презираю даже нашу «В», хотя Васса сказала, что она вшивая. Я делаю все, чтоб не смотреть на косицы бедной «В» и помимо моего желания не могу оторвать от них глаз.

Больше всего Васса осуждает любовь. Она не может понять, как это ни с того, ни с сего влюбляются в незнакомых мальчиков. Ни за что не скажу ей, что я влюблена в доктора! Она подумает, что я с ума

спятила. Васса верит в дружбу. За друга надо идти в огонь. Если нужно за него умереть — она готова. Васса входит в раж. Она забывает, что вчера чуть не спустила меня с лестницы. И только потому, что я осмелилась сказать, что есть Балтийский флот. Васса признает только Черноморский, остальные могут убираться ко всем чертям! Нет более несправедливого человека, чем Васса. Но ее несправедливость благородная. Поэтому она может идти к униженным, идти к обиженным, по их стопам, как бывшая подруга Веры Львовны.

Не знаю, переменила ли она свои убеждения? К нам она больше не приходит. И только один раз я издали видела, как она бежит по нашей улице, все в той же жакетке с барашковым воротником и меховой шапочке. Она не разбогатела, как некоторые. Не могу себе представить ее в квартире из шести комнат, с двумя прислугами и приходящей прачкой. Но Вера Львовна тоже была бессеребреницей, а теперь у нее появились замашки богатой дамы: она повторяет, что деньги не ее, а мужа, и она не может ими распоряжаться, как хотела бы. Для меня Вера Львовна отодвинулась на второй план. Напоминает мне о ней, главным образом, мой перламутровый бинокль. Я беру его даже в «Двадцатый век» и там все смотрят на меня с удивлением. Им непонятно, что я таскаюсь в иллюзион с театральным биноклем.

У Тани тоже есть бинокль в черном потертом футляре. Он тяжелый, солидный, не то, что мой. В моем есть что-то легкомысленное. Но когда я стану старше, я буду носить лорнет. Это еще пикантнее. Про пикантность я узнала от сына артиста. Он придает ей большое значение. Все, что не пикантно — пресно и от него веет скукой! А скуку он ненавидит. Я тоже ее терпеть не могу. От скуки в голову приходят нехорошие мысли. И хочется уме-

реть: лежать неподвижно с закрытыми глазами, но при этом слышать все, что говорят вокруг. Я думаю, что можно услышать много лестного. Все будут жалеть и кто-то даже скажет, что я была не от мира сего. Это ложь! Но скорее приятная. К тому же покойники не протестуют. Мы давно перестали играть с Асей в похоронные объявления: у кого из нас их будет больше. О смерти я с ней не говорю. Эта одна из запретных тем. О любви я с ней могла бы поговорить. Ася обожает любовные переживания. Особенно, если они кончаются замужеством. Влюбиться в кого-нибудь и стать невестой — вот асин идеал. Чтоб она запела, если б ей сказали, что есть свободная любовь. Она не признает никаких цепей. Вова и сын артиста вечно говорят на эту тему. Они меня просто не замечают, а я стараюсь не попасть в их поле зрения и жадно впитываю каждое слово. Мне почему-то не нравится свободная любовь. Но асины невесты с длинной фатой и красными глазами мне тоже не особенно нравятся. Надо будет найти выход, чтоб было ни два, ни полтора...

Недавно на дне сундука я увидела мамино подвенечное платье. Оно слегка пожелтело и буфы на рукавах кажутся мне слишком пышными, но как оно красиво! Отказаться от такого платья ради свободной любви было бы глупо. Вы скажете, что это мелочи, но я им придаю большое значение. Я верю в мелочи. Например я помню угловую лавочку, где продают нитки, дешевый одеколон и дамские подвязки, а название улицы я забыла. Дома я узнаю по запаху. Асин дом пахнет дровяным сараем, а дом Немировых — пирожными от Либмана. Всего не перечислишь. Впрочем, в доме, где живут Немировы, я не так уверена: я там давно не была. У мамы нет времени. Она занята переездом на дачу. Надо все уложить, пересыпать зимние вещи нафталином и выта-

щить летние. Господи, до чего они помялись! Юзя клянется и божится, что это не она укладывала. Она не перестает божиться, хотя ксендз сказал ей, что это грех. Она бы легла в гроб, если б нельзя было божиться.

Ей не дают договорить: пришли перевозчики. Но другие, не прошлогодние. Те перебили всю посуду и даже ухитрились разбить кухонное зеркальце. Геня тогда чуть с ума не сошла. Она должна умереть, как ее покойная тетя. На этот раз примета обманула. Геня живет и уже забыла про зеркальце. Возможно, что это не относится к зеркальцам из кухни, а только к большим зеркалам или тюрмо. Но трюмо и зеркало в бронзовой раме мы на дачу не берем. В них будут смотреться родственники из Балты. Одна из них, мамина двоюродная тетка, уже приехала. Она не может дождаться нашего переезда. Я уверена, что двоюродная тетка на нас в претензии: мы запаздываем. Я сама не могу дождаться конца занятий. Мне вдруг надоело, даже служитель Афанасий с его неприятным звонком. Он хочет показать, что у него неограниченная власть над нами. Не успеешь спуститься во двор, а звонок уже тут как тут. Терпеть не могу, когда меня торопят. А все только этим и занимаются. Утром ко мне пристает Юзя: я слишком медленно одеваюсь. Какао, как лед, а яичница стала каменной. Тем лучше, никакой яичницы не нужно. Хватит с меня и гимназического какао. Его приходится пить до дна. Заведующая столовой смотрит мне прямо в рот и считает глотки. Я слегка преувеличиваю, но она, действительно следить за тем, кто как ест. Дочка доктора любит все втягивать в себя: на всю столовую слышно, что она пьет какао. Приготовишкам это очень нравится и некоторые из них тоже с шумом втягивают в себя теплое молоко. Получается какофония, какой свет не видал. И тогда

Марья Дмитриевна, заведующая, требует, чтоб сию же минуту это прекратилось. Но приготовишек не так легко остановить.

Марья Дмитриевна говорит, что дурные манеры заразительны. Она бы за голову схватилась, если б увидела, что мы с Асей едим халву прямо с бумаги. Это гораздо вкуснее. Ведь тарелочка и ножичек отнимают вкус. Необходимо, чтоб халва была на толстой сероватой бумаге, тогда все в порядке. А что может быть безвкуснее мытого винограда и чищеных груш! И все это нужно делать из-за холеры. Ею угрожают каждый год. Я сама читала в «Одесских новостях», что на окраине было несколько случаев холерных заболеваний. Тоня Калиниченко слышала где-то, что существуют холерные вибрионы. Но она не верит. Пусть ей покажут хоть один вибриончик. Тоня никак не хочет понять, что некоторые вещи нужно рассматривать в микроскоп. Из-за этого у нее было столкновение с учителем. В конце концов он сказал, что микроскоп нельзя показывать недоразвитым ученицам. Тоню испугало, что она недоразвитая. Она стала громко рыдать. За ней разрыдались Поцелуйкина и наша «В». Они так сопели, что учитель с журналом подмышкой выбежал из класса. Но он сам виноват. Это надо было предвидеть. У нас в гимназии, как только одна начинает плакать, к ней сейчас же присоединяются другие. Эсперанса сказала мне, что стоит ей закатить истерику и половина ее класса истерически хохочет. В общем сплошное безобразие. Она не для того устраивает истерику, чтоб остальные этим пользовались. Не понимаю прелести истерик. Я бы всех семиклассниц вместе с Эсперансой окатила ушатом ледяной воды. Они б сразу перестали влюбляться в учителя словесности. Но мне неудобно говорить о любви. Я сама влюбилась и кажется буду любить до моего последнего вздоха.

Это еще окончательно не решено. Ася считает, что мне нужны перемены. Но в ней говорит ревность. Она не может забыть, что раньше, когда мы шли на прогулку, я была с ней в паре. Впереди шли Тоня Калиниченко и Лида Родиопуло. Самые хорошенькие в нашем классе. А сзади плелись Сахно и Берта Креде. Они даже не смотрели друг на друга. Сахно презирает Берту и всех нас. Чем мы станем? Старыми девами? Почтовыми чиновницами? Или в лучшем случае дамами? А она, Сахно, будет великой пианисткой. Но ведь пока еще не великая. Почему же она задирает нос? Ведь ее не заставляют играть на бис. Может случиться, что она не кончит консерваторию, по дороге выйдет замуж. Вова сказал, что большинство девиц бросает все на полпути. Но судьба Сахно меня мало трогает. Она не симпатичная и притом большая задавака. Мара Гольберг не так в себе уверена. Она боится, что ей надо будет бегать по урокам. Я заранее ее жалею. Быть репетиторшей по музыке еще хуже, чем по предметам. Сколько тысяч раз Матя снимала мою руку с клавиш? Я не так держу ее. У меня нет постановки. Ну, это, извините, чепуха на постном масле. Мне чуть ли не с пеленок ставили руку и если она до сих пор не поставлена, то это вина мадам Трейн и самой Мати. Мадам Трейн говорила, что у меня замечательная рука, что я беру октаву... На самом деле мизинец мой никак не мог дотянуться до восьмой ноты. Теперь она уже не восхваляет мою руку. Я лентяйка! А если б я работала, то возможно поступила бы на средний курс консерватории, как Гудула.

Мадам Трейн в душе отлично знает, что я работать не буду. У меня другие желания. Консерватория меня не соблазняет. Разве только я решу стать певицей. Как-то мы с Матей зашли в Консерваторию и меня сразу оглушило визгливое пиликанье. Матя ска-

зала, что это скрипачи-вундеркинды. Потом дверь растворилась и вышел молодой человек, похожий на Левочку. Матя была смущена. Пустячки вундеркинд! Но оказалось, что это исключение. Другие скрипачи носят штанишки до колен. Мы шли мимо раскрытых дверей и за каждой из них творилось нечто невообразимое. В какой-то момент Матя начала делать какие-то странные знаки: проходила рыжая профессорша. Рядом с ней плавно двигалась другая фигура. «Это директор», — шепнула мне Матя, и глаза ее засверкали. Она безумно почитает начальство. Для нее всякий директор — высшее существо! Даже к инспекторам она относится с уважением. Я думаю, что она унаследовала это от дяди. Бедная Матя, профессорша и господин директор не обратили на нее никакого внимания. Она для них пешка. Вот, если б она была гордостью консерватории, тогда другое дело. Но Мате не суждено блистать. Она только хорошая дочь и симпатичная племянница. Для меня этого мало. Я хотела бы оставить след. Мне не нужно мраморной доски на доме, где я родилась, не нужно даже полного собрания сочинений, я хочу, чтоб говорили: «Она промелькнула, как метеор...» Когда я развивала эту теорию, Боря Гаевский сердился. Ему не нравилось, что я такая поверхностная. А я вовсе не желаю работать на общественной ниве, как сестра его матери. Она доработалась до того, что кублик у нее стал еще более жиденьким, чем у нашей библиотекарши. А очки она поминутно вытирает, потому что у нее слезятся глаза. Что она делает, я точно не знаю, но все думают, что она незаменимая работница.

В чем ее незаменимость? Она не произносит ни одной согласной, а половину гласных — проглатывает. В нашей гимназии есть такая ученица и ее все дразнят. Все, кроме Муси Логинской. Я в первый раз

увидела, как она негодует: ей стыдно за нас! Васса говорит, что Муся — святоша. Она ей не доверяет. Я готова избить Вассу. До нее никто, даже дочка доктора не осмелились бы произнести этого вслух. Но Вассе безразлично, она не считается с авторитетами. У нее повышенная нервная возбудимость. Докторша с двойной фамилией рисует на вассиной тощей груди вопросительный знак, и он остается долго, долго. Можно подумать, что это татуировка, как у Фенимора Купера. Докторша не знает, что я тоже отрицаю авторитеты, а то бы она такое на мне нацарапала, что я бы в жизни не отделалась. Зато у Тани сколько угодно авторитетов. Вчера я никак не могла оттеснить ее от окна нотного магазина. Там был выставлен портрет человека, похожего на иезуита из романов Дюма-отца. «Это Рахманинов, — сказала Таня. — Он великий пианист и композитор». Так говорит ее учительница музыки. А для Тани она авторитет. Учительница меня раздражает. Когда она входит в комнату, кажется, что с ней вместе вошла вся Лейпцигская консерватория. В первый раз в жизни я с ней согласна: Рахманинов мне понравился. Он не похож ни на круглого Иосифа Гофмана, ни на лохматого Густавсона. Но я ничего не сказала, мне и без того обидно, что Таня презрительно улыбается, когда я произношу имя мадам Трейн.

Теперь Таня стала брать частные уроки рисования. Более глупого занятия не могу себе представить. Неужели ей мало гимназического рисования? Но танина мама хочет, чтоб Таня была не только пианисткой, но и художницей. У Тани появляется еще один авторитет: художник, без шевелюры, он же учитель рисования. Я бы его в жизни не приняла за художника. Лучше уж взять Букинери. У того, по крайней мере, откинутые назад, волнистые волосы. Он похож на старого артиста. А художник —

это копия Чудновского, хозяина гастрономического магазина. Все время хочется его спросить, получены ли свежие маслины? Я его отлично знаю, он живет наискосок от нас и когда я возвращаюсь из гимназии, художник выходит подышать воздухом.

Это какое-то предубеждение. Чем комнатный воздух хуже того, что на улице? Правда, на улице запахи более разнообразные: начиная от чичкинского — молочного и кончая запахом кишиневской пастромы с чесноком. Она известна мне только по названию. У нас ее не едят. Мы не из Бессарабии, где все пропитано пастромой. Я пропустила чернильные запахи Александровского и «Белую сирень», основной запах аптекарского магазина Гейликмана. Меня посылают к нему за миндальными отрубями или за репейной помадой, и я погружаюсь с головой в аромат брокаровских одеколонов. От пальцев Гейликмана пахнет остроумовской «Белой сиренью». Он сам частица огромного куста. После этого пусть меня не соблазняют охотничьими сосисками и шоколадной халвой. Вова издевается над моим пристрастием к одеколонам. За полфунта халвы он готов отдать всех гейликманов вместе взятых. А в конце года халва — единственное спасение. Она забивает рты и желудки, но зато освобождает голову. Мне лично помогает шоколад «Золотой ярлык». Это дело вкуса. Но о вкусах не спорят. Так говорили древние римляне и от них это перешло к сыну артиста. У него особые вкусы: он любит бублики и каменную косхалву. На бубликах мы все сходимся. Когда Левочка рассказывал, что в Петербурге нет бубликов с семитатью, мне стало его жалко. Что за радость жить в городе, где нет ни рубленых синих баклажан, ни семитати! Левочка покраснел от негодования. Как мы можем так низко расценивать столицу Российской

империи! Из этого я заключила, что Левочка правый. Левые не говорят об империи.

Хорошо иметь опыт! Но откуда он у меня взялся? И ведь это мой собственный опыт. Вова сказал, что у каждого индивидуума должен быть свой, чужим жить нельзя. Это он предоставляет Галкину и компании. Сын артиста, вообще, анархист-индивидуалист. Вова мне объяснил, что он не имеет ничего общего с анархистами-налетчиками: у сына артиста мятущаяся душа. Близнецы тоже ищут правды на земле. Но почему они так часто привирают? Им ничего не стоит придумать самое дурацкое происшествие. Сколько раз они хотели меня поддеть, и им не удавалось. Старший близнец даже сказал Вове: «Твоя сестра какой-то Шерлок Холмс в юбке!». Если б он сравнил меня с Натом Пинкертоном, я не была бы так довольна. Про Шерлока Холмса написаны не только рассказы, но и пьесы. Ланя убежден, что он существует. Ему обидно, он мог бы быть на месте доктора Ватсона. К сожалению, Конан-Дойль о нем не подумал. У Лани опять неприятности в школе. Учителя его не понимают. А он, как ни старается, не может их понять. Есть один, последний выход. Он будет артистом. Его бабушка говорила, что артистам не нужно иметь образовательного ценза. Удивительная бабушка, она говорит на языке, давно вышедшем из употребления.

Как бы то ни было Ланя носится с мыслью о сцене. Не знаю одобряет ли это Вера Львовна и ее муж, старый холостяк. Он приезжал на самое короткое время и на прошлой неделе был у нас в гостях. Холостяк пустился в свои рассуждения, и папа начал ему возражать. Тогда он обиделся и попросил, чтоб его не прерывали. Дядя сразу же стал на его сторону. Все из-за любви к чужим деньгам. Причем у дяди это любовь бескорыстная. Он возмущен

тем, что я не люблю богатых. За редким исключением это холодные, злые люди. Они похожи на одного старика-домовладельца в шубе до пят, еще более длинной и потертой, чем у отца папиного корреспондента. Все знают, что он — ростовщик. Это страшное слово! Когда-то мне казалось, что ростовщик может зарезать ночью в темном переулке, и Вова сказал, что я недалека от истины. Он способен зарезать, не в прямом смысле, а в переносном. Но до чего мне надоели переносные смыслы! Ведь можно выражаться ясно и просто. Дяде, например, нравятся все богачи, без исключения. — У них в городе был такой, он ежедневно менял воротнички, да что воротнички, у него был выезд, как у губернатора, и когда он ехал в этом выезде со своей красавицей женой, все в городишке готовы были кричать «ура». И не кричали только потому, что «ура» — не еврейское слово.

Хорошо, что дядя остается на городской квартире. Можно будет хоть на даче отдохнуть от его богачей. Главное, еще раз пойти в лечебницу к Боре Гаевскому, а то его, не дай Бог, выпишут. Готовиться нечего, подарок я сделала и теперь могу преподнести несколько рубакинских книжек. Он их уже читал. Но говорят, что подарки нельзя критиковать. Это разговоры в пользу бедных. Критикуют решительно все: Надежда Моисеевна, кузина Маня и ее квартирная хозяйка, моя подруга Ася. Я люблю дарить. Мне хочется, чтоб выглядело на три рубля, а стоило рубль с копейками.

Когда я покупаю книги, приказчик из магазина «Образование» качает головой, как будто перед ним восьмое чудо света. Меня это раздражает. В следующий раз я пойду в «Знание», там продает сам хозяин. Он уже давно перестал удивляться.

94.

«Ничто не ново под луной», — говорит Хейфец, и в то же время он утверждает, что стенография это самая последняя новинка. Он сам себе противоречит. Я могла бы прижать его к стенке, но Бог с ним. Остальные тоже себе противоречат. По словам Якова Соломоновича Петербруг самый замечательный город в России, там необыкновенные французские кондитерские и какие-то особенные белые ночи. А через минуту он его ругает: «Какая гниль! Что за климат!». Он чуть уши себе не отморозил. Представляю себе, как он отмораживает свои большие красные уши и мне становится смешно. Но смеяться нечего. Нельзя же при его росте иметь маленькие, прилегающие уши. А Тубенкопф то критикует адвокатское сословие, то преклоняется перед ним. Но когда его спросили про одного адвоката из дома, где живет девочка в светлых ботинках, он ответил, что это настоящий крючкотворец. При этом он называл его: коллега. Надежда Игнатьевна противоречит себе на каждом шагу. Выходит, что мы то остаемся на второй год, то способны продекламировать без запинки «У лукоморья дуб зеленый...» Не надо только раскачиваться и переступать с ноги на ногу. Следует стоять спокойно, держа руки чуть ниже талии. Это целая наука. Когда я декламирую, мне хочется отбивать такт. А Надежда Игнатьевна

говорит, что надо читать так, чтоб не чувствовалось, что это стихи. Я рассказала сыну артиста, и он был в ужасе. «Ваша Надежда Игнатьевна форменная дура. Она не имеет понятия о стихосложении». Я сама ругаю наших учителей, но терпеть не могу, когда это делают другие. Я ж ничего не говорю ни про Пипина Короткого, ни про их учителя английского языка, хотя он спит в носках. И другим советует. Если придут воры или взломщики, не надо будет босиком вскакивать с постели.

По всей вероятности, все англичане — большие чудаки. Я знаю их по Диккенсу. Они мне даже снятся, но я боюсь говорить об этом. Никто не верит в мои сны. Асе постоянно снятся ее родственники. И во сне они симпатичнее, чем в жизни. У Тани музыкальные сны. Если б я посмела ее заподозрить в том, что она их выдумывает, Таня отреклась бы от меня. Я не возражаю: пусть Шуберт ходит в гости к Шуману, а Шопен у нее в доме, на ее пианино, играет полонез, пусть, мое дело сторона! Я бы на его месте не стала играть на прокатном инструменте. И, вообще, композитор не должен играть на пианино. Ему нужен рояль и чем длиннее, тем лучше. На пианино нельзя развернуться, оно прямое и в нем есть стенка. Ясно, что пианино для начинающих, таких как я. Мне нравятся сны Тони Калиниченко. В них одни морские офицеры. Они уезжают в дальнее плавание. Я вижу, как Тоня, повзрослевшая, на высоких каблуках, провожает их на пристань и машет им вслед белым, батистовым платочком. Они привезут ей японские веера, опахала из Египта, ожерелья с островов. Насчет опахал и ожерелий я сама придумала. У Тони житейские мечты. Например, пьяные вишни или одеколон Садо-Яко. Им душится тетка. Она опять у них бывает. Ее поклонник твердо обещал жениться. Тоне это безразлично. Она, ско-

рее, боится, что тетка, как только выйдет замуж, сразу же перестанет носить шелковое белье и душиться Садо-Яко. Она будет носить по утрам не особенно чистый капот, как делают другие дамы. Им незачем нравиться, у них есть мужья. Они, конечно, не подозревают, что муж может сбежать.

Венгеркина мастерица знает миллион историй про сбежавших мужей. Но некоторые не сбегают. Они шалят. Никак не могу понять, что за шалости у взрослых усатых мужчин? Я пристаю к мастерице, но она от меня отмахивается. Мастерица только что сообразила, что я участвую в разговоре. Ей казалось, что я мебель, а я, оказывается, живое существо, и от меня не так легко отвязаться! Чтоб меня уязвить, она говорит, что в других домах дети не торчат на кухне. Ее тонкие намеки меня абсолютно не трогают.

Наша докторша написала длиннейшее письмо папе и маме. В нем она объясняет, какая я чувствительная, впечатлительная, хрупкая и тому подобное. Со мной будто бы надо обходиться, как с дорогим хрустиальным сосудом. Мне ничего не сказали, я случайно прочла это знаменитое письмо. В первый раз в жизни читаю чужие письма. У меня чувство, что я вступила в кучку чего-то плохо пахнущего. Чтоб немного очиститься, стараюсь забыть содержание письма. Но хрустальный сосуд не выходит у меня из головы. Это, скорее, лестно, но не надо придавать значения тому, что пишет докторша. По-моему, ей следовало бы похорошеть, а то она похожа на нашу свойственницу. Ту, что Бог обидел: вместо глаз всадил две изюминки, а вместо носа поставил вопросительный знак.

После того, что я прочла письмо, мне понятно, почему все смотрят на меня с грустным сожалением. Боятся, что я разобьюсь, как ваза из Сюлли Прюдо-

ма: «Не тронь ее, она разбита...» Венгеркина мастерица не подозревает, что я такая хрупкая. Она двужильная и потому с утра до вечера может выносить венгеркины капризы. А ей это из горла лезет. Тем более, что венгерка напрасно хвастается. Она в жизни не была в Венгрии и никакая она не венгерка. Кто-то в шутку ляпнул и с тех пор это пошло. А бывший муж ее сначала шалил, а потом сбежал. Теперь я знаю, что это за шалости. Я догадалась. В приложении к «Ниве» я нашла такую фразу: «Вы шалун, — сказала Агнесса Эдуардовна — и погрозила ему пальчиком». Он был мужчиной средних лет, в пенсне, вылитый асин папа. А шалость заключалась в том, что он хотел поцеловать руку Агнессы повыше локтя. В то место, где у полных бывают ямочки, а у худых впадины. До всего можно дойти своим умом. Это берет время, но как приятно обходиться без посторонней помощи.

Вера Львовна внушала мне, что надо быть самостоятельной и ни от кого не зависеть. А что она думает теперь, когда потеряла свою независимость и взамен получила деньги? Матя уверена, что у холостяка деньги куры не клюют. «Он миллионер», — говорит Матя, и глаза у нее, как у Лесной сказки. Матя преувеличивает. У холостяка нечищенные ботинки и непонятно, как при двух горничных можно быть таким обшарпанным. Я дразню Матю, мне хочется знать, насколько она любит богатство. Она ведь собиралась жить в шалаше с Герасимом. И до него с Зиновием. Тогда Матя уверяла, что хочет бедствовать и все над ней подтрунивали. Только я ее защищала. И вот Матя перешла в лагерь богатых, и я потеряла еще одну иллюзию. Недаром сын артиста сказал, что наша жизнь состоит из таких потерь. Сам он давно расстался со своими юношескими мечтами. Но на Вову его слова не действуют: «Это

поза!». Он тоже во многом разочаровался, но не кричит об этом на всех перекрестках.

Сын артиста задет за живое. — Как, он позер! Они начинают пикироваться, и я спешу уйти. Я знаю, что после пикировки они, как ни в чем не бывало, пойдут к лошадиной Лиле или к Верусе. Сына артиста больше тянет к Верусе. У нее в глазах золотые искорки. Именно это он искал всю жизнь. Назло ему Вова говорит, что у Лили глаза одалиски. Они жгучие и миндалевидные. Чтоб он сказал, если б увидел нашу Эсперансу. У нее каждый глаз, как два миндаля. Сама Эсперанса говорит, что глаза ее подернуты влагой. Она, наверно, вычитала это в переводном романе. Из русских романов она читает только то, что полагается по программе. Она не может объяснить, почему ее так тянет к виконтам. А я могу. Я ее давно раскусила: Эсперанса просто дура. Конечно, она семиклассница и мне приятно, что она делится со мной своими переживаниями, но я не умею быть слепой, как Ася или моя подруга Таня. С Асей я чуть не поссорилась. Она опять стала говорить, какие чудные пьесы пишет ее тетя, зубной врач. Они не хуже «Без вины виноватых». Хорошо, что она не сравнила с «Потонувшим колоколом»!

Таня ослеплена своей теткой из Москвы. Все от нее без ума! Один артист Художественного театра сказал, что она обаятельная женщина. Таня чувствует, что я не поддаюсь, и это еще сильнее ее разжигает. Под конец у меня от их теток начинает кружиться голова. Я обалдеваю, как шестиклассница со змеиной головкой, когда ей приходится учить законы света. Вся гимназия знает, что она влюблена в учителя физики. У него вечный флюс, но она видит только его горькую, ироническую усмешку. Из-за усмешки она готова на все. Беда в том, что шестиклассница со змеиной головкой не понимает законов

света. Они какие-то заколдованные. Но пока я дойду до шестого класса законы света могут измениться. Сам Вова сказал, что в науке все время происходят сдвиги. То, что казалось незыблемым, теперь опровергнуто. При случае он мне расскажет. Такой случай вряд ли представится. Вова безумно занят. Кроме реального училища и домашних учителей у него есть обязанности. Одна из них: телефон. Он должен обзвонить всех своих знакомых гимназисток. Для меня не остается ни минуты. Когда мне нужно протелефонировать Асе, я начинаю хныкать. Со стороны кажется, что я несчастное, обиженное Богом существо. Но это не так. Я слышала от кузины Мани, что женские слезы, даже притворные, могут сотворить чудо, и я пробую. Но толку мало. Телефонная трубка все еще в Вовиной руке. Он говорит с Лилей о художниках. Вова сыплет именами и после каждого делает короткую паузу. Потом наступает длинная пауза. Молчит Вова. По ту сторону телефона Лиля бомбардирует его другими, сногсшибательными именами. Все это отнимает уйму времени и несчастная Ася так и не узнает, что задано нам по географии и по русскому языку. А у нее ангина и она на меня рассчитывала.

Я боюсь, что к Асе меня не пустят. Ангина, даже без температуры, очень заразительная болезнь. Я могу испортить наш переезд на дачу. И тогда родственники из Балты отравят жизнь бедной маме. Они приехали не для того, чтобы любоваться запакованными корзинами. В глазах у них молчаливый упрек и я его отлично понимаю. Я тоже умею смотреть так, что другим становится неловко. Когда-то я пронзала моим взглядом каждого помощника пристава. Они этого не замечали, а мне казалось, что нельзя смотреть более выразительно. Неужели я иду по стопам дочки доктора? Нет, это невозможно! У

меня глаза, как глаза, а у нее гляделки из Чтеца-декламатора. И я не говорю о своей красоте. А дочка доктора хочет нас уверить, что ни у кого в Одессе нет такой изумительной кожи, как у нее и у ее мамы. Я спросила, не употребляют ли они крем Симон, и дочка доктора посмотрела на меня с ненавистью: «Никаких кремов, все от природы!». Мне обидно за Гейликмана: у него в окне огромная реклама крема Симон. Зачем же он тратил время и деньги, если без Симона можно быть красавицей! В тот день меня послали к нему за глицериновым мылом. Я воспользовалась случаем и завела разговор о кремах. Гейликман их сторонник. Он сказал, что нужно помогать природе. Конечно, мне рано, я еще дитя... Слово «дитя» меня полоснуло. Гейликман это заметил, он очень наблюдательный, и тут же поправился: «Не дитя, конечно, но очаровательное юное созданье». Это было так галантно, что я ему простила, хотя знаю, что никакого очарования во мне нет. Я сознательно дала себя обмануть.

Дочка доктора хочет, чтоб все верили в ее выдумки. По словам Вовы такой тип людей чрезвычайно распространен. Те, кто изучали психологию, называют их мифоманами, а остальные — просто лжецами. Я присоединяюсь к остальным. Дочка доктора заедает всех, и даже незлобивый Топсик мечтает о том, чтоб она заболела корью и не приходила некоторое время в гимназию. Но у нее железное здоровье. За весь год она пропустила только один день. Мы все его пропустили. И подумайте из-за чего, из-за снежных заносов. Выросла целая стена, и я надеялась, что это продлится долго, долго, а на следующий день выглянуло солнце и по улицам потекли реки. Берта Креде не пропускает ни одного дня, но по другой причине. Бабушка из Мекленбурга сказала, что они заплатили за правоучение и нечего

ей болтаться под ногами. В болезни она не верит. В ее время дети не болели. А если им случалось заболеть, они обязательно умирали. Берта Креде ничем, кроме насморка, не болеет. А с насморком можно ходить в гимназию. Один раз Берта до того расчихалась, что ей предложили пойти домой. И тогда она от испуга сразу перестала чихать. Если б Берта знала, как я люблю болеть неопасными болезнями, она бы от удивления раскрыла свои большие сонные глаза.

В постели я перечитываю Гоголя, Данилевского и некоторые детские книги. От чтения развивается безумный аппетит. Я могла бы съесть вола, а мне дают крылышко от цыпленка или манную кашу, размазанную по блюдечку. Иногда мне удается выплакать лишний сухарик. В общем, все довольны моим аппетитом. Это показывает, что у меня ничего серьезного. И все-таки я пью чай из сушеной малины и меня обтирают ароматным уксусом. От него вся комната становится уксусной. Я хотела бы, чтоб меня натерли брокаровским одеколоном, но это не медицинское средство. Им обтираются здоровые. Когда все выходят, я тихонько поливаю свою подушку духами из пробного флакончика. У меня их много. Мне дарил Яков Соломонович. Он узнал, что я люблю духи. Я ему никогда об этом не говорила, но у него особый нюх. К сожалению, я не могу найти для него подходящий подарок. Галстук с распродажи у Гальперина и Сыновья оказался слишком коротким. Остальное было мне не по карману. Когда-нибудь я подарю ему часы с золотой цепочкой, очень длинной: у Якова Соломоновича живот не как у всех. Он гораздо шире. Мне хотелось бы знать, в каком обувном магазине он покупает свои ботинки? Ни в одной витрине я таких не видела. Вероятно, владелец магазина выносит их из соседней комнаты, где

у него склад, и с торжеством показывает Якову Соломоновичу.

А где он покупает шляпы, если ему приходится их покупать? Скорее всего он имеет их с тех времен, когда был женихом супруги. Потому что, как это ни странно, все когда-то были женихами. Даже отец папиного корреспондента. У него дома есть фотография, где он снят со своей невестой. Он обещал, что принесет мне показать, но все забывает. Он стал невероятно забывчивым. Боюсь, что скоро он забудет название нашей улицы и номер дома. И все потому, что на шее у него три незамужних дочки. А жена уже не ходит, а ковыляет, как мальчик нашего дворника. Но у него английская болезнь, а у нее какая? Геня сказала, что у нее решительно все болезни и половину из них она придумала.

Запавский был женихом из хорошей семьи. О нем будто бы говорили: «Ну и женишок! Это же золото, а не молодой человек! Тесть должен его на руках носить». А что получилось? Но у пьяниц нет ни стыда, ни совести. Это испытала на себе прачка Оля. Ее муж был горький пьяница и когда он умер, она вздохнула. Я это не придумала, это ее собственные слова. Вчера, когда все ушли в театр миниатюр, дядя рассказывал мне, что когда он был женихом, то писал своей невесте, тете Тане, каждый Божий день, кроме субботы. Тетя Таня тоже писала ему ежедневно. «И какой у нее был почерк!». Дядя от восторга закатывает глаза. Но почему же у нее теперь вместо букв мушиные точечки? Дядя недоволен моим вмешательством. «У Тети Тани почерк, как у профессора Коссоды!» — говорит дядя, и я вижу, что он волнуется. Ну что ж, не буду его разочаровывать? Тем более, что я не знаю, как пишет сам Коссодо: с нажимом или без нажима?

Я пишу с нажимом и поэтому мои тетради по-

крыты кляксами. Их лучше было бы назвать чернильными брызгами, но Надежда Игнатьевна со мной несогласна. Она произносит слово: «клякса» с таким отвращением, что кажется, на учительский столик прыгнула мокрая жаба. Мадам Тюрбо относится к этому не так строго. Она называет кляксы «чернильными пятнами». «Во Франции их не ставят, но здесь...» По ее лицу пробегает тень. Она как будто хочет сказать: что поделаешь, я в варварской стране, среди варваров. Ее муж, мосье Тюрбо, еще худшего мнения о России. Но как-то он признался Эсперансе, что любит снег и бешеную езду на тройке. Тогда он напрасно поселился в Одессе. Здесь тройки только в четвертых. Мосье Тюрбо не догадался бы, что я острю. Он сам любит острить, и его остроты какие-то странные. Семиклассницы их не понимают. Они смеются из вежливости. Эсперанса думает, что они неприличные. Ее соученица рассказала их своему брату и тот стал кричать не своим голосом: «Я надаю ему пощечин, этому наглому сатиру!». Но соученица ему объяснила, что пятерка по французскому языку нужна ей для золотой медали, и он успокоился.

Какой чудак! Разве мосье Тюрбо похож на сатира? Он скорее напоминает ребенка, ставшего взрослым и при этом сохранившего свою детскую внешность. Он розовый и круглый и я убеждена, что под манжетами у него браслетики, как у Миши. Глаза у него водянисто-голубые. Не верится, что он был женихом мадам Тюрбо. Она ведь совсем другая, остренькая и вся в локончиках и бантиках. Учительница рисования тоже принадлежит к бантичному типу. Но ее банты большие и неуклюжие, как она сама. Я совсем не так представляла себе художницу. В моем воображении она носит бархатную кофту еще более длинную, чем носят артистки. Прядь каштановых волос падает на ее высокий крутой лоб и время

от времени она небрежным жестом ее отбрасывает. А у нашей учительницы рисования никаких прядей: волосок к волоску. Пойди после этого догадайся, кто художник, а кто нет! Писатель, чем он более знаменит, тем меньше напоминает писателя. Один прославленный поэт похож на владельца посудного магазина со Старого базара. Зато в лице у владельца что-то поэтическое. Это так сложно, что я не могу разобраться.

95.

Сегодня после гимназии мы с Таней зашли в нотный магазин Густавсона и после этого Таня сказала, что он — викинг. Можно было подумать, что она всю свою жизнь провела среди викингов. Густавсон, наверное решил, что мы безмозглые дуры. Потому что мы сразу же забыли, зачем пришли. Я тут, вообще, ни при чем, я только подруга пианистки. И мои ноты не покупают в магазине на Дерибасовской улице. Они переходят ко мне по наследству от Вовы. В одной из страниц обычно нехватает угла, и я не знаю, как мне поступить. Вова говорит, что там был аккорд, но какой, он не помнит. Это седая древность. Отсутствие аккорда Вову не смущает. Он берет невероятное количество аккордов. Я пугаюсь! «Что это такое? Буря на море?». Вова смеется: «Никакой бури! Это «Сон в летнюю ночь». Не тот, что играют все оркестры, а другой, его собственного сочинения.

Иногда, очень редко, приходит его дачный товарищ, Бобик, и подыгрывает ему на своей балалайке. Она тренькает и сразу все становится неинтересным. Больше всех критикует балалайку мой дядя. — Если б его сын вздумал играть на таком инструменте, он бы ему всыпал две дюжины горячих. Но я не верю: сын его в Николаеве, а он сам в Одессе почти безвыездно. Мне кажется, дядя забыл, как выглядят

его николаевские дети. Он путает их имена. Все свое отцовское чувство он отдал Мате. Она примерная дочь. Так, по крайней мере, считают все. Я ей прощаю, хотя терпеть не могу примерных. Сын артиста сказал, что они фарисеи. Это слово будто не имеет женского рода. Ну что ж, обойдусь и мужским. Тут дело не в грамматике. Прежде, когда у меня были сомнения, я просила Борю Гаевского справиться в словаре. Но Боря пока в лечебнице. Его мама сказала моей маме, что ему еще не сняли швы. Это меня испугало. Неужели его рану зашили обыкновенными нитками и теперь их надо выдергивать? Мой доктор говорил, что шьет лучше меня. Теперь мне ясно, что это не простая шутка. Приблизительно так Геня зашивает гусиную шейку. Толстая игла выскальзывает из ее жирных пальцев, и в это время Геня проклинает свою жизнь и в первую голову несчастного служку. Он источник всех ее мучений. Удивительно, как ей не надоело повторяться. Но она говорит, главным образом, для себя. Ни Юзя, ни прачка Оля ее не слушают. Поэтому она ищет все новых и новых слушательниц.

Ее выручают блазнеровские прислуги, они постоянно меняются. Не успеет маклерша привести горничную, как на третий день она с треском вылетает. Я помню, как одна из них, черненькая, с кудерьками, как у мадам Тюрбо, сказала, что ни за какие деньги не останется у этой сквалыжницы. От одних безделушек можно с ума сойти. Она никогда не была у Немировых. У них столько безделушек, что мадам Блазнер может спрятаться под стол. Но их безделушки преспокойно покрываются пылью. Никого это не трогает. Мадам Немирова в клубе. А если она случайно дома, то сидит растрепанная и читает. А дочке, Аде, все безразлично, лишь бы ей не мешали стать артисткой. Вова ее жалеет. Он не может себе

представить, что Адя будет играть молодых. Она безвозрастная. Он хочет этим сказать, что в ней нет Верусиной живости и очарования лошадиной Лили. Чтоб защитить Адю, говорю, что у нее красивый узкий нос. Но Вова не поклонник узких носов, особенно если они длинные. И тут я припоминаю, что Адя сказала мне, что у нее вздрагивающие ноздри. Но и это не помогает. Вова боится, что она будет играть старух. Бедная Адя, я не заикнусь ей, что она некрасивая и немолодая. Я забываю даже ее щипки и удары линейкой. Но сама Адя о них давно забыла. Если б я ей напомнила, она стала бы отнекиваться.

Удивительно короткая у людей память. Сколько раз сын артиста обещал дать мне контрамарку на воскресный утренник и постоянно забывал. У него всегда одна, а мне нужны две. К сожалению, в театр меня одну не пускают. Это смешно. В театре мне знакомы все закоулки. Особенно хорошо мне известен буфет. Я знаю, с какой стороны лежат бутерброды с кетовой икрой, и с какой — пирожные. С Адей я уже была в театре. Мама почему-то решила, что Адя более рассудительна, и будет за мной присматривать. — Ха, ха, ха, что бы сказала мама, если б видела, как я присматриваю за Адей. Она во что бы то ни стало хочет пересесть в первый ряд. «Там свободные места», — говорит Адя. — «Да, но они нумерованные, у нас другой номер». Вот тебе и рассудительная девочка! Боже мой, почему все родители, даже такие замечательные как мои, полны всяких предвзятостей! Им не приходит в голову, что я могла измениться за последние месяцы, чуть не сказала годы, но мне стало неловко.

Неужели я навсегда останусь девочкой со странностями и меня будут называть «Наденька»? Я сама не решила, что я такое. Должна еще приоткрыться какая-то дверка... Она приоткрывается не для всех.

Эсперанса взрослая, а мозг у нее куриный. Конфуций и сын артиста говорят, что у всех женщин куриные мозги. Это простительно Конфуцию, в его время не было ни Софьи Ковалевской, ни Элизы Ожешко, но никак не сыну артиста.

Наша начальница может дать сто очков вперед каждому китайскому мудрецу. Сам Короленко, наверно, ее боялся. Начальницу все боятся, она напоминает бор-машину. Но не нашего дантиста. У него она особенная. Стоит ему нажать ногой на педаль, как в рот въезжает подвода со старым железом и сразу начинает громыхать. Дантист очень нервный, он пугается, а я хватаюсь за полы его халата или ловлю руками воздух. Мне не больно, но я кричу. Я делаю это из принципа, как Вова. Он сказал, что не нужно распускать зубных врачей. В последний раз мы вместе были у дантиста, и Вова говорил, что журналы в приемной давно превратились в грязные лоскутья. Эти журналы лежали на этажерке в то время, когда у него были молочные зубы. И лежат до сих пор. Они пропитались запахом иода. Когда берешь их в руки, зубы начинают болеть еще сильнее. Но дантисту нет дела до журналов, это не его область. Он объяснил Вове, что его пломбы, конечно, не украшение, но они будут стоять до конца вовиных дней.

Адину семью лечит одна старая дева. Она считает себя первым зубным врачом в Одессе, и Адя в это поверила. Она страшно легковерная. Все, что ей говорят другие, она принимает за чистую монету. Но к моим словам она относится с недоверием. Она боится, что я ее разыгрываю. Как делают близнецы. Однажды им удалось разыграть рыжего папашу, и он после долгих споров дал им полтинник на именинный подарок инспектору. Но никаких именин не было. Папаша случайно это узнал и так затопал но-

гами, что прибежали жильцы из нижней квартиры. Что случилось? У них в гостиной люстра качается, как на пароходе. Папаша ничего не желал слышать. И тогда раздался страшный треск и с потолка у нижних жильцов посыпалась штукатурка. Оказалось, что люстра лежит на мраморном столике, и половина стекляшек повыпадала. Близнецы были очень довольны, они злорадствовали, но с осторожностью. Недаром сын артиста сказал, что они хихикают в кулак и показывают кукиш в кармане. Они совсем непохожи на своего родного брата, борца за свободу.

Я о нем вспомнила, потому что он тоже сидел в приемной у зубного врача. Он терпеливо дожидался своей очереди, не то, что мы. А щека у него так распухла, что закрыла правый глаз. Это флюс, главная болезнь венгеркиной мастерицы. У нее вечный флюс из-за того, что венгерка решила проветривать комнаты. Ей будто бы неудобно, что заказчицы все время поводят носом. Несмотря на флюс, брат близнецов очень вежливо со мной разговаривал. И я тут же переменила мое мнение о нем: он симпатичный, не то, что знаменитые близнецы. К сожалению, он ничем не напоминает борца за лучшее будущее. У него нерешительное, кислое лицо. И шея с кадыком, как у Хейфеца. Когда их брат разговаривает, кадык то поднимается, то опускается, и я не могу оторвать от него глаз. Я приказываю себе: не смотри! Но ничего не выходит. На обратном пути я сказала Вове, что в брате близнецов нет ничего революционного и Вова был поражен моей узостью. «Внешность ничего не доказывает!». Главное, ему в тюрьме отбили одно легкое.

Нашему революционеру, Зиновию, ничего не отбили. Даже не отбили у него охоту стать буржуем. Я опять сострила, но про себя. Это игра слов. И вдруг мне приходит в голову, что я до сих пор не

знаю, в каком родстве мы с Зиновием. Но я рассчитываю на Вову. Он специалист по родственникам. «Зиновий?» — Вова на секунду задумывается. «Он брат жены двоюродного дяди». Маминого, конечно. Потому что у мамы больше родственников. Я слышала это от папиной племянницы, Лизочки. Она возмущена тем, что мамины родственники говорят, что она белится. Я их понимаю. Они не могут себе представить, что можно иметь белое лицо при такой черной шее. Но Лизочка уверена, что они все, и особенно Матя, сгорают от зависти. Это клевета: Матя совсем не завистливая. Она честно восхищается всеми ученицами Консерватории, особенно, если они на старшем курсе. Я с ней чуть не поссорилась из-за лошадиной Лили. Матя в первый раз увидела ее в фойе Городского театра и пришла в восторг. Я метала на нее грозные взгляды, но сказать ничего не могла: кругом стояли лилины родственники, а ридикюль ее мамаши находился на уровне моего носа. Я сдежалась, но тут же решила с Матей в театр не ходить. На следующий день меня мучила совесть. Я такая же типесса, как Лизочка и разница только в том, что у меня нет бутылочки с розовой жидкостью! Но я сознаю свою неправоту, а Лизочка уверена в том, что она всегда права.

Лизочка очень странная. Она сказала, что ее отец ни за что не подаст мне руки. Но ведь он же мой дядя, и я ему ничего плохого не сделала. Выяснилось, что не только мне, он и маме руки не подаст, потому что он набожный. Но ведь дедушка тоже набожный, и вместе с тем он читает газету «Фигаро» и здоровается со всеми. Лизочка что-то скрывает. Я спрашиваю: разговаривает ли ее отец со своей женой, моей тетей? Да, но при этом смотрит в другую сторону. Бедная тетя, почему ее выдали замуж за этого набожного дурака? Впрочем, Бог с ним! Я его ни-

когда не увижу. Лизочка сказала, что к нам он не приедет: у нас в субботу ставят самовар. И вообще, мы подмоченные евреи. Я просто задыхаюсь от обиды. Как он смеет это говорить. Мой папа председатель общества территориалистов. Он хочет, чтобы нам дали территорию. Кажется, Уганду, но я не уверена. Иван Грозный на него в большой претензии. Они все время спорят. «Теодор Герцль», — говорит Иван Грозный. А папа ему на это: «Израиль Зангвиль». Но папа не против Герцля. У нас есть даже его портрет с бородой. Маме он очень нравится. Она находит, что у Герцля глаза мечтателя. А у Зангвиля, я уверена, глаза самые обыкновенные, маловыразительные. Нет, как мне ни жалко папу, я за Герцля. Тем более, что и он обещает нам территорию. Это Палестина, страна, где жили наши предки.

Хейфец тоже мечтатель: он будет послом еврейского государства во Франции или в Англии. На меньшее он не согласен. Хейфец сказал мне, что прошлое его не интересует. Он смотрит в будущее. Но почему же он говорит о Маккавеях? Он мне ими уши прожужжал. С Иегудой Маккавеем он, вообще, за панибрата. Меня это бесит: тот мог бы раздавить Хейфеца одним пальцем. Но я не хочу спорить. Хейфец невероятно обидчивый: он становится красным, как пасхальный борщ и кажется, что он вот-вот лопнет. Айзенберг был гораздо спокойнее. Мы перебирали с ним всех родственников и знакомых и урок проходил незаметно. Теперь Вова говорит, что Айзенберг страшно отстал. У него методы преподавания, как в Егупце.

Не думайте, что Егупец существует. Это выдуманный городок. В еврейском театре идет пьеса, «Сура-Шейндль из Егупца». Бухгалтер Миша хочет меня пригласить, но боится, что я ничего не пойму и только расстроюсь, потому что в этой пьесе то

свадьба, то похороны и тогда все начинают рыдать — и артисты и публика. Объясняю Мише, что была уже на многих утренниках. Но он только качает головой. По-моему ему просто не хочется брать меня в театр. А я готова поклясться, что буду вести себя как взрослая. Вова издевается над моим пристрастием к еврейскому театру. Он говорит, что актеры там между собой в родстве: Миша Фишзон сын старика Фишзона, а жена Миши их главная артистка — мадам Заславская. Мне нравится, что артисты такие семейственные. Это непохоже на то, что говорил дядя. Исключение он делает для старика Фишзона. Он видел его много лет тому назад в одной женской роли. Теперь дядя не ходит по театрам. У него слишком много неприятностей. Как бы он возмущался, если б знал, что я не верю в его переживания. А неприятности — он с ними сросся. И ему, наверно, было бы очень скучно жить дома, в Николаеве. Он должен разъезжать в поисках дел. Авось, что-нибудь набежит. Уже с утра дядя надоедает Господу Богу своими бесконечными просьбами. Я хотела бы молиться, но ничего не получается. Готовые молитвы меня раздражают: не понимаю, как можно изо дня в день повторять одно и то же. Но по-видимому в однообразии есть какой-то скрытый смысл. Недаром сын артиста сказал, что молитва это заклинание. Но он неверующий и я отношусь с большой осторожностью к его словам. Он может меня подвести. Конечно ему далеко до умного Жоры. Он все-таки не атеист. Из неверующего легко стать верующим, надо только отбросить частичку «не».

О Боге я говорю с Асей. Таня терпеть не может божественных разговоров. Она вся в музыке и рисовании, то есть в живописи, и обещала подарить мне свою первую картину. Таня не может прими-

риться с тем, что у меня нет способности к рисованию. На последнем уроке мы должны были скопировать рыбу. Я чуть не откусила кончик языка, но несмотря на все старания, рыба мне не удалась: она была длинная и узкая, как столетняя тарань. Но я ведь знаю, как надо рисовать и на выставке южнорусских художников я критиковала громче всех. Но когда дело доходит до бумаги и карандаша, я становлюсь форменной тупицей.

С лепкой мне повезло. В конце концов, с помощью Вассы, я вылепила подносик с вишнями. Когда учительница отвернулась, Васса быстро покрасила его в зеленый цвет, а вишни в ярко-красный. Дома никто не поверит, на мою лепку махнули рукой. Я принесу подносик и буду его всем показывать. Геня, наверно, схватится за голову: «Чтоб я так жила, это же настоящие вишни!». Но на кухне я долго не останусь: мой подносик будет переходить там из рук в руки и в конце концов кто-нибудь бросит его на пол. Кате я дам его подержать, но ненадолго. У нее горячие руки, подносик может растаять. Надо скорей поставить его в спальню на мамин туалетный стол. Ведь это сюрприз. Я собиралась вылепить пепельницу и передумала. Подносик предназначен для маминых головных шпилек. Парикмахерша Роза будет довольна. Она жаловалась на то, что шпильки исчезают. «Мадам, Вы теряете Ваших поклонников», — говорит Роза и показывает свои длинные желтые зубы.

Это возмутительно! Она не имеет права говорить такие глупости. Но мама не обижается. Роза без ума от маминых волос. Она делает из них натуральные локоны. «У Блазнерши лысина», — говорит Роза, и мама недовольно качает головой. Она не хочет сплетен. Пусть лучше Роза ей расскажет про свою квартирную хозяйку.

Долго просить не приходится: Роза начинает в

лицах показывать, как эта ведьма ссорится со своими соседками. Роза могла бы стать артисткой еврейского театра. Она уже об этом думала, но родители слышать не хотят. А она из хорошей семьи. Отец ее в жизни не работал, это не подобало. Он из той же породы, что мой дядя — это скучные, неинтересные люди. Но они считают себя вправе давать другим советы и указания, как жить. Я проговорилась, что опять иду в лечебницу к Боре Гаевскому, и дядя был возмущен. Где это видано, чтоб ходили в гости к молодым людям? Но ведь Боря мальчик, а не молодой человек. Еще много воды утечет, пока ему купят настоящий мужской костюм у Ушера Ландесмана и Сыновья. Дядя непреклонен: хорошо, что у папы и мамы другой взгляд на вещи. Им бы в голову не пришло назвать Борю Гаевского молодым человеком.

Дядя давно ко мне подбирается. Один раз, задолго до операции, я сидела с Борей в моей комнате. Мы говорили о привидениях. В это время погасло электричество, но мы не испугались. Дядя накрыл нас совсем случайно. Ему видно не понравилось, что мы сидим в темноте, потому что ни с того, ни с сего явилась Юзя со свечей в медном подсвечнике. Я ее отослала, но через минуту она опять пришла с тем же подсвечником. Наконец, мне эта история надоела и я сказала Юзе, чтоб она поставила его на подоконник. Как только Юзя ушла, я немедленно же задула свечу. Она мешает говорить о привидениях. Кроме того, в комнате было светло, как днем. Ни одно привидение не посмело бы явиться в этот ясный лунный вечер. До сих пор не понимаю, почему дядя так настойчиво присылал нам Юзю с подсвечником. Неужели он думал, что мы целуемся? Я бы скорее умерла, чем поцеловалась с Борей Гаевским. Если на то пошло, я скорее буду целоваться с чужими мальчиками. Они мне немного противны, но я могу, в

крайнем случае, задержать дыхание. Никто меня не заставляет к ним принюхиваться. Таня не подозревает, что я думаю о таких вещах. Но как бы поступила Таня, если б ее захотел поцеловать сам Готфрид Гальстон? Не задрожала ли бы она в его мужественных объятиях? Предсказать довольно трудно. Тоня Калиниченко рассказывала всему свету по секрету, что она целовалась с одним молодым человеком пятнадцати лет. Она хотела нас поразить. Но я ей объяснила, что некоторые пятнадцатилетние мальчики тоже пахнут жжеными перьями. Тоня обиделась: ее братья пахнут одеколоном «Источник любви». У каждого из них по флакону, они купили их за собственный счет.

Берта Креде, кажется, в жизни никого не поцеловала. У нее твердые нецелующиеся губы. А Муся Логинская будет, наверно, говорить о том, что мать целует свое дитя. Я уверена, что моя подруга Ася страшно хотела бы целоваться. Но она дрожит от страха при одной мысли о поцелуях. Ася боится, что поцелуи — грех, хотя в десяти заповедях об этом ничего не сказано. А я уверена, что грешат самые лучшие. Не все могут быть такими, как Муся Логинская. Васса не верит в ее безгрешность. Она еще выведет Мусю на чистую воду. Это некрасиво с вассиной стороны. Ведь Муся вовсе не пай-девочка, а чистый и благородный человек. Я ее Вассе не уступлю. Хорошо еще, что Васса не знает про учителя географии. Я с большим трудом удержалась от того, чтоб не рассказать о нем и о мусиной сестре, Ираиде. Попробуйте хранить тайны, да еще такие увлекательные. У меня накопилось их столько, что, кажется, я скоро лопну. Все удивлены, что я стала горбиться. Никому не придет в голову, что я согнулась под тяжестью чужих тайн и никакие цандеровские институты мне не помогут!

Про асиного папу, например, я не скажу никому, если даже меня будут пытать, как во времена испанской инквизиции. В последний раз я пригрозила ему, что пожалуюсь. Но он не поверил и продолжал прижимать меня к стенке. Спина стала совсем белой, и Ася посматривала на нее с ужасом. Откуда это? Но я промолчала. Что же касается Цандеровского института, то здесь простое жульничество. Ася уже целый год скачет на деревянных лошадях и гребет на воображаемой лодке, и толку никакого. Зато она мне сообщила, что летом будет грести в парке на озере: у нее есть опыт. Ася забывает, что Черное море чуть побольше ее озера в парке, а Вова гребет там, как заправский моряк. Может быть этим летом он возьмет меня на Большой Фонтан. Обещаю сидеть тихо и не прикасаться к рулю. Я готова на все, лишь бы Вова взял меня с собой. С ним не страшно. Он сам не боится и его спокойствие переходит ко мне. Если б только он не опаздывал к ужину, а то все начинают беспокоиться и бегать к воротам. Потом кто-нибудь срывается и бежит к морю. В конце концов появляется Вова. В плетеной, из под винограда, корзине у него несколько мелких бычков. Вова царственным жестом отсылает их на кухню. Но Геня не желает чистить такую мелочь. Тогда вмешивается мама и говорит, что это не мелочь, а прекрасные крупные бычки, не хуже, чем у нашего рыбака. Гене приходится уступить, а она этого терпеть не может. Последнее слово должно быть за ней.

Мы доживаем наши последние дни в городе. Все уже пересыпано нафталином. На гостиной мебели висят бомбошки из материи, в них тоже нафталин. Отец корреспондента сказал мне, что табак в тысячу раз лучше. Действительно, моль летает по комнатам и садится куда хочет. Мне это безразлично. Если она съест мою форму, мне сошьют новую. А моя коти-

ковая шапка с наушниками давно лежит на дне сундука. Я слышу, как за стеной чихает Миша. Ему, видно, не по вкусу запах нафталина. Но не только наша квартира, другие квартиры им тоже пропахли. У венгерки, кроме того, все обернуто в газетную бумагу. Мастерица говорит, что она сумасшедшая. Какая моль захочет есть ее знаменитые ковры, где ни единой ниточки шерсти? Но попробуйте сказать, что они не персидские, и венгерка завизжит и завертится, как волчок. Ее подозревают в том, что она положила поддельные ковры! Ну, что с того, что они вытерты в нескольких местах, это именно доказывает, что они настоящие и даже лучше настоящих. Дай Бог, чтоб у ее заказчиц лежали такие ковры, им было бы тогда хорошо!

Очень трудно говорить людям правду. Они почему-то принимают ее за оскорбление. Я давно уже не говорю Мате, что ее серая юбка сзади образовала полукруг. А моей подруге Асе, что она сопит. Другие, и я в том числе, тоже посапывают, и все-таки Ася превзошла всех! Некрасиво так думать о моей старой подруге перед тем, как мы переезжаем на дачу. Одному Богу известно, приедет ли Ася ко мне погостить? К ним мне ехать не хочется по известной причине. Как раз сегодня на парадном ходу я увидела кота в рыжих пятнах и мне вспомнился асин папа. Кот держал в зубах маленькую серую мышь, и я так испугалась, что только случайно не упала в обморок.

96.

Интересно, поверит ли кто-нибудь, что я могу лежать без чувств, как Франческа Бертини? В последней картине она угрожала, что вот-вот ей станет дурно, и она упадет, как подкошенная. А герой с черными усиками умолял ее не делать этого. Он говорил, что она замечательная женщина и артистка фирмы Чинес и поэтому должна пройти через жизнь с гордо поднятой головой. Я была на стороне молодого человека: падать в обморок — малодушие. Поэтому, если никак нельзя будет отвертеться, я поеду к Асе. У меня новая идея: я хочу написать ее папе анонимное письмо, такое, что он подскочит до потолка. Самое трудное изменить почерк. Впрочем, я где-то вычитала, что анонимные письма пишут печатными буквами. А я немного забыла, как это делается. Надо будет подучиться у Кати. Печатные буквы — ее специальность. Некоторые она делает малюсенькими. Например «и краткое». Зато буква «К» занимает у нее полстраницы. Таким печатным почерком асиному папе писать не следует. Он сразу догадается, чья это работа и начнет меня запугивать. Нет я лучше напрактикуюсь и в конце концов все буквы будут одинаковой величины. В начале письма напишу: М. Г. Вова сказал, что это сухо, но вежливо. Внизу надо поставить «с совершенным почтением», а вместо подписи какую-нибудь закорючку с большим

росчерком. Главное, содержание письма. Я хочу, чтоб он содрогнулся и его трусливая душонка ушла в пятки. Решила целый день думать, а если одного дня не хватит, отложу еще на один день. Ведь это мое первое анонимное письмо!

Я справлялась у Вовы, могут ли за анонимные письма посадить в тюрьму или выслать на крайний север. Вова думает, что могут, но он не уверен. Он сам чуть не стал жертвой анонимного письма. Какой-то тип, который сам себя именует «доброжелатель» написал верусиным родителям, что напрасно они смотрят сквозь пальцы на скандальные похождения своей дочери. Вова думает, что это сделал гимназист Постников. Он уже не первый год его подозревает. И все из-за того, что Постников ревнив, как Отелло. Вот тебе и на! Отелло — свирепый мавр, а Постников блондин с жировиками на лбу. Эти жировики придают ему серьезность, но на самом деле он дубина. В таком случае, как он сумел написать анонимное письмо? Вова не сдается: «На разные пакости ему ума хватает». Меня интересует, что сделали родители Веруси. Заперли ли они ее на замок? А может быть они собираются отправить ее «к тетке, в глушь, в Саратов», как в «Горе от ума»... Оказалось, что я преувеличиваю и верусины родители хохотали до слез. У папы отлетели даже три жилетных пуговицы.

Посмотрим, будет ли хохотать асин папа, когда получит мое письмо? Скорей всего пот ударит ему в переносицу и он начнет считать пульс, как делают все мнимые больные. Сын артиста объявил, что пульса нет. А потом я узнала, что это из еврейского анекдота. Терпеть не могу, когда меня разыгрывают. Зато я разыграю асиного папу. Пусть чувствует, что час его пробил. Как бы я хотела знать, трогал ли кто-нибудь под столом асину ногу? Или танину?

Ведь мне это не приснилось. Я сто раз себя проверяла. Это было похоже на «Морскую болезнь» Куприна, которую я читала два раза подряд. Правда, я не совсем поняла, что происходит в каюте, но почему-то мне все время вспоминался коридор, где меня поджидает асин папа.

Бумагу я стащила у Вовы. У него есть специальная, с золотым обрезом. Вова сердился, что ему подарили дамское папетри, а мне бумага с обрезом представляется самой подходящей для анонимного письма. В одном романе я прочла, что такие письма пишут на засаленном листке, а конверт обязательно должен быть желтый и закапанный чернилами. Все это дело вкуса и хотя ни одна душа не узнает, что писала я, мне, все-таки, не хочется прибедняться. Ведь Вова говорил, что прибедняются только нищие духом. Я с ним воплне согласна, несмотря на то, что боюсь гордых нахалов. Юзя говорит, что они пристают к девушкам. Ко мне еще никто, кроме асиного папы не приставал, но я представляю себе, как это происходит. Насколько все лучше в романе с красной обложкой, где молодой граф де Тасиньи приглашает будущую графиню на тур вальса. Но тут мы с Вовой расходимся. Он уверен, что у графа де Тасиньи галантерейные манеры и, в общем, он похож на приказчика из магазина. «Это пошлятина», — говорит Вова. Ему стыдно, что его сестра может увлекаться литературой под названием макулатура. И во всем виноват наш библиотечный шкаф. В нем нет ключа и туда могут залезать под всяким благовидным предлогом. Он, Вова, держал бы такие книги под тройным замком!

Какой чудак! Разве он не знает по собственному опыту, что любой замок, кроме английского, можно открыть при помощи ковыряния острым предметом. Исключение составляет наш буфет, где какие-то осо-

бенные замки. Теперь поздно говорить о прочитанном. Я сама хотела бы многое забыть, но ничего не выходит. Иногда я завидую Мусе Логинской: она читает книги, рекомендованные нашими учителями. У нее нет никакого любопытства. Ей не так уж важно знать, что такое жгучая страсть, о которой распространяется герой романа. Все это было бы не так страшно, но у Куприна, я нашла слово «похоть» и меня тут же стошнило. Мне показалось, что я особа из «Морской болезни»... Самое неприятное, что я сразу поняла, что похоть — это жирная рука асиного папы, когда она проскальзывает, куда не надо.

Откладывать не стоит, иначе я опять начну дрейфить. Сейчас самое подходящее время. Все куда-то вышли, в квартире тишина, как поздней ночью. А ведь еще день. Я сижу у моего письменного стола и поражаюсь, какой он устойчивый. Ведь я на него навалилась, а он не сдвинулся ни на полсантиметра! Смотрю в упор на бумагу с золотым обрезом, и мне кажется, что бумага смотрит на меня. Нет, поступлю, как все благоразумные люди: сначала напишу черновик, а потом буду переписывать начисто. Для черновика всякая бумага сойдет. Даже из арифметической тетради. Действительно, нашелся подходящий клочок. Положила его на маленькую стопку тетрадей и медленно вывожу: М. Г. Это означает «милостивый государь»... Мне почему-то совестно называть так субъекта, которого я считаю не милостивым и не государем... Но Вова сказал, что это общепринятая форма. Обращение необходимо. Письма без обращения — это предел невежливости и дурных манер. Даже Андрокардато этого бы не сделал. Его никто не воспитывал, если не считать старших братьев. Сами они получили воспитание в одесских кафе-шантанах. Это будто бы известно всему городу. Странно, неужели весь наш город интересуется братьями Андро-

кардато? Ведь ни прачка Оля, ни мальчик из пробкового магазина, ни сам Александровский о них никогда не слышали. Но Бог с ними, с братьями. А если у них есть постоянная ложа в Альказаре, пусть там сидят, хоть до рассвета, меня это не касается.

Никогда бы не могла предположить, что так трудно написать анонимное письмо. В уме я его сто раз писала и тогда у меня находились слова, от которых могло бы смягчиться сердце самого закоренелого преступника. А сейчас все они попрятались. Я сама себя накручиваю, но вместо гнева у меня только отвращение и тошнота. Вспоминаю, что сын артиста по всякому поводу говорит: «Тут нужен Лев Николаевич Толстой». Я лично думаю, что Диаволо из «Одесской почты» был бы более уместен. Ведь его специальность девушки, которые имели ребенка от сына хозяина, а иногда и от самого хозяина. Правда, я не девушка и ребенка пока не жду, но я обижена не меньше, чем они. А мой папа, если б узнал про это, способен был бы убить. Но не из огнестрельного оружия.

В общем, я хочу скаазть асиному отцу, что его гнусные проделки скоро будут раскрыты и тогда он с треском вылетит из клуба «Беседа». А в клубе бывших воспитанников Коммерческого училища никто не будет подавать ему руки. После чего он опозорен на всю жизнь и ему надо выехать в маленький город, вроде Берислава. Неплохо было бы посадить его в тюрьму, но я не хочу публичного скандала, какие бывают у знакомых мадам Ашевской. Я должна думать об Асе. Она помешана на репутации. И если б ей сказали, что у ее папы плохая репутация, она способна была бы умереть от чахотки.

Все должно быть шито-крыто, как у нашей Гени. Она в постоянном страхе, что у нее что-то вынюхают, пронюхают. Геня может часами говорить о

своей неудавшейся семейной жизни и до того напроклиналась, что прислуга Питкина и та заткнула уши своими грязными пальцами. Ей тогда здорово досталось от других прислуг. «Подумаешь, какая цаца, настоящая аристократка!». Даже генина сестра, Гинда, вступила в разговор. «Она пистократка», — сказала Гинда. А в гиндиных устах, если так можно назвать ее дряблые губы, это самое страшное оскорбление. Она больше помалкивает. Ей хорошо, тепло, за стаканом чая дело не станет, так о чем же говорить. Она достаточно наговорилась с одесскими дамочками. В общем, я согласна с Геней: надо, чтоб анонимное письмо осталось между мной и асиным папой. Но сам он не должен этого знать. Пускай думает, что я хочу предать дело гласности, как выражается Тубенкопф.

Странно, как только я взяла в руки перламутровую ручку с пером номер два — сразу же стала думать о Тубенкопфе. Он наверное из тех, кто пишет анонимные письма. Правда я тоже пишу, но у меня безвыходное положение. Я никогда не имею минутки, чтоб объясниться. И потом асин папа умеет заговаривать зубы. Он так все перекручивает, что я начинаю чувствовать себя виноватой. Особенно он любит критиковать меня при Асе. Я, мол, такая и сякая... Один раз я чуть не сказала, что зато он «не такой — не сякой»... Но я увидела асины глаза, в них был ужас и вместе с тем восхищение мудростью ее папаши, и я сдержалась. Пусть думает, что хочет. Рано или поздно правда восторжествует. Я пишу. Перо бежит по бумаге с быстротой курьерского поезда. А вот, что я написала, этого я вам не скажу. Пока это мой секрет. Как долго я выдержу — другой разговор. Но сейчас я должна писать, не останавливаясь. Иначе мне будут опять мерещиться соседские кухарки и мой обер-мучитель, адвокат Тубенкопф. Скажу про себя: «Холера им в бок» и

сразу станет легче. Я должна поскорей кончить письмо, а то ко мне начнут приставать с расспросами: что со мной? Не сочиняю ли я стихотворение для журнала? Никому не придет в голову, что я должна готовить уроки. Мне даже обидно, что я не Муся Логинская и просматриваю учебники в последнюю минуту, когда в коридоре уже слышны шаги учительницы. Тетрадь с задачами по обыкновению осталась дома. Учительница мне не верит, но ей стыдно показать это, и она качает головой. По ее качанию я понимаю, что она во мне разочаровалась. Но я не могу ничего изменить, я приучила всех к тому, что все схватываю на лету. Один Хейфец сомневается в моих способностях. Мы стоим на точке замерзания и виноват главным образом он. Потому что я слушаю, а он рассуждает. Из-за этого в третьем лице множественного числа я всегда делаю ту же ошибку.

Накатала пол-листа. Перечитываю и мне не нравится. Выходит, что я защищаюсь, а ведь я должна нападать. И как! Вот бы мне на подмогу Борю Гаевского. Он умеет нападать. Вступать с ним в спор бесполезно. Он переспорит даже сына артиста. Но они вряд ли столкнутся. Между ними слишком большая разница лет. И если до меня сын артиста иногда снисходит, то Боря Гаевский для него молокосос. Когда закончу это неприятное анонимное письмо, подумаю о том, стоит ли еще раз идти в лечебницу. Конечно, я хотела бы видеть Борю Гаевского и моего доктора, но боюсь, что доктор опять поедет меня провожать и тогда я потеряю голову. А сейчас мне хочется знать, как бы он отнесся к тому, что я пишу пожилому господину в пенсне. Вряд ли ему это понравится. За стеной скребется не то мышь, не то Аксюта. Она вроде мыши, только Аксюта непроворная. Она все делает неуверенно. Не как Юзя. Та сначала расшвыривает вещи, а потом ставит их на

место. И когда раздается стук ее каблуков, все хватаются за голову: «Ах, эта Юзя!»

Мне как-то не по себе. Не думаю, чтоб наша начальница писала анонимные письма. По ее понятиям это, скорей всего, ненормально и негуманно. А по моим? Я, право, не знаю. И откуда мне знать? Ведь меня никто не посвящает в свои сердечные дела. Чаще всего я догадываюсь. Но можно и промахнуться. Матя, например, сказала, что от любви теряют сон и аппетит. Однако, Вова был уже сто раз влюблен и никогда не терял аппетита. О сне говорить не приходится: его никак нельзя добудиться. Доктор Ашевский считает, что это болезнь роста, но с ним не соглашаются. Вот, если б он брал два рубля за визит, тогда другое дело. Никто этого не говорит, но я и так понимаю. В общем, маленький опыт я приобрела. Я не хочу, чтоб меня называли старушкой, как одну девочку с Хаджибейского лимана. Девочка с нами не знакомилась: мы простые смертные, а она дочка писателя. Поэтому под глазами у нее были синяки, и она при всяком удобном случае надувалась, как индюк.

97.

Не думайте, что я заговариваю зубы. Нет, я расписалась вовсю и скоро конец. Начало и середину я переделала и вышло совсем хорошо, только немного искусственно, как будто я пишу под диктовку. Насколько лучше были те письма, что я писала в уме. В них я ни перед чем не останавливалась. Я громила асиного папу, как последнего человека. Я припирала его к стенке. Я забегала вперед и заранее отвечала на его колкости. А сейчас все важное поминутно выскакивает у меня из головы. Глупей всего, что я не знаю, как называется то, что он хотел со мной сделать. Неужели это растление малолетней, которого я так пугаюсь? А между тем в каждом номере «Одесских новостей» только об этом и пишут. Я стараюсь читать про новую постановку одной старой пьесы, а в глаза все время лезет отдел происшествий. Спрашиваю Вову, что он читает в газете? Оказывается зигзаги и происшествия. Какое счастье! Значит я не единственная в своем роде!

Никто не подозревает, что я читаю газету от редактора до издателя, как говорит дядя. Мне не надо делать вид, что я углубилась в чтение... Я такая же страстная читательница газет, как наша Геня и Яков Соломонович. Геня, правда, не умеет читать, но ей и не нужно: у нее есть присяжная чтица. Я готова хоть час подряд перечитывать для нее Фауста и Диа-

воло из «Одесской почты». А Яков Соломонович читает на ходу. Прохожие жаловались, что он им заслоняет всю улицу. Но Яков Соломонович продолжал читать свое «Фигаро». Бедный Яков Соломонович, вчера его не было, и все это заметили. Его присутствие мало кто замечает. Он стал частью нашей столовой, как буфет из красного дерева или ковровый диван с высокой спинкой. Мне никогда не надоедает смотреть, как он пьет чай: один стакан за другим. Делает он это легко и просто, без ненужной торопливости. Дядя, например, пьет очень медленно, потому что так его учил ребе. Он был чем-то вроде гувернера, и дядя любит рассказывать, как ребе его воспитывал.

Остается только подписаться: письмо готово. Но по какому адресу я его пошлю? Конечно, не по домашнему. Там его может перехватить тетя Полина: она любит читать чужие письма. У нее это чисто нервное. Она не может спокойно видеть запечатанное письмо. Я бы посоветовала ей обратиться к доктору с Канатной, но она рассердится. Тетя Полина терпеть не может, когда ей дают советы. А я не могу давать советов, это у меня тоже чисто нервное. Я могла бы послать письмо в контору, но конторский мальчик, наверное, захочет его распечатать. Он любитель марок и способен польститься на самую обыкновенную трехкопеечную марку. Остается одно — подложить письмо под дверь спальни. Но что будет, если асин папа его не заметит и письмо найдет Ася и сразу же узнает мой печатный почерк. У нее нюх на такие вещи. Но я знаю, что она предпочтет умереть по-настоящему, с объявлениями в «Одесских новостях», лишь бы не узнать правды. Особенно, если это касается ее семьи. Асе не хочется даже, чтоб я презирала мужа тети Ивси, фабриканта кожаных изделий. Чтоб загладить плохое впечатле-

ние, она говорит, что его изделия славятся не только в Одессе и Кишиневе, но и в самом Париже. Другими словами, дело с подкладыванием письма под дверь не выйдет. Необходимо искать другой способ.

Я могу нанять Красную шапку, и он передаст письмо в собственные руки. Матя один раз получила с Красной шапкой записку и букет фиалок и страшно испугалась. По счастью в квартире никого не было, кроме меня. Я дала Мате честное слово, что никому не скажу про Красную шапку, и она как будто успокоилась. Но через минуту опять прибежала ко мне. А что она скажет про букет? Откуда он появился, ведь букеты не летают по воздуху? Мне стыдно вспомнить, но я посоветовала временно спрятать фиалки в ящик моего письменного стола. Потом меня мучили кошмары. Мне все казалось, что я их задушила. И, действительно, на следующее утро фиалки были такими жалкими и серенькими, что я почувствовала себя убийцей. Нет, с Красной шапкой ничего не получится, я не знаю, как за это взяться.

Не думала, что так трудно отправлять анонимные письма. Главное, мне не с кем посоветоваться. Вова, конечно, нашел бы выход. Но Вова последний человек на земле, которого бы я посвятила в мои переживания. Меня мог бы выручить Яков Соломонович, он знаток Франции. Там каждый ребенок пишет анонимные письма. Мадмазель, хоть она и чистокровная француженка, мало что знает о Франции. Для нее это страна, где дети работают на своих родителей, а сами за столом получают вино, разбавленное обыкновенной водой из водопровода. Из мадам Тюрбо я ничего не сумею вытянуть. Она хитрая, как муха. И сразу же догадается, что речь идет обо мне и об одном отце семейства. Остается Эсперанса. Она помешалась на романах. Но ведь тут романа нет. Я просто жертва общественного темперамента. И, все-

таки, Эсперанса могла бы меня выручить, но для этого я должна посвятить ее в мою тайну. Это невозможно. Эсперанса подумает, что я спятила.

Бог с ней, с Эсперансой. Я сама распутаю узел: куплю марку или выпрошу ее у бухгалтера Миши, а затем опущу письмо в почтовый ящик. Не на нашей улице, в этот ящик я не верю. Мне кажется, что из него никогда не вынимают писем. Лучше дойду до угла Ришельевской и Греческой, там ящик более надежный. Вова издевается над моей боязнью почтовых ящиков. Я с ним не спорю. Есть и другие необъяснимые вещи, но сейчас не время о них говорить. Мне немного страшно, как в купальне, когда я дохожу до ступеньки, которую захлестывает волна. Ступенька обросла тиной и морскими травами, она скользкая, моя нога скользит, мурашки пробегают по телу, но еще минута и наступит полное блаженство. Я буду баргахтаться в подогретой солнцем воде, а потом ухвачусь за веревку и к небу поднимутся фонтаны брызг. Страшная минута позади. С письмом будет хуже: опущу его в ящик, а потом буду жалеть. Но тут пиши пропало: почтовые ящики не взламывают, это не несгораемый шкаф.

Пока что прячу письмо в самую глубину письменного стола и отправляюсь на поиски бухгалтера Миши. Его нет, он вышел на минутку и, наверное, будет пропадать целый час. Так сказал конторский мальчик. Он ненавидит Мишу. Это его личный враг. Я уверена, что по ночам ему снится, что он отдал Мишу на съедение красным муравьям. Не знаю видит ли он во сне, что индейцы привязали бухгалтера Мишу к тонкому стволу дерева и с дикими воплями танцуют вокруг него. Можно еще привязать Мишу к хвосту дикого мустанга. Но это мечты. А на деле Миша ругает конторского мальчика с утра до позднего вечера: он лодырь и олух царя небесного. Од-

нажды Миша разошелся и назвал его мелким воришкой. Тогда мальчик рассвирепел и побежал в кабинет жаловаться. Папа взял сторону мальчика. Я сама слышала, как Миша ворчал над своими бухгалтерскими книгами: «Подумаешь, какой социалист нашелся...» Хорошо, что дверь в кабинет была закрыта, иначе папа не простил бы ему социалиста. Но сам Миша не такой уж социалист: он хотел бы иметь квартиру из четырех комнат. Пока он живет в трех и окна у него выходят во двор. Миша рассуждает так: квартира из трех комнат годится для помощника бухгалтера, а он главный бухгалтер и дело с концом.

Не понимаю, чем он хвастает. Ведь он не Файнштейн и не Коссодо и даже не профессор Новороссийского университета! Брат тети Тани, дядисеминой жены, тоже считает себя бухгалтером, но он не на жалованьи, как Миша, он работает у своего отца. Дядя сказал, что родители жалованья не платят, они дают немного денег на карманные расходы, зато, когда они закроют глаза, все перейдет к брату. Дядя заранее торгуется с ним из-за наследства. Он на стороне семьи. А мне смешно! Старик в ковровых туфлях их всех переживет. Он будет жить им назло! Не успела я мысленно посмеяться над дядиной жадностью, как пришел бухгалтер Миша. — Хорошо, он даст мне марку. Но чтоб это была моя последняя просьба. Он подсчитал, сколько марок передал мне за последний год, но я исчезаю. Можно подумать, что я провалилась сквозь землю.

В общем, не стоило так унижаться. Я могла бы пойти на почту, где горы всевозможных марок. В следующий раз буду умнее. Ведь я уже не раз ходила на почту. Помню, как рядом со мной один старик получал письмо до востребования. Он протянул почтовой чиновнице бумажку, на которой было что-то нацарапано, и она подозвала свою соседку и обе гром-

ко смеялись. Мне стало стыдно за старика. Неужели он получает любовные письма? На его месте я бы сгорела со стыда. Но он даже не покраснел, а преспокойно взял письмо в розовом узком конверте и положил его в карман пальто. А я была уверена, что он тут же начнет распечатывать розовое письмо, и руки у него будут дрожать от волнения. Но может быть я опять увлекаюсь: письмо не ему, а его внучке, он только передаточный пункт. Сын артиста уже был передаточным пунктом, он принес Вове записку от лошадиной Лили. Для этого не было никаких оснований, но Вова думает, что Лиля хотела его подразнить. Она любит играть в чувство. Это напоминает Асю и меня, когда мы играли в студента, и я должна была объяснятся в любви. Я делала это очень хорошо, но Ася была недовольна. Ей казалось, что я смотрю в сторону. А куда же смотреть? Неужели на ее лицо! Я ведь знаю в нем каждую веснушку, каждый прыщичек. При мысли об Асе у меня начало сосать под ложечкой.

Но уже поздно, марка наклеена, письмо выглядит довольно странно и я боюсь, что асин папа не захочет его читать. Но нет, любопытство возьмет верх. Он очень любопытный. Всегда хочет знать, когда мы переезжаем на дачу и собирается ли мама в Карлсбад. Асин папа уважает только тех, кто ездит за границу. Остальные просто мелкая сошка, вроде бухгалтера Миши. Сам он собирается на курорт со странным названием. Там прогуливаются по коллонаде и в дождь можно пройти целую версту, не замочив кончика носа. Пусть едет! Я заранее радуюсь, что не придется от него увиливать.

Надо было бы поскорей опустить письмо, но я жду маму. А она почему-то запаздывает. Пойду на кухню и выясню, в чем дело. Там все в сборе: Геня, ее сестра Гинда и две или три прислуги из соседних

квартир. Геня говорит громче всех. Она передает своими словами статью Диаволо из «Одесской почты». «Вы понимаете, — когда этот бесстыдник узнал, что она хочет облить его серной кислотой, он сказал, что девушка, сама, извините за выражение, вешалась ему на шею. Он же предупреждал, что у него жена и четверо больных детей...» Что за странная фантазия, про жену и больных детей у Диаволо нигде не сказано! Но Геня любит преувеличивать и приукрашивать. Про Вову и про меня она за глаза рассказывает разные небылицы, но в глаза говорит только неприятное. Оказывается мы тоже из голодного края и стоит мне сказать, чтоб я облизала ложку, как вмиг я съедаю всю миску с растертыми желтками. А у Вовы такой острый взгляд, что от него не скроешь ни одного коржика с маком.

Хочу хоть на секунду задержать поток гениного красноречия, но мне не удается. Она пустилась в философию. «Что такое жизнь, — говорит Геня. — Это супница с трещиной, это, — от наплыва чувств она закрывает глаза, — это горшок из-под гусиного жира, где ровно ничего не осталось»... Когда-то Геня думала, что у нее будут перины и пара серебрянных подсвечников, как у всякой уважающей себя еврейской женщины. И что ж, служка заложил подсвечники. Перины он тоже хотел отнести в ломбард, но Геня в него вцепилась и стала так биться и кричать, что прибежал дворник с метлой. Все это происходило, когда они торговали манишками Мей и Эдлих. Генины рассказы я знаю наизусть, но прислуги слушают их, разинув рот до ушей. Правда они все время меняются. У одних Блазнеров больше двух месяцев ни одна не держится. Только у нас все те же Геня, Юзя и прачка Оля.

Наконец, мне удастся вставить слово. Я спрашиваю, почему нет мамы? Что она сказала перед ухо-

дом? Геня ничего не знает. Ей только обидно, что ее не предупредили и все может сгореть. Каждый думает только о себе. А я первый раз в жизни начинаю понимать, что бывают предчувствия. И это не выдумка Мати или маминой кузины Мани. Матя помешалась на предчувствиях. Когда она идет на урок к рыжей профессорше, у нее предчувствие, что та будет просто без ума от матиной мелкой техники. Но профессорша хватает фуги и прелюды, она готова бросить их Мате в голову. И тогда у Мати новое предчувствие. Раз профессорша схватила ноты, значит она думает о том, чтоб перевести ее на старший курс консерватории. А у Мани предчувствие, что последний жених и есть тот, кого она ждала всю жизнь. Никогда бы не поверила, что у меня тоже будут предчувствия. И что мое сердце будет биться так, будто я по Малому переулку поднимаюсь на Преображенскую улицу.

98.

Что может произойти в самый обыкновенный день, когда еще не выехали на дачу, несмотря на то, что корзины с посудой уже перевязаны бельевыми веревками, а гостиная в чехлах стала похожа на усыпальницу? Может быть предчувствие у меня появились из-за того, что в доме непривычно тихо. За стеной тоненько плачет Миша, но его плач не считается. Вот Катя умеет производить такой шум, что взрослые ищут места куда бы им спрятаться. А это она со своими куклами и жестяной плитой переезжает в тот угол комнаты, где ей спокойнее. Конторский мальчик тоже не считается. Он ходит вокруг копировальной машины и левой рукой крепко ее закручивает. В правой он держит копеечный бублик. Он обожает бублики, именно копеечные, а не с семитатью, которые я тащу для него со стола. Ну, что ж, у каждого свой вкус! Бухгалтер Миша в счет не идет. Он молчит, потому что поссорился с женой. Бухгалтерское достоинство не позволяет ему идти на попятный. Что делать? Ведь я не тень отца Гамлета, хотя сын артиста так меня назвал и это было страшно обидно. Нет я не тень, уже по той причине, что могу позвонить по телефону. Не Асе, конечно. Она бы по моему голосу сразу догадалась. Она знает меня, как облупленную. Не меньше, чем я ее знаю! Но Ася полна всяких подозрений, а я подозреваю ее

только в том, что она ненавидит женщин, а мужчинам все прощает. И, все-таки, до самой смерти я останусь ее подругой детства. Но кто же в таком случае близнецы? Это надо будет спросить у старшего. Младший стал заносчивым и вместо ответа пожимает плечами. Они ватные и как он ими ни орудует, шире они не становятся. Старший близнец гораздо любезнее. Он называет меня почтеннейшая. Вова сказал, что это издевательство. Я с ним несогласна. Почему бы мне не быть почтеннейшей? Ничего непочтенного я до сих пор не сделала. Если не считать анонимного письма с наклеенной маркой. Я вдруг вспомнила, что Вова говирил о том, как недостойно быть анонимом. Надо выступать с открытым забралом. Все это было бы хорошо. Но для забрала необходимо иметь достойного противника, а тут противник делает вид, что он почти что мой отец. Он способен в два счета раздавить меня своим моральным превосходством. Так, по словам нашей начальницы, мог бы всех раздавить Короленко, но он этого не делал по благородству своей натуры.

Асин отец тоже поклонник Короленко. Он советовал нам читать «Дети подземелья» и невероятно возмутился, узнав, что я читала не только это, но и «Сон Макара» и «Без языка»... Ему не нравится, что я всезнайка. Он боится, что после Короленко и Чехова я сразу его раскушу. Про «Нана» Золя я ничего не сказала. Это было давно и я немного забыла содержание. В общем, я сама себя поджариваю на медленном огне. Я не знаю, как мне быть. Сердце говорит «порви письмо», а голова: «нет, опусти его в ящик!» Идет борьба между умом и сердцем, о которой так много пишут в приложении к «Ниве». Подожду прихода мамы. Я могу без слов спросить у нее совета, и она ответит мне едва заметным кивком головы. Все это мое воображение. Маме не снится,

что я час подряд сочиняла анонимное письмо, а потом переписывала его начисто. Ей приятнее думать, что я — хрустальный сосуд и со мной надо обращаться с большой осторожностью. Когда гимназическая докторша назвала меня хрустальной вазой, мама ничуть не удивилась, а я была дико возмущена. Это лошадиная Лиля — ваза из хрусталя, а никак не я!

И, все-таки, мамин голос может все поставить на место. Но мама почему-то не возвращается. Вместо нее приходят Катя с мадмазель. Они сразу же идут в детскую и там, наверно, будут петь про мельника. Он спит непробудным сном, а мельница вертится, вертится... Потом они запоют мою любимую песенку про пастушку, и Миша испугается и от страха начнет пускать пузыри. Неприятно все знать заранее, но я с собой ничего не могу поделать: я всегда забегаю вперед! С мадмазель это совсем нетрудно: ведь и я пела про мельника и про мост в городе Авиньоне, где танцуют барышни и усатые кавалеры.

После Кати приходит отец папиного корреспондента. Сразу узнаю его звонок. Он робкий и дрожащий. Как-будто позвонил и испугался собственной смелости. Но отступить некуда. И он говорит: «Ничего, я подожду», и сразу опускается на свой просиженный стул. Конторский мальчик с ним не здоровается. Я его как-то упрекнула, и он ответил мне довольно нахально, что за те же деньги не обязан быть вежливым со всяким старикашкой. Бухгалтер Миша и подавно не здоровается. Он терпеть не может иностранного корреспондента и всю антипатию перенес на его отца. Старику не везет! Кроме меня, с ним мил только маленький Миша и когда его в коляске провозят по коридору, он улыбается ему своей беззубой улыбкой. Даже мамка Аксюта сказала: «Старый да малый...» А из нее слова не вытянешь. Такой неразговорчивой особы я еще не встречала. Позже я

пойму, что мамке-Аксюте просто нечего сказать. Она даже петь как следует не умеет. Я хотела научить ее моей любимой колыбельной песне, но Аксюта отказалась. Ей не надо чужих колыбельных. У нее своя: «Баю-бай, баю-бай...»

Никогда еще время так не тянулось. Я где-то вычитала, может быть в журнале «Природа и люди», что люди, осужденные на казнь, в последные пять минут видят всю свою прошлую жизнь. А что такое пять минут? За такое короткое время даже Надежда Игнатьевна никого не успевает вызвать к доске. Она только тяжело вздыхает и потом захлопывает классный журнал.

Я могла бы сделать порядок в ящиках моего письменного стола. Это помогает убить время. Открываю средний ящик. Странно, я туда ничего не кладу, откуда же набралась такая куча старых открыток с артистками, ангелочков на облаке, обгрызанных карандашей? Среди этого хлама тетрадка, куда я решила записывасть мои новые стихи. Она совсем чистенькая. Какая же я после этого поэтесса! Настоящие поэты пишут по целым ночам, а днем вычеркивают написанное. Когда близнецы упрекали Вову, что он никак не может написать статью для журнала, он протянул им лист, где все было перечеркнуто и спросил: «Видели ли они когда-нибудь черновики Пушкина?». Да, они видели их в полном собрании сочинений и страшно возмутились. Что за классик, раз он без помарок не может написать хорошего стихотворения. Вот их брат-революционер в один присест пишет стихи против самодержавия. Я боялась спросить, пишет ли он стихи про любовь? Близнецы бы меня высмеяли: «Любовь, это несереьзно». Такая тема не для их брата, который чуть не угодил в Сибирь. У близнецов ни с того, ни с сего просыпается

родственное чувство. Я им не верю. Они никого не любят, даже Вову, хотя он их старый товарищ. Конечно, они ревнуют его к сыну артиста, но ревность ведь не тень любви, как думает Володя, бывший жених мадмазель.

О Володе я вспомнила из-за мадмазель. Она так распелась, что Катя не может ее перекричать. Как ей не надоели эти идиотские песенки. Она могла бы обновить свой репертуар. Так говорят про артиста Багрова. На всех благотворительных вечерах Багров читает «Белое покрывало». Иногда он спотыкается и публика ему подсказывает. Другой артист, имени его я не назову, а то Матя меня съест, читает: «Был май, веселый месяц май». У него такое вытянутое и кислое лицо, что хочется ему посочувствовать. Матя сердится, когда я ей это говорю, она находит, что у артиста одухотворенная внешность. Как я завидую Мате! Мне хотелось бы заблуждаться, но я отлично вижу, что у моего доктора глаза более выпуклые, чем у других. Я знаю недостатки моей подруги Тани, странности Бори Гаевского и все остальное. Но это мне нисколько не мешает. А вот Тане нужно, чтоб не было ни единого пятнышка. Поэтому я живу в вечном страхе, что она откроет мои недостатки.

Солнце уже ушло с венгеркиного балкона, а я все жду и мучаюсь. Теперь оно у Блазнеров и мадам Блазнер, наверное, побежит закрывать ставни, иначе выцветет шелк на ее замечательной кушетке. Она боится солнца, это ее злейший враг. Без зонтика вы мадам Блазнер не увидите. У жены пьяницы зонтик почище, чем у Блазнерши, он с черной кружевной оборкой, подбитой чем-то светлым. Самый лучший зонтик у жены портного Питкина. Он прямо из Парижа, Питкин взял его в счет долга у одной заказчицы. Заказчица предлагала ему боа из птичьих пе-

рьев, но Питкин ни за что не хотел уступить. И он был прав. Теперь, когда мадам Питкина гуляет под зонтиком, по лицу ее пробегают полосатые тени. И это так странно и прекрасно, как может быть только в Париже. У паркмахерши Розы большой красный зонтик. Я считаю, что он полумужской. Ей я не посмела бы это сказать. Роза уверена, что лучшего зонтика нет на всей нашей улице. Он ее удивительно молодит. Но она ведь совсем молодая, и я отлично помню, как ее гоняли в лавочку за керосином. Если оставалась лишняя копейка, Роза покупала монпансье из банки. Случалось это очень редко; ее тогдашняя хозяйка, мадам Фанни, высчитывала все до последнего грошика. У этой Фанни, которую муж называл Фенькой был, действительно, необыкновенный зонтик. Снаружи синий, а внутри — бледно-голубой. Где она его купила — неизвестно. Но вряд ли в зонтичном магазине.

Рассуждения о зонтиках завели меня очень далеко. Еще более потемнело и я боюсь, что мама попадет под дождь. Тогда она задержится в какой-нибудь подворотне и будет его пережидать. А мадмазель и Катя все еще поют. Они перешли на любимую песню брата мадмазель, мосье Филиппа. По-русски ее можно перевести так: «Я элегантная женщина и зовут меня Клара...» А не Клара, как родственницу из Балты. Не понимаю, почему мадмазель поет ее со своими учениками? Это непедагогично. Вова думает, что по глупости. Мне тоже кажется, что она не понимает смысла этой песни. Но почему же я понимаю или, во всяком случае, догадываюсь. А за всю мою жизнь я не имела еще ни одной пары туфель на каблуках. Два-три листика кожи и все! Должно быть у меня нюх на такие вещи. Объяснить я не могу, но чувствую, что тут какая-то тайна.

Мы окружены тайнами. Мне хотелось бы разгадать одну из них: что происходит, когда любовь кончается. Я знаю, что она не вечна. Это не относится ни к нашей семье, ни к героям некоторых романов Диккенса. Но ведь бывает так, что люди расходятся. Разошелся же мой доктор со своей женой. Я одним ухом слышала, что ей будто бы надоели его вечные измены.

99.

Легко оклеветать ни в чем неповинного человека, как делает дочка доктора. Одно время она распространяла разные слухи про нашего Топсика. И когда та хотела выйти из класса и робко тянула вверх свою рученку, дочка доктора начинала подмигивать Поцелуйкиной. Можно было подумать, что она знает что-то стыдное. Но это была сплошная клевета. Ее счастье, что она не наскочила на Вассу. Васса умеет защищаться. Она сказала, что и меня научит давать сдачу, я ей сразу ответила, что я не маленькая и сумею за себя постоять. Обидчики получат такой урок, после которого долго не сумеют придти в себя! Но как поступил бы Боря Гаевский, если б кто-нибудь его обидел? Во всяком случае не побежал бы жаловаться. У Бори нет детских замашек. А Вова и его товарищи обложили бы врага так, что он бы тут же скапустился. Но что означает слово «обложить»? В словаре я его не нашла.

Словарь меня, вообще, разочаровал. Там нет и половины нужных слов. Может быть они из другого словаря, более научного? На эту тему я могла бы поговорить с Вовой, но его тоже нет дома. У меня такое чувство, что все сговорились, чтоб замучить меня ожиданием. Сколько бы я дала за то, чтоб вместо пения мадмазель услышать вовину импровизацию. Она называется: «Ночь на Большом Фон-

тане» и в ней сплошные октавы. В одном месте довольно длинная трель, и Вова никак не может довести ее до конца. Мне это неприятно. Мою собственную музыку я ни в грош не ставлю, но Вова ведь не только композитор, он еще и пианист, хотя и не гений, вроде бывшего матиного кумира, Иосифа Гофмана.

Матя охладела к Гофману после того, как он ее нечаянно толкнул и даже не извинился. Я нашла для него миллион извинений, но Матя была непреклонна. Что можно ожидать от пианиста с устарелым репертуаром? Она уже забыла, как проливала слезы над «Лунной сонатой» и сама «Лунная соната» ее больше не интересует. Такая же история произошла с Эсперансой. Она охладела к учителю математики и говорит, что математика нужна только низменным натурам. Только Вова говорит, что надо подняться над личной антипатией. Он, например, окончательно разочаровался в Жоре и вместе с тем продолжает считать его самым умным мальчиком в их классе.

Не успела я подумать о Вове, как хлопнула входная дверь и что-то зазвенело. Вова входит не как все. У него особая манера. Квартира сразу наполняется его присутствием. Даже отец корреспондента высовывает свою иссохшую маленькую голову из воротника шубы. Этим он хочет сказать: — Какой симпатичный молодой человек! Какой удачный! Бухгалтер Миша на минуту отрывается от своих книг. Пришел Вова. Он должен ему рассказать, что вчера был в отдельном кабинете. Папе об этом ни гу-гу. Перед ним Миша разводит удивительную скромность и порядочность. Вся жизнь его в бухгалтерских книгах! Вовин приход слышат и на другом конце квартиры, на кухне. Гинда, генина сестра, просыпается, как от толчка. Со сна кажется, что у нее хотят купить ящик, два ящика мандаринок... А Геня хватает ко-

чергу, она должна размешивать уголь. Плиту она обожает и ненавидит. «Горе мое, несчастье мое! — говорит Геня. — Торчу возле нее, как проклятая!».

Никто не умеет так жаловаться, как наша Геня. Она призывает в свидетели живых и мертвых. Пусть на нее полюбуются. Но к Всевышнему она обращается реже, чем дядя. Если не вслушиваться, можно подумать, что дядя с ним на короткой ноге. Вову это доводит до исступления. Чтоб подразнить дядю, он рассказывает, какая замечательная ветчина в винно-гастрономическом магазине Дубинина. «Она нежно-розовая», — говорит Вова, — и дядя смотрит на него почти с ненавистью. Сейчас я пойду в вовину комнату, и он расскажет мне, какой доклад был в «Урании». Я знаю, что должны были читать о Толстом, но в последнюю минуту переменили это на жизнь подводных растений. Я один раз была с Вовой в «Урании» и там близорукая лекторша все время теряла мел. Потом, когда его находила, она принималась писать на черной доске, очень, очень быстро и такими мелкими буквами, что их легко было принять за мушиные точки. Я видела, что Вова томится и поэтому молчала. А через неделю он опять пошел в «Уранию».

Я предпочитаю «Двадцатый век». В последний раз я видела там замечательную картину. Было написано, что она по Достоевскому, но Вова думает, что Достоевский умер бы вторично, если б ему такое приснилось. «Возле Достоевского не лежало», — говорит Вова и близнецы покатываются со смеха. Им много не нужно. Они готовы смеяться по всякому поводу и даже без повода. Но смех их напоминает ржание. Недаром сын артиста кричит им: «Заткнитесь!». Он даже намекнул на то, что они воспитывались на Толкучке. Это очередная клевета, потому что воспитывались они на Пушкинской угол Троицкой. А на какой

улице Толкучка, я не знаю. Я проезжала несколько раз с папой и он ни за что не хотел остановиться. Он боится, что на Толкучке я услышу нехорошие слова. Но ведь я их слышала на старом базаре и ничего, хуже от этого не стала. Если б папа знал, какие слова говорят у нас во дворе, он, наверное, переехал бы на новую квартиру. Еще раз стукнула дверь. Это Вова прошел к себе. Сейчас он откроет средний ящик стола и бросит беглый взгляд на свои сокровища. А потом начнет громко зевать. Он устал от всех этих лекций и докладов и, вообще, устал от жизни.

Когда я жалуюсь на усталость, никто мне не верит. Мама думает, что я съела слишком много пирожных с кремом, а другие просто надо мной издеваются. Но почему кузине Мане можно жаловаться? Она закрывает глаза и говорит, что смертельно устала. Все наперебой начинают давать ей советы. Наконец, Маня записывается к доктору со смешной фамилией. У него репутация ухажера. Маня это знала и все-таки идет к нему. После визита она будет рассказывать, как он восхищался ее замечательной посадкой головы. Услышав про посадку, Матя бледнеет. Она думала, что только у нее замечательная посадка. Но Маня продолжает настаивать. Усталость, как рукой сняло. Вот, что значит медицина! Я тоже стою за медицину. А самый умный мальчик Жора уже собирался писать статью о том, что медицина — не наука. Я очень боялась, что наш доктор обидится, но Вова меня успокоил. Жора все делает очень медленно. Он тяжелодум. Ему нужны факты, факты и факты.

Сейчас пойду к Вове и поставлю ему вопрос ребром: что с журналом, выйдет он, наконец, или нам придется возвращать деньги подписчикам? А я боюсь, что подписные деньги давно ушли на покупку письменных принадлежностей и на хождение в Общество

Одесских Минеральных вод. Тихонько стучу в вовину дверь. Делаю это, чтоб расположить его к себе. Он не любит, чтоб входили без стука, и никто с этим не считается. Дядя не понимает, как такая мысль могла бы прийти ему в голову. Ведь он же не директор банка и даже не главный доверенный. Я тоже хотела бы, чтоб в мою дверь стучали, но это недостижимая мечта. Вхожу, не дожидаясь вовиного: «Войдите!» Это было бы слишком вежливо. И Вова сразу спрашивает меня, где мама? Значит не только я беспокоюсь. Ко мне возвращается предчувствие чего-то нехорошего. Я хотела бы знать, есть ли у Вовы предчувствие? Но боюсь спросить. Если он начнет меня высмеивать, я разревусь. Но Вова не ждет ни моего ответа, ни моих вопросов. Он склонился над столом и рисует.

Один профиль напоминает Наполеона Бонапарта. Это случайное сходство. Вова рисует машинально. Его мысли далеко. Неужели он думает о лошадиной Лиле? Ведь он сам мне сказал, что предпочитает мыслить отвлеченно. Не совсем представляю себе, что это такое, но по-прежнему боюсь задавать глупые вопросы. Пусть мой уровень развития для всех останется тайной. Сын артиста считает, что молчание это один из способов прослыть умным. Мне повезло. Я окружена опытными людьми. Но если я буду применять все их способы, я окончательно потеряю голову. Таня говорит, что я и так стала невероятно рассеянной и отвечаю невпопад. Когда она спросила меня про братьев Карамазовых, я ей ответила, что знаю только братьев Пташниковых. На самом деле я видела у нас в шкафу «Братьев Карамазовых» Федора Достоевского, но прочесть их мне не удалось. А про Пташниковых я сказала нарочно, чтоб ее позлить.

Мне самой странно, что я вспомнила Таню. Как только я переступаю порог дома, она становится мне

чужой. Таня не входит в мою домашнюю жизнь. Вот Ася — другое дело. Она имеет отношение к моему столу, к моим книгам на маленькой полке, к моей нотной папке... Она это критиковала, и я не обижалась. Я привыкла к ее критике. Но если б она знала, какое письмо лежит у меня под красной промокательной бумагой, она, наверное, схватилась бы за левый бок, как делает Эсперанса. Вова продолжает рисовать, он озабочен. Он дошел до того, что спрашивает меня, не пошла ли мама к мадам Рабинович? Нет, я знаю, что мастерицы Фрида и Сима принесли блузку, и мама была страшно довольна: она избавилась от хождения на примерки. Мадам Рабинович любит примерять. Она закалывает булавками одну сторону, и в это время из различных мест начинают выскакивать другие булавки и все приходится начинать сначала. Мадам Рабинович это ни капельки не тревожит. Она ползает по давно не крашенному полу вместе с Симой и Фридой. Зато заказчица краснеет от негодования, ей надоели вечные истории с булавками. «Ничего, — говорит мадам Рабинович, — с Божьей помощью придете утречком и мы тогда сделаем настоящую примерку». Со мной мадам Рабинович не церемонится. Я могу смело сидеть дома, мои размеры она знает не со вчерашнего дня. А я как раз охотно к ней хожу. Меня интересует, как эти люди могут жить в таком вонючем, затхлом воздухе. Гимназическая докторша сошла бы с ума, если б ей пришлось пробыть там хоть четверть часика. Другие не так чувствительны. Они понимают, что мадам Рабинович не до свежего воздуха.

Папа тоже опаздывает, но он задержался на заводе. Опять не действуют прессы, и механик Наум от волнения курит одну папиросу за другой. Каждая из них толщиной в палец. У мамы нет таких срочных дел. Она могла, конечно, пойти к Чудновскому, где

в это время нет отбоя от покупателей. Меня просто затирали. Каждый раз, когда я хотела пробиться к боченку с маслинами, кто-нибудь меня отталкивал. Я много раз просила маму, чтоб перед вечером меня не посылали в магазин Чудновского. Я предпочитаю молочную Чичкина. Там все сияет белизной и даже грязные руки приказчика кажутся чистыми. А его фартук — такого вы еще не видали. Может быть мама на минутку заглянула к Ланиной бабушке. И эта минутка превратилась в битый час. Давно известно, что бабушка славится своей разговорчивостью. Она может часами говорить об общих родственниках и это, по-моему, страшно интересно. Ведь она помнит все до мельчайших подробностей. Мне нравятся рассказы о том, как бабушка в первый раз выходила замуж. Она не может нахвалиться своим первым мужем. Какой это был светский молодой человек, какой танцор! Главное он побывал в Вене и вывез оттуда красный жилет необыкновенной красоты. Бабушка пускается в описание своего приданого. Да, у нее были две собольи ротонды, одна лисья, на каждый день, и одна не помню какая. Что же касается столового и постельного белья, то такое вряд ли имела дочка самого Ротшильда. Я знаю, что бабушка легко увлекается, но мне жалко остановить поток ее красноречия. Тем более, что первый муж давным давно умер от чахотки. От той же таинственной чахотки умер ее второй муж, посылавший голову вперед. Но хоть он и был отцом почти всех бабушкиных детей, она называла его по фамилии.

Как все непонятно! Почему время то мчится, как ночной трамвай, то вдруг останавливается? Сейчас оно остановилось. И даже Вова молчит, как нанятый. Он весь ушел в рисование. А я знаю, что рисует он для отвода глаз. Беру первую попавшуюся книгу и сажусь с ней на знаменитый клеенчатый диван. Вы-

скакивает пружина. Это меня пугает. Я и без того, как на горячих угольях. Книга оказывается страшно неинтересной. Одни описания природы. Как будто, кроме закатов и восходов ничего на свете нет. Я не люблю природу без людей. Пусть будет восход, но чтоб кто-нибудь на него смотрел из окна. А на закате прогуливался бы в городском саду. А моя подруга Ася уверена, что природа существует исключительно на Хаджибейском лимане. Но это не ново.

На шестой странице меня начинает клонить ко сну. И, все-таки, я слышу, как мадмазель прощается с Катей и для фасона называет ее «ма петит Катрин!». Катя не хочет быть Катрин. Так по ее мнению зовут детей из Сиротского дома. А его она боится, как огня. Своим куклам Катя угрожает, что отдаст их в Сиротский дом. Сколько раз я ей объясняла, что для этого надо быть сироткой, но она не соглашалась. Катину нелюбовь к Сиротскому дому я вполне разделяю. Когда сиротки в пелеринках проходят по нашей улице, мне страшно. Это ненастоящие дети. Они слишком тихие, чтоб быть настоящими. Опять вспоминаю песенку из альбома, от которого остались одни бумажные лохмотья: «У одних могила Рано мать взяла, У других нет в зиму Теплого угла»... Остальные песни я стараюсь забывать. Мне неловко перед Таней. Ее учительница говорит, что интерес представляют только песни Шуберта и Шумана и какого-то Гуго Вольфа. Я спросила Вову, знает ли он Гуго Вольфа, и он ответил, что знает не только его, но еще и других композиторов с немецкими именами, но в его голосе не было уверенности.

Я боюсь потерять свой авторитет в катиных глазах, а Вова в моих, хотя он не должен бояться: так и быть уступаю ему Гуго Вольфа и остальных композиторов с немецкими фамилиями. Мама любит итальянскую музыку. Но где же мама? Никогда еще

не было так скучно, даже перед приходом старика доктора. Его вызывали, когда столбик ртути подымался выше тридцати девяти. Я дрожала при мысли, что доктор Ашевский когда-нибудь это разнюхает и до смерти обидится. Кажется, в бреду я звала Ашевского и просила прописать малиновую микстуру. А может быть мне это показалось, и все переживания я придумала, чтоб как-нибудь разогнать скуку. Но ведь сын артиста утверждает, что скука несвойственна людям с богатой духовной жизнью.

Почему же я томлюсь, как птица в неволе? У меня есть такое стихотворение. Прежде оно мне нравилось. Но Вова сказал, что это банально, и я положила его в нижний ящик письменного стола. Туда никто не полезет, даже Катя. А она постоянно роется в моих ящиках. Катя ищет там облатки для наклеивания ангелочков и корзинок с красными розами. Это глупая отговорка. Я давно перешла на открытки. Скоро нечего будет покупать. Запас артистов истощился и в последний раз я купила Чехова в пенсне. Открытка была довольно старая и Александровский долго подчищал ее и рассматривал на свет. Он предложил мне Льва Толстого в крестьянской рубахе и я отказалась. Я не уверена в том, что Таня признает Льва Толстого. А ведь открытки я покупаю для нее. О Толстом я с ней не говорила, вряд ли он в танином вкусе. Чехов ей больше подходит. Его пьесы постоянно ставят в Художественном театре. Она там никогда не была, но это не имеет значения. За нее туда ходит московская тетка. В каждом письме она подробно описывает постановки чеховских пьес. Последнее письмо Таня подержала перед моим носом, и я убедилась, что оно состоит из одних восклицательных знаков.

Терпеть не могу, когда мне что-нибудь навязывают. Я никогда не любила навязанных подруг, и

даже к навязанным родственникам, вроде дяди из Николаева, отношусь довольно холодно. Я убедилась, что в поэзии он ничего не смыслит. Его одинаково приводит в восторг и хорошее и плохое. Главное, надо читать с пафосом. У них, в городе, был один молодой человек, большой любитель Пушкина. Когда он его декламировал, многие плакали. Кроме декламатора, был еще и скрипач. Когда он играл на своей замечательной скрипке, все рыдали. В пылу рассказа дядя сравнивает его с Яном Кубеликом. По-моему молодой чтец-декламатор скорей всего губитель искусства, а скрипач не был даже на среднем курсе Консерватории. Художественный театр я тоже скоро разлюблю. И сделаю это заочно. Может же Таня заочно им восторгаться. Она хотела бы заразить меня своими восторгами, но я не поддаюсь. Правда, я с ней не спорю, это слишком опасно, я молчу. Но не как Таня, с выражением оскорбленного достоинства, я просто отсутствую. Придраться невозможно, потому что на лице у меня ровно ничего не написано. Прежде мне это не удавалось, а теперь я даже с удовольствием ношу маску. В стихотворении, которое Вова и сын артиста сочинили в начале года сказано: «Я ношу эту маску условных приличий, Я порывы глубоко от света таю...» Лермонтов писал немногим лучше, но может быть я пристрастна, потому что половина стихотворения принадлежит Вове.

Я хитрю сама с собой. Делаю вид, что вспоминаю стихи, а на самом деле прислушиваюсь. Как назло — полная тишина. Вдруг стукнула дверь на черном ходу. Ну, это меня не касается. Наверное, пришла венгеркина мастерица. Или это новая кухарка Блазнеров. Она забегает, чтоб одолжить перец в зернах и медную ступку. Геню это возмущает: «Что, Блазнерша не может иметь про запас немного перца? Ступку она больна купить!» — кричит Геня так гром-

ко, что слышно во всех этажах. Кроме того, кричат во дворе. Это хозяин пробкового мальчика ругает его на все корки. Если б он привел в исполнение хоть часть своих угроз, у мальчика не осталось бы ни одного уха. А волосы давно были бы выдраны с корнем. Я думаю, что пробковый мальчик сейчас взвалил себе на спину младшего Питкина и бегает с ним вокруг палисадника, а другие дети Питкина бегут за ним. Но меня это не интересует. Я жду маму. А она никогда не заглядывает во двор. Мне кажется, что она его боится. Особенно с того дня, как Вове там чуть не проломили голову. Не все можно забыть. Но это не имеет ничего общего с злопамятностью. А вот дядя злопамятный. Если его разбудить посреди ночи, он тут же перечислит всех своих обидчиков. О приятном он старается не вспоминать, иначе ему пришлось бы быть благодарным, а на это дядя неспособен. Сын артиста где-то вычитал, что благодарность свойство высоких душ. В таком случае у дяди душа не очень высокая.

100.

Мама любит вспоминать прошлое. Особенно нравятся мне ее рассказы о том, как они ходили к дедушке. «Его все уважали, — говорит мама. — Весь город его боялся». Меня это не удивляет. У маминого дедушки орлиный нос и глубоко сидящие глаза. Такие профили внушают уважение. Знаю это по нашей Надежде Игнатьевне. Более орлиного носа, чем у нее, я не могу себе представить. Но маму дедушка любил, он гордился ею. Это говорит ланина бабушка. Мама слишком скромная, чтоб заниматься самохвальством. Представляю себе, как в субботу вечером вся семья идет в гости к дедушке. Впереди ковыляют маленькие Сема и Лена, а старшие девочки, одна почти девица, тетя Маня, другая поменьше — моя мама, в одинаковых платьях чинно держатся за руки. В городе знают, куда они идут и многие им завидуют. Все это не соответствует моим теперешним убеждениям, но мне не хочется нарушать тишину субботнего вечера.

Вова все еще сидит ко мне спиной. Может быть он обдумывает обращение к будущим читателям или мысленно пишет статью. Это было бы нелепо. Он даже не помнит, куда заложил бумагу для нашего журнала. Юзя клянется и божится, что не трогала ее. Зачем ей бумага? Пускай себе лежит и пылится. Но она уверена, что бумагу взяли близнецы. На близ-

нецов Юзя готова валить все преступления. Не понимаю, почему Юзя на них так взъелась. Старший близнец, когда никого из посторонних нет в комнате, широко раскрывает свои объятия и говорит ей, что она прекрасна, как роза. Юзя чувствует, что здесь что-то нечисто и отвечает ему «Отчипись»!... У младшего меньше нахальства. Он смотрит на Юзю в упор и губы его шевелятся. Но он знает по опыту, что лучше не лезть.

Близнецы, вообще, не пользуются успехом. Сын артиста сказал, что они не умеют подойти к женщине. Но о каких женщинах идет речь? Неужели он воображает, что Веруся и лошадиная Лиля — женщины? Оставляю это у него на совести. Тем более, что Вова вступается за близнецов. Это его священный долг. Они — друзья детства. Близнецы же платят ему самой черной неблагодарностью и где только можно стараются подорвать вовин авторитет. Та же история с Асей. Но Ася, по крайней мере, сказала, что если со мной что-нибудь случится, она будет всю жизнь носить по мне траур. И тут же прибавила, что это не простой траур, его носят в глубине души. Ну что ж, это лучше шляпы с черным крепом. От крепа пахнет магазином, он всегда слишком новый. Бывшая хозяйка парикмахерши Розы, мадам Фанни, носит шляпу с такой вуалью. У нее будто бы умер муж. Роза пожимает плечами: «У мадам Фанни мужа никогда не было, а были только...» Я думаю, Роза хотела сказать, что у мадам Фанни были ухажеры. Как у нашей Юзи. Хотя Вова считает, что ухажер, невероятно вульгарное слово.

Вова против вульгарности. Он чуть не поссорился с сыном артиста, когда тот запел одну странную песню. Ее поют на студенческих вечеринках. А сочинили ее юнкера. Сын артиста хотел объяснить мне происхождение юнкерской песни, но Вова так грозно на

него посмотрел, что он тут же скис. Он должен идти в свой полупансион. Сегодня там парадный обед по случаю того, что хозяйка помирилась с любовником. Не успел он произнести слово: любовник, как Вова схватил пресс-папье. Но сын артиста был уже в дверях и оттуда посылал мне воздушные поцелуи. Напрасно Вова думает, что я не знаю, что такое любовник. Это тип, который влюблен, но не настолько, чтоб жениться. А иногда любовник не может жениться, потому что у дамы есть муж. Все это я знаю от докторши Ашевской. То, что я вычитала не так правдоподобно. У меня мурашки пробегают по коже, когда я вспоминаю об одной ее знакомой. Она пришла домой в юбке, надетой задом наперед. Но как это могло случиться? Объяснений мадам Ашевская не дает.

Вот было бы хорошо, если б она сейчас сидела в столовой и рассказывала свои бесконечные истории. А мама рассеянно ее слушала и все время пододвигала к ней коржики с маком. Мадам Ашевская съедает невероятное количество коржиков. Она хвалит вертуту с ореховой начинкой и сразу же без перехода начинает говорит о том, как другая ее знакомая родила сына, и он был точь в точь, как их репетитор: «Вы не поверите, дорогая, у него такая же отвислая губа, как у этого наглеца...» Тут меня отправляют готовить уроки. А я борюсь, как лев, и под каждым предлогом возвращаюсь ровно на минуточку. Маме не хочется ставить меня в неловкое положение. А я пользуюсь ее слабостью. Конечно, это не очень красиво с моей стороны, но как не узнать, что сделал муж, вызвал ли он репетитора на дуэль или просто выставил за дверь? Причем шинель упала в пролет лестницы, а фуражка катилась с такой быстротой, что репетитор никак не мог за ней поспеть.

Но мадам Ашевская не придет. Это было бы не-

деликатно. Она отлично знает, что вещи уложены. С перевозчиками тоже договорились, и Юзя торжествует: будет не два фургона, а три. Она уже объявила, что поедет на третьем. Зеркало из маленькой прихожей Юзя будет держать на коленях. Гене никто не предлагает ехать на фургоне. Она бы смертельно обиделась. Это не место для еврейской женщины. Геня не хочет, чтоб ее смешивали с горничными и прачками, или, не дай Бог, с прислугами за все. Сын артиста говорит, что она высоко держит знамя кулинарного искусства. Если б Геня умела излагать свои мысли в письменной форме, он посоветовал бы Вове пригласить ее в наш журнал. Конечно это была шутка, но Вова всерьез рассердился: «Кулинарные рецепты не для передового журнала». Он попросил бы такими вещами не шутить... Бедный журнал, сколько вокруг него разговоров и интриг, а он все не выходит. Во всяком случае, братья Андрокардато просили передать, что подписку они, так и быть, прощают. На это Вова только слегка покривился и сказал, что еще не ночь...

Это его любимое выражение. Я его тоже люблю, потому что оно многозначительное. Повторяю про себя: «Еще не ночь»... Но уже почти ночь, а мамы все нет. У венгерки зажгли свет. Наверно потребовала заказчица. Она не видит, где выточка... Венгерка жалеет электричество и вместе с тем боится спорить. Она поджимает губы и говорит сладким голосом, что теперь темнеет гораздо позже. То, что мастерицы портят себе глаза, ей не мешает. В их возрасте она, вообще, шила в темноте и все было, как в лучших мастерских. У Питкина, в нижнем этаже, тоже свет, но Питкин широкий. Коммивояжерша сказала, что он днем зажигает у себя все лампы. Пусть будет, как в Париже... Я понимаю Питкина. Он не такой богатый, чтоб считать каждый грош. Мадам

Питкину такие заявления приводят в раж. Она не может понять, почему все кладут деньги на книжку, и только у них нет ни гроша про черный день: «Вы видите этого портняжку. Нет! Так посмотрите на него моими глазами. Он, этот хламидник, плюет на Сберегательную кассу». Слушательницы сочувственно молчат. Вмешаться они не смеют. Давно известно, что ссоры кончаются тем, что старшего мальчика посылают за пивом. Семья на седьмом небе. И в нашем доме нет никого, кто был бы богаче и знатнее портного Питкина.

Матя жаловалась, что у них в квартире пахнет жареным луком. Запах этот по ее словам, въедается в материю. Демисезонное пальто, которое ей переделал Питкин, до сих пор пахнет шкварками и как она его не трясла и не проветривала, жареный лук вылезает наружу. Матя преувеличивает. Свое демисезонное пальто она столько раз пересыпала нафталином, что от лука не осталось даже воспоминания. Но Матя, вообще, чувствительна к запахам. Когда она проходит мимо дворницкой, то на минуту задерживает дыхание. А кошки... Ее бывший поклонник, Зиновий, говорил, что есть запах нищеты. Он состоит из запаха лука, вчерашнего борща и кошек с черной лестницы... У Мати в доме все будет пахнуть одеколоном Ралле. Она увидела у мамы флакон одеколона Ралле и просто помешалась. Я тоже без ума от флакона. Он из толстого выпуклого стекла и на солнце оно переливается всеми цветами радуги. Рядом с ним брокаровский одеколон с притертой пробкой имеет вид бедного родственника. Я довольна, что у моей мамы столько одеколонов. Но где же мама? Уже совсем темно. Флаконы на ее туалетном столе, наверное, стали темными и ничем больше не отливают... А волшебный одеколон Ралле превратился просто в бутылку из толстого стекла. В другом конце

квартиры заплакал Миша. И мне послышалось, что мамка-Аксюта говорит ему: «Жижа, жижа...» Жижа значит свет. Она обещает Мише, что сейчас будет свет.

Но Миша не верит ее обещаниям. Он продолжает плакать и мне его безумно жалко. Все ушли и его бросили. Все — это мама. Потому что Миша, как только ее завидит, начинает пускать пузыри и улыбаться во весь свой беззубый рот. Иногда он напоминает мне двугорбого провизора, у него такой же недовольный вид. Странно, что дети бывают похожи на стариков. Дочка доктора говорит, что ее брат вылитый Лев Толстой. Но она думает, что он станет еще более знаменитым. К сожалению, Миша не похож ни на одного великого писателя. Об его сходстве с двугорбым провизором я говорить не буду. Не хочется, чтоб дочка доктора торжествовала. Ее брат — Лев Толстой, а мой — провизор из провинции. Тем более, что она сказала, что в их семье не было провизоров, а только доктора и даже один профессор. Но это не был профессор мнемоники, Файнштейн.

В коридоре что-то застучало. Может быть мама. Нет, куда там. Мама так не стучит. Приоткрываю дверь и сталкиваюсь лицом к лицу с конторским мальчиком. Оказывается он был на кухне. Конторский мальчик нередко туда заглядывает. И хотя Геня говорит, что ему тут не место, он знает, что кусок ситного с гусиным салом для него всегда найдется. А это его любимая еда. Он мог бы съесть целый хлеб от Амбатьелло, густо смазанный гусиным жиром. Хлеб с вареньем он тоже очень любит, особенно если варенье засахарилось. В общем у него довольно хороший вкус. Но меня это не касается. С тех пор, как от нас ушел Вениамин, я охладела к конторским мальчикам. Вениамин был моим другом

и всегда со мной советовался. А теперь он живет в провинции у тестя и мечтает о том, как бы удрать в Одессу. Я это узнала от Гени, а та от сестры Вениамина, своей бывшей учительницы. Она иногда заходит, с тайной надеждой уговорить Геню опять взяться за учение. Но Геню не переубедишь. Она приняла решение. Пусть все вешаются, а она от него не отступит ни на полшага.

Я завидую Гене. Она знает, чего хочет. У нее есть сила воли. А я до сих пор не решила, кем мне быть: артисткой или поэтессой? Когда удается написать стихотворение, я поэтесса. Если ничего не получается, я начинаю говорить о сцене. Конечно, я могу одновременно писать стихи и быть артисткой, но Вова мне не советует: это дилетанство. Надо уметь выбирать. Нет, я не волевая натура, как моя подруга Таня. Она презирает меня за то, что я хожу в иллюзион «Двадцатый век». Но я думаю, что ей тоже хотелось бы хоть одним глазком посмотреть на Вальдемара Гаррисона. Когда я говорю о нем, Таня морщится. Ей неприятно, что я поклонница иллюзионов. К счастью она не знает, что мне снился артист Максимов. Он был так неправдоподобно красив, что я в него чуть не влюбилась. Потом я вспомнила Матю со всеми ее знаменитостями и сразу охладела.

Пойду в коридор, поговорить с отцом папиного корреспондента. В последние дни я с ним почти не разговаривала. Он может подумать, что я возгордилась. У меня нет для этого никаких причин, но если я начну ему объяснять, он совсем запутается. Ведь до него долетают только отдельные слова. Меня он, вообще, не слышит, он дремлет или продолжает разговор с самим собой. Я слышала, как он что-то бурчал в воротник своей шубы. С конторским мальчиком я не имею охоты разговаривать. Это неприятная личность. Он мне даже намекнул, что я могла

бы стащить для него несколько марок из вовиной коллекции. Но если б пришла мама, мне не нужны были бы ни конторские мальчики, ни отцы корреспондентов.

Единственно, что может разбудить отца папиного корреспондента, это часы в столовой. Они бьют медленно и так громко, что я всегда пугаюсь. А старичок дрожит мелкой дрожью и из рукавов его шубы сыплются остатки нафталина. Сейчас часы пробили семь. Значит не так поздно, как мне казалось. Просто время сегодня тянется, как недоеденная тянушка. Спрашиваю у отца корреспондента, есть ли у них новый квартирант? Он пугается: «Квартирант, какой квартирант?..» Впрочем, да, они сдали комнату представителю фирмы Зингер. Это очень порядочный молодой человек и кажется будет платить аккуратно. Бедный старик, он ни в чем не уверен. Мне непонятно, как он мог быть отцом такой многочисленной семьи. Наверное, он тут ни при чем. Все устроила его жена. Геня говорит, что и теперь это бой-баба... Постараюсь узнать, что такое: бой-баба. Если тут нет ничего неприличного, мама мне объяснит. Но мама не возвращается. Уже привезли с завода масло в пробирках. Конторский мальчик опять не туда их поставил, и бухгалтер Миша громко ругал его идиотом и рохлей. Он не стесняется в выражениях. Мне он иногда говорит: голубка, но я ему не верю. У него при этом нехорошее, закрытое лицо.

В то, что глаза — зеркало души — я верю. Например, глаза бухгалтера Миши отражают его душу: они маленькие и тусклые. Зато у его жены глаза, как звезды. Миша называет ее коровой. Он говорит, что она способна съесть полную тарелку фиников с инжиром: «По целым дняем эта корова валяется в постели, говорит Миша, — и жрет халву». А что ж ей делать? Она должна хоть немножко подсластить свою

жизнь. Мама жалеет мишину жену. Она сказала, что он маленький деспот. Папа рассмеялся и ответил, что никакой он не деспот. Он просто ничтожество, хотя в бухгалтерском деле кой-что смыслит. Но папа все равно с ним не расстанется: они земляки. Александровский тоже земляк и поэтому он уверен, что папа его не оставит.

Столовые часы закашлялись, это с ними иногда случается, и пробили четверть. И сразу же раздался короткий, резкий звонок. Я хотела побежать, но меня опередила Юзя. Первое, что я увидела, была мама. Она шла неуверенно, как будто попала в чужую квартиру. Лицо у нее было серое, а шляпа опустилась на глаза. За ней шел папа, тоже не такой, как всегда и это меня страшно испугало. «Где Вова? — спросила мама. — Дети...» Она не могла докончить. Я помню, что мы пошли в столовую, и там, мама нам рассказала, как она и мадам Тубенкопф встретили Якова Соломоновича. Он хотел их проводить, но мама должна была еще зайти к Чудновскому и Чичкину. Яков Соломонович только открыл рот, чтоб сказать: «хорошо», но не договорил и вдруг захрипел. Еще минута, и он лежал на тротуаре, как раз напротив аптеки Зайдмана. Мадам Тубенкопф начала кричать, как сумасшедшая, а мама побежала к Зайдману. Пять человек с трудом втащили Якова Соломоновича в маленькую комнату за аптекой. Тогда вдруг появился папа. Он проезжал по Пушкинской и увидел толпу. Он говорит, что сердце ему что-то подсказало. Он почти ворвался в аптеку и все пошло своим порядком. Вызвали скорую помощь. А потом приехала супруга и старшая дочь Якова Соломоновича. Обе были в платках.

Это какой-то бред. И мне даже немного смешно, что дочка была без шляпы. Но как они догадались, что Яков Соломонович в аптеке Зайдмана? Папа смот-

рит на меня недовольными, строгими глазами. Ему неприятно, что я задаю такие вопросы. А я еще ничего не понимаю. Яков Соломонович отлежится на кушетке и вечером придет, как всегда, играть в шестьдесять шесть с дядей Сашей. Ему будет страшно неловко, что он всех так напугал. Но нет, он не придет. Все это мое воображение. «Яков Соломонович умер», — говорит папа. Его похоронят на Старом еврейском кладбище.

Выходит, что пока я бегала на кухню и в коридор, Яков Соломонович умирал в аптеке Зайдмана. Я ненавижу свои глупые рассуждения. И Геню, и венгеркину мастерицу, и мою подругу Асю — всех, всех я ненавижу за то, что Яков Соломонович к нам больше не придет. Вчера еще он погладил меня по голове, и я подумала, какая у него большая рука. Он спросил, довольна ли я тем, что мы переезжаем на дачу, и я ответила совсем невпопад. Тогда мои мысли были далеко. Как все это вернуть? Даже Вова растерян. Случилось непоправимое. Когда умер дедушка, было по-другому. Он умирал медленно. Каждый день уносил частицу его жизни, пока не осталось несколько капель на самом дне. А Яков Соломонович не мучился, не ставил градусников, к нему не вызывали профессоров, он упал на улице.

Неужели супруга и дочка сегодня же пойдут в красильное заведение и им в двадцать четыре часа покрасят вещи в черный, траурный цвет? Так написано в окне. Но мне всегда казалось, что это просто объявление. Я слышу, как сквозь сон, что папа вызывает погребальную контору. В телефоне что-то постукивает и в ответ на постукивание папа утвердительно качает головой. Сейчас он поедет на квартиру к Якову Соломоновичу, где только женщины и сын, он не совсем нормальный. Я хотела бы тоже пойти на квартиру. Но папы уже нет.

Мы сидим за столом. Мама смотрит в сторону. А Вова не перестает резать на части тонкий ломоть грудинки. Есть ее он не может. Одна Катя размазала по своей тарелке сыр с тмином и требует, чтоб его полили сметаной. Не думала, что она такая не чуткая. У нее есть одно оправдение: она не знает, что такое смерть. Катя много раз хоронила свою куклу Тильдочку, а потом ее откапывала, чтоб уложить в кукольную кровать. Ей нравятся похороны. Лавочники выходят из-за прилавков и стоят на улице. Зажигаются фонари и вокруг каждого — сияние. Катя сказала, что это горит воздух. Для дяди похороны — предлог для ненужных вопросов. — Какой раввин будет хоронить? И сколько денег содрало погребальное братство? Как он может говорить о деньгах! Ведь Яков Соломонович у себя на квартире. Скоро его положат в гроб. Такого большого гроба никто не видел. Но Яков Сломонович был не такой, как все. Нн один его шаг приходилось три моих. А он умудрялся ходить со мной в ногу.

На парадном опять позвонили, пришел еврейский писатель. Он направлялся к сыну и по дороге завернул к нам. Узнав, что случилось, писатель начал цокать языком. Мне стало так неприятно, что я закрыла глаза. Заткнуть уши я не решилась. Было бы слишком невежливо. И писатель пустился в рассуждения о том, что мы случайные гости на этой земле. Мне его слова показались страшно ненатуральными. Я видела, что Вове они тоже не по душе. Он мотнул головой, будто хотел отогнать назойливую муху. Но писателя нельзя было остановить, он сел на своего любимого конька. В конце концов он запутался и замолчал. Другие тоже молчали. Даже дядя. Он поднялся и снял с полки над диваном какую-то газету — Это «Фигаро», — сказал дядя. «Фи-

гаро» было свернуто в трубочку. Как видно, Яков Соломонович его не дочитал.

Лучше пойду к себе в комнату. Там над кроватью висят новые часики в бисерной туфельке, подарок Якова Сломоновича. Он и до этого дарил мне часики, но я их перекручивала и Манин дедушка наотрез отказывался чинить. По его мнению, игра не стоит свеч. Но в последний раз Яков Соломонович подарил мне особенные. Их и при желании невозжожно испортить. Бисерная туфелька от Надежды Моисеевны. У нее все бисерное. На нижней полке моей этажерки стоят пробные флаконы брокаровского одеколона. Яков Соломонович дарил мне целые коробки. Он никогда не забывал, что я люблю персидскую сирень. Но причем тут я и мои флакончики? Якова Сломоновича нет. Он не придет к нам на дачу. Не придет, потому что мог часами шагать по пыльной дороге. Мы с Вовой смеялись над его семимильными сапогами. А теперь я бы все отдала, чтоб увидеть в воротах дачи его разгоряченное от ходьбы лицо.

Вове тоже удалось сбежать. Он сидит в моем креслице и старается навести разговор на то, что мы должны забыть наши дурацкие стихи про Якова Соломоновича. Но я их уже не помню. Ведь все было для красного словца. Телефон не перестает трещать. Это близнецы. Вова каждый раз просит передать близнецам, что он не может подойти, он занят. Близнецы хотят знать, чем он так занят, но Юзя бросает телефонную трубку. Она довольна, что может им насолить. Мы ждем прихода папы. Он расскажет, как было на квартире у Якова Сломоновича. Вова хотел бы знать, что делает его сын? Понял ли он, что случилось? Или по-прежнему ходит вдоль и поперек гостиной и насвистывает арии из опер? И дали ли знать

брату Якова Соломоновича, важному господину в визитке?

Было уже очень поздно, когда папа постучал в дверь, а потом позвонил. Первым услышал Вова. Мы выбежали в переднюю. Папа не обратил на нас никакого внимания. Руки у него тряслись. Но мы не отставали ни на шаг. А дядя дремал над стаканом холодного чая. Ему надоело задавать вопросы, на которые никто не дает ответа. Папа наконец заметил, что мы здесь и переглянулся с мамой. — Похороны ровно в одинадцать. И тут я не выдержала: «Я хочу поехать на кладбище!». Во мне что-то заклокотало. Тогда папа сказал неожиданно: «Хорошо, пусть Надя едет с нами». И вдруг все переместилось. Я на старом еврейском кладбище читаю надписи на плитах. Вот мой прадедушка, суровый старик. И прабабушка, у ней был орлеанский жемчуг. С ними их сын — доктор. Его тело привезли из Болгарии. А вот длинная процессия. Хоронят Якова Соломоновича. Люди с трудом протискиваются между могилами. Их камни треснули и почти слились в одно. Я тоже иду вместе со всеми по узкой, невидной дорожке. И это не сон. Детство кончилось.

ACHEVE D'IMPRIMER SUR LES PRESSES DE LA SOCIETE D'IMPRIMERIE PERIODIQUES ET D'EDITION EN JANVIER 1974